

Алексей Сергеевич Колентьев Партизаны Третьей мировой

Агрессия: Хроники третьей мировой войны – 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2512675

«Алексей Колентьев. Партизаны Третьей мировой»: ИК «Крылов»; Санкт-Петербург;

2011

ISBN 978-5-4226-0101-1

Аннотация

Когда началась необъявленная война США против России...

Когда натовские солдаты вторглись на нашу землю...

Когда российская армия оказалась молниеносно сломленной и уничтоженной...

Когда натовские наемники, победным маршем шагая по стране, сжигают дотла целые города и убивают всех мирных жителей России без разбору – женщин, стариков, детей...

Когда наше правительство трусливо бежит за границу...

Что сделаешь ты, русский человек?

Можно опустить руки – и погибнуть от пули врага. Можно сдаться на милость победителя, пойти в рабство или наняться в полицию. А можно принять вызов – и ответить на агрессию партизанской войной.

И только в последнем случае ты имеешь право называться Русским!

Алексей Колентьев Партизаны Третьей мировой

*Противник ослаб, но не хочет сдаваться:
Ведь пленных уморят иль сразу убьют.
Спасенья усталый солдат добивался,
Так дайте ж разбитым покой и приют.
Мишель де Нотрдам (Нострадамус)*

* * *

Россия. Отрезок федеральной транзитной магистрали М-53 (Новосибирск – Кемерово – Красноярск – Иркутск), удаление около 70 км от ближайшего населенного пункта. 22 июля 2011 года, 04:49 по местному времени. Старший смены группы сопровождения грузоперевозок Антон Варламов, сотрудник иркутского ЧОП «Булат». Охрана и сопровождение грузовой колонны.

Ночной перегон по изрытой трещинами старой объездной дороге – вообще удовольствие ниже среднего. Обычно на ночь мы останавливаемся в каком-нибудь клоповнике или съезжаем с трассы, чтобы разбить лагерь. Но в последние несколько лет это стало невозможно: фирма-грузоперевозчик ставит жесткие условия по срокам, поэтому экономится каждая секунда, на счету каждый пройденный километр. Наша колонна – это три большегрузные фуры, напоминающие скорее корабли среднего тоннажа, да одна машина сопровождения – мой боевой «жигуль», раскрашенный в бело-красно-черные цвета охранного агентства. Кризис, разразившийся два с половиной года назад, ударил по всем, кто хоть что-то делал. А когда одно за другим стали закрываться предприятия, фирмы и фирмочки, охранять тоже стало нечего. Закрылись, с перерывом в пару месяцев, сразу два ЧОПа, в которых я работал. Но пока мне повезло: получилось наняться в «Булат». Контора эта славилась тем, что ее основали бывшие менты, державшие большинство крупных подрядов на железной дороге и автомобильные грузоперевозки по области. Но и им приходилось кисло: за последние три месяца штат сотрудников на треть сократили и мы, выезжавшие на сопровождение грузов нормальной бригадой из восьми человек, теперь вынуждены были работать вчетвером. Однако работа есть работа, даже если понимаешь, что рисковать за жалкие пятнадцать – двадцать тысяч плюс премиальные – это стремно. Мне выпало ехать во главе каравана, да еще в одиночку, освещая изобилующую ямами колею жидким светом фар служебной «пятерки». С картой в одной руке и прыгающей «баранкой» в другой я вел колонну. Изредка приходилось останавливаться, чтобы по рации подбодрить водил трех трейлеров, движущихся в отдалении. Народ матерился, но ехал следом, поскольку это был единственный способ миновать затор на основной магистрали, образовавшийся из-за крупной аварии. Открытый тягач, везущий подержанные «японки» в Новосибирск, не рассчитал скорость, пытаясь обогнать какую-то легковушку, перевернулся и перегородил всю трассу. То, что скоро образуется настоящий затор и надо искать объезд, в голову пришло только мне. Быстро доложив диспетчеру об изменении маршрута, я дал команду нашему маленькому каравану съезжать с трассы сначала на небольшой отрезок грунтовок, ведущий в какой-то поселок километрах в сорока на юго-запад. Водилы стали возмущаться, но Мишка Овчинников, или просто Михась для друзей, быстро уgomонил

шоферской профсоюз и мы строем двинулись в объезд.

...«Пятерку» тряхнуло на ухабе, выровняв руль и снова сверившись с картой, я наконец-то вырулил на криво заасфальтированный съезд, снова выходящий на основную трассу. Водители приветствовали появление ровной дороги одобрительными гудками, словно это не они два часа назад материли меня на чем свет стоит. Михась сообщил по радию, что из графика выбиваемся часов на десять-двенадцать. Что тут остается делать? Значит, идем без заезда в кемпинг, чтобы наверстать время. Ничего особенного, такое бывает очень часто, я за пять лет привык. Снова затрещала рация:

– Я «полста пятый», у замыкающего ситуация, требует отработки по одиннадцатому, «полста первый», как понял?

Черт! Это Андрей Ильинский, наш самый молодой артельщик, все еще шпарит по кодовой таблице и слишком легко верит водителям. Эти хитрые граждане уже просекли, что остановки на пожрать не будет, и просемафорили в «хвост», чтобы тот «сломался». И может быть даже поломка настоящая, водители у нас виртуозы и могут ездить даже на трехколесной телеге без мотора, но все мы люди. Водителю платят не только за доставку груза, но и за километраж, поэтому так и так он свой оклад получает, торопиться им некуда. Да и устали люди: третьи сутки идем почти без отдыха. Даже отлить подчас приходится в бутылку, чтобы не выбиваться из графика. Я лично усталости уже который год не замечаю, работа позволяет жизни просто идти своим чередом. Мелкие и средней серьезности проблемы словно снежинки на сильном ветру – пролетают мимо, некогда обращать на них внимания. Я беру микрофон с пассажирского сидения и, отжав тангенту, уже в который раз начинаю перебранку суровым тоном:

– «Полста первый» – «полста пятому»! Скажи водиле, пусть хоть на себе груз тащит, но пойдем по графику! А будет выступать, передай, что даже прогонных за километраж не получит, я лично поспособствую...

– Варенуха, старый хер! – в наш разговор вклинивается веселый голос, это Михась. – Опять ты молодого на «фу-фу» развел. Сказано же было: портвейн и шлюхи только в Новосибирске, или не терпится?!

Так мой напарник разрядил обстановку. Теперь ушлый пятидесятилетний Виталий Варенуха, который как раз и ведет замыкающую фуру, пристыжен. У водил свой гонор, свой кодекс, по которому все херня, главное показать свои мастерство и удаль. А тут его пробивают на предмет «сачка», что очень обидно. Поэтому теперь его оправдания насчет стуков и хрипов в моторе железного коня воспринимаются несерьезно. Мишка снова меня выручил, избавив от как минимум получасовой перебранки с хитрым шоферюгой. Не то чтобы я недолюбливал водителей вообще, но конкретно с этой бригадой мы едем только второй раз и еще не успели толком притереться друг к другу. Понять водил можно: машина чужая, зарплата мизерная, а риск упокоиться под придорожным кустом после нападения дорожных бандитов очень велик. Едут и боятся. Да еще дрожат за сохранность груза, за который в случае чего придется по полной отвечать перед хозяевами...

– «Полста первый», ответь «полста второму». – Хриплый из-за статических помех голос приятеля оторвал меня от невеселых мыслей. – Как там обстановка впереди?

С Овчинниковым я знаком давно. Мишка переходил со мной из одной фирмы в другую, как только закрывалась первая, и вот уже десять лет мы на пару тянем охранную лямку, постоянно прикрывая друг друга. Он моложе меня на шесть лет, пришел в охрану сразу из армии, надеясь перекантоваться какое-то время, пока не найдет работу получше, да так и застрял. Смуглый, черноволосый, с жесткой щеткой усов под курносим носом и веселыми глазами-маслинами, Михась очень походил на какого-то советского актера времен перестройки, говорил, быстро выпаливая слова, отчего любая, даже самая серьезная мысль у него выходила как заправка для веселого анекдота. Мишка служил где-то на Дальнем Востоке, но про свою службу ничего не рассказывал, упоминал только, что ходил на военном сторожевике по Амуру, и все. Там же, видимо, научился ловко биться врукопашную, отчего везде, в какую контору мы с ним не попали бы, получал надбавку за наставничество по части

мордобития. Сдружились мы случайно, когда стояли смену на аптечном складе, куда решили забраться наркоманы. Михась ловко скрутил одного, но не заметил второго нарка, целившего ему в спину из огнестрельной пукалки. Я не колеблясь продырявил взломщику башку из служебной «мухобойки» – ИЖ-71. Целиться по конечностям – это все для отмазки перед ментами: обдолбанный наркоша вполне мог пальнуть, изрешети я его хоть из пулемета. Еще по службе в армии помню, как обколотый промидолом сержант-контрактник перестал стрелять только после того, как ему снесло полчерепа осколком близко разорвавшейся мины. Давно это было, но опыт не пропадет, поэтому жив я сам и остался цел Михась. Отписок по ментовской части вышло жуть как много, но в конечном итоге меня отпустили, прекратив дело за отсутствием состава преступления. Напарник оценил случившееся правильно и стал приглашать то на шашлыки, то просто посмотреть хоккей в спортбаре. Сначала я отказывался, но после очередного отказа мне позвонила жена Овчинникова, Тамара. И я понял, что спас Михаилу жизнь и теперь он волей-неволей нес за него ответственность. Человек я не шибко компанейский, предпочитаю жить отшельником. Но приятельские отношения завязались как-то сами собой, и теперь я был у Мишки кем-то вроде друга семьи.

Все это как бы мимоходом понеслось в сознании, будто короткий любительский фильм, где звук скачет, а камера постоянно дает смазанную картинку. Возвращаясь в реальность, я снова беру микрофон:

– Здесь «полста первый», через десять километров поворот и гаишный пост, всем приготовить документы, оружие держите на предохранителе. Отбой.

Рация ожила, последовали ответы в том смысле, что, мол, поняли, и эфир снова затих. Машина шла ходко, дорожное полотно было на удивление ровным и в последующие час с небольшим ничего не произошло. Насторожил только пост ГИБДД, где вообще никого не оказалось: ряд окон «птичника» – застекленной двухэтажной будки, в которых вечно кто-то торчит – был темен. Странно. Как обычно, мы снизили скорость, но на обочине рядом со «скворечником» тоже не было ни души. К тому же связь пропала – на всех волнах слышался ровный шорох помех, работали только служебные коротковолновки. Тряхнув головой, я провел обычную переключку и снова сосредоточился на дороге. Постепенно стало светать, серые сумерки начали сменяться более ярким, утренним светом. Из-за стоящих сплошняком деревьев само солнце покажется еще нескоро, поэтому я не торопился выключать фары. Сдержав зевотку, снова попытался поймать какую-нибудь станцию. С музыкой ехать веселей. Шипение и треск сменились невнятным бормотанием, потом прозвучали обрывки какой-то электронной мелодии... Ага, новости!

– ...Премьер-министр России призывает граждан Российской Федерации сохранять спокойствие. Войска Западного военного округа отражают нападения превосходящих сил противника... Войсками Североатлантического альянса атакована особая группа войск Калининградского... Норвежский десант выброшен в районе порта Архангельск... Механизированные части экспедиционного корпуса морской пехоты США продвигаются к городу Уссурийску...

Не знал, что возобновили передачу «Театр у микрофона», опять фантастику какую-то запустили. Или розыгрыш – с этих отмороженных радиийщиков станется, народ разводят как хотят. Я тщетно попытался поймать что-то еще, но треск и вой стали совершенно нестерпимыми, пришлось радио выключить. Магнитолу я брал на свой страх и риск, правилами внутренней службы ее наличие в служебной машине почему-то запрещалось. Утро выдалось на удивление спокойным: колонну никто не обгонял, встречных машин тоже не было, что редкость для этого времени года. Обычно туристы и перегонщики стараются выехать затемно, чтобы не попасть в заторы и проскочить дорожные посты квелых с утра гаишников. Ну, почему нет попутков, понятно: пока разгребут тот бардак, пока организуют движение в объезд, а вот... По встречной, прервав мои полусонные размышления, на дикой скорости промчался какой-то автомобиль. Сверкнули фары, мелькнул массивный хромированный бампер типа «кенгурятник». Джип проревел клаксоном и на скорости скрылся позади.

– «Полста второй». – Я вызвал Михася – Ты видел смертника, что мимо пролетел?

Ответ не заставил себя ждать, Мишка, как и все наши караванчики, тоже был изумлен больше обычного.

– Здесь «полсотни второй». Видел синий «субурбан». Скорость под восемьдесят км/ч, может, отрывается от ментов, там больше никого?..

И снова эфир взорвался треском статических помех, проглотив окончание Мишкиной реплики. Перезванивать на «трубу» и тратить время на дозвон, смысла не было. Держать связь по мобильнику вообще мало когда удастся, связь на трассе – вещь неустойчивая, сотовый телефон на перегонах толком не ловит, но сейчас три столбика сети еще держится, а звонки и SMS почему-то не проходят. С востока стал приближаться нарастающий очень знакомый звук – стрекот вертолетных винтов. Высунув голову в окно, я увидел, как над самыми верхушками деревьев прошла на северо-запад вертолетная пара – армейские «крокодилы»², полностью снаряженные для боевого вылета. Под крыльями на пилонах я увидел контейнеры для дистанционного минирования, что вообще из ряда вон. Вертушки, чуть качнувшись, изменили курс и пошли вдоль шоссе, мгновение – и они скрылись за очередным поворотом. Все стихло. Я оставляю попытки связаться с конвоем, просто еду вперед, черт его знает, может, опять учения...

Небо в той стороне, куда ушли вертолеты, вдруг преобразилось, стало нестерпимо белым. Несколько далеких вспышек, одна за другой, ярко осветили горизонт. Не успел я втопить тормоз, как ушей достиг мощный раскатистый удар, словно гигантский молот ударил по наковальне. Потом метрах в пятидесяти впереди и справа на дороге обрушилось несколько сосен, потом еще и еще. Шквалистый ветер, пришедший вслед за громовым раскатом, принес ошметки мусора, ветки и камни. Один довольно увесистый булыжник ударил в лобовуху «пятерки», стекло пошло трещинами. Резко ударив по тормозам и высунув в окно руку, я дал идущим за мной фурам знак остановиться. Такой грозы мне еще видеть не приходилось, что же делается в Новосибирске? До него, правда, еще пилить и пилить, километров сто пятьдесят. Впереди небольшой городок – Болотное, до него рукой подать. Что там сейчас творится?.. Я вышел, начал осматривать поврежденное стекло. Прощайте, премиальные. То, что это сделала стихия, никого в офисе волновать не будет, спросят с меня. Фуры остановились, из кабины головной прыгнул Михась и, чуть припадая на правую ногу, подбежал, встал рядом.

– Здорово гроыхнуло, аж зубы зачесались. Что это, как думаешь?

– Если по уму, то гроза. – Я дернул за шнур уплотнителя и стекло упало на капот, рассыпавшись в крошево. – А если по ощущениям, то мощный взрыв... очень мощный. Километрах в двадцати отсюда, аккуратно в Болотном рвануло. Чуешь, как гарью тянет?

Михась встревожено посмотрел вперед, но ничего кроме завала на дороге не увидел и пожал плечами.

– Не. Какой к лешему взрыв? Складов военных тут нету, полигонов тоже. Даже завалившую ядерную станцию не построили. Наверное, и правда гроза.

– Может и так, меня сейчас больше стекло беспокоит и то, что объездной дороги поблизости нет. Из графика выбиваемся, зарплата опять как у крепостных будет.

– Что предлагаешь, на себе фуры через лес тащить?

– Зачем на себе, пошли крестьян искать, может, трактор у кого одолжим...

– Слушай. – Мишкино лицо осветилось догадкой. – А может, в офис позвоним, сообщим, мол, так и так...

Я укоризненно посмотрел на приятеля, молча взывая к остаткам его разума. Мы оба точно знали, что никто не будет слушать наши оправдания, а тем более помогать. Гораздо проще нас оштрафовать или совсем выгнать, не заплатив ни копейки.

– Хватит светлых идей, пошли трактор искать, пока окончательно не опоздали. Иди к водителям, пусть подгонят фуры поближе к завалу, чтобы в случае чего мы были первыми в очереди. Скажи Трофиму и Андрюхе, пусть остаются с караваном. Оружие с предохранителей снять, мало ли что.

– А ты?

Внутренне поборов нехороший скреб виртуальных кошек на душе и стараясь сохранить скучное выражение морды лица, машу рукой в сторону стоящих стеной деревьев слева от шоссе:

– А мы с тобой пойдем за трактором. – Я достаю с заднего сидения брезентовый вещмешок, подцепив его за лямки и горловину. – Как знал, что эту «бомбу» нам с тобой не попробовать.

При виде доставаемой на всеобщее обозрение из мешка двухлитровой бутылки водки Михась помрачнел, но, выпустив воздух сквозь зубы, только тряхнул головой и побежал к машинам, раздавать указания. Я же спрятал бутылку и дотолкал легковушку почти до завала, оставив место для будущих спасательных работ, буде найдем трактор. Когда же колонна выстроилась за «пятеркой», а Михась прибежал с рапортом, что, мол, «кони стоят пьяные, а хлопцы запряженные», мы двинули в лес – искать тропинку, ведущую к людям.

Плутать долго не пришлось, нашлась узенькая тропка, а там и достаточно широкая грунтовая дорога, какие обычно ведут к жилью. Осмотрев колею, я смекнул, что еще вчера тут кто-то проезжал на обычной легковушке. Мы с Мишкой двинулись в сторону, где лес был пореже. Глинистая желтая грязь уже через полчаса ходьбы облепила «берцы» гигантскими «лаптями». В лесу всегда так: земля сохнет медленно, вода собирается в лужи и зацветает. Напарник насвистывал привязчивый мотивчик, я же смотрел по сторонам, но ни единого просвета ни впереди ни по обочинам не было. Спустя минут сорок дорога свернула вправо и вывела к большому лугу, на противоположной оконечности которого белели деревенские крыши. Повеселевший Мишка надал ходу, и мы пересекли заросший высокой травой луг, сбивая утреннюю росу. То, что трава не скошена, меня насторожило: так бывает в заброшенных селах или там, где почти никто не живет. Просить в таких заброшенных поселках трактор – это даже не смешно, по-любому придется идти назад и пытаться вызвать помощь. В крайнем случае можно расстыковать одну из фур и на тросах растащить завал на дороге. Естественно, приятелю я о своих подозрениях не сказал, не стоит каркать. Догнал напарника и на всякий случай поправил кобуру. Мы вошли в деревню. Одна улица, два ряда домов разной степени неряшливости, дворов десять-пятнадцать. Мусор на земле и в стеблях пыльной травы на обочинах. Стекла в окнах целые, стены некоторых домов покрашены, крыши не провалившиеся. Но странное дело: нет лая собак, скотина тоже голос не подает. Так не бывает. Такое впечатление, что люди разом ушли из деревни. Постепенно до сознания начало доходить, что же в этой картине кажется самым настораживающим: резкий запах «химии». Нет, в нос не шибало, душок тонкий, едва уловимый, но... чужой и тревожный.

Тронув Мишку за рукав, я взглядом приказал ему приготовить оружие. Чутье никогда меня не подводило, а сейчас чувство опасности и близкой беды прямо-таки вопило в голос. Михась привык доверять мне, поэтому молча снял с плеча укороченную «сайгу»³ и беззвучно отжал предохранитель, высвобождая затвор. Я достал свою «мухобойку», тоже снял с предохранителя и дослал патрон, стараясь сделать это как можно тише. Кивнул напарнику: дескать, прикрывай, открыл калитку первого дома справа и вошел во двор, держа пистоль у бедра. В кино герои прижимают ствол к груди дулом вверх либо держат на вытянутых руках. Смотрится очень эффектно, но это выдумка. В реале так лучше держать оружие на стрельбище, уже выйдя на рубеж для стрельбы по мишеням. В жизни чем короче твой силуэт, тем меньше шансов быть обезоруженным или иметь простреленную конечность. Это я почерпнул в учебке, этому же научил и напарника. Поэтому если глянуть на меня мельком, то и сам пистолет заметишь не сразу, и подсознание не среагирует на угрожающую позу. Я же могу сделать первый выстрел и от бедра, при достаточной практике зацепить близко стоящего противника – верняк...

Мгновенно окинув взглядом узкое пространство внутри ограды, я понял, что тут никого нет. Хозяева не держали собаки: нет ни будки, ни просто миски с отходами, не чуял я и специфического песьего запаха. На чердаке тоже никого – лестница, кое-как сколоченная из почерневших от времени досок, стоит у стены, далеко от слухового окна. Если б на чердак

кто-то полез, ее бы поставили ближе или просто втянули внутрь. Поднявшись на крыльцо, я знаком показал Михасю, чтобы держал окна под прицелом, а сам толкнул ногой входную дверь и в приседе прижался к левой притолоке. Никого, только пахло сыростью, да звякнуло что-то. Показав напарнику, что иду внутрь, я так же осторожно открыл дверь в комнаты. Печка, кухонный стол, никакого беспорядка... и ни единой живой души. Бегло осмотревшись и не забыв заглянуть в подпол, я вышел на крыльцо, отрицательно покачал головой и махнул напарнику на соседний дом.

Мы провозились полчаса, осмотрев еще семь изб и все хозяйственные постройки. Везде одна и та же картина: люди, жившие тут еще вчера, вдруг скопом собрались и ушли в неизвестном направлении, прихватив всех коров, собак и кошек, но забыв про провизию и одежду. Осмотр крайних домов прояснил кое-что: во дворе я нашел мертвого цепного кобеля, черного в белых пятнах «двортерьера», размером с небольшого теленка. Пес издох не более десяти часов назад, причем почти мгновенно: не было заметно следов длительной агонии, он просто умер на ходу. Но в доме снова никого не оказалось, все вещи и даже продукты лежали так, словно хозяева вышли куда-то на минутку. В доме с издохшим псом, например, еще со вчерашнего вечера стояла на столе тарелка с прокисшими щами, рядом черствел недоеденный кусок хлеба, тут же лежал пучок вялых перьев зеленого лука и белела керамическая белая солонка с откинутой крышкой.

С улицы послышался осторожный свист, я быстро вышел во двор, держа пистолет наготове. Мне все больше и больше не нравилось тут. Напарник стоял уже на околице и взмахами свободной от оружия левой руки призывал меня к себе, указывая стволом карабина куда-то влево. Из-за скособочившегося сарая мне не было видно, что он хочет показать, поэтому пришлось легкой трусцой нагонять Михася. Вид у приятеля был растерянный и испуганный одновременно: капли крупного пота выступили на побелевшем лице, глаза возбужденно блестели.

– Ты... – Судорожно сглотнув, Мишка вытолкнул из себя бессмысленную фразу: – Сам глянь, как народ нынче хоронят... Деревнями...

Не трата времени на выяснения, я посмотрел в сторону, указанную напарником, и все понял. Сразу за сараем стоял синий трактор с заглушенным двигателем и открытой дверцей высокой кабины-стакана. Чуть правее виднелась полоска свежевскопанной земли, шириной два метра и длиной около десяти. Присмотревшись, я увидел, что из земли торчит белая детская рука. Не кукольная и не от манекена, а рука именно детского трупа, уже окоченевшая, с объединенными полевыми грызунами пальцами.

– Найди лопату, – не оборачиваясь, бросил я Михасю. – Нужно посмотреть, что случилось. Живей!..

Подстегнутый окриком, Мишка метнулся в ближайшую избу и принес две штыковые лопаты. То, что собирались делать мы, в рамки мирного мировоззрения не укладывалось. Вдвоем мы за полчаса расширили ров и сняли тонкий слой земли с братской могилы – это была именно она. Все жители деревни лежали тут, сложенные друг на друга: женщины, дети, мужики. Кто-то аккуратно собрал трупы по дворам, а потом уложил их в ров, пересыпав каким-то белым порошком. Ни единой раны, ни одного пулевого отверстия я не заметил. Кто бы это ни сотворил, скорее всего применили какой-то газ, запах которого до сих пор чувствовался в деревне. Я повернулся к напарнику. Мишка был бледен, но шок уже отпускал понемногу.

– Газом деревню потравили, потом собрали трупы и прикопали за околицей. Запашок химический остался, чуешь? Скорее всего от леса, стреляли метров со ста двадцати. Миномет или ручное оружие, вроде подствольников. Танк, вертушку или бронетранспортер люди бы заметили и попытались укрыться. А так неслышно подошли и одним-двумя залпами накрыли всех.

– Этого не может быть, бред какой-то!..

Мишка снова вскочил и, бросив карабин, стал ходить взад-вперед, лихорадочно вытирая руки о штаны. При этом в ров он старался не смотреть, постоянно отводя глаза в

сторону. Остановившись и достав из нагрудного кармана черной куртки с эмблемой нашего агентства початую пачку сигарет «Петр Первый», он жадно закурил, оторвав предварительно фильтр.

– Газ точно какой-то новый, с приличной концентрацией, – словно бы чужим спокойным голосом продолжал я. – Люди умерли сразу, кто где был. А рассеялось все через час с небольшим. Трава на дальнем лугу даже не пожелтела, да и тут все зеленое.

– Ты что, железный?! – Мишку трясло, словно в лихорадке. – Люди погибли, тут человек сорок лежит!..

– Тридцать восемь, – поправил я приятеля, поднимаясь с колен и беря лопату. – Из них десять ребятишек, двое маленькие совсем... Давай закопаем могилу, потом заводи трактор и поехали на трассу, нужно до города добираться и обо всем ментам рассказать.

Я вынул мобильник и, включив фотокамеру, сделал несколько снимков. Слова в наше время высоких технологий штука дешевая. А так любой мент перед неоспоримыми уликами быстрее начнет шевелиться и смерть крестьян начнут расследовать без проволочек. Если конечно, я не ошибаюсь и это в самом деле чудовищный по своей нелепости несчастный случай, а не... Бред, бред! Черт возьми, крутейший бред лезет в голову!

– Но если это газ... Думаешь, военные, что на вертушках пролетали?

Михась уже успокоился: крепкий мужик, но непривычный к таким делам, это нормально. Подобрал карабин приятеля, я протянул ему оружие и принялся закапывать могилу, последней я как мог бережно прикопал уже окоченевшую руку маленькой, лет шести, девочки. Чихнул и завелся движок колченого трактора, я запрыгнул на подножку рядом с водительским местом. Мишка угрюмо вел трактор, переваливающийся по колею, словно утка. Весь обратный путь мы проделали в молчании, увиденное не укладывалось в голове. Через полтора часа, когда солнце уже жарило вовсю, мы с трудом вывернули на трассу, метрах в двадцати от места завала. Подъехать прямо к колонне по узкой тропке не дали густо растущие у шоссе деревья. Со стороны головной машины тянуло дымком костра, пахло съестным. Мишка, позеленев лицом, высунулся в форточку, и его вырвало, отчего трактор опасно рыскнул влево, чуть не съехав в заросли. Я спрыгнул с подножки и, махнув приятелю, как будто ничего особенного не случилось, показал на завал:

– Трос у Варенухи возьми, верхонки у меня в багажнике вместе с фомкой. Сейчас народ поест и пойдем разгребать. Про трупы пока молчи, не стоит панику поднимать. Растащим деревья, потом введем народ в курс дела.

Увидев трактор, артельщики забыли о жрачке и принялись расспрашивать, как нам удалось сговориться с крестьянами. Но Михась молчал, а я присел к разведенному в стороне от дороги костру и наложил себе полную миску макарон с тушенкой, чтобы пресечь расспросы. Напарник ничего на этот мой жест не сказал, просто ушел к своей фуре и залез в кабину. Что я мог сказать убитому всем произошедшим парню, которому довелось за раз увидеть такое количество покойников, сколько он бы не увидел и за всю жизнь? Утешать я не умею, а от аллергии на созерцание мертвечины вылечился еще в девяносто пятом, когда трупы на улицах одного южного города валялись, как опавшие листья по осени: их было до фига и они жутко воняли. Дня не проходило, чтобы с трудом запиханная в желудок хавка не просилась обратно. Спустя какое-то время я притерпелся, замкнулся и очерствел душой. Созерцание чужой смерти сделало меня не то чтобы равнодушным к своей собственной, отнюдь. Просто пришло понимание, что смерть – это часть жизни, и ее не избежать, какие бы чувства ты к ней ни питал. Деревенским повезло умереть тихо, без мучений, но само собой, я им не завидовал. И еще один урок я выучил на войне: как бы плохо тебе ни было, никогда не отказывайся от еды, если есть возможность подзаправиться. Голодать приходилось неделями, про горячее даже речи не было, и мнимый запах куриного супа, бывало, доводил до иступления.

Пока я ел, Варенуха и двое водил наладили стяжку, и трактор споро оттаскивал поваленные хлысты на обочину. Спустя час спорой работы завал был с грехом пополам расчищен. Мужики только ворчали во время процесса и просили не путаться у них под

ногами. Наконец завал разгребли настолько, что моя «пятерка» и фуры спокойно могли пройти по шоссе. Выбитое камнем стекло не заменить, поэтому ехать придется медленно, но я настоял на том, чтобы мы задержались еще немного. Собрав вокруг себя всю нашу небольшую артель, я коротко рассказал, что мы увидели в деревне. Сначала никто не поверил, но после того, как я продемонстрировал фотку, сделанную на камеру мобильного, прибалдевший народ начал стихийный митинг. В глазах людей, даже сжимавших в руках оружие, плескалась только одна эмоция: едва сдерживаемый панический ужас от мысли о том, что эта бойня может означать на самом деле. Так или иначе, но мне удалось призвать водил к порядку и напомнить, что произойдет, если груз в срок не прибудет в Новосибирск. Михася я посадил к себе в машину, приказав на всякий случай приготовить оружие. Он положил карабин на колени и с болью посмотрел на меня:

– Антоха, что творится, ты понимаешь? Почти сорок человек так вот просто на тот свет отправить, это же кем нужно быть...

– Приедем в Болотное, пойдем к местным ментам. – Я повернул ключ зажигания. – Главное, по сторонам поглядывай. Может, бандиты эти рядом ходят, а у нас груз ценный...

– Но ты ж сам сказал...

Меня накрыл приступ злости: на Михася, на долбаную работу, хитрых шоферюг и даже на мертвых крестьян, попавшихся мне очень не вовремя. Всем вокруг нужно простое и желательно нестрашное объяснение, после которого все встанет на свои места: мы спихнем сорок трупов ментам и спокойно поедem дальше, сдадим груз и через трое суток будем дома. А в квартирке свет, тепло и телевизор. Добавим на грудь пару пива и жизнь снова станет прекрасной и удивительной! Самое страшное, что так думают все. То есть поголовно все, не исключая и тех, кто будет искать убийц этих потравленных людей. Тотальное равнодушие, пустые сердца, мертвые улыбки и повсеместная трескотня бравады. Непокойную совесть и чувство опасности можно заглушить трепотней с друзьями. А для псевдоэкстремалов есть Интернет и всякого рода псевдвойнушки, шатания по пригородным лесам с игрушечным оружием – тоже своего рода разрядка. В реальной жизни все совсем иначе: вот есть мертвые дети, а вот совершенно очевидная причина – минометный обстрел. Я знаю, что ни один промышленный газ так быстро не убивает, а вот газ военный вполне способен. Но подсознание не хочет мириться с очевидным, отводит глаза, убаюкивает логику. Это меня отрезвило и, поборов минутный всплеск эмоций, я как можно тверже сказал приятелю:

– Миша, я видел ровно то же самое, что и ты. Рация не работает, телефоны молчат. Наберись терпения, до города рукой подать, вон мостик переедем...

Впереди и в самом деле показался небольшой бетонный мост через какой-то ручей, за которым должна выситься стела с названием города... Точнее, должна была выситься. Не снижая скорости, наш конвой начал перебираться через мост, всем хотелось поскорее добраться до тех, кто все объяснит и поможет. Я искал на горизонте признаки цивилизации, но впереди был только лес. Городок этот не шибко большой, дома все старой постройки, поэтому ориентиров никаких. Разве что на въезде стоит какой-то длинный красный дом, вернее, стоял... Стела с названием города валялась прямо на дороге, непонятно кем поваленная, а от дома остались только дымящиеся развалины. Удивиться происходящему ни я, ни напарник толком не успели. Как только последняя фура каравана перевалила через мост, слева со стороны лесополосы раздались три быстрых хлопка, и кабина грузовоза вспухла ярким клубом оранжево-черного пламени. Дальше я действовал машинально, накрепко вбитые рефлексy никуда не делись, они дремали до поры, чтобы сейчас в очередной раз спасти жизнь мне и приятелю. Перегнувшись к пассажирской двери, я дернул стопор и одновременно нажал плечом, выталкивая Мишку наружу:

– На обочину! Уе...ай от машины в кювет, голову не поднимать!..

Обратным движением скатываюсь с сидения и ныряю прочь из салона, стараясь перекатом уйти в противоположный кювет. Следующая серия хлопков была почти неслышимой, поскольку сразу же последовало еще три взрыва подряд, последний раздался аккуратно возле левого заднего крыла «пятерки». Ударной волной и жаром опалило волосы,

уши заложило, и рот наполнился запахами паленой резины и горючего. Стараясь уйти как можно дальше от расстреливаемой колонны, я зажал голову руками, чтобы защититься от визжащего в воздухе железного вихря осколков.

– Ду-ду-ух-та-та-та-та!

Подо мной мелкой дрожью затряслась земля, краем глаза я увидел, как вокруг возникают земляные фонтанчики. Теперь я точно знал, что это такое: кто-то сначала расстрелял колонну из автоматической тридцатимиллиметровой пушки, а потом добивал уцелевших из курсового или башенного пулемета. Что может сделать безоружный человек в черной униформе, так хорошо видимый на зеленом фоне невысокой, почти газонной травы? Только двигаться, катаясь по земле, словно ужаленный, сбивая прицел.

– Трр-та-та-та! Ду-ду-у-ухх!..

Пулеметчик особо не старался, видимо, как и любого уверенного в себе человека, сидящего за рычагами мощного, сметающего все и вся оружия, ситуация с беззащитной мишенью его забавляла. Пули ложились совсем рядом, впиваясь в землю со злым гудением, заставляя ее дрожать как живое существо. Потом все мое тело сотряс неслабый удар, пришла резкая боль и темнота, но сознания я не потерял. Случилось то, что любой в схожей ситуации назовет чудом. Катаясь по лугу, я провалился в недавно вырытую для каких-то хозяйственных нужд траншею.

– Бумм-аххх! Бум-ах! Бумм!..

Стрелку надоело меня убивать. Поэтому он накрыл то место, где потерял верткую мишень, очередь из главного калибра. Сквозь ватную тишину и мозжащую боль я мог слышать только стрекот пулемета и новую серию разрывов. Но последние снова раздавались со стороны, где догорала наша колонна. Просто замереть и валяться в сырой полутьме было бы неправильно, поэтому, встав сначала на карачки, а потом и осторожно распрямившись, я выглянул из своего нечаянного укрытия. Первым делом в поле зрения попала приземистая боевая машина, расстрелявшая колонну. Деловито урча, непонятная гусеничная танкетка выворачивала из-под прикрытия деревьев, развернувшись в сторону шоссе. По прямой до нее было метров сто, и это расстояние быстро сокращалось. Большого удивления не вызвал ее внешний вид, вроде бы ничего особенного. Угловатый короткий силуэт, тонкий стержень автоматической пушки и камуфляжные черно-зелено-коричневые разводы на броне. Это точно БМП. Только вот среди наших, даже самых современных я таких обводов не встречал⁴. На левом борту ближе к носу белеют трафаретные цифры: «11» и ниже «42». Машина рыкнула и быстро пошла на меня, орудийная башня скорректировалась и теперь тонкий ствол пушки с утолщением компенсатора смотрел мне в лицо. Не раздумывая, я резко присел и зажал уши руками, ожидая, что вот тут-то меня и похоронят. Очередь из тех снарядов на таком расстоянии – это верная смерть. Внутренне сжавшись, где-то в душе я надеялся, что вот сейчас проснусь и все это какой-то похмельный кошмар. В очередной раз дрогнула земля, зубы выбили чечетку, из прикушенного языка засочилась в рот кровь. Лишь мгновение спустя пришло понимание, что звук был в стороне от траншеи, как раз там, откуда приближалась БМП. Откуда-то пришла лихорадочная и глупая мысль, что это «наши» пришли. Но здравый смысл окончательно вытеснил остатки мирного расслабленного благодушия, и я только расстегнул кобуру и вынул «мухобойку». Никто не придет, «наши», по всему видно, сдулись. Распрямившись снова, сжимая пистоль, я посмотрел вперед, выглянув из-за края заросшей травой траншеи. Снова мне очень сильно повезло: БМП замерла. Гусеницу, часть фальшборта и передний ведущий каток оторвало взрывом, звук которого я и слышал. В траве неподалеку от меня валялся знакомый цилиндрический предмет. Это была противотанковая мина, еще советского образца ПТМ5. И тут же вспомнилась вертолетная пара с контейнерами для «засева». Значит, «наши» все-таки есть! В голове сложились фрагменты мозаики, и я понял логику событий, хотя бы на данном отрезке времени. Наши отступали, но командование и какой-никакой контроль над оперативной обстановкой сохранялись. Ведь кто-то же отдал вертолетам приказ перекрыть опасное направление и засеять его минами. А раз «гостинцы» определенного типа, то и

данные о противнике кое-какие тоже присутствовали. Это бодрит, прямо-таки вдохновляет.

Сжимая рукоять пистолета, я выпрыгнул из траншеи и метнулся к броневику, чтобы быстрее оказаться в мертвой зоне орудия и курсового пулемета, если он там был. Адреналин обострил чувства, хотелось только одного: убить танкиста. Словно опомнившись, башня начала проворачиваться за мной, а из-за броневика появился солдат. То, что это именно солдат, я понял мгновенно. Потому что в руках у него был автомат и, весь упакованный в камуфляж, он уже поднимал оружие, чтобы пристрелить меня. Это был конец: нельзя остановиться, чтобы выстрелить по солдату, поскольку пулеметная очередь из БМП хлестнет по сектору и обязательно достанет. А солдат уже поднимает короткий автомат и тоже ловит на прицел меня, бегущего по ломаной линии в его сторону. Мир сузился до нескольких метров травы перед глазами и спокойного лица иностранного пехотинца. Надежда была только на то, что оба моих противника не успеют принять верное решение.

– Тах!

Солдат недоуменно дернулся и, опуская оружие, начал поворачиваться назад.

– Тах-тах!

Трескучие, до боли знакомые звуки! Солдат повалился навзничь, а башня БМП замерла словно бы в недоумении.

Это было больше чем чудо, это была судьба: эти выстрелы я много раз слышал на арендованном агентством стрельбище. Так звучит только Мишкина «сайга». Сей факт я осознал, только добежав до упавшего пехотинца и пинком отбросив экзотическое оружие подальше от его скребущих в агонии рук. Споро обыскав трепыхающееся еще тело, я нащупал в кармашке бронежилета знакомый предмет. Массивный продолговатый цилиндр, по виду – наступательная граната. Доли секунды на то, чтобы осмотреть. Ничего особенного: кольцо, предохранительный рычаг задержки. Все как у нас. Вынимаю колечко и, зажав предохранитель, осматриваю корпус машины в поисках открытого люка. Ага! Задняя аппарель откинута, словно корабельный трап, и я, не думая долго, швыряю гранату внутрь десантного отсека. Но ничего не произошло, все осталось, как было. Запоздало пришла мысль, что вот они, пробелы в образовании: не читаю газет, не выписываю нужные журналы, а то бы знал, что и как в этих импортных гранатах работает. Присев у борта, я крикнул:

– Михась, это ты фрица приложил?

Сначала все было тихо, только беспомощно жужжала гидравлика внутри вражеской танкетки. Потом послышался хриплый смех, и изменившийся до неузнаваемости голос отозвался:

– Антоха, я уж думал... – Голос приятеля дрогнул. – Думал, что не свидимся больше! Ты как там?

– Нормально, жив пока. Сиди где сидишь, гады эти на мину нашу наскочили, но все вроде целы. Шарахнуть из пушки могут, не высовывайся, я что-нибудь придумаю...

Все вокруг стало заволакивать неизвестно откуда взявшимся туманом. Мне показалось, что это слезы застилают глаза, но через секунду стало ясно – дым валит из десантного отсека БМП. Я поднялся и, чуть пошатываясь, обошел машину с тыла. Дым валил из отсека, застилая все вокруг непроницаемым белесым покрывалом. А секунду спустя верхний люк открылся и на землю, спиной ко мне, прыгнул танкист, которого я тут же отоварил рукоятью пистолета. Охнув, противник как подкошенный рухнул на траву. Вынув из брюк ремень, я скрутил «фашисту» руки за спиной и отошел от танкетки – вдруг полезет кто-то еще. Так и случилось: открылся другой люк в палубной носовой части корпуса и наружу стал выбираться еще один субчик. Снова повторилась процедура с первым пленником, только этого я просто оглушил, ремней на всех не хватило. Перевернув на спину первого, я растянул на нем матерчатый кевларовый ремень с пластмассовыми пряжками и им спеленал мехвода, а это несомненно был он. Дым становился все гуще, но из «железного коня» больше никто не показался. Справедливо решив, что лучше отойти подальше от чадающей жестянки, и подхватив за шкурку первого пленника, я стал оттаскивать его к шоссе, где залег Михась. Со стороны дороги послышались радостные крики, ко мне спешили трое

артельщиков: собственно Михась, Варенуха и самый наш младший охранник, Андрей. Быстро кивнув товарищам по несчастью, я указал им на чающую машину и сквозь зубы проговорил:

– Там возле левого борта еще один фриц лежит, тащите его сюда...

Оставив пленного, я присел рядом на траву, впервые, как оказалось, за последние полчаса переводя дух. Еще раз посмотрев на окутанную плотным облаком медленно рассеивающегося дыма боевую машину, я только сейчас сообразил, что, несмотря на общее положение полной жопы, где-то мне очень сильно воровит удача. Вместо обычной осколочной гранаты мне попала под руку дымовая шашка. Брось я внутрь БМП настоящую гранату, вполне возможно, что сейчас я бы на травке не отдыхал. Как минимум опять словил бы контузию и осколочное ранение – боекомплект штука непредсказуемая. Мелкое везение на фоне крупных неприятностей всегда казалось мне насмешкой судьбы. Мир рухнул так обыденно и неотвратно, что не осталось сил изумляться и горевать над утраченным благополучием. Прошло каких-то двадцать минут, а мне показалось, что минуло лет сто, так все было долго и... Страх только сейчас залез ко мне в сердце, стало ощутимо потряхивать. Оглянувшись, я понял, что нашему конвою пришел конец: все три фуры покорежены взрывами, грузовые отсеки издырявлены пулями и кое-где даже пробиты снарядами. Грузу хана, однозначно. И тут меня пробрал нервный смех, но я не дал ему выбраться наружу, задавил его кашлем. На плечо легла ладонь, пахнувшая соляжкой, это был Варенуха, в другой руке он держал короткий автомат, подобранный у иностранного покойника, а на голове браво сидел шлем в камуфляжном чехле с болтающимся ремешком.

– Антон Вячеславич, там еще один под танком хоронился. – Голос у единственного из оставшихся в живых водил дрожал от страха, глаза растерянно и с надеждой смотрели на меня. – Так я его монтировкой зашиб, мне за это ничего не будет?

Подумать только! Человек только что убил врага, пришедшего в его страну с оружием в руках и чуть не поджарившего его самого. И все, что его волнует, это уголовная ответственность перед наверняка уже несуществующей властью, позволившей прийти этому самому врагу и попытаться убить этого законобоязненного пожилого трудягу. И что мне, тоже едва спасшемуся от такой же незавидной участи, ему ответить? Собрав остатки спокойствия, вдруг неожиданно нашедшиеся где-то в закоулках сознания, я как мог уверенно сказал:

– Ничего не будет, дай только выбраться из этой передраги. Может, спасибо скажут или медаль какую сочинят.

– Это... – Варенуха уже понял, что случилось, но остатки мирного сознания все еще не отпустили его здравый смысл на волю. – Это же типа самооборона была...

– Нет, Виталий Семеныч. – Тут я даже подивился, как легко у меня выскакивают эти слова. – Это не самооборона. Это самая настоящая война.

Варенуха передернул плечами и присел рядом. До него, наверное, уже дошло: вот вражеская техника, вот нерусские солдаты; а вот мы, четверо не понять как выживших мужиков. И все мы уже сделали свой выбор, даже толком не осознавая его последствий. Враги пришли, чтобы обеспечить себе хорошую жизнь, а для этого нужно убрать все, что мешает. И мы все должны умереть, потому что стали этой самой помехой на пути нового гегемона, очередной высшей расы. Теперь выбор для нас стал очевиден, пусть и маячил он в подсознании каждого, кого иностранцы называют «русский». И мало кого из новых хозяев будет волновать бляние отдельных селян, насчет того что они, селяне, вроде как самобытные, и не совсем русские, а совершенно напротив. Всех, кто живет на бочке с нефтью, всякой рудой и драгоценными камнями, просто решили вычеркнуть, раз мы отказываемся вымирать сами. Свободный мир устал ждать, им надоели полумеры. В очередной раз пришли охотники за шкурой еще живого, но уже сильно подраненного медведя. Все стало предельно просто: мы убиваем их, чтобы спастись, или они добивают нас.

Значит, будем сопротивляться.

Поднявшись, я пинком взбудрил связанного танкиста, своего первого «крестника» на этой новой войне. Буднично отметив, что это второй раз, когда я поневоле оказываюсь приглашенным в чужой балаган. Танкист выгнулся и, что-то залопотав, попытался сесть, но снова упал. Тогда я взял его за шкуру и рывком посадил так, чтобы его лицо оказалось напротив, когда я присяду вровень. Споро обыскав пленного, выложил все найденное горкой и присел рядом, перебирая трофеи. Припомнив все свои знания, начал выстраивать линию разговора, стараясь произносить иностранные слова медленно и четко. Глядя в удивленные серые глаза, выделяющиеся на круглом веснушчатом лице иностранца, спросил:

– Кто ты такой? Говори правду, и тебе оставят жизнь.

Вздрогнув, иностранец удивленно посмотрел на меня. Он не ожидал, что чумаый мужик в непонятной черной униформе знает его язык. Интуитивно я заговорил с пленником по-английски. С того самого момента, как я закапывал трупы крестьян, у меня не было сомнений в том, что за враг на этот раз пришел на мою землю.

– Специалист второй группы первого отделения, отдельного саперного взвода 172-ой пехотной бригады Эд Мастерс, – без запинки отчеканил пленный. – Личный номер...

– Американец?

– Да.

– К какой базе приписана ваша часть?

– Форт Уэйнрайт, Аляска.

В кино американцы постоянно скалятся, словно услышали что-то смешное или вот-вот произойдет нечто прикольное. Но этот конкретный янки был просто слегка ошеломлен тем, что его взяли в плен непонятные аборигены. Долговязый, худой, с рыжевато-каштановыми волосами, сбритыми почти «под ноль». Пока он в ступоре, я продолжал спрашивать:

– Русские, поди, в родне имеются?

Солдат с явным сожалением отрицательно замотал головой. В его понимании, если б в роду у него действительно затесались русские, то это вроде как был бы плюс. Он не знал, что к иностранцам, пусть даже и врагам, у нас всегда относились мягче. Другое дело тот, кто понимал и нарочно пришел убивать тех, кто с ним одной крови. Взволновавшись, что бонуса не оказалось, пленный уточнил:

– Нет, я сам из Сиэтла... Вы правда меня отпустите?

Я уже знал, как поступлю с «языком», поэтому с чистой совестью его успокоил:

– Отвечай на мои вопросы честно, и тогда непременно отпущу. Когда началось вторжение, где направление главных ударов?

Откашлявшись и собравшись с мыслями, специалист Эд Мастерс стал подробно излагать все, что ему было известно. Такая сговорчивость была понятна: он всерьез не верил, что его рассказ может хоть как-то повредить.

– Чем занимаетесь в Болотном и конкретно здесь?

– Мы выдвинулись для оценки плотности минных заграждений, выставленных ру... вашими летчиками вчера с вертолетов. В городе... – Тут американец замешкался, подбирая нужные слова, но снова продолжил: – Города нет. Согласно директиве объединенного командования, все населенные пункты подвергаются принудительной санации.

– Полностью, значит, срываете. Людей вы газом травите, это я видел.

– Нет! – в голосе пленного читалось искреннее возмущение. – Это делают представители военных подрядных организаций. У них есть техника и специальные средства. Мы армия, мы воюем только с солдатами.

– Это все говорят. Я верю, успокойся. – Я через силу заставил себя улыбнуться и поощряющее похлопал янки по плечу. – Пока ты все делаешь правильно, это еще на шаг приближает тебя к свободе. Что еще делаете?

– Мы собираем и складировем трофейное военное имущество, помогаем в оборудовании чекпойнтов и пунктов снабжения. Регулярных войск не так много, в основном контрактники из частных компаний. Они несут охрану и... осуществляют санацию присоединенных областей.

А вот это уже хорошая новость, значит, где-то поблизости склад трофеев. Может быть, есть и пленные, правда, в этом случае стоит поторопиться. Вряд ли пленных берут надолго, раз целые города уничтожают под корень. Поддержат суток трое, а потом рассортируют и в расход.

— Где ближайший «чекпойнт», далеко отсюда?

— Пока только временные строения, армия все еще в движении. На юго-западе есть временный аутпост. Там десять человек охраны, два отделения чистильщиков. Они зачищают... э... небольшие населенные пункты. Есть два ангара, заняты под складские помещения.

— Как вооружены эти наемники?

— Два единых пулемета на границе периметра. — Пленный совершенно успокоился. Уверенность в том, что я сдержу свое слово, ровный тон беседы, все это способствовало откровенности. — Один в насыпной ячейке справа от ворот, другой слева на вышке. Наемники вооружены кто чем, фирма их снабжает за свой счет. Видел штурмовые винтовки, похоже, швейцарские SIG. Каски, бронежилеты... Ручные гранатометы, ими они... в общем, это основное оружие для санации.

Я вспомнил деревню и вытоптанную площадку, где стояло человек пять-шесть. Значит, все-таки гранатометы. Нечто похожее прежде видеть приходилось: у нашего ОМОНа такие появились два-три года назад. Теперь механизм был понятен, нужно было заканчивать разговор, пленный больше ничего не знает. Бесполезно спрашивать такого про планы командования и как все начиналось. Максимум чего я добьюсь, это рассказа о погрузке в самолет или на корабль и о мелких стычках с остатками нашей армии... Стоп! А ведь можно залезть в боевой компьютер его танкетки! Я слышал, что есть у них такая штука: глядишь на экран и в реальном времени видно где ты сам, а где соседи. Все в реальном времени, плюс этот пиндос может все показать, где и кто находится. Взяв пленного за шкуру и подняв на ноги, я показал на покинутую БМП:

— Покажешь на карте, где этот аутпост, специалист Мастерс, и мы разойдемся. У тебя свои дела, а я займусь своими. Долгов много накопилось, а свои финансы я привык держать в порядке.

— Да-да, конечно, с деньгами шутить не следует. — Явное облегчение читалось на лице американца. — Я все покажу.

Когда мы, мило беседуя, дошли до броневика, дым уже рассеялся. Граната прогорела, оставив после себя только специфический запах. Возле бронемшины Михась о чем-то спорил с Андреем. При виде нас оба затихли, с ненавистью глядя на американца. Андрей не удержался и, подскочив к пленному, занес карабин, чтобы ударить. Пленник присел, но я успел перехватить руку с оружием на верхней точке замаха.

— Ты че творишь, молодой?!

Парень был сильный, но я взял опытом, притворно поддавшись. А затем с подсечкой и толчком корпусом назад вырвал «сайгу» у него из рук. Бросил оружие поймавшему его за ствол Михасью, уже вталкивая пиндоса в чрево «брони»:

— Миша, держи этого народного мстителя, пока он дров не наломал. Мне с «языком» кой-чего прояснить надо. А ты лезь в будку. — Я толкнул замешкавшегося штатовца. — Включай компьютер, будем обстановку изучать!..

Внутри было чуть просторней, чем в аналогичной нашей машине, было больше света и веяло прохладой, урчал кондиционер. Пробравшись в кресло, очень удобного вида, Мастерс тронул шарик трекбола в центре миниатюрной изогнутой клавиатуры, и небольшой экран перед ним осветился. До этого компьютер тоже был включен, но, видимо, находился в режиме ожидания. Присмотревшись, я узнал на карте дорогу, различил границы лесополосы и даже черную отметку, обозначающую саму БМП. Пленный крутанул шарик, и изображение приблизилось, теперь я увидел две отметки внутри черной, красную и зеленую, и две красные отметки за пределами «коробочки». Тревожно стало на душе, и я показал на метки:

— Что это такое, специалист?

Тот испуганно втянул голову в плечи, но, преодолевая страх, ответил честно:

– Метки GPS-системы, улавливают сигналы с моего радиомаяка и посылают метку на тактический дисплей и к капралу Пирсу, командиру отделения.

Я медленно вынул свой сотовый телефон и, отщелкнув заднюю крышку, вынул аккумулятор. При взгляде на дисплей компьютера я убедился, что одна метка пропала. Так же спокойно и не оборачиваясь, я крикнул топтавшимся у входа товарищам:

– Мужики, сотовые телефоны говорят пиндосам, где мы находимся. Выньте батарейки, «трубы» тоже лучше уничтожить. А ты, специалист, показывай. – Я снова ласково глянул на американца. – Все по порядку показывай, где этот аутпост, как туда сподручнее пройти. Попутно изложи мне, если знаешь, как долго мы с вами уже воюем, а то в глуши живем, радио-телевизор не глядим...

Парень заговорил.

Многое из услышанного было похоже на бред, но живое подтверждение и трупы на дороге и в деревне – это очень весомые аргументы. По словам пленного, вторжение готовилось более трех лет. Переформировывались части, налаживалось взаимодействие с союзниками. Но русскую разведку это особо насторожить не могло: планов вторжения было запущено более двух десятков. Указывались разные сроки, направления ударов все время варьировались. Представляю себе кипящие мозги наших аналитиков, когда вот они, планы, но их не один и даже не десять, и поди пойми, какой из них реальный, а не деза. Армия, которую постоянно лихорадит от перестроек и перестановок, вооруженная давно устаревшей и неремонтируемой техникой, не смогла бы обеспечить отражения даже двух таких согласованных нападений. У жадных чинуш выторговывались права на транзитные коридоры для всяких миротворческих грузов, которые возили военные грузовые «борта» и корабли. Количество транспорта всегда было не слишком большим, поэтому тех, кто предупреждал о возможности транспортировки сил вторжения таким способом, поднимали на смех. Но в результате в один прекрасный день вдоль наших границ скопилось достаточно кораблей и самолетов. Достаточно для удара. С неба посыпался десант, с аэродромов сопредельных стран поднялись в небо бомбардировщики, а с моря ударили «случайно проплывавшие мимо» флотилии боевых кораблей. Момент был выбран не случайно: агрессия началась в тот момент, когда в России в самом разгаре шло полное переформирование военных округов, части меняли пункты дислокации, а новое единое командование еще толком не освоилось с тем, что оказывалось у него в подчинении.

Враг оказался везде: подобно реке в половодье, войска противника обтекали крупные очаги сосредоточения дезорганизованных, но все еще способных драться российских войск. Лишенные связи, не владеющие оперативной обстановкой, российские вооруженные силы почти повсеместно оказались в окружении. Отрезанные от командования и баз снабжения, многие сопротивлялись недолго. Но страна еще сражалась: крупные очаги сопротивления имелись в Центральной России, на Дальнем Востоке. Вопреки ожиданиям и явному приглашению вступить в альянс с агрессором, Китай не вмешался, ограничившись лишь передислокацией к границе частей постоянной гооовности. Японцы сунулись было на Сахалин, но получили неожиданный жесткий отпор от сил местного размещения и быстро ретировались. Осады однако не сняли. Ядерного оружия никто применять не собирался, поскольку война затевалась именно за территории и ресурсы. Где-то в душе я понимал, почему все было спланировано именно так: на загаженной радиацией земле добывать полезные ископаемые гораздо дороже. Поэтому в ход шли боевые мутагенные вирусы и новейшие отравляющие газы. Вирусы, само собой, дошли через строго определенное время. Газ убивал только людей, рассеиваясь на огромной территории, но через тридцать-сорок минут разлагался на безвредные компоненты. Землю можно использовать, лес пилить, а воду разливать в бутылки и продавать как экологически чистую. Как бы чудовищно это ни выглядело со стороны местных жителей, новых покорителей мира это не волновало. Отбросив начинающую захлестывать сознание ярость, я снова улыбнулся как можно более естественно и продолжил расспросы. Но больше пиндос ничего толком рассказать не мог, и

мы вернулись к текущей обстановке, которой он владел более уверенно.

– В районе бывшего города Мошково, – продолжал сыпать фактами пленный, – будет создана база Западносибирского оперативного командования оккупационных войск Альянса. На базе предполагается расквартировать две пехотные бригады, одна типа «Страйкер» – регулярные войска, вторая имеет статус вспомогательной, состоит из сотрудников контрактной службы.

– Наемники?

– Да, так будет точнее. – Иностранец слегка сконфузился, но поспешил дополнить: – Там состав очень пестрый: много выходцев из восточных стран Европы, в основном поляков и албанцев... Кризис, работы нигде нет.

– Угу, – я понимающе покивал, чтобы скрыть гримасу отвращения. – Бедные поляки и несчастные албанцы теперь поедят досыта.

– Во вспомогательных частях свой рацион, – не понял издевки пленный. – Но кормят сносно, никто не голодает.

– Это все хорошо, но скажи, специалист, на бумаге такой карты у тебя нет?

– О, в этом нет необходимости, но я могу распечатать, тут есть принтер.

Устав удивляться, я просто поощряющее кивнул и через минуту держал в руках черно-белую распечатку с текущей обстановкой. Тут были отмечены все объекты, где разместились захватчики, обозначены маршруты движения и районы, назначенные для санации. Теперь пришла пора прощаться, поскольку американец наверняка вызвал подмогу, и скоро ремонтники, а значит, как минимум еще человек пять-шесть вооруженных солдат будут здесь. Выведя пленного из бронемашины, я повел его обратно к обочине, где сидел Варенуха и воинственно тыкал стволом трофейного автомата в уже очнувшегося второго пленника. Взмахом руки я подозвал его и остальных артельщиков. Вынув из кобуры служебный пистоль, я демонстративно передернул затвор и выстрелил в ногу второму пленнику. От резкой перемены обстановки рыжий специалист присел, в недоумении оглянувшись на такого ласкового до этого момента русского. Подстреленный танкист просто орал от боли, выгибаясь дугой, не в силах даже зажать рану рукой. Я подошел к раненому и прижал его туловище ногой, наступив ему на грудь. Буднично обернулся к опешившим товарищам по несчастью и побелевшему от осознания возникшей угрозы амеру.

– Миша, придержи рыжего, чтобы не дергался. Сейчас будем проводить воспитательно-разъяснительную работу среди оккупантов... Не бойся, специалист Эд Мастерс из Сиэтла, – повернулся я с той же теплой улыбкой, что и полчаса назад, к американцу. – Я свое слово держу и буду держать его впредь. Теперь всякий раз, как мне случится взять в плен не меньше двух врагов, одного я буду отпускать, чтобы он рассказал своим начальникам и друзьям о том, что видел.

Убрав ногу с груди подвывающего пленника, я подошел к оторопевшему специалисту и указал стволом пистолета на лежащего ничком танкиста. В глазах недавнего собеседника плескались озера животного страха, теперь он не верил ни одному моему слову. На то и был расчет.

– Твой соотечественник пришел на мою землю убивать, – сказал я. – Как и ты. Вам оказалось мало своей страны, вы решили захватить чужую. Не осуждаю вашего решения, тут все взрослые люди. Но как быть с теми детьми и стариками, которых твои люди отравили газом, точно тараканов? Как быть с сожженными заживо жителями того города, что был за этим лесом? И городами далее по дороге? Вы решили, что таким людям нет места на земле, приняли на себя ответственность. Теперь я и сотни людей, подобных мне, заставим вас заплатить за ваше решение. Не всех купили и не всем запудрили мозги, расскажи об этом своим друзьям и командирам. Отныне я не дам вам покоя и буду убивать, где бы ни встретил. Отдельно скажи наемникам, что их я в плен брать не буду: раз записались сеять смерть за деньги, облегчать им их работу я не буду. Теперь каждый цент жалования придется отработать по полной. Придется повоевать, раз пришли воевать.

Я вернулся к притихшему раненому, рывком поставил пиндоса на колени. Потом

приставил ствол к затылку сжавшегося и уже ничего не соображающего танкиста.

– Этот умрет легко, я его просто пристрелю. А вот следующих, кого поймаю, буду поить бензином и заставлю жрать землю.

После этих слов я буднично нажал на спуск, хлопнул выстрел, прошедшая навывлет пуля выбила на траву частички мозга и осколки кости, перемешанные с кровью. Танкист упал, по телу прошла легкая судорога, запахло дерьмом и мочой. Причем обмочился и рыжий специалист, которого Михась тут же отпустил. Пленный рухнул на траву и завыл, бормоча какие-то слова. Я же спрятал пистолет в кобуру и обернулся к своим товарищам, тоже опешившим от всего произошедшего. Я их понимаю: одно дело убить в горячке боя, и совсем другое – пристрелить такого незащищенного на вид пленника.

– Мужики, не надо стоять столбами и видеть во мне Гитлера. Они пожгли три города, уничтожили пять деревень и два больших поселка! Во всей округе нет живых людей, кроме этих импортных упырей. Пленных и сообщников не берут: рабы им без надобности, а прихвостней почитай что вся Европа. Они как на пикник, все с собой сюда тащат. Поймите, мы им ни в каком качестве не нужны, все, кто живет в России, – балласт. Наша армия еще сражается, не все продались и сбежали, кое-кто дерется на Урале и в Приморье. У нас единственный выход: сопротивляться, грохнуть как можно больше этих. – Я пнул мертвое тело танкиста. – Тогда они будут бояться. Нужно драться. Так дольше проживем. И если не победить, так хоть чутка сквитаться получится. Если кто со мной – пошли, если хотите на убой – сядьте возле трупов, скоро их дружки приедут и нагрузят вас свинцом. Так как оно будет, мужики?

Все трое стояли неподвижно, время от времени то один то другой бросал короткие взгляды на убитого мной американца. Рыжий специалист сидел на земле и тонко подвывал. Его мир перевернулся. Убивать глядя в окуляр танкового прицела или нажимая кнопки в уютной полутьме бункера, гораздо проще, если не думаешь, что однажды это может произойти и с тобой. Вся накачка военных психологов пошла прахом; американец реально понял, что не только он может отнять жизнь, но и ему вполне свободно могут вот так буднично вынести мозги.

Первым очнулся, как ни странно, водитель Варенуха. Поправив каску, он вышел вперед и встал рядом со мной. Много всего навалилось на этого кряжистого, рыхловатого мужика. Коротко стриженные остатки волос на почти лысой круглой голове топорщились, придавая этому кряжистому, рыхловатому мужику одновременно комичный и решительный вид.

– Я с тобой пойду. – Водянистые светло-карие мутноватые глазки водили сверкнули под кустистыми бровями. – У меня жена и внуки в Нижнеудинске... Как думаешь, Антон, может, выжили?

– Про Нижнеудинск у этого, – я кивнул на специалиста, – ничего выспросить не удалось, будем надеяться, что кто-то спасся, Виталий Семеныч. Помнишь, как мимо колонны утром джип промчался? Может, тот, кто за баранкой был, что-то знал и нарезал в безопасное место. А это как раз в наши края. Надежда есть всегда, я так считаю. А вы, бойцы, что скажете?

Андрей молча сел рядом с американцем и отрицательно замотал головой. Карабин у него предварительно забрал Михась, поэтому я не беспокоился. Но в последний раз попытался урезонить парня:

– Андрюха, они же грохнут тебя прямо тут, не дури!

– Мне все равно... Пусть убивают... Устал я. Не могу так, как вы. Может, миром все закончится, может, это учения какие-то совместные и все образуется. Отстаньте!..

Взгляд у пацана был совершенно дикий, полный безумного отчаянья. Еще когда он начал кидаться на пленного, я подумал, что с парнем будет много хлопот. Такой взгляд и полубезумные речи мне были знакомы, обезумевшие от безысходности бойцы либо ложились на землю и тихо умирали, либо, встав в полный рост, шли вперед, опустив руки, пока чеченцы не пристрелят. Остановить такого шатуна нереально, только зря тратить время и силы – все одно встанет и пойдет на зов свихнувшегося подсознания. Не став тратить

больше времени, я повернулся к приятелю.

– Ладно, как скажешь. Михась, ты тоже решил сдаваться?

Мишка сильно изменился с того момента, как мы вместе пошли за трактором в деревню. В коротко стриженной шевелюре более отчетливо стали проглядывать седые пряди, морщины явственно проступили на лбу, под потухшими глазами собралась в подглазных мешках нездоровая синева. Грязная, прожженная в нескольких местах черная униформа висела мешком, но руки крепко стискивали карабин. Ничего не говоря, приятель шагнул в мою сторону, встал рядом.

– Ладно. – Облегчение сквозило в моем голосе, что ни говори, а одному начинать карьеру мстителя не так сподручно. – Тогда давайте собираться, скоро приедут ремонтники. Нужно приготовить сюрприз. Виталий Семеныч, пойдем со мной к броневнику, его надо как следует подготовить. Михась, ты собери все патроны, что у нас есть, обыщи еще раз трофейные шмотки на предмет чего-нибудь полезного и жди тут.

Подойдя к скорчившемуся на земле американцу, я легонько ткнул его носом «берца» в бок. Тот дернулся, как от удара током, и проворно отполз на пару шагов. Успокаивающе подняв ладонь невооруженной руки, я снова перешел на английский:

– Тебе лучше идти к своим, специалист. Видишь того старого русского, что пошел к твоей машине? – я указал украдкой на бегущего к БМП Варенуху. – Не хотел тебе говорить, но он старый коммунист и не одобряет того, что я решил тебя отпустить.

На лице пленного понимание сменилось мертвенной бледностью и еще одним приступом ужаса. Вскочив, американец выжидательно посмотрел на меня.

– Беги по шоссе на северо-запад, я отвлеку коммуниста. Минут двадцать у тебя будет, чтобы добраться до леса. Беги!

Уговаривать не пришлось, пленник, запинаясь и падая, резво припустил по обочине в указанном направлении, поминутно оглядываясь. Видимо, ожидал выстрела в спину. Смотря вслед удаляющемуся специалисту, я впервые за сегодняшний день испытал чувство, что все стало хоть немного налаживаться. Первый шажок к непомерной для теперь уже троих оторванных от дома и соотечественников лишних людей цели, сделан. Пусть пока маленький, микроскопический в масштабах развернувшейся трагедии, но из таких эпизодов и складывается победа.

Как только долговязая фигура американца скрылась за пригорком, я ускоренным шагом двинул к БМП, чтобы помочь Варенухе с устройством сюрприза. Пленника я отпустил незря: если мы собираемся действительно регулярно доставлять амерам неприятности, то следует также давить им на психику. Этому я научился в Чечне, где нечто подобное делали местные духи. Такой прием оказывал сильный деморализующий эффект, особенно на новичков. Молодые с ужасом слушали переходящие из уст в уста рассказы об издевательствах боевиков над пленными. А лекарство, как всегда, было в подобном: как только убиваешь своего первого духа, страх прячется в самый темный угол подсознания и лишь делает тебя сильнее. Но я надеялся, что с амерами будет иначе. После войны я интересовался, как подобные вещи переносят солдаты в других странах. Вьетнамский опыт меня особо не вдохновлял, народ в семидесятые годы был крепче, чем в девяностые. Еще жива была память о прошедшей войне с фашистами, боевой дух американцев тех лет казался очень высоким. Другое дело последующие войны с арабами и афганскими духами. Часто приходилось читать и слышать, как люди сходят с ума от боевой усталости, просто на ровном месте. Без выхода на боевые, сидя на каких-нибудь хозработках или чиня технику в автобате. А условия в лагерях американских вояк гораздо лучше, чем были у нас в том же Афганистане. Вникая в проблему глубже и читая сообщения какого-нибудь ветерана из американской Алабамы или английского Саутгемптона в новом интернет-изобретении – Живом Журнале, я начинал понимать разницу. Западные люди слишком привыкли к комфорту и долгой жизни, наполненной лишь мелкими неприятностями. Так или иначе, все можно решить и снова существовать, не напрягаясь. Приходя на войну, такой человек думает, что попал в видеоигру, где в любой момент можно нажать на паузу и все

прекратится. А когда приходит понимание, что игры и шутки кончились, стресс выдавливает из западного человека любую волю к победе. Я не говорю про киношных «рэйнджеров» и храбрых «маринс», этих наверняка мало и им и без того хватает забот. Мы же будем иметь дело с наемниками, которые особо рисковать не желают, и с военными из строевых частей. Эти в массе своей жиже по духу и не так сообразительны. Конечно, есть у них всякая техника, они организованы и прекрасно вооружены. Но вот тут мы и будем работать над тем, чтобы эту идиллию нарушить. Внести диссонанс, заставить бояться и, как следствие, совершать ошибки, паниковать. Только так можно попробовать выжить самим.

В последний раз глянув на впавшего в ступор Андрея, черной запятой выделявшегося на фоне зелени луга, я повернулся к артельщикам, и увиденное стало еще одним позитивным импульсом. Оба были заняты делом: Михась сортировал патроны к двум разложенным на его куртке карабинам, а водитель Варенуха, вынырнув из недр подбитой БМП, показал мне измазанный черной смазкой правый кулак с отогнутым вверх большим пальцем.

– Я тут чего придумал. – Водила прыгнул на землю и стал водить корявыми пальцами в воздухе, объясняя идею. – Трупы можно внутрь прибрать, аппарат закроем изнутри. Ты говорил, Антон, что у них в форме радио вшито?

– Маячки навигационные, и что?

– А то, – Варенуха хитро оскалился, сверкнув железной фиксой. – Аппарат я закрою, а к боекомплекту гранату привяжу. Станут они люк открывать, и всем тут же хана!

Идея показалась мне здравой, и я пошел вместе с водилой снова к дороге, откуда мы споро дотащили труп казенного танкиста и сложили его в десантный отсек танкетки, где уже лежали вповалку двое американцев, прибранных невольным изобретателем чуть раньше. Приладив к люку найденную среди прочего трофейного хлама круглую осколочную гранату, соединенную с отрезком тонкой медной проволоки, мы совместными усилиями закрыли бронемашину наглухо. Механизм аппарели водила испортил изнутри, поэтому вручную снаружи ее уже не опустить. Если ремонтники будут ломиться внутрь, так и так придется открыть один из трех люков, соединенных проволокой с гранатой. Отойдя на десяток метров от подбитой машины и придирчиво ее осмотрев, мы решили, что и так сойдет. А буде пиндосы заподозрят неладное, так значит, и у них случается в жизни светлая полоса. Сейчас более всего меня, как молчаливо избранного лидера нашей маленькой партизанской группы, волновали более насущные вопросы. По словам Михася, патронов было меньше чем два штатных магазина на ствол. Для солидного боя не хватит, и уж тем более с таким арсеналом: два полуавтоматических «укорота» да пара восьмизарядных маломощных пистоля, это не артиллерия. Ну что хоть это есть,.

Уйдя от бронемшины, мы взяли направление строго на запад, ориентируясь по меткам на распечатке и встроенному в мои часы компасу. Штука удобная, покупал для охоты, чтобы не мыкаться по лесу в случае чего. Бывалые говорили, что, мол, компас в часах – вещь бесполезная, декор да и только, при этом они многозначительно потрясали «луковицами» солидных приборов, стоящих немалых денег, а кто-то даже хвастался новомодными электронными приборчиками спутниковой навигации. Я не спорил, уважая чужие причуды, но всегда делал по-своему. Когда делаешь ставку на мобильность, всегда в чем-то проигрываешь, но достигается главное преимущество: все свое ношу с собой. Поэтому сейчас у меня был не такой точный, но компас, а в кармане лежал пусть и не тесак, но хороший складной нож. Поэтому и не заблужусь, и в случае чего будет чем хлебушек порезать. Нож тоже всегда ношу с собой, даже если иду за хлебом. Знакомые, ну из тех, что говорили про компас, опять не одобряли, считая это блажью и чудачеством. И снова я не обижался, поскольку ножик был дорог мне как память. Черная роговая рукоять и широкое семнадцатисантиметровое стальное лезвие. Обычный складной нож, взятый в качестве трофея во время дежурства на концерте заезжей знаменитости. Парень, у которого я отнял «железку», затеял драку с приятелями у касс, по счастью никого не порезал. Менты из оцепления вмешиваться не хотели, боялись связываться с поножовщиной, а я вписался. В результате получил отличный ножик и премию от тогдашнего начальника смены. Трофей

потом оказался чем-то очень редким, один продавец из охотничьего магазина, где я все время покупаю патроны и кой-чего по мелочи, даже предлагал за нож четыреста баксов. Но есть у меня такая черта – за деньги друзей не покупаю и тем более не продаю.

Хуже всего в нашем отряде обстояло с едой и питьевой водой. Вся провизия и вода в канистрах сгорели во время нападения, и с фур ничего спасти не удалось. Груз в этот раз был вообще штукой бесполезной – мебель и сантехника. Поэтому тут тоже пожить особо не вышло. В броневице мы разжились упаковкой из четырех пластиковых полулитровых бутылок, на этикетках которых была надпись «Эвиан». Ниже сообщалось, что это чистая минеральная газированная вода. Были еще рационы в белых блестящих термопакетах, да четыре шоколадных батончика. Этого должно было хватить дня на два, но при всей экономии, а ведь нам предстояло скрытно идти ускоренным маршем, до базы карателей около двухсот километров. Это само по себе не так просто, а еще была вероятность, что амеры снарядят погоню. Но последнего я мало опасался: ну, поищут нас по округе, может, даже вызовут еще каких-нибудь специалистов по отлову партизан, так это когда еще будет. Потом допросив отпущенного нами пленного и сверив его показания с теми, что выжмут из бедолаги Ильинского, поймут, что мы люди случайные. Может быть, сориентируют наемников с «опорника», куда мы сейчас идем, а может, и вообще забудут на поиски. Это же не кино, тут все заняты своим делом и чужой гемор никому не нужен. Серьезных неприятностей я ожидал только с неба. В последнее время по новостям и от продвинутых молодых коллег приходилось слышать про хитрые беспилотные аппараты, на которые у амеров, судя по всему, была вся надежда. Если на базе, откуда приехал на «броню» специалист Эд, есть пара-тройка таких «птичек», дело может обернуться кисло. По слухам, эти самые беспилотники вполне смогут выследить группу людей с воздуха и пулнуть чем-нибудь нехорошим, а то и расстрелять из бортовых пушек-пулеметов. В лесу от тепловизоров не укроешься, аппаратура там стоит такая, что по спектру атмосферы найдут место, где прячется дышащая кислородом тварь размером с человека, и по примерным координатам позвонят. Артуха⁷ у нашего противника работает очень хорошо. Неприятные мысли кружили в голове, одним словом. Но артельщикам я ничего этого говорить не стал. Мужики только-только обрели некий смысл жить дальше, пугать их новыми напастями будет совершенно неправильно. Забрав у Варенухи импортный ствол, я кое-как отсоединил магазин, выщелкнул патроны и как мог разобрал оружие на части. Напоследок просунув тонкий ствол автомата между катком и опавшей гусеницей БМП, согнул ствол специальной буквой «хрен выправишь». Себе оставил только прицел, который вполне может заменить бинокль на первых порах. Взамен утраченного трофея дал водиле карабин покинувшего нас Ильинского, благо с ним Варенуха умел обращаться. Может быть, это импортное чудо лучше и наверняка точнее и современной «сайги», спорить не стану. Но в бою лучше использовать то, что знаешь, война не любит невежества. Что-то подсказывало, что для изучения матчасти пиндостанской армии у нас еще будет уйма времени.

* * *

Россия. 26 июля 2011 года. Юго-восточная окраина бывшего поселка городского типа Тогучин. Аутпост охранного агентства «Блэкстоун – Сауз». Бывший сотрудник иркутского ЧОП «Булат» Антон Варламов. Акция возмездия «номер раз».

Трое суток без сна и с короткими перерывами на отдых мы шли по лесам в направлении, указанном пленным американцем. Как я и предполагал, нас не преследовали, или поиски велись в совершенно ином направлении. За все эти четверо суток мы словно оказались в туристическом походе. Лес стоял пустой, пару раз я видел следы медведя, Михась подстрелил пару рябчиков, и мы запекли их в глине. Неожиданно легко удалось пополнить запас воды и даже вымыться в небольшом ручье, который неизвестно куда бежал,

радостно журча. Природа напоминала нам, что война – это вообще глупости, вечно только это вот вековое великолепие, а мы, люди, только все портим. Плутать особо не пришлось, компас не давал сбиться с пути. Легкие, в титановом корпусе и с солнечной батареей, «котлы» корейской сборки никогда не ввали больше чем на две секунды за трое суток и даже после серьезной встряски шли как ни в чем не бывало.

Указанный американцем аутпост разместился на окраине какого-то поселка. Вернее, того, что от него осталось после процедуры «санации». Ровная проплешина оплавленной до стеклянной корки земли – вот собственно и все, что напоминало о живших тут людях⁸. Судя по характеру разрушений, город обстреляли из установок залпового огня, может быть, поработала и ствольная артиллерия. Нечто подобное я уже видел, но тогда это были обычные снаряды, которыми пуляли «Грады»⁹, чтобы выкурить духов из села. Тут мощность была просто адская, чтобы вот так оплавить землю, нужно было часов десять лупить. Слышал, что в Афганистане были такие бомбы, ими летуны выкуривали боевиков из горных пещер. Знакомый, что рассказывал о такой бомбежке, потом долго молчал, видимо, впечатления от увиденного были слишком велики. Может, и тут авиация поработала, но что-то подсказывало, что это постарались «боги войны» – слишком рано еще для авиации, не развернется она в такой короткий срок. А вот артуха вполне может быть десантирована с воздуха или привезена отдельно. А это значит, что у моего маленького отряда появился обширный фронт работ. Как только будет исполнена первая часть задуманного, надо не забыть наказать мужикам, чтобы особо не усердствовали и дали возможность захватить хотя бы парочку пленных. Эти должны будут знать, кто работает по населению и откуда. Но всему свое время.

На случай патрулирования прилегающей местности мы расположились в пяти километрах от аутпоста наемников. Лес тут был такой же, как у нас в области, поэтому найти небольшую низинку подальше от звериных троп и проезжих дорог труда не составило. Пригодился шанцевый инструмент в виде двух складных малых саперных лопаток, которые мы захватили с собой по моему настоянию. Примерно в километре от места временной стоянки я и Михась осторожно рубили молодые деревца и не торопясь таскали их в лагерь. Вскоре получился навес, вполне способный удержать дождевую влагу и в случае чего укрыть нас от наблюдателей сверху и тех, что будут прочесывать местность. Навес упирался заостренными кольями в склон оврага, а вход затворялся плетеной из прутьев кустарника заслонкой. На плоской крыше Варенуха навалил старых сосновых игл и палой листвы, которую мы с Мишкой таскали издалека. В довершение всего стыки были заложены пластами мха, так что внутри можно будет какое-то время отсидеться. Мужики совсем уж было собрались обустроиться тут надолго, но пришлось разбить их хрустальные мечты заявлением, что тут мы долго сидеть не будем. После планируемого уничтожения базы наемников тут может оказаться слишкомлюдно. Но пока ведем наблюдение и присматриваемся, шалаш вполне сойдет за временную базу. Из глины и прутьев гибкого кустарника удалось соорудить неплохую вытяжку с замаскированной мхом крышкой. Теперь даже в дождь дым от костра будет стелиться по земле и быстро рассеиваться, а проложка из мха не даст воздушным разведчикам шанса с ходу засечь источник тепла на общем фоне. Сделав еще пару мелких приготовлений, необходимых для того, чтобы нас как можно более трудно было искать, я в первый раз вывел отряд на разведку. Сначала решили идти все вместе, и я едва уговорил Варенуху остаться на хозяйстве, чтобы не рисковать всем скопом. Да и он лучше всех из нас троих показал себя как строитель, особенно ловко у водилы получалось плести что-то из прутьев. А это сейчас было очень важно для осуществления «плана возмездия», общая схема которого уже варилась в собственном соку, приобретая все более реальные очертания.

Петляя и ступая как можно более широко, чтобы не топтать прямую стезю к жилью, мы с приятелем вышли к краю леса, примыкавшего прямо к заросшему высокой травой полю. За ним, метрах в пятистах, виднелась искомая база этих самых ассенизаторов. Наблюдать с земли получится не слишком удобно, да и что я там увижу, кроме куска

сетчатого железного забора и ворот рядом с вышкой. Поэтому, насобирав по дороге мха и пучков травы, мы с Мишкой как умели обмазались землей и, вывернув рубашку и штаны наизнанку, серовато-зеленой подкладкой наружу, унизили куртку и штаны собранным мусором. Природа не любит прямых линий, а за окрестностями наверняка наблюдают. Да и в лесу такой прикид будет куда сподручнее, чем наш стремный вертухайский колер. Короче, когда я забрался на старую, с толстым стволом и ветвями березу на пригорке, то с пяти шагов походил на лешего. А в кроне кучи зеленых листьев меня вообще было не разглядеть. Вооружившись трофейным прицелом, я принялся за наблюдения, стараясь как можно меньше двигаться. Чтобы совсем уж увериться в собственной незаметности, еще в лагере я выпросил у Мишки кусок черной изоленты, соорудил нечто вроде колпачка с узкой поперечной прорезью и надел его на окуляр таким образом, чтобы он закрывал линзу. Такие колпачки надевают на противотуманные фары – и на объективы прицелов, чтобы скрыть блики оптики от постороннего наблюдателя. Поле зрения при этом чуть смазывается, но в данном случае особой четкости не требовалось. Приятель остался внизу. Мишка отполз от дерева метров на десять, чтобы в случае чего подстраховать, если вдруг нас не накроют минометным огнем, а решат взять живьем. И даже если меня пристрелят, Мишка сможет уйти к Варенухе и они сами решат, как быть... Но это на крайний случай. Как я уже говорил, у меня не было уверенности, что армейцы предупредили наемников о нашем визите или что те восприняли предупреждение всерьез.

Прицел давал узкое поле обзора, но я давно умею правильно обращаться с монокулярами и прицелами. Секрет в том, чтобы вести наблюдение обоими глазами и наводить оптику туда, куда смотришь невооруженным взглядом. Так и устаешь меньше, и картина получается более полная и подробности не проскакивают мимо сознания.

База представляла собой огороженный участок, примерно сто пятьдесят на двести метров, почти в чистом поле. Внутри два типовых железных ангара, забранных частой масксетью, длинная, похожая на коровник казарма. Была еще пара отдельно стоящих щитовых домиков, скорее всего для офицеров и прочего начальства. У северной стены – нечто вроде временного гаража: три бронированных джипа, вроде бы их называют «хамви»¹⁰, и грузовик с тентованным кузовом. Грузовик, видимо, для перевозки трофеев. А вот на джипах наемники мотаются на зачистки. Пока все так, как описывал пленный. С северо-востока к забору подходила небольшая рощица из трех близко растущих берез и чахлой пихты. Ограждения стандартные: сетчатый забор в два ряда, внутри этого пространства – две вышки, ориентированные с юга на север в противоположных концах периметра. Так они перекрывают пространство вокруг базы и в случае нападения запросто способны обеспечить неслабое огневое прикрытие. На обеих были турели с пулеметом и автоматическим гранатометом, и по три часовых, щупающих местность оптикой. У единственных ворот смонтирована огневая точка, чуть дальше, метрах в ста по дороге, выстроено противоминное ограждение из бетонных блоков. Это навело меня на мысль о минных полях вокруг базы... Так и есть: осматривая окрестности возле рощицы, я заметил труп медведя. Косолапый видимо, вышел из леса к людям, как обычно делают эти наглые звери, прельщенный запахом помойки. Но преодолеть смог только метров двадцать от крайней березы, где и напоролся на мину. Скорее всего, амеры засеяли поле чем-то полимерным. Лесной хозяин капканов боится, чует их, и будь мины старые, к ограждению бы не сунулся.

Получалось довольно кисло, если судить с позиции слабо информированного мстителя. Я же был из другой породы, и кое-что об обитателях этого гадюшника было уже известно. Поэтому укрепления разглядывал в основном от скуки, чтобы выяснить то, что реально было необходимо для налета на базу. Наемники ждут именно внешнего открытого и наглого нападения или группы диверсантов. От прямого штурма они отобьются, диверсов возьмут на прохождении «полосы препятствий». Чего парни реально не могут предположить, так это того, что их ожидает та же участь, которую они уготовили жителям окрестных деревень. Мысленно усмехнувшись, снова прикинул к окуляру прицела...

После восьмичасового бдения мы с Мишкой поменялись и я ушел обратно в лагерь. Теперь получалась эдакая пересменка, когда за базой велось почти что круглосуточное наблюдение и все вроде как были заняты делом. Так мы сидели еще трое суток, пока на очередном военном совете не было решено, что пора бы уже пиндосам пустить кровь. Нападение решено провести в два этапа, поскольку штурмовать такое укрепленное место в лоб будет неумной затеей...

Раз-два! Вдох-выдох! Землица не торопится покидать свое нынешнее жилище и пересыпаться в сложенную на краю широкой траншеи мою запасную рубашку, пожертвованную в фонд обороны. Столько я не копал и не строил уже лет пять, с тех пор как помогал бывшей жене на ее фамильном дачном участке. Вы спросите, почему и что это я копаю? Да еще ночью, посреди узкой грунтовой дороги в лесу, а мои партизаны оттаскивают желтовато-черную почву в сторону и волокут в лес. Все очень просто: согласно решению последнего совета нашего племени, мы готовим пиндосам засаду. Спорить со мной по поводу того, как это будет, никто не стал. План получился хороший, вот только очень трудоемкий и грязный. Все сводилось к тому, чтобы подстеречь один из джипов, регулярно выезжающих из периметра. Как и отмечалось ранее, что армейцы, что частники не шибко беспокоились тут в тылу, считая, что ни у кого кроме них оружия уже нет и война ушла дальше на восток. Поэтому, уничтожая маленькие поселки и деревни, ассенизаторы выезжали небольшими группами по четыре-пять человек, то на одной, то на двух машинах. Ездили в одно и то же время по единственной грунтовке, потом сворачивая на проселки, куда их, видимо, наводила авиация. Выезжали они затемно, но все-таки сторожились: на каждом джипе была оборудована турель, со всех сторон прикрытая бронещитками. Сам джип тоже имел защиту, поэтому просто стрелнуть в колесо или по стеклам в надежде проколоть-разбить будет крайне глупо. А вот устроить подлянку, чтобы пиндосы сами вышли из тачки, – это оказалось трудной, но вполне решаемой проблемой, тем более что дорога грунтовая. Мишка предлагал повалить поперек дороги дерево, но я резонно заметил, что на скорости джип бревно просто протаранит и поедет дальше, к тому же у нас нет топора, а ветками внедорожник не остановишь. Но точно рассмешишь водилу, а пулеметчик чесанет очередь по обочинам, и всем партизанам – гарантированная хана. Поэтому решено было поступить хитрее: поперек дороги, мы вырыли не шибко широкую траншею, положив сверху плетенную из прутьев решетку, обмазанную глиной, а потом присыпанную грунтом. Длина траншеи была ровно из конца в конец дороги, глубина в рост человека, а ширина примерно метр двадцать, чтобы передние колеса машины ушли в нее прочно. Обустройство ловчей ямы заняло у нас часа четыре, с учетом размещения двоих стрелков на обочине слева по направлению от базы и одного справа, за двадцать шагов от первых двух. Мы все отрыли себе по индивидуальной ячейке с точно такой же крышкой из плетенки, с привязанными к ней кусками политого водой травяного дерна. Таким образом получилась классическая засадная схема с поправкой на местный колорит: двое стрелков с фланга и один в тылу машины.

Передохнуть почти не получилось, мы только-только расселись по своим местам, как от базы послышалось знакомое урчание мотора. Мысленно я уже видел, как тупоносая прямоугольная машина с торчащим из люка в крыше пулеметом быстро приближается к нам... Поднимая пыль, «хамви» на скорости проскочил поворот, от которого до нашей ловушки уже была пара минут быстрой езды. Сомнения так изъели мне душу, что от нетерпения хотелось выйти на дорогу и пинками заставить пиндосовского водилу ехать быстрее. Все случилось внезапно, от чего я даже не успел собраться с мыслями: джип промелькнул мимо и... Грохот получился знатный, что-то в машине немилосердно скрежетнуло, мотор взревел на высокой ноте, и его последний аккорд слился с воплями тех, кто находился внутри. Но нам появляться было рано: нужно, чтобы кто-то вышел из машины, разблокировав дверь. Сквозь щелку между крышкой и краем окопа, я видел, как сработала наша затея. Машина села в траншею прочно, окунув внутрь передний мост и бампер, отчего зад ее задрался на добрых полметра вверх. Послышался раздраженный говор,

водительская дверь стала открываться, а за турель поднялся из салона стрелок и провернулся вокруг своей оси, прикрывая вылезшего водилу. Ждать, сейчас только ждать!..

Вот вылез невысокий мужик, неформально одетый в зеленую майку, камуфляжные фасонистые штаны и с небрежно закинутым назад коротким автоматом. Осмотрев траншею, он недоуменно присел на корточки, а стрелок за турелью что-то неразборчиво спросил. Водила пожал плечами и помахал рукой кому-то в салоне: мол, выходите оттуда. Задние двери одновременно открылись, и оттуда вышло еще трое парней. Одеты наемники так же неформально, только оба еще в разгрузочных жилетах и легких, похожих на велосипедные, касках. Само собой, что все были вооружены и настроены явно как полагается: хотя никто из экипажа оружия на изготовку не взял, а активность проявлял только пулеметчик, я сразу смекнул, что деньги парням платят не зря. Оружие они держали стволами вниз, но каждый настороженно зыркал по сторонам, готовый в любой момент залечь и начать воевать. Будь бой открытым, нам с ними точно не совладать. Ждать, еще немного нужно обождать! Сжав пистолет в начавшей потеть руке, я мысленно уговариваю мужиков сидеть тихо и ждать моего сигнала.

Вот прошла минута, другая, и наемники чуть ослабили внимание. Никто не стрелял по ним из кустов, ни тебе криков, ни взрывов, просто откуда ни возьмись возникла дыра в земле. Постепенно все четверо столпились у края траншеи, а пулеметчик свесился за край переднего щитка своего наседа, чтобы лучше было видно.

Время! Бесшумно поднимаюсь в своем окопе, отодвинув крышку влево и вскинув пистолет. Совмещаю прицел с башкой пулеметчика и плавно выжимаю спуск. Выстрел получился не громким – наемники у ямы что-то громко обсуждали. Спустя три долгих удара сердца слева послышались два резких хлопка, потом еще и еще!.. Звуки стрельбы смешались с криками боли и недоумения, потом к общей какофонии добавился треск автоматической очереди, кто-то слева громко вскрикнул, один карабин смолк, но потом в унисон снова заговорили обе «сайги».

Не тратя больше ни секунды, выпрыгиваю из окопа, перекатом ухожу вправо и в полуприседе иду к машине. От одного из вояк, кажется, скатившегося в траншею, меня закрывает корпус джипа. Он видит только двоих из нас, может быть, даже ранен. Снова слышится злая короткая очередь чужого автомата, мои партизаны благоразумно молчат. Патронов, увы, уже осталось по два-три на ствол. Вот добираюсь до правого борта накренившегося «хамви» и в несколько гусиных шажков достигаю крыла. Так и есть: наемники кучей лежат на краю траншеи, уцелел скорее всего тот, что стоял дальше всех справа, успел скатиться в траншею и открыть огонь. Уже вижу его спину, прикрытую только «разгрузкой», да загорелую лысую голову. Наемник вскинул к плечу автомат, что-то выцеливает у обочины, меня совсем не замечает. Не раздумывая, прыгаю на него сверху, одновременно нанося удар рукоятью пистолета. Охнув от неожиданности, иностранец заваливается вперед, тело его обмякло под моей хваткой. Больше никто не стреляет, вроде управлялись на пока...

– Тах! Тахх!..

Две пули почти одновременно прилетели со стороны леса. Одна впилась в землю в трех метрах правее, другая сплюснулась о левое переднее крыло джипа. Совсем рядом. Весточка как раз оттуда, где сидят Михась и Варенуха. Черт, чуть не забыл, что они меня не видят и все еще думают, что я где-то в тылу.

– Хорош палить, мужики, тут кроме меня уже никого! Идите сюда, а то мне «языка» одному из траншеи не выдернуть.

Послышались приглушенные голоса, и вскоре к машине подбежали запыхавшиеся артельщики. Бегло осмотрев обоих, констатирую, что вскрик, который я слышал, принадлежал водиле. Ерунда: в щеку под левым глазом ему угодила солидная щепка, выглядит страшно, но так вообще-то просто царапина. Крикнул начинающий мститель с непривычки, что вполне простительно: кругом стрельба и все такое, а тебе адски больно, само собой, первое, про что успеешь подумать – жутко тяжелая, смертельная рана. Я рад, что

вроде как никто больше не ранен и тем более не убит.

Сообща артельщики выволокли уже приходящего в себя наемника, но Мишка опомниться ему не дал, пристегнул иностранца за обе руки к решетке бампера пригнотившимися служебными «браслетами». Я пожалел, что свои остались в бардачке «пятерки», да так, видно, с ней и пропали. Дернувшись пару раз, пленный начал ругаться на трескучем языке; некоторые слова были отдаленно знакомы. Когда я сам выбрался и немного стряхнул с себя землю, то разобрался, что специалист Мастерс и тут не соврал – пленный оказался поляком. Это я просек, как только услышал знакомое и почти родное: «Курва матка!» Что это означает, до сих пор не знаю, но звучит как ругательство, да и громкий голос польского наймита резал уши. Подойдя вплотную, я от души пробил с ноги ему в солнечное сплетение, и поляк, захрипев, умолк. Потом я заглянул в салон джипа и спустя пару минут нашел объемистую аптечку. Названия были незнакомые. Поэтому ориентироваться пришлось на слова, в которых имелась приставка «анти». Так удалось найти порошок, напоминающий по действию стрептоцид, шовный материал и лейкопластырь. Используя в качестве дезинфектора водку, часть которой я перелил из бутылки в трофейную флягу и таскал на поясе, я вымыл руки и принялся целительствовать. Щепка засела в щеке водилы не глубоко, поэтому я просто промыл водкой рану, щедро присыпал «стрептоцидом» и залепил пластырем телесного цвета. Вот ведь гады, все продумали: даже пластырь не белый, как обычно, чтобы в случае чего не выделялся бельмом на общем фоне. Потом пришел черед пленного:

– Найдите какую-нибудь тряпку и заткните ему рот, – тихо обратился я к мужикам, теперь шмонавшим трупы наемников. – Это не цивилизованный гегемон Мастерс, придется допрашивать с пристрастием.

Пошло со скрипом: говорить по-английски поляк отказывался. Может, действительно не знал языка, хотя верилось слабо. До меня доходили слухи, что в Польше спят и видят себя отдельным американским штатом посреди Европы, так что язык новых кумиров и хозяев учат ревностно. Но менталитет-то остался наш, славянский, поэтому пленный понимал, что так или иначе ему не жить. Потратив на уговоры десять драгоценных минут, пока мужики сбрасывали трупы в траншею и прикапывали, я уже собрался было поляка заколоть и даже вынул ножик. Однако, заметив мои телодвижения, неожиданно на помощь пришел Варенуха. После сеанса полевой хирургии водила уверовал в мои универсальные качества полевого командира, и теперь старался показать мне свою полезность. С деловитым видом он отозвал меня в сторону и прошептал:

– Я это, чего сказать хотел... – на его круглом лице отразилась внутренняя борьба. – Я немного по-польски секу.

– А чего молчал-то! Ну так давай, спрашивай, а то я совсем из сил выбился. Не знаю, просто этого козла пристрелить или отрезать ему что-нибудь ненужное, чтобы процесс пошел. Много не узнаем, но попробуй, нам уже выдвигаться пора. Вы тут беседуйте, а я пойду в багажнике посмотрю, не найдется ли чего нужного...

Пристрелить поляка очень хотелось, как и всякого попавшегося на глаза оккупанта, но, само собой, это был бы неверный подход. Тупо стрелять и резать – не наш метод. Поскольку пока нас всего трое, придется действовать по возможности из засады, то есть подло. Но опять же, это как посмотреть, да и угрызений совести я как ни старался найти – в душе даже грамма не было. Заботило меня одно: ехали ли эти наймиты просто на прогулку или с целью потравить еще одну-другую деревню. В обоих случаях терзаний я бы не испытывал, меня устраивали оба варианта, но второй, как вы впоследствии поймете, был бы самым шоколадным. Михась совладал с управлением трофейной машины, и ему удалось открыть багажник. Волна облегчения смыла волнение последнего получаса, когда не было секунды, чтобы я не сомневался, правильно ли я все придумал. План захвата аутпоста я построил на том, чтобы дожидаться, пока с зачистки вернется одна бригада и выйдет ее смена, тогда в лагере будет наибольшее количество людей, а мы получим в свое пользование полный «комплект ассенизатора»: костюмы химзащиты и гранатометы с газовыми выстрелами.

Нам опять улыбнулось военное счастье: джип ехал именно на зачистку. Из багажника мы вытащили на обочину четыре комплекта защитных балахонов с чудными противогазами, тоже окрашенными в неприметный серо-буро-непонятный цвет. Балахон был похож на наше армейское ОЗК-устройство, только оказался не в пример удобней. Мне и Михасю костюмы подошли сразу, так как я роста совершенно не богатырского – метр семьдесят восемь, а приятель и того на пару сантиметров ниже. С гранатометами все получилось еще проще – четыре коротких ружья были закреплены в стойке на левой боковой стенке багажного отделения. Вынув один, я примерился и аж крикнул – просто, надежно и удобно. Почти как у наших ментов, только легче и приклад выдвижной. А под стволом прикручена штурмовая рукоятка¹¹. Конечно, «калаш» с подствольником был бы много лучше, но пока и так сойдет. С номенклатурой было сложнее, поэтому пригодится Варенухино владение тарабарским наречием, хотя в принципе и без него разобраться будет несложно: осколочно-фугасные выстрелы я сразу же узнал по характерному грязно-коричневому ободку и отложил в сторону. В цинковых кофрах тут же под стойкой хранились еще маркированные белым с желтой полосой, коричнево-желтым и белым с красным пояском. Коричневые с желтым, это, по-видимому, что-то обычное, как и белые, скорее всего дымовые. Тряхнув головой от натуги и ругнувшись сквозь зубы, я направился к пленному, о чем-то оживленно беседовавшему с нашим переводчиком-добровольцем. Вдруг Варенуха встал и сначала негромко, а потом в голос загоготал, правда, быстро спохватился и замолк. С недоумением на водилу смотрели я и пленник, вид хохочущего мужика в напыленной на голое тело трофейной «разгрузке» и с заклеенной лейкопластырем физиономией – это зрелище комичное.

– Чего веселого он тебе сообщил, Виталий Семеныч?

– Так они это... – справившись с собой, водила подавил смехок и продолжил: – Помнишь, как они вокруг нашей ямы сгрудились, я еще тогда удивился?

– Ну, помню, и что?

– Они тут клад ищут, который Колчак закопал.

– Чего-о? – недоумению моему не было предела – Золото в нашей траншее?!

При слове «золото» поляк напрягся и с интересом зыркнул в мою сторону. В одно мгновение я сообразил, как можно добиться своего, не прибегая к крайним мерам. С одной стороны, все действительно выглядело логично: дыра в земле, непонятные мужики с оружием, явно не военные. Сделав серьезное лицо, я повернулся к Варенухе и тихо, со значением приказал:

– Переведи иностранцу, что они правильно догадались: мы живем в этих лесах и охраняем колчаковский клад от большевиков. Переводи.

Варенуха прыснул было в кулак, но, увидев мои бешеные глаза, в совершеннейшем недоумении стал переводить. Лицо поляка просветлело, в глазах загорелся плохо скрываемый огонек наживы. Быстро мотая головой в направлении аутпоста, пленный заговорил. Варенуха, все еще теряясь в догадках, начал переводить:

– Про клад ему рассказал один из наших военнопленных, они сговорились, что за координаты этот вот, – Варенуха ткнул пальцем в иностранца, – вывезет его на местности показать, а потом отпустит. Но все сорвалось, американцы забрали всех русских пленных в тот же день и куда-то угнали. Вот они с друзьями по окрестностям и шарят. Вдруг клад где-то недалеко зарыт. Как под землю машина ихняя провалилась, они даже обрадовались. Думали, может, ход подземный...

После всего пережитого услышанное звучало страшно. Мысли о том, что вот ходят по земле еще и те, кто хочет не только жить, но и разбогатеть, банально не приходили в голову. Поборов очередной приступ раздражения, я спокойно кивнул водиле, чтобы перевел мои слова.

– Семеныч, скажи кладоискателю, что если его все еще интересует золото, то я готов показать, где оно лежит. Но есть одна проблема: его и тех покойников скоро хватятся на базе. Спроси, хочет ли он делиться с ними?

Переставший уже что-либо понимать водила одернул вставший дыбом на его внушительном брюхе разгрузочный жилет и перевел сказанное нейтральным тоном, постоянно мешая русский мат и польские слова. Поляк тревожно глянул на меня и принялся что-то объяснять переводчику. Варенуха совсем уже серьезным тоном начал пересказывать услышанное:

– Он тебе не верит. Говорит, что и тому русскому не поверил. Требуется отвести его сразу на место, тогда он про нас никому не расскажет.

– Передай, что это можно устроить, – я сделал озабоченное лицо и показал рукой на багажник джипа, – скажи, что вместе туда и пойдем, если он сомневается. Только скажи, что кое-что из оружия мы возьмем, но газ нам не нужен, пусть покажет, какие гранаты с газом, а какие нормальные. Только предупреди: если вздумает шутить – привяжу его к дереву, а сам в костюме буду одну за другой в его сторону выстреливать.

Как ни странно, условие поляка не напрягло: золото уже, считай, в кармане, мертвому же деньги не нужны. Но думаю, что он держал в запасе какой-то козырь, на случай если мы его захотим убрать уже возле сундуков с сокровищами белого адмирала... Что хотел выкинуть иностранец, я так и не узнал, потому как он не колеблясь показал на пропущенный нами «цинк» серого цвета с трафаретным, черного колера, маркером «VX12C». Это было неожиданно просто, а мы в полумраке салона не обратили на него внимания. Ящик выглядел странно и на обычные «цинки» с патронами не был похож. Открывался он как обычный чемоданчик, выстрелы лежали утопленными в пористый материал вроде резины или латекса. Только колпачки того же, что и ящик, серого цвета тускло сверкнули на солнце. Вынимать их я не стал, мало ли что, и аккуратно закрыл «цинк». Кивнул Варенухе на пленника.

– Переведи ему, Семеныч, что я сейчас скажу, только постарайся точно, лады?

– Дак как сумею, – водила недобро глянул на иностранца, – уж больно оно мне противно. Можно я ему шею сверну, а?

– А сие будет зависеть только от него, – это я сказал, пристально глядя пленному в глаза. – Если не врет и гранаты газовые, значит, его дружки в лагере передохнут и мы его поведем к золоту. Если нет, то ты, Семеныч, его и удушишь, вот прямо тут. И пофигу тогда, что нас из миномета или еще чего накроют, ему тоже не жить. Так ему и переведи.

Варенуха открыл было рот, но иностранец на сносом русском сказал, чуть коверкая слова, но это даже было удобней:

– Нет необходимости убивать, я не обманываю. Это есть газовы гранаты, я не вру, пан офицер.

– Я же говорил, что существует на свете универсальный язык. – Отодвинув в сторону оторопевшего Варенуху, я присел напротив иностранца и подмигнул. – Сиди тихо, пока мы не закончим дела, с тобой останется мой ординарец. Проверим твои слова и вернемся, а там и до золота очередь дойдет. Понял меня?

– Так есть, пан офицер! – Поляк внутренне подобрался, в глазах больше не было тревоги. – Но...

Встав, я взял кляп с капота машины и снова втолкнул его в рот поляку, одновременно обращаясь к артельщикам:

– Потом поговорим, дела не ждут. Виталий Семеныч, ты останешься с пленным, если через полтора часа не вернемся, облей эту гниду бензином и подожги. Потом жди еще час и, если по-прежнему не появимся, уходи на восток. Вдоль дорог, не держись леса, так надежней. Михась, мы с тобой к базе, бери балахоны и пару гранатометов на шею. Я оставшиеся два возьму и ящик с газом. Пошли, пошли, бегом!..

...Оставив водилу присматривать за пленным, мы с приятелем, нагруженные словно пара вьючных мулов, ринулись к опушке леса, где я загодя наметил место для обстрела. Сложностей оказалось две: подобраться к аутпосту на гарантированно убойное расстояние было невозможно и из такого гранатомета, как этот, ни я, ни Мишка никогда не стреляли. Но ничего лучше на данный момент в голову не приходило, все, что мы делали с первого и по сей день нашей одиссеи, на две трети было авантюрой и на одну треть – везением.

Мгновения не проходило, чтобы в голову не лезли мысли о том, что все может пойти наперекосяк: гранаты могут оказаться фуфлом, одна из них даст течь и мы с Михасем просто врежем дуба. Да много еще чего могло произойти. Но если рассуждать, то вполне спокойно можно было остаться там, на поле, рядом с Ильинским, и ждать, пока придут те, кто уже рискнул и им выпал фарт – целая страна почти на блюдечке. Нет больше у нас права на сомнения, все сроки для гаданий типа «а что если» уже вышли, нужно действовать. Чем наглей, тем удачливей, все сложится, а если нет... смерть храбреца бывает один раз, смертей труса – что воды в море. Все это я крутил в голове, пока мы, свалив барахло на траву, лихорадочно надевали балахоны. Ремни и застёжки были из кевлара и пластика, а сама ткань очень прочной, в таком костюме можно воевать и особо не бояться мелких осколков на излете и даже открытого огня. Зрение сузилось до двух каплевидных окуляров противогаза, стало трудно дышать, и все звуки вокруг приглушились, но через специальные мембраны можно было сносно друг друга слышать. Говорю же – удобная штука, хотя все в мире относительно.

Решено было, что стрелять буду я один, а приятель станет заряжать гранатометы, так будет быстрее. Вчера выяснилось, что из всей артели знаком с подствольником только я. Остальные слышать слышали, но опыта обращения даже с советским аналогом ни у кого не было. Но это не проблема; я откинул стойку прицела вверх и, вскинув, сверился со шкалой расстояний: максимум – четыреста метров, а лагерь где-то в трехстах. Сдвинул собачку предохранителя слева над цевьем и с силой отвел гофрированную его часть вперед, потом протянул руку в сторону, и Мишка вложил в нее гранату. Зарядив оружие, я обернулся к одетому в точно такой же комбез приятелю. Тот кивнул в знак того, что последовательность запомнил, и так мы снарядили один за другим все оставшиеся стволы. Посмотрев на кроны деревьев, я вычислил, что ветер сейчас слабый и газ будет сносить влево. Осторожно, стараясь держать оружие ровнее, я вывел прицел на триста пятьдесят метров и нажал на спуск.

– Боп!

В плечо отдало непривычно сильно, видимо, в газовых гранатах был сильный вышибной заряд. Не останавливаясь и не смотря на результат, я взял следующий ствол, бросив пустой на траву под ноги.

– Боп!

На этот раз я все же глянул на лагерь и увидел, как мечутся в периметре слабо различимые фигурки людей. Не останавливаясь, я снова взял заряженный гранатомет и больше уже не любопытничал. Сверял только прицел, чтобы гранаты ложились веером, накрывая как можно большую площадь. Так продолжалось, пока Мишка не дернул меня за плечо, показывая на пустой ящик. Руки сами опустились, ствол с глухим теньканьем брякнулся под ноги рядом с остальными. Не снимая костюмов, мы стояли, разглядывая сквозь густую листву результат работы. Издали картина получалась скучноватой: внешне ничего не изменилось, ни тебе пожаров, ни дыма – газ оказался совершенно бесцветным. Неправильным было только то, что ворота аутпоста наполовину были отворены и с той стороны в них врзался еще один джип. Видимо, кто-то пытался выбраться из западни, но не успел. Простояв так еще с полчаса, мы, не снимая костюмов, двинулись в обратный путь. Было странно идти по лесу, словно отгородившись от мира чем-то вроде скафандра. Близился полдень, припекало, пот стал заливать глаза и дыхание сбилось. Когда мы вышли на дорогу, где оставался Варенуха с пленным, противогазы уже были сняты... Так вот, в робах, нагруженные оружием, мы и вышли к траншее. Вокруг стояла тишина, прерываемая невнятными стонами. Обойдя машину, я увидел пленника с неестественно вывернутой шеей, а Варенуху – на краю ямы, с одним из трофейных пистолетов. Причем ствол он вставил себе в рот. Картина была в общих чертах понятна: дождавшись, пока мы ушли, водила не выдержал и свернул поляку шею. Но вот зачем он решил застрелиться? Не снимая костюма, я осторожно, шаг за шагом, приблизился к рыдающему пожилому мужику и сел рядом на край траншеи.

– Сбежать решил, Виталий Семеныч, – говорил я будничным тоном, чтобы немного успокоить его, чуток привести его в чувство. – Значит, бросишь нас с Мишелем на растерзание, так сказать?

– Они... этот...

Ствол пистолета мешал Варенухе говорить, и водила вынул его изо рта, положив на колени, но все еще крепко сжимая в кулаке.

– Зачем ты его раньше времени грохнул, может, пригодился бы еще. Как мы теперь узнаем, откуда они города обстреливают?

Судорожно переведя дух и вытерев сопли и слезы кулаком с зажатым в нем пистолетом, водила посмотрел на меня красными от недосыпа и рыданий мутными глазами. Непривычно видеть, когда крепкий на вид хитрован, явно не дурак выпить, становится вдруг размазней. Но сейчас нужен каждый боец и нет среди них негодных, поэтому я просто сидел и ждал, готовый уговаривать и умолять его встать и идти вперед.

– Вы ушли, – начал свой рассказ Варенуха, – а этот стал пропаганду разводить: мол, войска наши уже почти разбитые повсеместно, а народ – кого не потравили газом и не раскатали бомбами – по дорогам скитается.

– Это война, брат. Сначала они нас, потом мы их. Так всегда бывает.

– Нет! – Водила покрутил рукой с пистолетом у своего лица. – Он еще сказал, что они еду и одежду на колонны беженские сбрасывают. Нарочно вирусами всякими зараженные сбрасывают на людей! Антон, это же просто беженцы, люди перемерут и никого не останется! Совсем никого не будет. А если мои ту еду подберут? Если они уже мертвые все?!.

Понимая, что истерика сейчас новой волной пойдет на приступ остатков здравого смысла Варенухи, я решил действовать быстро. Еще не поняв смысла только что услышанного, я выбил пистолет из трясущихся рук. Ствол брякнулся на дно траншеи, мимоходом я отметил, что водила даже снял его с предохранителя – стреляться решил вполне серьезно. Но водила уже не обращал внимания на оружие, его охватили апатия и безразличие. Сложив руки на коленях и опустив голову, он все повторял и повторял:

– Господи, почему ты допустил, почему оставил меня? Почему допустил...

Михась тоже был потрясен, но про самоубийство вроде пока не думал. Стянув с себя костюм, он сидел на земле рядом с трупом поляка и жадно курил. Я поднялся, встал чуть в стороне от машины, вынул пистолет и выстрелил в воздух. Артельщики вздрогнули, оба повели себя именно так, как я и рассчитывал: Михась залег, перекатом уйдя под днище джипа, а Варенуха, перестав рыдать, нырнул в траншею, куда уронил пистолет. Если бы хоть один из них замер на месте или поднял руки, я непременно бы сказал такому «до свидания». Апатия – самый страшный враг солдата, кто поддался ей, уже обречен. А нам предстояло много, очень много сделать.

– Мужики, погоревали и хватит, – я сказал это громко, чтобы окончательно привести товарищей в чувство. – Скоро пиндосы опомнятся и пришлют сюда разведку. Или нагрянут большими силами. Нужно пошуровать на базе в ангарах с трофеями и быстро сматываться отсюда. Понимаю, вы устали... Очень устали и хотите есть, спать и домой. Но так вышло, что дома у нас теперь сидят вот такие, как этот кладоискатель, и их сначала нужно выгнать. Пошли вперед, мужики. Так вышло, что кроме нас уже некому...

Спустя полчаса наш небольшой отряд уже пылил по дороге, ведущей к разгромленному аутпосту. Впереди шел Варенуха, сжимая в руках вверенный ему карабин, следом шагал Михась, щуя хитрые цыганские глаза на высоко стоящее в зените июльское солнце, положив обе руки на ствол карабина, висевшего на шее. Я в пяти метрах позади всех, ощупывая взглядом окрестности и соображая, куда нам податься. Внятной перспективы не было, но одно я знал точно: мы будем искать врага и бить его там, где встретим. Без пощады, без сожаления.

* * *

Россия. 29 июля 2011 года, 12:54 по местному времени. Юго-

**восточная окраина бывшего поселка городского типа Тогучин.
Внутренний периметр аутпоста охранного агентства «Блэкстоун –
Сауз». Бывший сотрудник иркутского ЧОП «Булат» Антон
Варламов. Сбор информации и дальнейшие перспективы.**

Внутри периметра аутпоста было тихо, если не считать стоящего на отшибе домика, где, как я решил еще три дня назад, разместилось местное начальство. Там хрипела и свистела статикой помех радиостанция: слышались повторяющиеся кодовые фразы, незнакомые позывные. Значит, кто-то то ли уже вызвал помощь, то ли пытался это сделать. Любой из этих вариантов меня не устраивал, поскольку наверняка у пиндосов налажена система переключки, и поняв, что один из «опорников» не отзывается, они вполне могут выслать мотоманевренную группу или что-нибудь летающее. Варенуха, словно стыдясь за проявленную полчаса назад слабость, вообще старался не смотреть мне в глаза, находил малейший повод доказать, что все в норме. Бывший водила, отстранив Михася, отодвинул влево до упора застрявшую на полпути створку ворот и первым вошел за ограду. С любопытством поозирался, сунул нос внутрь кабины застывшего на выезде джипа и, бестрепетно сбросив на землю покойного иностранца, сел за руль. Мне стало интересно, что будет дальше, и я придержал Мишку за рукав. Замерев, мы молча ждали. Из кабины минуты две раздавалось невнятное бормотание, потом к нему добавился звук ворочавшихся рычагов, и вот «чудо враждебной техники» завелось, а из открытой дверцы высунулась плешивая башка Варенухи. Деловито поглядывая за спину, он сдал задним ходом почти без рывков, словно век управлял импортным авто. Чуть погодя, уже соколом смотря в нашу с приятелем сторону, он деловито спросил:

– Ну, куда этот драндулет ставить?

– Отгони его от ворот. – Я решил вести себя так, будто бы ничего не произошло: слабости есть у всех. – Сейчас проверим ангары с трофеями, потом придумаем, на чем отсюда уходить.

Кивнув, водила занялся агрегатом, а мы с Мишкой, уже не останавливаясь, пошли к ближайшему ангару. Оглядываясь по сторонам, я без всякого интереса оценил результаты нашей «газовой атаки». Большинство гранат упали с недолетом, но у них оказался довольно велик коэффициент рассеивания – наемники умирали практически мгновенно. Те, что сидели на вышках и в стрелковой ячейке у ворот, вроде как пытались развернуть станковое оружие в сторону точки обстрела, но газ распространялся слишком быстро, что при полном безветрии сыграло мне на руку. При беглом осмотре я насчитал восемь покойников внизу, включая одного наблюдателя, упавшего с вышки у ворот. Сколько еще находилось там, на верхотуре и в строениях, считать было некогда. Лица захватчиков не искажала даже тень агонии, словно смерть пришла быстрее, чем они осознали, что умирают. Это мне не нравилось: впредь пиндосы так легко не отделаются и будут подыхать как можно болезненнее. В поисках чего-нибудь полезного, я заглянул в казарму, потом в домик. Трупов ни там, ни там не нашлось – видимо, все солдатики выбежали, чтобы посмотреть, что происходит. В командирском доме обитало двое, об этом свидетельствовала пара аккуратно застеленных кроватей. Тут нашлась кипа карт района, испещренная большей частью непонятными мне значками. Удивило наличие в дальнем левом углу у окна целого штабеля больших картонных коробок с сигаретами. Потом вспомнилось, что в Европе, да и вообще на Западе сигареты жутко дорогие, но зачем им кишиневские подделки?.. Не задумываясь над эдакой пустяковиной, я повернулся, чтобы выйти, но взгляд зацепился за стоящий на письменном столе справа бинокль. Миниатюрный, габаритами с театральный, однако с блямбой встроенного дальномера. Вещь! На ходу я сунул оптику в карман брюк, сразу вздувшийся, и вышел на улицу. Больше тут действительно задерживаться не стоит. Возле крыльца, слева, ничком лежал труп наемника. Видимо, он бежал к навесу с припаркованными машинами, но не повезло. Ну, значит, сегодня твоя очередь... Однако внимание мое привлек небольшой, явно очень тяжелый чемоданчик, прикованный к руке трупа узким стальным браслетом.

Наемник потратил свои последние минуты на то, чтобы взять кейс.

В два приема вскрыв чемодан принесенным из инструментального шкафа «фомичем» и посмотрев на содержимое, я лишь сплюнул. Иностранец спасал деньги. Ровными пачками в чемодане были уложены новенькие незнакомые мне бумажки с надписями на английском. Банкноты достоинством в сто и пятьдесят тугриков. Более всего они напоминали европейские деньги с созвучным названием, но на правом поле этих был оттиснут голубого цвета американский континент, а в качестве символов использовались всякое зверье и бабочки. На пятидесятиамеровой банкноте, к примеру, – лань, а в левом нижнем углу аббревиатура – «50А». Значит, доллар умер, здравствуй, новая деньга!.. Ну, вот и реформу под шумок провели, и нет ничего нового под солнцем. А наши российские любители тырить импортные дензнаки опять в пролете. Что за жизнь пошла, никому верить нельзя, а ведь какая гордая была надпись на «зелени»: «Мы верим в Бога»... По виду это были несомненно американские деньги, но точно не доллары, да и про религию ни гу-гу. Ссыпав все деньги в заплочный мешок, я еще раз посмотрел на труп наемника. Не повезло тебе, приятель, зарплату уже не потратишь. Убойная штука этот потомок «вз-иксов»¹², нужно отдать иностранцам должное – отраву у них получается знатная. С трупами придется что-то придумать, хотя и не знаю, сколько времени у нас есть, чтобы как следует тут пошуровать на предмет приодеться и добыть нормального оружия.

Сойдя с крыльца и больше не оглядываясь, быстро иду к ангарам. А вот и закрома. Что-то тут не так...

Как только отчетливо, в деталях, стали видны двустворчатые двери, появилось нехорошее чувство, будто военное счастье поворачивается к нашему летучему отряду боком. На дверях имелся врезной кодовый замок с рядом кнопок и прорезью для пластиковой карточки.

– Бля!.. – Мишка смачно сплюнул и выругался многоэтажно, дергая за длинную ручку двери. – Закрыто! Где мы тут карточку найдем? Хрен знает, у кого она.

В чем-то приятель был прав, но, видимо, постоянный стресс так на мне сказался, что решение проблемы пришло мгновенно. Махнув рукой в сторону навеса, где стоял внушительный армейский грузовик в камуфляжных пятнах, похожий на грязного бегемота, я знаками послал туда спешащего к нам Варенуху. Поняв, что мне нужно, водила метнулся к грузовику и без лишних вопросов полез в кабину. Чихнув стартером, иностранная «полуторка» завелась и дважды мигнула нам фарами. Подойдя к машине, я указал приятелю на шкаф с инструментом, заслоненный бортом грузовика.

– Михась, быстро найди там верхонки, бухту с буксировочным тросом и кидай все это в кузов. Не хотят открывать по-хорошему, значит, церемоний разводить не будем... Да, – вспомнив, что они с Варенухой народ курящий, киваю на командирский домик, – там у окна целая коробка с куревом, натырили, видать, из сельских ларьков, бери свою отраву, не то уши опухнут.

– Опа! – веселое настроение на миг вернулось к приятелю, глаза заблестели. – Значит, живем! Семеныч, пошли куревом разживемся, иностранцы угощают!..

Галопом оба моих спутника кинулись в указанном направлении и скоро вернулись, неся в руках по картонной коробке. На лицах светилась неподдельная радость. Я усмехнулся про себя, осматривая фронт работ. Человек так устроен, что даже в самые паршивые минуты любая приятная мелочь может вернуть его к жизни. Сам в недавнем прошлом заядлый курильщик, я прекрасно их понимал – пусть хоть что-то будет как прежде. Например, курево...

...Подогнав машину и развернув ее кормой к воротам склада, мы принялись за взлом. Трос был очень удобный, с двумя регулируемыми карабинами и защелкой. Зацепив один конец за непонятное ушко чуть ниже левой створки складской двери, а другой за крюк под задним бампером грузовика, мы в раскачку взломали сначала первый, а затем и следующий ангара с трофеями. Было это не столько трудно, сколько затратно по времени: раскачивать нужно было аккуратно, чтобы сильной встряской не своротить чего-нибудь взрывчатое

внутри помещения. Оставив Варенуху с Мишкой отцеплять буксир и возиться с «полуторкой», я приступил к осмотру хранилищ. Войдя в помещение первого вскрытого склада, сразу отметил, что тут собрано обмундирование, которое сердобольный импортный каптер рассортировал крайне скрупулезно: отдельно сезонное и демисезонное обмундирование, отдельно обувь, головные уборы и даже нижнее белье. Везде аккуратные мультиязычные бирки со штрихкодом; от одежды исходил тонкий аромат какой-то отдушки. Мельком осмотревшись и наметив ряд вещей, которые понадобятся прямо сейчас, я быстро направился в соседний склад, где, по здравому разумению, должно находиться самое необходимое нам в настоящий момент – оружие. Тут тоже царили контроль и учет: слева тянулись стеллажи с боеприпасами, справа высились стойки с разнообразными марками «стволов» и сложенные в штабеля армейские ящики с оружием. Повсюду наклейки на английском, немецком и французском языках. Когда мы шли сюда, в воображении рисовались груды ржавого, покоцанного оружия, несущего на себе следы жестоких побоищ, одежда с пулевыми отверстиями и пятнами крови, снятая с трупов. Но подспудно росло и крепло ощущение, что будет все именно так, как я вижу наяву: холодно, бездушно и прагматично. Неожиданно я понял, что вот уже пару минут просто стою и пялюсь в пространство перед собой, а мои партизаны стоят рядом и комментируют увиденное.

– Эва, сколь всего нахапали! – Варенуха уже где-то добыл себе кусок ветоши и деловито счищал грязь с больших, похожих на совковые лопаты, рук. – Что же, все у наших отняли?

– Не обязательно отняли, – Мишка уже не выглядел подавленным. В голосе приятеля слышались нотки раздражения. – Смотри, ведь даже еще советское, есть вот штампы еще восемьдесят девятого года! Может, генерал какой пиндосам подарил, а солдатиков под ракеты подставил, чтоб не занасивали казенное! Нет, Антоха, хоть убей не пойму, как это все случилось, да еще так быстро?! Есть же и у нас техника новая. Спутники, корабли, оружие ядерное, мы же были такие сильные, а?..

Все эти вопросы я уже где-то слышал и, что страшило сейчас больше всего, точно знал, откуда это «дежавю». В детстве и на протяжении почти всей своей недолгой жизни я любил смотреть фильмы о войне. Больше всего нравились те, где наши советские солдаты и командиры без колебаний и очень уверенно побеждают хоть и сильного, но все же уступавшего нам почти во всем врага. Те же, где рассказывалось о горьких днях первых месяцев войны, поражениях, отчаянии, я особо не жаловал. Распробовал эту горечь я только после того, как сам побывал на войне настоящей, но с горечью приходилось признать, что с подвигами дедов сравнения нет никакого. Духи, даже хорошо вооруженные и местами грамотно руководимые, с немцами и их отлаженной армейской машиной на одну доску поставлены быть не могут. Это не умаляет заслуг тех, кому довелось поучаствовать в обеих чеченских заварухах, – дрались хорошо, себя не жалели, стыдно не было ни грамма. А вот когда против тебя во весь рост поднимается точно такая же армейская машина, но движимая чуждой идеологией, с совершенно иным взглядом на то, как нужно воевать... Деды имели за плечами мясорубку гражданской войны, потом мелкие стычки с япошками и тяжелый опыт белофинской кампании. Но было и еще кое-что: их вела и поддерживала ИДЕЯ. Вера часто бывает важнее пушек и танков. А что есть у нас? Только жидкая мешанина из православия, гнилых идей предателей-диссидентов да абстрактных призывов к защите Отечества. Когда мы воевали, всех накрепко спаяла ненависть к духам, желание мстить за павших друзей. Про все эти заморочки с возрождением монархии, битием поклонов у икон и вдыханием фимиама никто не заикался. Да еще этот власовский флаг¹³ на рукаве... Нет, во время службы я про такие нюансы старался забыть, держа в уме родное, серпасто-молоткастое привычное красное знамя бригады. Фиг его знает, что хотели тогдашние, теперь уже бывшие хозяева страны, когда выбирали этот флажок как государственный символ. Вообще, от политики и всяких там ревизий истории всегда держусь как можно дальше: тихо смотрю советские фильмы, залитые на старенький домашний комп, и редко включаю телевизор. Этот лживый ящик стоит у меня на холодильнике, там я иногда слушал новости или включал какой-

нибудь канал, где рассказывают про еду или рыбалку. Теперь уже все это кажется таким далеким, словно и не со мной было.

...С самого первого мгновения там, в отравленной газом деревне, на душе словно наступила зима. Истинное, понятое умом положение вещей отторгалось моей внутренней сутью. В какой-то степени можно считать везением, что лицо досталось мне от рождения совершенно невыразительное. Мало кто из окружающих мог похвастаться, что вывел меня из себя или развеселил – и увидел результат. Даже самому иногда бывало неудобно и приходилось специально показывать людям мимикой, что да как. Теперь же и внутри меня все замерло, как будто реальный мир отгородили стеклянной стеной. Все чувства спрятались, чтобы выжить, пришлось заставлять себя действовать правильно, прикладывая огромные усилия для того, чтобы держать себя в руках и не завывать от безнадеги и тоски. Когда я был на Кавказе, всегда оставался уголок дома в душе. Непременным было чувство уверенности в том, что когда-нибудь срок службы подойдет к концу и я вернусь туда, где войны нет. Но похоже, фигуральное выражение «Каждый солдат приносит войну с собой» обрело реальный, кошмарно-абсурдный смысл. Война, притаившаяся внутри, проросла, дала всходы, и ее споры рассеялись по квартире, району, городу, захватили всю страну. Так случилось по жизни, что выбирать профессию мне не пришлось: школа, два курса института, а потом – только армия и война. Ничего другого я не умею и, как правильно заметила бывшая супруга, – горбатого могила исправит. Сначала был вынужден учиться воевать, потом просто понравилось. Но всегда и во всем, с раннего детства выработалась привычка до тонкостей знать любое дело и всегда выходить победителем. Всегда. Так было и во время обеих кавказских войн. Предательство бизнесменов, рулящих армейским начальством, не мешало мне и сослуживцам по отдельному разведбатальону Н-ской мотострелковой бригады до конца разбираться с врагом. Шли в поиск, часто без формального приказа, и честно воевали, заслужив ненависть и даже некоторое уважение тамошних духов. И все приходило к логическому завершению, всегда явно ощущалась черта, дойдя до которой, ты понимал: мы победили.

Сейчас же все иначе: враг оказался везде и те, кто заступил на службу после нас, либо уже мертвы, либо мечутся в кольце окружения. По «ящику» народу пели про то, какие у нас мощные ракеты, как нас боятся американцы и их союзники. Охотно верю: страх заставил врага вынашивать планы нападения и готовить вторжение. Именно страх и черная зависть явились причиной того, что, может быть, двух третей российских и не только городов и деревень уже не существует.

Думая обо всем этом и оглядываясь назад, не представляю, как я буду воевать практически в одиночку с целым миром, решившим подзатариться за счет моей страны. Апатия, паника, страх и ненависть, словно в кривом зеркале, пытались оттолкнуть, уничтожить те принципы, которые мне внушали с детства. С самой первой стычки с американцами и до сегодняшнего мгновения я ощущаю себя словно в дурном сне, который никак не кончится. Водоворот кошмаров кружит и сводит с ума, выталкивая на поверхность единственную мысль: надежды нет. Как это ни банально прозвучит, но огромный мельничный жернов усталости повис на моей шее с того самого момента, как залп автоматической пушки вражеской БМП заставил вытолкнуть приятеля из машины и вновь взяться за привычное ремесло. Пленка отчуждения не давала мне почувствовать бой, ощутить его бешеный пульс, принять его радость и упоение. На губах был только горький вкус пепла усталости. Как я умудрился выжить и сохранить веру в себя этих людей? Видимо, снова повезло. На этот раз воевать мне совсем не хотелось: мирная жизнь, робкие планы на обустройство домика где-нибудь в таежной глуши и долгие часы молчания наедине с природой – вот чего желала душа. И уже через силу приходится носиться по буеракам и вновь убивать. Но на этот раз сознание отказывалось видеть ту самую черту, за которой всегда ждала победа. Пока впереди только клубящийся багровый туман неизвестности, и каждый шаг с почти стопроцентной вероятностью может стать последним. Но, как и много раз до этого, вокруг меня снова оказались те, кто не хотел умирать. Пусть эти люди не были

ни родственниками, ни друзьями, пусть оба они – только полуобученный балласт. Но в каждом из них теплится крохотный огонек надежды, который питают едва тлеющие угли от костра моей души. Однако им это не известно: Михась и Варенуха пролили первую кровь, скоро, если все сложится удачно, я смогу их многому научить. А может быть, найдутся и другие, кто, так же как и мы, не желает покорно принимать уготованную им захватчиками участь, вдохнув смертельный газ или сгорев заживо.

Страхнув с себя оцепенение, которое длилось только двадцать восемь секунд, я совершенно обычным голосом сказал, обернувшись к артельщикам:

– Мужики, у нас же был уговор про дискуссионные клубы. Или вы хотите, чтобы, пока мы тут занимаемся бесполезной болтовней и гадаем что да как, пришли те, кто перед расстрелом все это нам разъяснит? Лично я не хочу это выяснять наверняка, а вы?

Варенуха сделал вид, будто ищет что-то в кипе обмундирования. Михась встретился со мной виноватым взглядом и отрицательно мотнул головой. Я продолжил, не меняя тона:

– Тогда нам нужно разделиться, чтобы быстро собрать самое необходимое и погрузить в эту полуторку. Взять пока будет негде, поэтому постараемся охватить все наши потребности. Так, нам нужно разделиться. Семеныч, ты подгони к ангару грузовик, так чтобы он встал под загрузку сначала сюда. Сам же, пока мы вещички да остальное барахлишко сортируем, приberi покойников, чтобы мы их смогли запереть в соседнем ангаре, где оружие. Собери только тех, что на виду и иди нам помогать. И посмотри шанцевый инструмент, желательнo лом, пару лопат и топор...

– А это... – Варенуха замялся. – Размер-то мой ты знаешь?

– Чудак человек, – ожил Мишка и хлопнул смутившегося водилу по плечу, – склад-то армейский, тут тебе не магазин элитной одежды. Возьмем самый большой, явно по тебе будет тара!

– Михась! – я одернул приятеля, хотя и не слишком строго, атмосферу нужно было разрядить. – Ты пока пошукай комбезы, вон стопка подходящая прямо на тебя смотрит.

– Семеныч, – повернулся я к чуть зардевшемуся Варенухе, – особые пожелания я постараюсь учесть, но в принципе Мишка прав: ты у нас самый рослый и широкий.

– Ну, – Варенуха чуть оттаял, – у меня подъем ноги высокий, мне б обувь попросторней, а так, вроде все...

– Лады, иди покойников сортировать, а мы подыщем.

Варенуха благодарно кивнул и быстро исчез из поля зрения, а я принялся помогать Мишке с отбором обмундировки. С виду все было просто: выбирать нужно демисезонные и зимние вещи, исходя из того пессимистичного расчета, что больше такого случая и богатого выбора нам в ближайшей перспективе не видать. Захватчики постарались и на склад свезли только то, что так или иначе можно было продать. На эту мысль меня навели ассортимент и наличие сопроводительных ярлыков. В самом деле, что может быть выгоднее: пусть фабрик, где все это пошито уже нет, но подшефных в разных странах надо во что-то одевать и обувать. А тут даже тратиться особо не пришлось, русские все уже приготовили и даже упаковали. Как правильно заметил Михась, тут было все, вплоть до нижнего белья. Предпочтение я отдал новой форме, видимо, поступившей совсем недавно, может быть, даже солдаты ее еще не видели. Я прихватил по четыре комплекта на каждого из нас, как зимнего, так и летнего обмундирования. Чтобы потом не терять времени, начал переодеваться.

– Михась, нужно переодеться полностью, возьми у входа пакеты с гигиеническими салфетками, оботрись и облачайся. Бери вон те куртку и штаны, – я показал на стопку предусмотрительно затушеванного в полиэтилен шмотья. – Панаму не забудь, там даже накомарник есть.

И я сбросил с себя изрядно пообтрепанную и рваную униформу: та превратилась в нечто среднее между джутовым мешком и песьей подстилкой, с непередаваемым букетом запахов гари, леса и немытого человеческого тела. Взяв из стопки, принесенной приятелем, влажную салфетку, тщательно обтерся. Потом облачился в удобные, кто бы что ни говорил, черные сатиновые трусы, сразу вспомнив учебку и свой первый комплект «хэ-бэ» (только

портянок уже не было, теперь солдатам выдавали обычные носки). Напялил футболку, чуть тесную и пахнущую дезинфекцией. Затем настала очередь верхней одежды. Пуговиц больше нет, вместо них тусклые полимерные кнопки да молнии. Комплект явношили не на рядовых, полевая форма оказалась добротной и легкой. Рисунок многоцветный, долго смотреть на него было неприятно, глаза так и тянет отвести. По-научному этот рисунок называется «цифровая флора», на ткань наносят четырехцветный пятнистый рисунок, созданный на компьютере. Само волокно какое-то хитрое, синтетическое, в сочетании с рисунком оно дает на приборы оптико-электронного наблюдения искажающую картинку, затрудняя опознание силуэта бойца. Куртка с капюшоном, штаны и панама с противомоскитной сеткой. Чего не стал я делать, так это менять свои разношенные «берцы», поскольку потратил на них целый оклад полгода назад – я выбрал самые лучшие, что были в магазине. Итальянские боты, на гелиевой подошве с антибактериальными стельками и фиксацией голеностопа. Американскую и тем более нашу обувь я никогда не жаловал, первую за то, что пропускает влагу и быстро промокает, вторую просто потому, что у нас традиционно не умели шить обувь. Михасю пришлось хуже – он выехал из дома в обычных полуботинках, потом снял «берцы» с одного из американских танкистов, но те оказались ему велики. Сейчас он нашел нечто по размеру, но лицо скривил недовольное:

– Жмут, падлы! – приятель ходил взад-вперед и притопывал ногами в новых ботинках. – Неужели нормальных пошить не могли, где справедливость...

Нашлось несколько видов «броников» со сбруей и подсумками. Повезло: я наткнулся на десяток совершенно новеньких десантных «шкур» с возможностью подцепить на них разгрузочную упряжь¹⁴. Такие комплекты планировалось выдавать всем, включая обычных мотострелков. Но, насколько я знаю, солдатам эта роскошь так и не досталась, их таскала только десантура. Сложив все в кузов, я решил, что займусь подгонкой позже, сейчас утащить бы все скорей. Закончив с облачением, мы за полчаса закинули в кузов по шесть комплектов обмундирования и обуви на брата. Потом отыскиали походную палатку с портативной железной печкой и четыре спальных мешка. Один, стало быть, лишний, но в него мы сложили всякие полезные мелочи, включая найденную тут же портативную радиостанцию и шесть обычных носимых блоков короткой ларингофонной связи, по три запасных аккумулятора к каждому и полевое зарядное устройство. Последняя вещь оказалась весьма кстати, поскольку заряжала любые аккумуляторы, для чего нужно было только присоединить к ним саму батарею через специальный шнур с разъемом. Обнаружился и кабель с обычными контактами – «крокодилами», так что «прикуривать» можно было абсолютно все и с нестандартными разъемами. Я рассудил, что по пеленгу возможно определять, работают ли в округе иностранцы, а радиостанции короткой связи будут необходимы, если мы собираемся эффективно партизанить. Кроме того, я отыскал большие прорезиненные мешки непонятного предназначения и прихватил десяток, предвидя необходимость закладки тайников. Машина – штука не вечная, рано или поздно придется оставить.

Чего не оказалось на вещевом складе, так это еды. Иностранцы не позаботились о нас настолько хорошо, а их жратва и особенно похожий на картон хлеб были употребимы только в аварийных случаях. Продукты из импортных пайков и даже обычных, захваченных в качестве трофеев консервов насыщали только временно. Единственное, что у захватчиков оказалось качественным и вкусным, так это шоколад и растворимый кофе. Но последний я пил исключительно по необходимости, поскольку не жалую этот пахучий напиток.

Закончив с вещами, мы, уже реально опасаясь вот-вот могущих нагрянуть карателей, двинули в соседний ангар. Тут копошился Варенуха, в дальнем левом углу лежали неровным штабелем трупы наемников. Наш водила уже выбрал себе оружие по вкусу – на плече его словно игрушечный болтался калашниковский «ручник»¹⁵, а сам Варенуха, словно революционный матрос, был перепоясан наборными пулеметными лентами. Возле входа громоздились два зеленых ящика, судя по маркировке – с пулеметными патронами. Сверху на них лежали завернутые в промасленную бумагу шесть сменных стволов к пулемету и два

подсумка, доверху набитых ручными гранатами. Рубчатые бока «эфок» и гладкие обводы наступательных РГД-5 я узнал сразу. Ничего не говоря, чтобы драгоценные минуты зря не тратить, мы с приятелем тоже приступили к поискам. Тут все обстояло много хуже, чем с обмундированием и всякими прибабасами: как ни искал, не вышло найти свой любимый «калаш» под надежный 7,62 мм калибр. Патронов и магазинов к нему нашлось в избытке, но ни одного правильного автомата я не обнаружил. Поэтому скрепя сердце взял обычное «весло»¹⁶ с легким рамочным прикладом и пластиковым цевьем цвета «баклажан». Чтобы отыскать к нему правильные патроны, в просторечии просто «червонцы», пришлось потратить лишних двадцать минут, ведь иначе это будет не более чем кусок железа. Мишка удивил – отыскал в дальнем конце склада ящик с нелюбимой мной тихой винтовкой, называемой почему-то «винторез»¹⁷. Увидев недовольную гримасу на моем лице, он сразу завелся:

– Че ты все волокешь на мою лапушку, старшой! – Мишка любовно обнял винтовку, прижимая ее к груди, словно любимую жену. – Ну, нравится мне, как она стреляет, учился я, почитай год с омовцами знакомыми на полигон ездил...

– Миша, родной, – я максимально быстро сортировал баклажанного же цвета пластиковые магазины к автомату и кидал их в мешок, – да бери ты что понравится, главное помни, что в бою амеры тебя с этим «кара-мультуком» в случае чего жалеть не станут. Чем будешь их тогда отгонять – матюгами, чтоли?

– А вот давай пари заключим! – глаза приятеля азартно сверкнули. – Ты со своим «веслом» и я с моей ласточкой, кто больше в следующей стычке подстрелит.

– Ну, – я намерено отвернулся, будто бы искал что-то на стеллажах, – пари так пари. Я ставлю фляжку свою именную под коньяк, а ты зажигалку. Идет?

– Э, куда хватил! – приятель прищурился, но не отступил. – Ну смотри, слово сказано, Семеныч, ты свидетель!

Варенуха понимающе гоготнул и, подойдя, разбил наши руки.

От такого соревнования проиграют только наши враги. Я намеренно спровоцировал приятеля на спор, поскольку винтовку эту невзлюбил еще с первой своей войны. Тогда мы соседилась с каким-то «спецназом» внутренних войск. Их боец все хвастал перед нашим молчуном ефрейтором Лешкой Евсеевым, что, мол, его «тихарь» легче и без вспышки, а уж про точность вообще молчок. Крот, как мы звали Евсеева за то, что «винтарь» ему выдали случайно – зрение у пацана было неважное, но очков он принципиально не носил, предложил «спецназовцу» пари. Тогда в городе верховодили духовские наемники-снайпера: отстреливали радиоантенны с «брони», выслеживали командиров и, как ни странно, поваров. В войсках шло негласное соревнование, кто сможет подстрелить хотя бы одного такого наймита и принести его винтовку или еще какое-нибудь доказательство удачного выстрела. Больше всех пыжились именно «спецы» из подразделений внутренних войск или ментовских структур, ОМОНа и СОБРа. Как правило, они были вооружены и экипированы лучше чем мы, армейцы. И один такой служака не преминул похвалиться специальным «стволом». Видимо, по незнанию он слабо разбирался в том, что ему досталось, либо надеялся на свои везение и мастерство. Но вот забились они с Кротом, что нынче же ночью подстрелят бродящего в округе духа со снайперкой. Обычай у вражеского стрелка был такой: где-то после трех пятнадцати утра и до четырех тридцати он занимал позицию в развалинах напротив нашего НП и караулил цель. Примерно в это же время через нас проходили разведчики и просто транзитники, готовящиеся к утру идти в центр города. Место у нас было удобное, потому как его регулярно чистили от мин саперы, которых мы в основном и прикрывали. Дух попался грамотный, выбирал позицию в развалинах, оставшихся от старой застройки трех- и четырехэтажных домов. Валил он избирательно: то офицера, то связиста, а один раз подстрелил приехавшего на позиции журналиста с какого-то знаменитого канала. Писаке повезло, и пуля вдребезги разнесла дорожную видеокамеру, слегка оцарапав штатскому левую щеку. Шуму было много, но, откровенно говоря, никто особо не переживал, посторонних война не любит.

Вот минуло три часа, и началось диковинное соревнование, оба стрелка вышли со своих позиций, а мы сели наблюдать, хотя ночью-то чего углядишь? Ни зги не видать, поэтому арбитром мы сообща определили пулеметчика Гену Астраханцева, как имеющего на вооружении ПКМ на станке с ночным прицелом. Толпиться у пулемета, естественно, никто не стал – оторвешься от окуляра, и по засветке тот же дух тебе пулю в лоб и пропишет. Расселись мы кто где, ждем, слушаем. Минут сорок все было тихо, стреляли где-то в районе Центрального рынка, но это было дальше и северней. С Кротом у нас был уговор, что если мы услышим второй выстрел из его «духобоя», как Лешка ласково называл свою штатную СВД, сразу идем на два строчных проблеска его фонаря и вместе ищем добычу. Второй выстрел наш снайпер делал специально для подтверждения, что он свою работу сделал. Как будет работать «спецназовец», мы, само собой, слышать не могли. Этот куцый «винторез» бьет совершенно бесшумно: «чих-чих» – вот и вся музыка. И вот, когда мы уже решили, что дух сегодня не придет, сначала подал голос дух, затем, почти сразу же, треснули с коротким интервалом два винтовочных выстрела. Генка-пулеметчик свистнул, дал из своего «станкача» короткую очередь трассерами куда-то влево, намечая нам путь. Лежку Крота мы нашли не сразу, пока он сам не вылез из-под кучи битого кирпича, ругая одного из моих бойцов, что тот кирзачом ему на ногу наступил. Шепотом Лешка объяснил, что дух подставился, сверкнув фонариком, и он его приложил почти сразу. Путь в развалины указанного стрелком дома занял еще минут сорок, потому что поднялась дикая пальба – духи спешили к своему снайперу на помощь, но Генка и минометчики «соседей» их отсекали. Все знали о негласном соревновании, и я думаю, что наблюдали кто как мог тоже делали ставки. Духа мы нашли на третьем этаже жилого дома, почти полностью разрушенного. Стрелок лежал ничком, винтовка валялась внизу, ее оперативно подобрал сам Крот минутой раньше. Есть миф, что все снайпера – это обязательно какие-то прибалтийские бабы, не знаю, я видел троих прижмурившихся стрелков с оптикой, и все они были мужиками, причем двое самыми что ни на есть русскими, а один – какой-то араб. Принесли мы труп в расположение, деньги, что при нем были, Лешка частью забрал себе, частью отстегнул в общий котел. Сигареты и прочие мелочи мы растащили кому что понравилось, мне достался отличный миниатюрный японский фонарик.

Вроде все улеглось, когда через минут этак десять к нам заявили дружки «спецназовца» и начали предъявлять за пропавшего товарища. Почему их стрелок не вернулся, мы даже и не подумали: мало ли, может, стыдно стало или ранен да свои утащили. Делать нечего – пошли искать. Хоть и было темно, как в жопе у негра. Стрелок как сквозь землю провалился. Вмешался наш взводный, приказав ждать до утра. Менты начали было быковать, требуя продолжения поисков, но тут подключилось их собственное командование, и ситуацию замяли. При свете в городе было не менее опасно, чем ночью, но хоть видно, куда ступаешь. Мы вышли, как только забрезжил серый рассвет, в полном составе шарились по развалинам и спустя час когда окончательно рассвело, нашли мертвого стрелка. Потом я прикинул, что в темноте мы раза три проходили мимо, но сховался мент грамотно, вот и проглядели. Позицию он выбрал толково, даже отработал по цели четыре выстрела. Это-то его и сгубило: рабочая дистанция у его «коротышки» – двести метров, а он стрелял с полных пятисот. Пули ложились на излете, дух его интуитивно вычислил, потом сделал выстрел вслепую. Коллеге Крота перебило позвоночник, и он умирал долго: примерно минут двадцать, может быть, с полчаса. Как знать, может, я неверно оценил тогда ситуацию, возможно, что винтовка тут совершенно ни при чем. Однако Лешка тогда продемонстрировал, как дух вычислил «спецназовца»: воткнул в пробойину, оставленную ментовской пулей, гвоздь и, сделав поправку, отработал на одном только инстинкте просто по направлению шляпки. Вот с тех пор я принципиально терпеть не могу этот «ствол». Может быть, напрасно, но так уж сложилось.

– Патронов на эту редкость найди побольше, раз уж так приглянулась...

Навязывать свой личный опыт не хотелось, тем более, что мы и так слишком долго тут провозились. В кузов было загружено еще немало всякого добра, включая и несколько

десятков разнотипных мин, две связки одноразовых гранатометов, две штуки РПГ-718 и две новых «Стрелы»¹⁹. Последние лежали почти на самом верху у дальней правой стены, заметил их глазастый Варенуха. В обращении с ними у меня никакого опыта не было, но Михась снова показал свою продвинутость, заверив, что берем не зря, мол, как два пальца. Свалить какой-нибудь вражеский беспилотник или, паче того, десантный вертолет, полный пиндосов, – это будет совсем неплохо. Как только все вещи были погружены, мы сообща закрепили груз, прихватив входной клапан ременной сбруей, чтобы не хлопал от ветра. Чуть отдышавшись, я объяснил артельщикам свой замысел:

– Рано или поздно, пиндосы пришлют сюда кого-нибудь. Одно дело пощипать саперную группу и совсем другое – уморить целый «опорник». Нас станут сильно искать, на складах будет работать дознаватель и обнаружит пропажу. Более того, скоро они определят нашу примерную численность и места предполагаемой дислокации. Поэтому со следа их нужно сбить. Миша, Семеныч, – нужно закатить в ангары по паре бочек горючего. Желательно, если это будет именно бензин.

– А чего, – Михась уже освоился с винтовкой и нехотя положил ее на тюки с добром, – соляры кругом наплещем, дорожку до ворот проведем и адью...

– Тогда гореть начнет сразу же, и разведка придет на базу еще когда мы будем уходить. Есть у меня другой фокус. Будет громко, но не сразу. За работу, мужики!

Под навесом нашлось шесть бочек с бензином и столько же с обычным дизтопливом, на котором работал наш грузовик. Закинув в кузов несколько вместительных канистр с горючим, мы принялись вкатывать бочки с бензином в ангары. Получилось по три на каждый склад. После этого я вынул две обычные «эфки» и пару эластичных резиновых колец, найденных в инструментальном шкафу. Кольца я плотно надел на корпус гранат так, чтобы они зажимали предохранительный рычаг. После этого, вынув чеку сначала у одной, потом у другой, спустил в бочки, снова плотно завернув крышки. Для гарантии пол в ангарах мы облили соляжкой, чтобы горело подольше. Расчет простой – бензин размягчит резину за полчаса. Способ старый, проверенный, его применяли еще во время войны. Сработает и сейчас, в этом я не сомневался. Отдышавшись и пояснив партизанам, как этот фокус действует, скомандовал «по коням». Мы, не мешкая больше ни секунды, направились было к машине. Вдруг Мишка окликнул меня и водилу:

– Мужики! – В руках у него была какая-то жестянка. – Глядите, чего нашел!

Подойдя ближе, я увидел, что в жестянке тусклыми кровавыми каплями и золотом блестели советские и российские знаки различия и кокарды. Были тут парадные, блестящие, и тусклые, защитного колера, звезды и лычки.

– Ну, кто мы теперь будем, мужики?

Внимательно оглядев свое воинство, я протянул руку и начал рыться в банке, внимательно наблюдая за людьми. Мишка, лукаво глянув на жестянку, только пожал плечами, а Варенуха азартно наметил себе крупные звезды комсостава.

– Чтобы не превратиться в сброд и дать понять тем, кого мы встретим на пути, что видят они не кучку мародеров, предлагаю надеть знаки различия согласно действительным армейским званиям. Семеныч, ты что, полковником был?

Варенуха засмутился и, опустив крупные звезды обратно в банку, спрятал лапу в карман новеньких брюк. Смотреть на него было забавно.

– Не, я это... я ефрейтором дембельнулся, нам, шоферам, особо-то звания кто дает?

– Тогда бери два набора: полевой и повседневный. В парадных после покрасуемся, если доживем, а на форму цепляй зеленые лычки. Михась, ты кем окончил?

– Так че, не помнишь, мы с тобой оба в старших сержантах ходим, еще как познакомились, ты...

– Не помню, – я махнул рукой и потряс банку с регалиями. – Но это сейчас не важно совсем.

Как только все разобрали фурнитуру и прицепили к форме, я поднял руку. В кулаке у меня было еще кое-что, взятое из банки втихаря, незаметно от артельщиков.

– Товарищи бойцы! – Помимо воли и Мишка, и Варенуха подобрались, в глазах появилась дымка, тело припоминало эту интонацию. – Старой власти или уже нет, или скоро не станет вовсе. Но мы с вами служили и принимали присягу на верность не людям, но стране. Символ победы для нас – красное знамя, отличительный знак – алая звезда, серп и молот. Будем до последней возможности бить врага, как делали это наши отцы и деды. И пусть последнее, что увидит враг, будут эти красные звезды. Пусть видят, пусть боятся!

Разжав кулак, я показал им три красные звезды на ладони. В банке они лежали как бы отдельно от остальных знаков, но все равно терялись в общем многообразии. Не колеблясь, приятель и водила взяли звезды и стали прилаживать их на панамы. Скоро символы умершего государства и его непобежденной армии снова заняли свое законное место – на головных уборах своих новых солдат.

– А теперь давайте и в самом деле убираться отсюда.

Получалось, что на базе мы провели почти час. На душе все это время было беспокойно, тем более, я не знаком с протоколами захватчиков на случай потери связи. Михась сел в кузов, пока еще вооруженный карабином, а не облюбованной винтовкой, а я тоже не стал перевооружаться, хотя в магазине «мухобойки» осталось всего три патрона. Приятелю и Варенухе повезло больше – патронов мы нашли достаточно, и у каждого из бойцов оказалось по два снаряженных десятипатронных магазина и несколько десятков патронов россыпью по карманам. Риск нарваться на отбойную группу, высланную к неожиданно замолчавшему «опорнику», безусловно, был огромен, а нам даже нечем ответить. Оружие было все еще в смазке, поскольку, скорее всего, было взято прямо со складов хранения. Ну, очищать и пристреливать нужно в спокойной обстановке, а сейчас главное – скрыться как можно быстрее. От базы мы съехали на проселок; еще минут двадцать ушло на то, чтобы оттащить пойманный в яму джип. В раскачку нам удалось вынуть передние колеса и по уже частично засыпанной траншее осторожно вырулить на ровное место. Как только мы вновь расселись по местам, со стороны базы раздался сначала один, а сразу следом за ним второй взрыв. То ли кольца оказались бракованными, то ли бензин слишком качественным, но фейерверк случился рановато.

– Семеныч, гони вперед, как только можешь!..

Высунувшись из окна, я крикнул приятелю:

– Михась, держись за что-нибудь, сейчас будет трясти!..

Мощный мотор взревел на высокой ноте, и машина прыгнула вперед. Пыль заклубилась по обоим бортам, словно от пожара, и мир заволочло легкой дымкой. Варенуха уверенно крутил баранку, что-то цедя сквозь зубы. Минуту минут сорок, но ощущение близкой беды не оставляло: точно кто-то большой висит над головой высоко в небе и целится из чего-то стопудово убойного. Не осознавая, что делаю, перекрикивая рев мотора, я приказал:

– Сворачивай!.. В лес с дороги, быстро!..

Ничего не понимая и не снижая скорости, Варенуха крутанул баранку, и машина резко пошла вправо. Чудом не сшибив ни одного дерева, мы проехали метров двадцать и зарылись в густые придорожные заросли.

Не дожидаясь, пока грузовик окончательно остановится, выпрыгиваю из кабины и бегу назад, на ходу выкрикивая команды:

– Михась, доставай масксет, нужно укрыть тачку. Семеныч, помогай ему, быстро, мужики!

Быстро спешившись, мы вдвоем натянули лохматое пыльное покрывало на грузовик и разбежались в стороны, укрывшись под кронами разлапистых елей. В глубине души я очень надеялся, что не зря сдернул людей с трассы... и чутье не подвело. С севера, со стороны дороги, послышался сначала слабый, а потом все более отчетливый гул моторов. По звуку, к нам со стороны трассы приближалась небольшая колонна. По звуку – три-четыре легковые машины, вроде того самого джипа, что мы притопили утром. Сделав знак артельщикам оставаться на месте, я осторожно двинулся к обочине, чтобы «припорошить» наши следы и

заодно глянуть, кто это пожаловал. Мы заехали довольно глубоко в лес, но машина была перегружена и образовалась колея, ее четко было видно на желтой почве проселка. Аккуратно срезав ножом хвойную лапу с пушистым хвостом иголок, я быстро подбежал к нашим следам и, как мог аккуратно и споро, запорошил их веткой и присыпал горстями земли, взятой тут же. Шум моторов приблизился, я еле успел спрятаться за толстым стволом какого-то лиственного дерева, черт его знает, как оно зовется. Вовремя: в сторону базы проследовала колонна из четырех бронированных джипов, но маркированы они были не как армейские, это я понял сразу. На водительской дверце каждой из четырех машин красовался гербовый треугольный щит красного цвета, внутри которого была нарисована черная скала. На крышах, естественно, турели, но вместо пулеметов я разглядел нечто более серьезное: каждая тачка была оснащена автоматическим гранатометом. Это очень плохо, даже деревья от такой артиллерии не спасут. Но все же это не военные, а значит – минус танки-пушки-самолеты, минус войсковая операция по прочесыванию лесного массива и прочие неприятности, которые нам не пережить. Иными словами, мои предположения, хотя бы частично, оказались верны: армейцы на помощь наемникам не спешили и те выслали помощь сами. Глянув на часы, я прикинул, что на все про все им понадобится два часа семнадцать минут. Медленно, однако. Вертушек у вас, ребята, нету, или их очень мало, беспилотников тоже не видать, иначе шакалили бы уже вокруг. Проводив быстро удалявшиеся машины взглядом, я рысью помчался к артельщикам. Созрела еще одна интересная мысль.

Мои партизаны притаились и сидели тихо, словно мышь под веником. Им снова страшно стало. Ну, это мы сейчас поправим:

– Михась, – живо в кузов, а ты, Семеныч, становись под разгрузку внизу. Будем маленько шалить.

Приятель вместе с водилой, ничего не говоря, встали, и вскоре три блина противотанковых мин уже лежали на траве, завернутые в кусок брезента. Раз американцы поехали на базу, то так или иначе скоро вызовут и технику – для разбора развалин и ремонта. Как самый шоколадный вариант – привезут группу пополнения, что для грядущей пакости было бы весьма кстати. Поедут они не особо опасаясь, поскольку бойцы сначала осмотрят прилегающие к периметру окрестности, а мы уже достаточно далеко. Поэтому я решил заминировать дорогу. Это отвлечет иностранцев на какое-то время, даст нам возможность тихо уйти из района поисков. Завернув мины в брезент и взяв под мышку лопату, я взмахом руки позвал обоих бойцов за собой. Действовать нужно быстро, пока еще кто-нибудь не нарисовался. Выйдя на обочину, я осмотрел трассу, и мы прошли еще несколько десятков метров вперед, чтобы минировать отрезок дороги, входящий в поворот. Тут машины вынужденно сбросят скорость, и шанс наскочить точно на заряд увеличится. Для пакости я выбрал старые, но все еще очень даже годные противоднищевые «семидесятой» 20. Не понимаю, зачем пиндосы тащили к себе на склад все подряд, но сейчас я был им очень признателен за это. Капризность «семидесяток» сейчас значения не имела, поскольку я специально проверил, что лежит в укупорках, и взял только нажимные, более простые детонаторы. Мишка следил за дорогой, а мы с водилой занимались установкой. Ставить «гостинцы» я решил в одиночку, поскольку опыт, пусть и небольшой, но имелся. Процесс этот не сложный, главное правильно посадить мину в грунт и положить под нее гранату, буде кто захочет ее снять, а не подорвать дистанционно. По уму, пиндосы должны не носиться по дорогам сломя голову, а пускать впереди колонны отделение инженерной разведки. Эти-то пакость сразу бы обнаружили, но, как я видел, ничего подобного нет и в помине, караваны катаются, как у себя дома, ничего не опасаясь. Сейчас действовало преимущество ранней стадии оккупации, когда ничего еще не подготовлено, быт не налажен и территория изучена слабо. Само собой, есть у них карты, спутники и воздушная разведка, но есть это не везде, в чем мы с артельщиками уже убедились. Ввернув взрыватели и аккуратно ссыпав с брезента сухой, прожаренный солнцем грунт, я разровнял землю на месте последней закладки и махнул своим, чтобы уходили к машине. В последний раз от

обочины осмотрел дорогу: при минировании грунтовок очень важно брать землю именно с того места, где копаешь. Это правило помогает запутать сапера, если он идет с контактным шупом, без хитрой техники. Земля выглядит однородно, грунт одинаковый, будто и нет ничего. Мины я расставил через пятнадцать шагов друг от друга, поставив минимальную задержку в тридцать секунд, чтобы на закладку наехало как можно больше машин. Рассчитывал только на грузовики и джипы. По прикидкам получалось, что их разнесет в клочья. По-хорошему, следовало высадить на обочинах противопехотки для спешившегося десанта и паникующих пассажиров, но для неконтролируемой закладки это показалось лишним, мин в запасе не так много.

– Что будем делать, старшой? – Михась говорил тихо, хотя вокруг не было ни души. – Ждать, пока обратно поедут?

Резон в словах приятеля безусловно был: обстрелять застопорившуюся колонну – это звучит очень заманчиво. Другое дело, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет: всех так и так не подорвем, уцелевшие свяжут нас боем, окружат и быстро уничтожат. Три человека против двадцати – расклад не очень верный. Сработает закладка или нет, нам следует уходить, и как можно быстрее.

– Нет, пока рано показывать зубы. Сейчас садимся в грузовик и рулим как можно дальше на юг.

– Почему на юг? – вступил в разговор водила, уже почувствовавший себя настоящим диверсантом.

Это я как раз понимаю: маленько безнаказанности, куча оружия и тотальное невежество. Но выходить из себя и тем более серчать на престарелого мстителя не стал. Всему свое время, а сейчас нужно внести ясность.

– Согласно карте, конфискованной у наемников, в районе Кемерово войск пока нет. Город и окрестности разнесли основательно, зацепив и дачные кооперативы. В том районе организовано вахтовое патрулирование, только легкие наземные группы, ну и иногда летают вертушки. Там организуем сеть схронов, две-три постоянные базы и вернемся сюда. К тому времени пройдет недели две-три, пиндосы успокоятся и перестанут нас активно искать. Сейчас мы скованы грузом, к тому же у нас громоздкая тачка, с ней особо не повоюешь. А сейчас... по коням, время дорого.

Мои партизаны снова расселись по местам, и мы, осторожно выбравшись из леса, снова двинулись по проселку. Повеселели оба, когда я разрешил закурить, за последние сутки это было самое главное неудобство для них. Без происшествий мы проехали километров семьдесят, пока Варенуха не указал на еле видневшуюся в зарослях колею. Мы свернули в чащу и хоть на черепашьей скорости, но стали удаляться в нужном направлении, почти строго на юг.

* * *

Россия. 10 августа 2011 года, 18:54 по местному времени. Юго-западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны, 200 км на юго-восток от предместий г. Кемерово. Бывший сотрудник иркутского ЧОП «Булат» Антон Варламов. Свободный поиск.

...Последние десять дней были суровым испытанием для нашего маленького отряда, и все произошедшее раньше можно смело зачислять в разряд легких туристических прогулок. После относительно спокойного отхода с места последней акции на дороге удача словно отвернулась от нас. Грузовик плотно сел днищем в глубокую яму через сотню километров после того, как мы съехали с проселка в лес. Хорошей новостью было лишь то, что груз не пострадал, а мы сами отделались небольшим количеством ушибов и ссадин. После этого пришлось на себе вытаскивать все снаряжение и растаскивать его по чащобам. Несмотря на поломку, от плана мы не отступили: всего за десять дней было заложено четыре больших

схрона в радиусе двухсот километров. В них мы равномерно распределили все добытое на базе наемников, подготовив тайники к длительной консервации, благо оружие и так было в смазке и влагонепроницаемых оболочках. Организовали мы и временное жилище, за основу которого взяли старую и заброшенную медвежью берлогу. Небольшую нору удалось расширить, прокопать еще один запасный выход. Получилось вполне приемлемое жилье, которое можно будет использовать даже зимой. Топтыгин устроил логово в естественной пустоте, образовавшейся в результате разрастания семейства раскидистых древних кедров. Корни разрыхлили землю, раздвинув почву, и образовалась довольно большая промоина, которую и абонировал под берлогу медведь. Мы старались как можно бережнее копать, чтобы не задеть корни и чтобы деревья над нами не погибли. Получилось очень органично, с трех шагов лаз вообще замечен не был. Печную трубу и собранные из бересты маленькие вентиляционные отдушины Семеныч искусно замаскировал в корнях деревьев. Так что ни угореть, ни провонять нам не грозило, даже в случае долгого сидения внутри.

Тяжко было без воды, таскать которую приходилось всегда из трех разных родников, чтобы не протоптать дорожку к жилью. Но как мог, я старался поддерживать гигиену, заставлял всех бриться и прожаривать одежду над печкой. Исподнее удавалось стирать, верхнюю одежду тоже наострились кое-как простирывать и сушить. Походная буржуйка оказалась очень кстати, особенно выручило то обстоятельство, что одна из секций печи была по совместительству семилитровым баком для воды. Артельщики не роптали, да и времени на мрачные мысли не оставалось. Оба моих товарища за полмесяца сбросили вес, в движениях появилась вкрадчивая осторожность. Но я видел, что людям нужно дать отдых, ведь в перспективе новое дело. Походная жизнь давалась нам, городским жителям, очень непросто. Но угроза со стороны оккупантов, в лесу столь иллюзорная, время от времени проявлялась, давая четкую мотивацию продолжения борьбы. Вот уже четыре раза за десять суток мы прятались от вражеских беспилотных разведчиков и юрких боевых вертушек, сновавших над тайгой с завидным постоянством. По карте выходило, что их тут быть не должно, поэтому я сделал неутешительный вывод, что мы прячемся тут не одни, пиндосы еще кого-то ищут. И вполне может сложиться так, что найдут они именно нас, к чему я пока не был готов. Одно дело нападать самому, и совершенно другое – ввязываться в бой с более сильным противником по его правилам. Всеми силами я прокладывал маршруты так, чтобы избегать любых дорог, более-менее оживленных участков, где раньше были лесозаготовки, или строений, могущих привлечь внимание патрулей.

К десятому августа мы наконец-то утвердились на новом месте и, распределив обязанности, приступили к разведке местности. Выходить решено было парным дозором, где мне, как самому опытному, обычно доставалась роль ведущего.

Сегодня я и Михась с самого утра нарезали круги по тайге, постоянно расширяя поисковую спираль. Если амеры ищут кого-то в лесу, то мы как минимум постараемся их опередить. Слабость захватчиков заключалась в том, что они не любили ходить пешком и лесные массивы прочесывали только с воздуха. Сколько мы ни ходили, а присутствия людей в лесу не ощущалось; кроме назойливого стрекота вертолетных винтов и тревожного жужжания беспилотников, местную живность никто не беспокоил. Дичь ходила непуганой, уже успела обрасти летним жирком. Позавчера Семеныч почти что случайно завалил средних размеров молодую косулю, которую мы частично пустили на суп, а частью завялили. С провиантом было туго, никаких запасов нам сделать не удалось, особенно ощущалась нехватка хлеба. Поэтому наши поиски носили еще и чисто утилитарный характер: добыть пару мешков муки будет очень даже неплохо. Я рассчитывал выйти в район какой-нибудь небольшой воинской части или еще одного «опорника», где можно будет разжиться продуктами. Для этих целей, мы искали признаки появления человека, благо следы я неплохо умею читать, особенно человечесьи. К вечеру, когда мы уже совсем было собирались сворачивать поиски, удача наконец-то улыбнулась нам. Но гримаса эта оказалась с издевкой...

– Стой!

Я поднял сжатую в кулак руку, призывая приятеля замереть на месте. Невнятный проблеск в траве заставил меня удержать ногу от следующего шага. Зажав автомат под мышкой, медленно опускаюсь на корточки и раздвигаю высокие стебли травы. Инстинкт не подвел: в десяти сантиметрах над узкой звериной тропкой была натянута рыболовная леска. С паутиной ее не спутаешь, поэтому подсознание вовремя просигналило об опасности. Осторожно лезу в подсумок, где держу всякие полезные мелочи, и достаю складной ножик, которым аккуратно веду вдоль лески. Парный заряд из двух оборонительных советских «фенек». Обе примотаны к колышкам по обеим сторонам тропы, корпуса утоплены в пустые консервные банки. Растяжка, причем совсем свежая, поставлена неделю назад или чуть позже. Обезвредить такую подлянку очень просто – достаточно вставить подходящую по размеру железку в пустующее гнездо предохранительной чеки.

В кино часто показывают, как хитрый «спец» цепляет шнур растяжки за кольцо чеки. Такая растяжка сто пудов не сработает, только насторожит противника и подарит ему еще одну целехонькую гранату. Если подлянку делает человек знающий, то кольца в гранате уже нет, ну прямо как сейчас.

Но трогать я ничего не стал, только показал Михасю, где подлянка находится, и мы осторожно двинулись дальше. Значит, те, кого ищут амеры, были здесь и совсем недавно. А может быть, совершили глупость и стали где-нибудь поблизости лагерем. Взяла меня досада и злость на идиотов, развешавших гранаты вокруг своего убежища. У себя мы ничего подобного делать не стали, хотя Михась предлагал. Я убедил артельщиков в ненужности столь крайних и очень спорных мер. Во-первых, у нас мало гранат и мин, чтобы так бестолково тратить их на растяжки вокруг лагеря. Кому надо, тот эти сюрпризы без особого труда обнаружит и уверится, что где-то рядом искомое убежище. Вот примерно как мы сейчас безошибочно определили квадрат, где можно такой лагерь организовать, и уже идем туда настороже. Во-вторых, на растяжку может напороться зверье и своей смертью привлечь тех же охотников на партизан. Для пущей безопасности мы ограничились натяжной системой из консервных банок с тонкими проволочными натяжными датчиками. Проволока не слишком прочная и рвется от первого прикосновения, человек проходит такой датчик и даже не замечает его, а у нас в бункере звякает банка. И в итоге всем хорошо: враг пока жив и мы точно знаем – кто-то шарится рядом, надо быть настороже. Трюк с гранатами используется только в самом пиковом случае, чтобы задержать преследующего противника, для обороны замаскированного убежища такой фокус не годится. Если ищут и бродят неподалеку, лучше затаиться либо тихо уйти, обставив дело так, что лагерь давно заброшен и охотники зря топтали ноги. Но те, кто выставил подлянку на тропе, этого не знали, превратно истолковав дилетантское партизанское наставление. Дав Мишке сигнал, выдерживая параллельное направление, двигаться справа от тропы, с которой мы предусмотрительно сошли, сам я двинулся по левому краю, высматривая признаки обиталища наших новых соседей. Пока все складывалось нормально: лес был так же нетронут, на траве и кустах никаких следов присутствия человека. Так мы шли, держась вне зоны видимости друг друга, одолев почти десять километров на север, и я уже подумывал о возвращении, когда в наушнике раздался двойной щелчок – сигнал «вижу противника». Рациями учились пользоваться совместно, сегодня был первый раз, когда мы вышли с ними в поиск. Присев за стволом дерева, я вызвал Мишку:

– Медведь, я Рысь, что у тебя?

Мишка отозвался сразу, слышно было неплохо. Рации этого типа только-только поступили в войска, и найти их на складе трофеев я не ожидал. Легкие, оснащенные ларингофонной гарнитурой и шифратором прыгающей частоты, – для нас это был просто подарок. Засечь такие переговоры можно, но понять, о чем говорят, или запеленговать – практически бесполезная затея. Поэтому мы пользовались ими без всякого стеснения.

– Здесь Медведь, – голос звучал чисто, но чуть приглушенно: приятель говорил шепотом. – Справа тридцать, удаление сто-сто пятьдесят, наблюдаю людей. Вижу палатки, охранение слабое.

Это интересно: люди, ставящие палатки, да еще не выставившие охранение как положено, наверняка знающие, что их ищут... Смертники. Другого слова подобрать нельзя. Расставляют ловушки, сидят почти открыто и совершенно нагло себя ведут. Любопытно будет взглянуть, но обнаруживать себя мы не станем. Есть шанс, что этих идиотов перебьют не сразу, а могут захватить пару-тройку в плен, для допроса. Тогда они расскажут, что в лесу есть еще кто-то, и нам придется уходить с только что обустроенного места. Лучше пока не торопиться, поговорить с ними всегда успеем.

– Здесь Рысь, сиди тихо и наблюдай. Себя не обнаруживать, если что – просто уходи, я подойду ближе. Буду идти в направлении северо-восток, справа сорок пять. Как займешь подходящую позицию для страховки, дай знать. Прием?

– Принял, Рысь. Занимаю позицию для стрельбы... Валить будем, чтоли?

В голосе приятеля слышалась тревога. Встретить своих впервые за такое долгое время и сразу же начать их убивать – это неправильно. Я понимал его невысказанные возражения и, естественно, сразу без вопросов открывать пальбу не собирался, но в смутное время главное – это осторожность. Люди сейчас будут выплывать разные, я хорошо знал, что творилось в России после Октябрьской революции: все против всех, банды с оружием и самопровозглашенные правители и диктаторы. Нужно быть крайне осторожным, ведь иногда свои могут оказаться худшими врагами, нежели иностранные захватчики.

– По обстоятельствам. Если будут целить в меня, тогда вали... но старайся не наглухо.

Убивать своих, пусть даже враждебно настроенных, соотечественников не хотелось категорически. Убрав автомат за спину и вооружившись найденным на складе бесшумным ПБ21, я двинулся к окраине лагеря, благо до него было уже рукой подать. Метров за сто в мою сторону пахло запахами человеческого жилья: стиральной одежды, готовящейся пищи и крепкого чая. На душе стало особенно тоскливо в какой-то момент. Даже завидно стало. Стиснув зубы, я тихо выдохнул и, найдя подходящий пригорок за кустами шиповника, вынул из кармашка трофейный прицел. Конечно, десятикратный бинокль подошел бы куда лучше. Но прицел был первым трофеем, к тому же я безвозмездно пожертвовал сильную оптику Мишке, как новому штатному снайперу. Ему нужней, а я и так что надо разгляжу. Надо сказать, что для разведки я пошил себе новый костюм, на который пожертвовал один комплект обмундирования, пару брезентовых мешков и солидный кусок масксети. На животе и руках от запястья до локтя я вшил брезент, чтобы, если что, не сразу намокнуть, проползая по сырой земле. Куртку и штаны обшил бахромой из лент десятисантиметровой длины, а капюшон – кусками масксети, чтобы скрадывался силуэт головы. Делается это за день-два, зато носится практически вечно, если все сработано на совесть. Были у меня еще маска и матерчатые перчатки, что немаловажно, поскольку в лесу белые руки и лицо могут выдать, и от пули тогда ничего не спасет. Поэтому ни сверху, ни тем более со стоянки предполагаемых союзников меня совершенно не было заметно. Приложив к левому глазу прицел, я внимательно стал осматривать стоянку. Вопреки моим ожиданиям, лагерь оказался большим: три двадцатиметровые каркасные палатки, на тридцать человек каждая, и еще шесть пестрых туристических, четырех- и двухместных. Но внимание мое привлекла хитро укрытая под кронами деревьев еще одна, совершенно блатного вида штабная палатка. Бывал я внутри одной такой: зона отдыха, личный кабинет, мягкие теплоизолирующие жалюзи, противомоскитная сетка почти во все стены. Там-то, скорее всего, сидит некто обеспеченный и, что-то мне подсказывало, весьма опытный в нашем деле. Все палатки прикрыты срезам еловых ветвей, а этот заныкался под прикрытием деревьев и чуть в сторонке от остальных, но не на окраине лагеря. Вполне грамотно, но как-то уж слишком напоказ все это. По лагерю свободно ходили люди, но вооруженных среди них я не заметил: с виду обычные туристы, только оборванные все уже, глаза потухшие, никто ни на кого не глядит. Немного погодя появилась группа из шести человек, привлечших мое внимание своим видом: все в натовских камуфляжах-«цифре», с трофейным импортным оружием, в «разгрузках» и при полной амуниции. На левой ляжке у каждого виднелась грязная узенькая белая вязочка. Этот прикид мне знаком, так делают, чтобы обозначить своих и ненароком не подстрелить в ближнем

бою. Мода, принятая еще в конце первой войны, фишка эта позаимствована у духов. Штука полезная, даже в темноте можно разглядеть своих. Но это еще ни о чем не говорит: точно такую же моду переняли всякие любители высокобюджетных игр в войнушку, а оружие вполне может оказаться пневматикой и ребятки только понтуются. Хотя зачем им тут таскать пусть и легкие, но все же муляжи, – вот это было непонятно и сбивало с толку. Решив, что делать какие-то определенные выводы пока рано, я еще раз внимательно осмотрел лагерь. При повторном осмотре картина чуть прояснилась. Вторая большая палатка оказалась полевым лазаретом: переменившийся слабый восточный ветерок донес до меня запахи дезинфекции и слабый душок гниения. Получается, что «туристы», как я обозвал про себя найденышей, так или иначе вошли в контакт с оккупантами и даже успели повоевать. Но возможен и другой вариант: передо мной простые беженцы, а в палатке те, кому повезло выжить после уничтожения того же Кемерова...

– Рысь, слева пятнадцать, пеший патруль – два «карандаша»²²!

Мишка не дремал, вовремя заметил все-таки имевшееся у «туристов» охранение. Без суеты убираю оптику в карман и, приготовив на всякий случай пистоль, укрываюсь капюшоном, плотно прикипаю к земле. Теперь все видят просто кучу палой листвы, меня можно обнаружить только наступив. Так прошло минут тридцать, мимо прошли двое. Судя по голосам, молодые парни, лет двадцати. Шли они, не особо скрываясь, хоть и не топотали как слоны, но слышно их было за версту:

– ...Шерман сказал, что послезавтра снова пойдем к лесопилке. Попробуем пробиться к линии фронта...

Голос был чуть с хрипотцой, но уже устоявшийся, низкий. По-моему, он должен принадлежать парню лет двадцати пяти. Ему отвечал более молодой «турист», чьи шаги были легче, а голос звучал по-юношески нестройно:

– Ага, – молодой говорил недоверчиво, в голосе слышалась легкая истеричность. – Шестерых потеряли в прошлый раз!.. Шерман твой ни черта не знает, обложили нас тут, скоро расстреляют из минометов и вся недолга. Расходиться нужно, порознь легче пробиться к своим...

– Вон как заговорил! – старший «турист» не на шутку взъярился. – А когда Шерман тебя из-под обстрела вытащил...

– Он же на нас тот обстрел и накликал, – раздраженно и устало возразил молодой. – Если бы этот стратег х..ев тогда на пиндосов не залупнулся, все бы живы остались. Тиграну вон ногу по колено уже отрезали, заживо гниет пацан! Маша, Володя и Овчина... Их просто на куски разнесло... а ты тут про войну поешь. Все, отвоевались уже.

– Так значит, по-твоему, – голос старшего дрожал от ярости, – нужно выйти и сдатьсь?!

– Кому сдатьсь-то? – молодому наскучил разговор, видимо, ведущийся не в первый раз, он возражал скорее от безысходности. – Изничтожают всех под корень. Иначе половина бы уже к ним в полицаи перешла...

– Ах ты гад!

Послышались звуки ударов, потом что-то похожее на шум упавших двух кулей картошки. Треск сучьев и брань сквозь зубы – вот и все, что доносилось еще минуты три. Потом снова послышались чьи-то шаги и раздался громкий окрик:

– А ну перестаньте! – голос несомненно принадлежал женщине, скорее всего, молодой. – Прекратите сейчас же!

Опять возня, сердитое бурчание и, наконец, нестройные возгласы повздоровивших патрульных. Говорил все больше тот, что помладше, а второй – приверженец войны до победного конца, только пыхтел и тихо матерился сквозь зубы.

– Лер... мы это... Случайно все вышло, сейчас периметр обойдем и в лагерь вернемся. Ты иди, мы скоро.

– Периметр обойдете?! Да вас за версту слышно, орете, как бабы... И как бабы деретесь, еще морды друг дружке расцарапайте! Я долго терплю, но сегодня на совете выскажу вашему Шерману все, что думаю, так ему и передайте.

В голосе невидимой мне Леры слышался такой накал гнева, что даже за сто миллионов импортных рублей я бы не хотел оказаться на месте этих горе-воjak... Шорох травы, удаляющиеся легкие шаги. Я отметил, что Лера весит килограммов шестьдесят пять, никак не больше. Голос и рассуждения девушки мне понравились. Все было вполне здорово. Только вот реакция этого самого Шермана явно будет не такой, как она рассчитывает. Если я правильно понял, тут руководит какой-то воjak, решивший, что «зарница», плавно перетекшая в настоящую войну, – это отличный способ самоутвердиться. Такой погонит на пулеметы всех, лишь бы потешить самолюбие, а потом будет громкие речи толкать, пусть даже и в полном одиночестве. С сожалением пришлось констатировать, что сейчас идти на контакт с «туристами» не следует. Шерман сразу почувствует во мне угрозу собственному авторитету, и выйдет банальный базар, в ходе которого мы ни о чем не договоримся. Однако сами засветимся по полной программе, и если кого-то из «туристов» возьмут для допроса, наше существование будет открыто, а район дислокации базы определен достаточно точно. Дождавшись, когда патрульные, вяло переругиваясь, свалят, я отполз метров на десять за пригорок и осторожно начал отходить.

– Медведь, уходим. Пока обошлось без жертв, как завещал Бывалый.

– Принял, Рысь.

Воспоминание о доброй советской комедии «Кавказская пленница» даже согрело душу. Захотелось во чтобы то ни стало пересмотреть смешной фильм, уйти от войны, которая с самого начала вызывала во мне лишь отстраненное отвращение и усталость. Мотнув головой, отгоняя непрощенную слабость, стараюсь легкой трусцой унять приступ хандры. Мы с приятелем практически бесшумно уходим в сторону базы.

...Обратный путь выдался без эксцессов, и даже иностранцы не докучали своим жужжанием. Дойдя до неприметного березового пенька, поросшего мхом, я просунул руку между корней, нащупал веревку и три раза коротко дернул. Это была наша сигнализация. Банки в углу большой «комнаты» дергаются, и Семеныч понимает, что мы вернулись. Обычно должен быть как минимум один секрет из двух бойцов в точке встречи, но нас всего трое, поэтому мы ограничились шнурком и жестянками. Варенуха обрадовался, когда узнал, что у нас объявились соседи. Пока мы скидывали лохматые накидки и осматривали оружие, он донимал нас вопросами – кого мы нашли, что это за люди. Угломнить бывшего водилу удалось только упоминанием об ужине. Хлопнув себя по лбу, Семеныч побежал к печи, где уже булькала пшенная каша. Крупу мы взяли по его настоянию, о чем ни разу не пожалели: в сочетании с разведенным порошковым молоком и какой-то пищевой приправой, добавляемой из-за наличия в ней соли, каша пока была нашим дежурным блюдом. Рассевшись вокруг поставленных один на другой патронных ящиков, мы стали уплетать варево, запивая горячим «чаем». На самом деле это и был чай, только с приставкой «курильский». Отвар из этой травки дает слабого желтого цвета ароматный настой, по вкусу немного напоминающий чай обычный. Штука хорошая, снимает стресс и очень помогает от всяких желудочных инфекций. Как только я откинулся на импровизированном стуле, сделанном из набитого травой мешка, Семеныч снова приступил ко мне с расспросами.

– И много их, туристов этих?

Глаза бывшего водилы посверкивали, да оно и понятно, ведь сидеть в лесной глуши без каких-либо новостей, да еще при таких обстоятельствах вообще тяжело. Но попутно я и сам рассуждал, подводя итог всему, что удалось узнать о наших соседях:

– Навскидку человек двадцать, может, больше. Есть раненые, но гнильем не особо пахло, да и криков я не слышал, значит, есть и медикаменты, и врач. Иначе картина была бы другая.

– Ишь ты! – Варенуха, сцепив руки в замок на коленях, даже приободрился. – Может, о моих что узнаю?

– Все может быть, Семеныч. Но только пока мы брататься с ними не пойдем...

Тут я изложил водиле свои соображения по поводу судьбы «туристов», отчего тот помрачнел и, сжав кулаки, заелозил на тюфяке. Надежда, было появившаяся, теперь вновь

меркла, и снова становилось тоскливо и муторно. Пришлось успокоить водилу, план у меня уже был.

– Мы хитрее поступим, нужно выдернуть одного из них и допросить...

– Тоха, – вступил в разговор Михась. – Это ж пацаны совсем! Чего их захватывать, просто выйдем и побазарим конкретно.

– Так-то оно так, – мне самому такие сложности были не по нутру, но все уже было просчитано. – Только пацаны эти с оружием, да и черт его знает, какие у них тараканы в башке поселились? Ты же видел: все еще в войнушку играют, остановиться не могут. Даже смерть принимают, а ситуации не видят! Нельзя им себя показывать, сгорим вместе с их «зарницей».

– Дак выйдем, предъявим, что мы-де военные...

– Миша, родное мое ты сердце! – тут уже меня взяла тихая злость. – Шерман этот ихний, как поймет, что мы от руля его оттираем, скомандует нас на штыки поднять, и все дела.

– Как это? – Мишка был обескуражен. – Мы же свои, русские...

– Не. Это те, кто слушается, для него свои, а мы пришлые, и веры нам нету. Повторяю: черт его знает, какие бредни он себе придумал, под дальнейшую программу развития. Книжек идиотских начитался. Решит царство свое организовать или еще какой постапокалипсис замутит. Ты пойми, они в грезах живут, все мысли – про то, что горсть патронов, бутылка водки да ящик тушенки их от бомб в землянке укроют. Для них это все еще игра, а такие люди опаснее обезьяны с гранатой.

– Но там же дети, женщины, – голос Мишки стал тихим, в нем сквозило отчаянье, – их мы тоже бросим погибать?

Этим вопросом он меня убивал, тут крыть было нечем. Мысль об обычных, случайно прибившихся к поклонникам страйкбола людях не давала мне покоя с того самого момента, как мы ушли от лагеря «туристов». Что делать с ними и как выручить, пока было тайной за семью печатями. А время поджимало: вопрос обнаружения лагеря оккупантами – это всего лишь вопрос времени.

– Будем думать, Миша. Не все сразу, дай чутка глаза прикрою. Как придумаю, обсудим. Сейчас давай спать, еще дежурить сегодня. Семеныч, твоя вахта первая.

Сон пришел быстро, но четких картинок я не видел, видения туманными призраками скользили по поверхности сознания, не задевая его запоминающимися деталями. Было какое-то общее ощущение тепла и безопасности: по мышцам растекалась хорошая, рабочая усталость, ничего не болело. Единственное, чего не хотелось, так это просыпаться от того, как кто-то трясет тебя за плечо, возвращая в душную темень бункера.

– Старшой, рация ожила! Там наши говорят, слышишь?!

Голова со сна еще была тяжелой, и смысл сказанного приятелем слишком медленно доходил до сознания. Но как только я осознал, что говорит приятель, сразу же перекатился на колени и тут же очутился возле включенной радиостанции. Не зря, ох не зря взяли мы с собой и этот ящик!..

– Сначала был треск, как обычно, потом зацепил позывные: «Восток Центр». Вот, – Мишка снова крутанул верньер настройки и дал мне наушник.

– Внимание сограждане! К вам обращается генерал-полковник Калачев, главнокомандующий восточной группировки сухопутных войск Российской Федерации. Граждане России, находящиеся на оккупированных территориях! Организуйте отряды самообороны, уходите в леса и бейте захватчиков всеми доступными силами и средствами. Военнослужащие частей и соединений вооруженных сил РФ, оказавшиеся в окружении! Пробивайтесь на соединение с регулярными частями войск в направлениях ОСК «Запад» – ось Белгород – Липецк – Тамбов, ОСК «Центр» – ось Уфа – Ижевск – Екатеринбург, ОСК «Восток» – ось Улан-Удэ – Якутск...

Положение было очень плохим, это я знал и раньше, но теперь становилось очевидно: потеряны весь военно-морской флот и большинство позиционных районов сил сдерживания.

Удивительно, как еще удалось удержать Ижевск, ведь город, с его промышленностью, должен был оказаться под ударом в первую очередь. Приморье и Владивосток тоже потеряны. Нет больше ни баз военного подплава, ни грозных кораблей Северного флота, а Сахалин даже не упомянут, скорее всего, там вообще все кончено. В таком положении армия продержится месяца два, ну полгода, потом ресурсы при ведении такой масштабной войны будут исчерпаны. В Великую Отечественную можно было откочевать за Урал и прийти в себя, теперь враг выучил прошлый урок и был практически всюду. Я не стратег, да и образование мое – это десять классов и коридор, может быть, я что-то упускаю. Раз по сей день не запустили ракеты и мы слышим этого генерала, то ядерное оружие никто применить не может. Ведь сигнал идет через спутник связи, значит, собственные космические силы пусть в остаточном варианте, но присутствуют. А раз есть они, то ракеты можно нацелить и дать империалистам жару. От напряженного размышления заломило в висках, и я не заметил, как передача после троекратного повторения одного и того же обращения смолкла. Артельщики притихли; как и я, никто не спешил радоваться, все понимали, что положение аховое.

– Ну хоть кто-то все прояснил, – я сказал это бодро, чем вызвал недоумение на лицах товарищей.

– Чего хорошего, – буркнул Мишка. – Остатки какие-то загнали по углам и сжимают кольцо. А если надоест людей терять, сровняют всех наших окруженцев с грунтом – и все. Видно, помирать будем...

– Нижнеудинск оставили, – Варенуха говорил глухим, полным тоски голосом, – там сейчас эти нелюди... Не судьба, значит... не судьба.

Вот так даже радостные вести, что стухли еще не все, подрывают дисциплину в отряде. Что я мог им сказать, как утешить и ободрить? Это ведь не начитавшиеся бредней юнцы, которые только перед смертью, может быть, поймут, что это не игра. Что сказать двум взрослым отчаявшимся мужикам, для которых война – это как зайцу курево, вредно и не в радость. Собравшись с мыслями, я решил ничего не скрывать, тем более что для себя все выяснил еще в самый первый день:

– Мужики, мне надоело ваше нытье. – Оба с удивлением глянули на меня: такого они не ожидали. – Хотите на убой – так не держал и сейчас уговаривать не стану. Вон дверь, идите. Я останусь тут и буду воевать, как задумал... Мы сейчас сыты, обуты, одеты и хорошо вооружены. Хотите умереть – это можно организовать, но поступайте же как люди: не слюнявя ствол и давясь слезами, а в бою, прихватив с собой пару-тройку пиндосов. Да, мы можем не дожить до того момента, как эту кодлу выставят вон, но приблизить-то этот день и хоть немного сквитаться – это вполне реально! И плевать мне на то, что сказал какой-то хрен по радио. Армейцы воюют – отлично, Бог им навстречу. А у меня своя, война и никакой генерал не заставит меня сесть и опустить руки. Я вас предупреждаю в последний раз: уйдите сейчас, потом просто шлепну как трусов. Ну?!

Последнее я просто выкрикнул, отчего оба артельщика вздрогнули и как-то сразу подобрались. С облегчением заметил в выражении их лиц стыд. Значит, пришли в чувство, это хорошо. С пацанами было бы проще именно сейчас: в бункере они бы покорно слушали все, что я скажу, а в бою побросали бы оружие и сбежали. Другое дело люди взрослые, у этих все наоборот: если обработал их тут и никто не ушел, значит, в бой можно идти совершенно спокойно – никто не побежит. Больше разговоров по поводу перехваченного сообщения не было. Не факт, что все успокоилось, но на этот случай было одно универсальное лекарство. Неожиданно план спасения хотя бы части приبلудных игроков возник у меня в сознании с предельной четкостью. Как там говорится у классиков: тот, кто нам мешает, тот нам и поможет. Улыбнувшись и взяв прислоненный рядом «калаш», я вышел к люку и выбрался из бункера. Уже начало светать, темень превратилась в серые мутные сумерки, пришла пора приводить намеченный план в действие.

* * *

Россия. 13 августа 2011 года, 06:15 по местному времени. Юго-западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны. Лесной массив, примерно 5 км к северу от лагеря беженцев. Партизан Антон Варламов. Засада.

...Троп – ведущих к лагерю «туристов» – оказалось две, обе скорее всего протоптаны зверьем – к роднику и небольшому ручейку соответственно. Сейчас я и Семеныч, усиленно стараясь не пыхтеть, оборудовали яму под будущие отходы производства. Мины вдоль тропы мы уже поставили, и Мишка, оборудовавший себе нечто похожее на гнездо в кроне могучей пихты, наблюдал за узким участком дороги с высоты десяти метров. Крона дерева была столь густой, что разглядеть там нашего снайпера не представлялось возможным. Да и густой подлесок не даст идущим по тропе что-либо разглядеть относительно четко. Видимость в такой чащобе составляет от силы метров пять, опасаться следует только каких-нибудь хитрых иностранных приборов, могущих видеть тепло. Пока ничто не указывало на такую возможность, позиция снайпера казалась очень удачной, и других опций не предусматривалось. Мы с водилой уже откопали пару ячеек по обеим сторонам тропы слева и в тылу у тех, кто пойдет к лагерю.

План, о котором я упомянул раньше, был основан на возможном любопытстве пиндосов. Может статься, что они вышлют карательный отряд или каких-нибудь «могучих рэйнджеров», дабы вычистить стоянку. Конечно, был вариант с бомбежкой, но что-то мне подсказывало, что на сей раз этого не произойдет. С тех пор, как захватчики столкнулись с игроками в пейнтбол-страйкбол, прошло много времени. Как минимум суток трое, может, больше. За это время вполне можно было вызвать чего-нибудь гремучее и закидать квадрат «гостинцами», но этого никто не сделал. Следовательно, планируется операция с привлечением наземных сил. Вообще-то это крайне нетипично, но кто знает чужие приказы? Рассчитывая на такую вероятность, я и решил оставить все как есть, не пугать «туристов» раньше времени. Пусть сидят в лагере, пытаются делать вылазки и всячески себя демаскируют. Нам же с артельщиками достаточно сесть на обе тропы и немного подождать. Сложность заключалась в нашем неведении относительно точного времени начала карательной операции. Мы вынуждены были скрытно сидеть и караулить пиндосов, а это ой как не просто. Караул держали на обеих тропках, которые я условно называл восточной и западной, поскольку они шли почти параллельно друг другу, на расстоянии около пятисот метров. По хорошему, на каждую засаду нужно выделять человека по четыре, большим количеством тут воевать просто негде. Деревья и участки бурелома практически не оставляют места для развертывания. И мы, и пиндосы вынуждены будем вести затяжной бой, а выиграет тот, кто ударит первым. Нас же всего трое, и я решил, что недостаток бойцов возместят мины. Однако наши запасы весьма ограничены и пополнить их негде. Поэтому мы плотно заминировали только западную тропу, вернее, тот ее участок, где решено было подождать карателей. Плотно – это в нашем случае означало подвесить к веткам деревьев над участком тропы три противопехотные «монки»²³. Я учел, что по земле иностранцы будут шарить качественно и любую растяжку или мины по краям тропки так или иначе могут обнаружить. Поэтому три «гостинца» мы с Михасем подвесили на подходящих по размеру и положению ветвях деревьев, замаскировав мины кусками политого водой мха. Три «монки» висели над тропой так, что все, кто пройдет на этом участке, умрут в течение пары мгновений без возможности укрыться. Все ролики, которыми мины начинены, поразят идущих внизу людей сверху, словно стальной дождь. Площадь сплошного поражения получалась около двадцати метров. Мины стояли чуть под углом, чтобы волна осколков пошла в полтора – двух метрах над землей. Шансов не будет ни у кого, бронежилеты и каски в нашем случае бесполезны. Но это лишь в том случае, если враг пойдет именно тут. Если же пиндосы пойдут восточнее, то там их встречу я и Семеныч с пулеметом. Недостаток в артиллерии нам компенсируют четыре старые оборонительные «феньки», практически идеальные для работы в лесу. Их только нужно наловчиться кидать с отскоком, и тогда есть

шанс выйти на нормальный результат даже в лесной чащобе. Были у нас и новые гранаты, но те взрываются от удара, и весьма вероятен шанс погробиться самим. Поэтому «классика» в данном случае все-таки предпочтительней.

Правду говорят люди, что нет хуже участи, чем ждать да догонять. В нашем случае потянулись долгие часы ожидания, во время которых каждому из нас удавалось спать лишь урывками. А про всякие физиологические надобности я вообще умолчу. Мошки и всякие прочие насекомые на нас не покушались, спасибо репелленту, взятому еще на складе трофеев. Так прошло почти тридцать пять часов, в течение которых только пару раз был намек на движение, но это были косуля и выводок ежей.

Пока сидели, время тянулось, словно резиновое, и я припоминал, как часто, оказывается, приходилось слышать про то, что вот сейчас наконец-то случилось. Но версии нападения почему-то сводились либо к обмену ядерными ударами, либо к тотальному предательству в армии и правительстве. На худой конец, всех и вся уничтожали кровожадные инопланетяне или ожившие покойники. Не то чтобы я был против эротических фантазий всякого рода предсказателей, в конце концов, каждый развлекается, как ему более всего нравится. Просто версия с ядерной войной мне, как человеку военному и знакомому с предметом, кажется самой бредовой. Зачем воевать, ежели все вокруг будет светиться? Выгоды никакой. С продажей страны тоже не все гладко: ну, сдадут они, и что станет с ними? Зная подлую сущность иностранных граждан в целом, могу с уверенностью сказать, что олигархи и генералы повторят участь мошенника Бендера при переходе румынской границы. А вопреки общему мнению, я не считаю богатых людей идиотами, ненавижу этих кровососов – да. Но дальнейшее развитие событий, которое описывали корифеи данной теории, вообще вызывало только мигрень. Население никто не трогает, и все существуют вроде как отдельно: оккупанты сами по себе, обобранные россияне тоже. Красота и мародерский рай. И все бы ничего, только вот раз воевали за пространство и ресурсы, набивали шишки в Афганистане, потом в Ираке, несомненно, мониторили наш чеченский опыт... и неужели не сделали выводов? Судя по последним событиям, ушами себя по щекам не били, нет – сразу смекнули, что уничтожать надо всех и под корень. А общественное мнение... эх, плевать на него тому, кто держит две трети медийных средств в кулаке. Напуганные и трясущиеся за свой кусок хлеба с маргарином и кредитные кондоминиумы, западные обыватели все стерпят и когда надо проголосуют, если им пообещать простить часть долгов и дать чуток настоящего масла и лишнюю пайку ситного хлебushка. И плевать им, что ради этого убьют сто, а может быть, триста миллионов этих немых русских. Казахам, белорусам и прочих украинцев. Они же плохие, да их и за людей-то считать нельзя. Ату, ату русских! Что? Они не совсем русские? Но живут-то рядом... А-а, какая, собственно, разница, если рядом, значит, на всякий случай тоже зачистить!

Так наверняка сейчас думают в Германии, Испании и Англии. А в Америке, скорее всего, уже вообще забыли, если начался какой-нибудь их дебильный «Суперкубок» по лапте или ворованному у англичан регби.

Но, как ни странно, мысли о том, что всему «цивилизованному» миру на нас наплевать, особо меня не волновали. Как никто другой, я понимал, что прав был Свифт, написавший историю про то, как сотня лилипутов завалила огромного Гулливера. Когда все ослабшие и больные объединяются против здорового, но такого одинокого гиганта и, сговорившись, кидаются на него внезапно и со всех сторон, то дни великана сочтены.

Мысли о всяком уже стали навевать неуместную сейчас дрему, нужно встряхнуться. Приподняв крышку из прутьев и дерна, я выглянул из окопа, осмотрелся. Время было раннее, на траве блестели бусинки росы, пройди сейчас кто по тропе – соберет на себя целый дождевой поток. Стало уже заметно холоднее по ночам, часто выпадал густой, молочно-белый туман. Я уже совсем было собрался скомандовать пересменку, как вдруг услышал тревожный сорочий гай. Сороки – очень умные птицы, они начинают орать только в том случае, если замечают человека. Кабан или медведь этих пташек не беспокоят, словно они понимают, кто может им повредить, а кто просто идет мимо. Я вылез наружу и три раза

каркнул по-вороньи, поскольку мы заранее решили, что рациями до начала боя пользоваться не будем. Кто знает, какими хитростями вооружились амеры и какое именно подразделение пошлют на уничтожение лагеря или там на разведку. Воображение рисовало закованных в наноброню призраков с футуристическим оружием, неуязвимых и совершенно смертоносных. Много раз приходилось слышать про всякие секретные разработки, делающие солдат невидимыми, про легкую и прочную броню и накачанных стимуляторами киборгов. Проверив, как лежат в отрытой в передней стенке окопа ячейке шесть оборонительных гранат, я едва слышно отщелкнул предохранитель «калаша». В жопу нанотехнологии. Сколько смогу, столько и успокою, а шум по-любому «туристы» услышат, может, в суматохе им удастся уйти...

...Так прошло еще около сорока минут, солнце скрылось за внезапно набегавшими тучками, и стал пробрасывать мелкий дождик. Самой влаги до земли не долетело ни капли – кроны деревьев задерживали такую морось без остатка. Я уж думал, что опять никто не появится, и совсем уж было потянулся разогнуть усики на предохранительных кольцах гранат, как вдруг справа между деревьями появилось нечто новое.словно бы часть леса ожила, превратившись в огромную, под два метра высотой, зеленую многоножку. В лесу всегда так: пока объект не движется или не шумит, можно пройти в двух шагах от медведя и не заметить его, если он сам этого не захочет. Размер тут не имеет особого значения. Приложив к глазам прицел, я увидел, что это и есть наши гости. По тропе след в след двигалась вереница людей, численностью... Ого! Да их человек пятнадцать, нет – шестнадцать, точно. Но все это нормально – если вызовем Мишку с соседней тропы, он сможет зайти им в тыл и тогда...

– Карр-рр! Кар-ррр!

Михась давал сигнал, что у него тоже гости, и звал к себе, но ответить как положено я уже не смогу. Такой вариант мы рассматривали как самый крайний: пиндосы разделились и шли на лагерь с двух сторон. Но сложившаяся ситуация ничего не меняла, бой дадим в любом случае. Отжав тангенту рации, я дал один длинный тон на общей частоте отряда. Это означало, что всем оставаться на своих местах и действовать по обстоятельствам. За приятеля я не волновался, минами прикрыт почти двадцатиметровый участок тропы, и как только пиндосы зайдут на него, количество целей убавится трети на две. К тому же у него «бесшумка», и до раскрытия позиции на дереве Мишка сможет безнаказанно уложить еще троих как минимум. Фигово будет нам с Семенычем, поскольку реально воевал и стрелял вообще только я. Пулемет мы с ним очистили от смазки, и под моим присмотром он раз пятьдесят разобрал-собрал оружие, но вот реальный бой...

Тем временем пиндосы стали втягиваться на пристрелянный участок, и можно было их прекрасно рассмотреть. Нанотехнологий пока видно не было, я рассмотрел пусть и хорошо экипированных, но все же обычных людей, осторожно идущих след в след друг за дружкой. Бронежилеты, противоосколочные каски в чехлах, чтобы на солнце не бликовали, автоматы короткие, обвешанные всякими приبلудами. Все на солдатах сидело ладно, чувствовалось, что подгоняли тщательно; шли тихо, почти бесшумно. Из необычного я заметил только на левом глазу у каждого что-то вроде монокля на ремешке под шлемом, да какую-то прямоугольную штуку на запястье левой руки, с матовым экраном и двумя рядами кнопок. На часы не похоже, но, приглядевшись, я заметил, что у некоторых амеров эта приبلуда пристегнута к правой руке. Может, это и есть нанотехнологии?.. Вдруг колонна замерла, все припали к земле на колени, и людская «многоножка» ошетибилась оружейными стволами. Позади меня послышался шорох шагов, кто-то пробежал буквально в десяти метрах от окопа в сторону замерших пиндосов. Осторожно повернув голову, я заметил, что из леса подошли еще двое солдат, в лохматых костюмах, почти как у меня. Один с автоматом, у другого винтовка с длинной трубкой оптического прицела... никак разведку высылали, значит, лагерь уже срисовали, но нас не обнаружили. Оба побежали в конец колонны и скрылись из виду. Почему разведка не осталась на позициях и ее отозвали, мне было непонятно. Гораздо удобней будет выйти и пользоваться их знанием обстановки, корректируя план атаки...

«Многоножка» снова ожила, слаженный людской механизм пришел в движение. Вот цепь растянулась, и я уже стал опасаться, что, чуть чего, пиндосы рассыплются по лесу, и завяжется настоящий бой, в котором нам не выстоять. Но выхода не было, вот шеренга уже поравнялась с окопами, они прошли позицию Варенухи и сейчас шли совсем рядом. Я ощутил их запах, смесь пота, смазки и репеллентов, видел закрытые хитрыми зелеными масками лица, матовый блеск незамотанных лентой оружейных стволов. Протяни руку, и до каждого можно будет дотронуться кончиками пальцев...

Пока пиндосы уходили в глубь леса, я напряженно думал о вопиющей нестыковке в поведении разведки. Почему разведчики не остались возле лагеря до подхода своих, что это за прием такой?.. Вариантов ответа возникло множество, но все были тут же отвергнуты. Разгадка уже была совсем рядом, когда правильный вариант буквально сам показал мне спину. Как и у нас, командир пиндосов шел замыкающим, и, что самое интересное, был он нагружен солиднее, чем все остальные. На шее у него висели массивные наушники с микрофоном, за плечами – довольно объемистый ранец с выступающей из-под верхнего клапана толстой трубой спутниковой штыревой антенны²⁴. Черт, это же пульт управления беспилотником! Значит, вот почему стрелки отошли к основным силам. Теперь либо наведут авиацию, либо расстреляют лагерь с «птички». Но... тогда зачем идти таким гуртом? Времени на дальнейшие размышления не осталось, колонна уже удалилась на два десятка шагов от моей позиции и на три от окопа Семеныча. Откинув крышку и привстав, я положил автомат перед собой на край окопа и вынул гранаты из ячейки. «Фенек» у меня было шесть штук, на всех должно хватить. Быстро, как когда-то, я метнул округлую рубчатую смерть так, чтобы гранаты ложились ровной строчкой, накрывая всю колонну от головы до хвоста. И, не давая себе передышки, тут же рванул автомат с земли к плечу и, выцелив командира пиндосов, открыл огонь.

– Та-та-та-та!

Пули пробили рюкзак с пультом, амера кинуло вперед и вправо. Почти одновременно с этим прозвучали два взрыва и я снова нырнул в окоп.

– Бум, бу-бум!

Послышались крики боли и невнятные команды, лес ожил, справа вдалеке прозвучало еще три глухих взрыва, это сработали мины на западной тропе, там бой тоже начался...

– Бум-бум-м-м! Бу-бум-м!!!

Это пошли взрывы от остальных гранат, уже совсем близко от моего окопа, выкашивая траву и ветки в радиусе десяти метров. С тропы слышались крики и беспорядочная стрельба, шок от внезапного нападения вот-вот кончится, почему же молчит пулемет?!

– Тра-та-та-та!

«Ручняк» Варенухи ударил ровно в тот самый момент, когда я стал сомневаться в его хозяине. Снова откинув крышку и сменив расстрелянный магазин, высовываюсь, и тут же щеку опалает горячим – рядом прошла чужая пуля. Не теряя времени, одним прыжком выбираюсь прочь и перекатом ухожу за толстый ствол сосны. Кто-то умный вычислил мою позицию, но пока мне везет и пуля только оцарапала щеку. Выглянув из-за укрытия, вижу, что амеры рассредоточились вдоль тропы, осталось их человек шесть-семь. Вот впереди справа ворохнулся бугорок, и я, не медля, дал короткую очередь в том направлении. Две из четырех пуль достигли цели: человек подскочил на месте и немного погодя заорал от боли. Проклятушая «пятерка», итить тебя во все дыры! Какая же сволочь был тот конструктор, что придумал эти фуфловые патроны! Иностранец скоро оклемается, но пока... Ага! Вот еще один...

– Вз-зум! Вз-зум!..

Только что замеченный мной амер уже выцелил меня, его короткий автомат выплюнул в мою сторону пару коротких очередей. В приседе откатываюсь левее и дальше, но пиндос продолжает вести меня по силуэту и пули кучно ложатся рядом с моей головой. Падаю и в перекате достигаю следующего дерева, но что-то мешает поднять правую руку. Не отрывая взгляда от кустов впереди, ощупываю рукав левой ладонью. Кровь, много крови, дырка чуть

выше локтевого сгиба. Пуля застряла внутри, но кость вроде не мозжит... аптечка в левом кармане, на ощупь нахожу тюбик с обезболивающим и колю в бедро сквозь одежду. В куртку и штаны вшиты жгуты, поэтому перетянуть рану получается очень быстро, кровь остановилась. Из пустоты между тягами приклада вырываю перевязочный пакет и, разрезав ткань комбеза, просовываю его к ране, фиксирую жгутом. Тоже ничего особенного: закладываешь между тягами пару индпакетов, а сверху накладываешь жгут. В случае чего и уравнивает ствол, и перевязку можно быстро соорудить. Дело привычное, у меня есть похожая отметина, только на левой ноге. Рука вновь начинает сгибаться, хотя это только временный эффект и чувствую я ее не слишком хорошо, минут сорок еще повоюю, а там... Повезло, что крови потерял не много. Ну, пора снова воевать...

Пулемет Семеныча бодро стучит, хотя, пока я перевязывался, его пытались выцепить гранатой из подствольника. Вроде обошлось. Пиндосы рассредоточились вдоль западной обочины; судя по перемещению источников огня, их уже осталось четверо. Плохо, что один из них тоже вооружен пулеметом. Пока вражеский стрелок не мог занять хорошей позиции и просто вел беспокоящий огонь то по мне, то по водиле. Но стоит ему сместиться восточнее и перемахнуть на другую сторону – Варенуху возьмут в клещи. Резко выдохнув пару раз, бегу пригнувшись вдоль тропы, выбрав момент, когда Семеныч вновь выпустил короткую очередь по залегшим иностранцам. Сразу три ствола огрызнулись в мою сторону, но пули легли в то место, где я только что был, рывок остался незамеченным, я что есть силы вновь рванул вперед и вправо, перескочил узкую полоску тропы и оказался с пиндосами на одной стороне. Одновременно с прыжком я подкинул в сторону противника обычную наступательную «лыску»²⁵ и откатился, помогая себе локтями и коленями, за сросшиеся рогаткой старые осины.

– Бу-м-м!

Разрыв гулко ухнул метрах в десяти справа, и два осколка впились в ствол дерева ровно на высоте головы. Опять послышались крики боли, но в мою сторону больше никто не стрелял. Откатившись еще немного, я вышел в полуприасед и двинулся в ту сторону, откуда доносилась редкая стрельба. Голос подавали всего два пиндосских ствола, били они в сторону Варенухи, а вот его пулемета я не слышал. Метров через пять-шесть я дошел до небольшой воронки в земле – места разрыва моей гранаты. Чуть в стороне лицом в землю уткнулся амер. Короткий пулемет лежал тут же с откинутой крышкой на ствольной коробке и отсоединенным матерчатым коробом. Взрыв застал пулеметчика за сменой ленты, поэтому он не успел вовремя разглядеть кругляш «лыски» и принял почти треть осколков в себя.

Вдруг кусты впереди расцвели огнем, оглушительно грянула длинная очередь. Дальнейшее происходило очень быстро, но для меня время словно остановилось. Повинуясь выработанному за время войны инстинкту, я начал падать на землю. Это произошло, наверное, в тот самый момент, когда подсознание только зафиксировало движение впереди. Поэтому в момент, когда запоздало пришло понимание, что вот сейчас я схвачу свинца всей грудью, тело уже распласталось по земле и откатывалось влево. Пули прошили только воздух, а я, уже лежа, направил ствол автомата прямо в слепящую жуть огненного факела и выжал спуск. Две очереди слились в одну и заглушили предсмертный вскрик. Нет, видимо, мое время не пришло. Резко поднявшись, я увидел еще одного американца, этот лежал навзничь, три пули попали в правое плечо, шею и левый глаз. Пинком отшвырнув автомат от тела, я двинулся дальше. Тут все кончено. В небольшом овражке, раскинувшись в разных позах, лежали еще трое, со следами работы «ручника» Варенухи. Одному бойцу «не повезло»: тяжелая пуля вошла в щеку под углом и вырвала человеку пол-лица. Вместо носа и верхней челюсти было сплошное кровавое месиво. Как это получилось, не пойму, но смерть явно не была быстрой. Автомат бедняги был снабжен подствольником, видимо, его цепануло именно в тот момент, когда он перезаряжал свою артиллерию. Возможно дело было не в пуле, а в кусках микрофона, сделанного из какого-то полимера. Пуля раздробила его, и куски пластика вошли в раневой канал, вызвав такие повреждения. Тронув тангенту, я вызвал пулеметчика, поскольку тот исправно огрызнулся, теперь и меня прижав к земле:

– Бобер, здесь Рысь. Отставить стрельбу, все клопы уже в минусе. Отставить, повторяю!..

– Е... есть отставить стрельбу.

Голос Варенухи звучал напряженно, рацией он еще толком пользоваться не научился. Поднявшись во весь рост, я помахал автоматом, обозначая себя. Спустя пару секунд Семеныч был уже рядом; бегло осмотрев водилу, я с облегчением убеждаюсь, что с ним вроде обошлось. Увидев повязку у меня на рукаве, он открыл было рот, но я лишь махнул рукой. Сейчас следовало проверить, не осталось ли кого в живых на тропе и возле нее. Разделившись, мы пошли вдоль тропы вперед, держа оружие наготове. Постепенно картина боя стала проясняться, обретать смысл. То, что моя позиция находилась под углом к дороге, а сама тропинка имела небольшой изгиб, позволило удачно бросить четыре из шести гранат. Все они легли с интервалом в пять метров, как я и задумывал. А вот две последних улетели в овраг, и поэтому осколки пошли только вверх и, по закону подлости, на меня. Не укройся я в окопчике, бой Варенуха вывозил бы уже в одиночку. Командира амеровского отряда я положил сразу и наглухо, а очередью разбило его заплечный пульт, так что беспилотник, скорее всего, на автопилоте ушел обратно. Остальные иностранцы легли без вопросов: одних посеколо осколками и они истекли кровью, другие умерли от динамического удара, но таких оказалось всего двое. Основную работу сделал Варенуха, его «ручник» словно косой прошелся по неприятельским порядкам. Осматривая бронежилеты покойников, я убедился, что те носили что-то легкое, без дополнительных пластин, их пуля от ПКМ берет совершенно спокойно. Были тела, прошитые навывлет, одному оторвало руку по локоть. Я опять проклял нелюбимый калибр «весла», но пока – что имеем, с тем и выступаем. Достреливать никого не пришлось, чему виной были стимуляторы, не дававшие солдатам впадать в беспамятство; они продолжали драться, часто будучи смертельно ранеными. Всего я насчитал семнадцать трупов, не хватало только самого вредного. Из головы у меня не шел разведчик с винтовкой, в снайпера берут людей ушлых, с глазами на затылке. Эта тварь сейчас где-то рядом, но вот вычислить его в лесу – задача совершенно неподъемная, к тому же Михась молчит, это тревожно. Неожиданно ожила рация и прозвучал совершенно спокойный голос приятеля:

– Ложись!

Не рассуждая, как и в прошлый раз, я просто упал на землю и откатился в кусты. Выстрелов не слышал, но пуля прошла ровно в том месте, где я только что стоял. Оглядевшись, я увидел, что Варенуха тоже слышал Мишкино предупреждение и теперь неловко сползал с тропы, позвякивая пулеметом. Снова послышалось внятное рассерженное гудение, и сразу три ветки кустарника упали на шевелящуюся тушу водилы. Неопытность престарелого партизана превратила его в отличную мишень. Вражеский снайпер стрелял на движение, практически наугад. Однако скоро он нащупает Варенуху, если тот не прекратит ворочаться. В лесу после отгремевшего боя воцарилась мертвая тишина, смолкли даже птицы. Громким шепотом я приказал:

– Семеныч, не шевелись, замри!

Варенуха послушался и неловко замер, чуть скособочившись на правую сторону. Драгоценное время уходит, скоро сюда так или иначе кто-то придет, и нам тут быть не следует. Пока мы лежим, снайперу нужно или сменить позицию или, просто вызвать своих, прижимая нас огнем. Вызывая Михася по рации, я уже знал, что буду делать:

– Медведь, видишь меня?

– Нет, но засек, куда ты упал, – голос приятеля звенел от напряжения, он искал своего визави.

– Медведь, я правее, пятнадцать. Видишь плохиша?

– Нет, но знаю, где он примерно сидит. Дистанция – триста пятьдесят от моей позиции, группа высоких сосен и одно лиственное дерево.

– Медведь, я его вытащу, следи! Он нас держит, уделай гада, пока есть время. Без разговоров и рассуждений. Делай!

Оборвав связь, начинаю ровно дышать, приводя организм в нужное для пробежки состояние. Каждая мышца уже наверняка болит, но сейчас даже без обезболивающего все глушит адреналин. Накроет уже потом, и лучше в это время быть в бункере, иначе каюк. Рана уже начала побаливать, острые злые импульсы пробивались сквозь онемение от лекарства. Еще примерно минут двадцать, и снова надо колоть дурь. Отходяняк после такого лекарства очень тяжкий, болеть будет все, не говоря уже про слабость от кровопотери. Поэтому, пока все еще было более-менее нормально, я вскочил и рывком метнулся вдоль тропы, назад к окопу. Пули с коротким интервалом в полмгновения прошли одна за другой, опалив кожу на носу и затылке. В какой-то момент я неловко поставил ногу, не заметив гнилой коряги, припорошенной прошлогодней листвой и выросшей высокой молодой травкой. Нога подвернулась, и я со всего маху грянул оземь, успев, однако, подставить левое плечо и уйти в неряшливый кувырок. Чутко шевелюсь, и в то же самое мгновение рядом снова состригла ветку назойливая стальная пчела. Мысленно собираю все маты и, перекатываясь влево, снова вскакиваю и бегу что есть силы к огромному стволу поросшей мхом осины. Неожиданно чувство опасности исчезает, будто его отрезало, и только сейчас слышу вопящего в наушнике Мишку:

– Да стой ты, чертяка! Уже все, все, старшой!..

Как вкопанный, я останавливаюсь, и тут же слабость и ломота накрывают с головой. В глазах темнеет, начинается обычная постбоевая лихоманка: тело сотрясает мелкая дрожь, выступает холодный пот, потом кидает в жар. Слепо шарю по карманам и, найдя плоскую фляжку со старыми запасами хорошего армянского коньяка, делаю два долгих глотка. Живительное тепло пробегает по венам, слух и зрение возвращаются, а дрожь отступает. Медленно осматриваю автомат, выщелкнув «рог», вижу, как сигнальный патрон показал свое зеленое рыльце²⁶, значит, в магазине еще восемь обычных и четыре трассера. Повернувшись обратно к тропе, иду в сторону, откуда только что убегал. Всего удалось промчаться без малого двести метров, время не засекал, но нарезал как спринтер. Варенуха уже на ногах, отряхивает форму и поправляет пулемет на плече.

– Семеныч, – хлопаю водилу в знак одобрения по спине здоровой рукой, – не убирай бандуру, пора идти к «туристам», нужно предупредить ребят, если еще сами не сдернули...

– Рысь, – снова глазастому Михасю нейдет, к нам он так и не вышел, – лево пятьдесят, вижу новую группу людей. Семь «карандашей», все в прикиде. Похоже, пиндосам пришла помощь!

Это было не очень хорошо: боекомплект у нас на исходе, у меня осталось два «рога» к автомату плюс уже початый и одна «фенька». Глянув на Семеныча, знаком показываю на его «молотилку». Поняв жест правильно, водила указывает на примкнутый к пулемету короб, а потом ребром ладони проводит себе по горлу. Сотня патронов, может, меньше...

– Медведь, как у тебя с «музыкой»?

– Не густо, – голос Мишки звучал напряженно, но паники я не чувствовал. – Могу сыграть на бис, но зрителей слишком много, и все с цветами.

Получалось, что Михась сможет их придержать, но патронов осталось меньше десятка. Пиковый расклад... Решение нужно принимать быстро, еще пара минут – и эти неопознанные будут здесь. Судя по направлению, выходило, что была третья группа, тусовавшая почти у самого лагеря наших потенциальных союзников. Придется работать вариант с громким отходом. Без особого сожаления глянув на свой автомат, отсоединяю почти пустой «рог» и, поймав выброшенный движением затвора досланный патрон, возвращаю его в магазин. Придется спровоцировать погоню, других вариантов нет.

– Медведь, как только скажу – вали того, кто у зрителей за старшего, потом уходи.

– Понял, приступаю.

Повернувшись к замершему в готовности Варенухе, подмигиваю партизану сквозь маску:

– Семеныч, не дрейфь! Занимай позицию в овраге, там получится сектор пошире, чем на твоей старой лежке. Пиндосы побегут прямо на тебя, я их гранаткой взбодрю. Дай пару

коротких очередей и тоже отходи, я вас догоню. Давай, старый, в темпе вальса!

Водила только кивнул, на его чумазом от копоти лице, блеснули водянистые глазки, старик давил слезу. Еще раз ободряюще махнув ему рукой, я принялся за последние приготовления. Оглянувшись в поисках подходящего дерева, срезал толстую ветку и быстро строгаю колышек для ловушки-самострела. Есть такая хитрая придумка: автомат с полным магазином заклинивается в подходящей развилке дерева, в затвор вставляется деревянный колышек, от него идет веревка или проволока, натягиваемая поперек пути противника. Гады бегут под выстрел и получают свинца от души. Прелесть ловушки в том, что можно завалить одного-двух самых ретивых, включая следопыта. Плюс противник считает, что прижал группу и та приняла последний бой. Пока суть да дело, есть реальный шанс оторваться. Спустя пару минут напряженных поисков я вернулся к знакомой мне раздвоенной осине, где и закрепил автомат под углом к тому участку тропы, где пойдут преследователи. Приклад упер в быстро вырубленную выемку, чтобы не шатался, и дослал патрон. Стрелять в автоматическом режиме он будет недолго, но задержит преследователей, это точно. Привязав автомат, чуть отвожу затворную раму, чтобы в образовавшуюся щелку прошел оструганный чуть раньше клинышек, и отпускаю курок затвора. Куском проволоки приматываю спусковой крючок к пистолетной рукоятке, будто на него давит до отказа мой же собственный палец. Присыпав получившуюся конструкцию срезанными с соседних деревьев ветками и протянув шнур поперек тропы, мелкой рысью бегу навстречу приближающимся иностранцам. Зайти получилось с левого фланга, теперь я видел, что Михась не ошибся и это действительно пиндосы: «безухие» шлемы, наколенники-налокотники, короткие автоматы, но немного другие, нежели у первых пиндосов. Все выглядело нормально, но... Стоп! Повязки на ляжках, дерганая походка... Черт, это же те самые горе-войки из лагеря!

– Медведь, Бобер, отбой! Это «туристы». Повторяю: работе отбой!

– Рысь, у них оружие. Одеты как...

– Да знаю я! Вспоминай: те, в лагере, повязки у них на ляжках, ходят, как придурки, ноги подволакивают!

– Рысь, что делать будем?

– Выйду, поговорю с ними. Ежели начнут дурить, пристрелим одного. Как определю главаря, попытаюсь пожать ему руку, а ты возьми его на прицел. Если будет выступать – «разгрузку» поправлю правой рукой, тогда вали его.

– Принял, Рысь. Наглухо валить?

– Медведь, отставить. Дурной, но все-таки свой. Может, в ум войдет. Руку прострели, чтоб не шибко за оружие хватался. Теперь тихо, они уже рядом.

«Туристы» шли строем, отдаленно напоминая левый уступ, растянувшись в нестройную цепочку, но все же были опасно близко друг к другу. Случить мина или, как в моем случае, граната – осколками зацепит сразу троих. Главного я определил практически сразу, это был довольно упитанный рослый дядька лет сорока с небольшим. Обмундирован в традиционный для «туристов» амеровский лесной камуфляж. «Разгрузка» с намеком на оригинальность, но совершенно неподходящая для охоты на людей: все подсумки группировались на животе, и плюхнись такой «воин» ничком – обязательно схватит пулю в пятую точку. Темно-синяя бейсболка на круглой голове смотрелась органично, чего не скажешь про пижонские темные очки для стрельбы. Сочетание большегубого капризного рта с глубокими морщинами, идущими от крыльев носа к уголкам полных поджатых губ, говорило, что я верно оценил темперамент вождя страйкболистов. Этот деятель потянет пацанов за собой, будет рисковать их жизнями без колебаний. По тому, как вождь держал короткий автомат – стволом вниз у груди, – стало ясно, что настоящее оружие есть только у него. В группе было шестеро парней и одна девушка, от пятнадцати до двадцати пяти лет, самым старшим по возрасту был этот пижон в дизайнерских очках. Но выхода нет, нужно договариваться, хотя придется туго.

Дождавшись, пока «туристы» подойдут к моей позиции за толстой сосной на десять

метров, я присел и внятно, с расстановкой, крикнул:

– Привал, мужики! Дальше ходу нет, давайте поговорим...

Реакция у туристского вождя оказалась неплохой: навскидку, ориентируясь на мой голос, мужик выпустил две короткие очереди из своей трещотки, что-то одновременно командуя своим. Три пули сбили кору со ствола сосны и, зло гудя, ушли в сторону и вправо.

– Рысь, цель сопровождаю, могу его чутка подлечить.

Мишка заматерел, уже говорил, как его ментовские учителя на полигоне. Но я решил, что сделаю еще одну попытку.

– Медведь, отставить. Попробую сначала убедить, если что – дам отмашку, как договорились.

– Принял, Рысь. Жду условного сигнала.

Не двигаясь, поскольку вождь «туристов» мог еще раз пальнуть или уже зацелил какой-нибудь сектор как раз на случай моего маневра, снова подаю голос:

– Эй, солдат! А тебе в голову не приходило, что я тут не один сижу. И пожелай я тебя с молодняком пострелять, уже давно бы сподобился, а?

Снова стало тихо. Послышались приглушенные возгласы, щелкнул затвор какого-то оружия. Может, менял магазин, и, высунись я теперь, издырявит нафиг...

– Кто ты такой? Выйди и положи оружие на землю.

Голос у вождя оказался властный, настоящий командирский баритон. Глянув на часы, решил дать этому идиоту минуту на блажь, потом прикажу валить. Отжав тангенту, я включил рацию и запросил Мишку:

– Медведь, здесь Рысь. Что этот клоун делает?

– Здесь Медведь, целит из автомата в твою сторону.

Вот ведь гад, недоверчивый какой. Спрятав гранату без кольца за пояс, зажимаю предохранитель так, что чуть ослаблю давление, и «гостинец» провалится в специально прорезанный для этих целей клапан и вывалится из другой прорези под левой наколенной брезентовой нашивкой. Потом останется только пинком отправить ее в сторону противника и убраться с дороги самому. Подняв левую и обозначив поднятие раненой правой, выхожу на тропинку.

– Не стреляй, мужик. Нам действительно надо поговорить.

Вождь, браво выступая впереди, встал из своего укрытия и сделал знак остальным. Все толпой высыпали на тропу, но вождь прикрикнул на них и ко мне вышел худощавый паренек в тонких «близоруких» очках. Неумело хлопав мои карманы, он все же забрал ПБ из набедренной кобуры, протянув пистолет вождю. Тот взвесил оружие на руке. Повертел его так и сяк, а потом спрятал в один из больших карманов чудного «лифчика».

– Ну, говори. Только учти, мы уже давно воюем, тебе нас не обдурить.

На меня с интересом смотрело шесть пар глаз, включая заинтересовавшую меня девушку. Среднего роста, спортивного телосложения. Овальное высокоскулое лицо с тонкими чертами. Серо-зеленые глаза необычайной выразительности, припухлые губы, упрямый подбородок и ямочки на щеках. Русые волосы зачесаны назад и собраны в толстую косу, перетянутую черной резинкой. Она одна не держала в руках оружия, вместо этого на боку висела объемистая сумка с красным крестом. Если я не ошибаюсь, это та самая Лера, что разнимала подравшихся патрульных. Те, скорее всего, тоже тут.

– Значит такой расклад, уважаемые, – я говорил тихо, к тому же рука начала ныть. – Мой отряд разгромил две группы иностранных скаутов, шедших к вам в гости... Молодежь взволнованно зашептала, на их лицах читались настороженность и тревога. Они подтыкали друг друга локтями, а обыскивавший меня очкарик только кисло ухмыльнулся. Его поза и выражение лица были из разряда: «Ну, а я что говорил?» Девушка, напротив, решительно вцепившись в лямку своей докторской торбы, шагнула в мою сторону.

– Руку опустите правую, я посмотрю...

Вождь тут же среагировал и попытался оттолкнуть девушку назад. Бросив оружие болтаться на ремне, он схватил ее за руку и дернул на себя. Та не подалась ни на сантиметр и

как-то ловко освободилась от захвата, одновременно отработав корпусом. Вождь поскользнулся и рухнул на траву, бренча амуницией. Лера с презрением дернула уголками губ и снова обратилась ко мне, роясь в сумке:

– Все нормально, я – военный врач. Пуля внутри застряла?

– Да, сидит, падла. – Нужно было как-то пошутить, но боль уже была на грани переносимости.

– Промидол кололи?

Не обращая внимания на поднявшегося с земли вождя, девушка уже разматывала жгут и бестрепетно отрывала повязку. Полыхнуло болью, сразу выступила кровь. Надавив мне на плечо, девушка принудила опуститься на землю, прислонив меня к стволу дерева. В ее руках замелькали блестящие инструменты, и стало ясно, что меня быстро и профессионально режут. Вождь молчал, недобро глядя на меня и теребя автомат. Дружескими его жаркие взгляды в мой адрес назвать было трудно. Мысленно он уже раз сто меня расстрелял, сварил живьем и разорвал лошадьми. Врачиха тем временем продолжала копаться в моем плече, подрядив ассистировать ей того самого очкарика. Пацан полил ей на руки жидкостью с резким запахом, после чего Лера взялась за хромированные ножички. Чтобы отвлечься от оголяющей нервы боли, я отвел глаза, обращаясь к остальным «туристам»:

– Времени мало, ваш лагерь засекли с беспилотника и выслали два взвода карателей... Скоро, вероятно, через час или два, накроют квадрат артударом. Сворачивайтесь и тихо уходите. Соберите импортное оружие с трупов, там, дальше по тропе, нам оно без надобности...

– Гладко рассказываешь, – голос вождя приобрел сварливые, бабьи интонации. – А как это ты столько «америкэн рэйнджерс» завалил?

– Мне, уважаемый, повезло. – Девушка с каким-то особым садизмом провернула что-то в ране, и боль стала столь чистой и незамутненной, что заглушила все. – У нас в роду только на бешеное бычье и есть везение... Тебя вот тоже повстречал, обратно свезло...

– Уголовник, наверняка, – едва сдерживаясь, чтобы на меня не кинуться, вождь повернулся к подрастерявшим пиетет соратникам и показал мой ПБ: – Оружие не стреляное, с трупа снял.

– Шерман, заткнись, прошу тебя. Этот человек ранен не нашей пулей. – Лера показала в пинцете окровавленный кусок металла. – Американский «гостинец», я из вас такие же вытаскиваю. Лучше идите туда куда он говорит...

Незаметно для остальных я два раза даванул на тангенту радиостанции. Теперь Семеныч уйдет с тропы, пропустит ребят к трупам пиндосов. Девушка все же заметила мое движение, но я только подмигнул, и она, упрямо тряхнув головой, ничего не сказала своим. Звонящим от напряжения голосом я продолжил:

– К северо-востоку от вашего лагеря есть спуск в заброшенные угольные шахты. Не знаю, как там сейчас, но, возможно, облаву можно пересидеть. Собирайте трофеи, следите чтоб электроники рабочей на них не было, и уходите. На земле вас непременно найдут... Доктор, как там рука моя поживает, а?.. Не отрезали часом?

– Зашила уже, – голос девушки был отстраненно вежлив. – Антибиотики у вас есть? Как колоть, знаете?

– Поищу, обязательно поищу... А покудова прощевайте. Спасибо вам, военный врач Лера.

И, воспользовавшись тем, что руку уже сдавливала тугая повязка, а девушка отошла, собирая инструменты, я, рывком поднявшись, ударом ноги выбил из рук расслабившегося вождя автомат. Кольцо в запал гранаты за ремнем я давно уже тайком вставил, поэтому двигался почти без стеснения. Заслонившись от опешивших туристов очкастым ассистентом изумленно глядящей на меня Леры, я выхватил из-за пояса вопящего от боли Шермана свой пистоль и нырнул в кусты.

Голова кружилась, и я понимал, что скоро могу хлопнуться в обморок от шока, но, пересиливая себя, бежал вперед, попутно проговорив в рацию:

- Группа, здесь Рысь, работаем вариант два.
- Ты циркач, Рысь, принял. Работаю вариант два.

Это Михась, еле сдерживая радость, что обошлось без стрельбы и смертоубийства, ворчал совершенно беззлобно. Семеныч неловко сказал: «Принято» и отключился. День прошел почти удачно, хотя так это или нет, еще предстоит выяснить. Не останавливаясь, сделал крюк и вышел на тропу, и, осторожно прокравшись к поставленной ловушке, забрал свой автомат. Что ни говори, а ко всему привыкаешь... Сквозь кусты было видно, как «туристы» собирают и сортируют трофейные «стволы» и амуницию. Усмехнувшись про себя снова и опустив на лицо маску, тихо ухажу в чащу, чтобы запутать следы. Попутно дал себе слово, что выплусь столько, сколько будет возможно, предвидя последствия пусть не такого серьезного, но все же неприятного ранения.

* * *

Россия. 17 августа 2011 года. Юго-западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны, 200 км на юго-восток от предместий г. Кемерово. Точка постоянного базирования партизанского отряда. 03:12 по местному времени. Партизан Антон Варламов. Стратегический замысел, сны и воспоминания.

...Жар держался уже третьи сутки, но слабость под действием импортных антибиотиков и заживляющих присыпок почти прошла. Температура перешла в ту надоедливую часть симптомов ранения, которые уже после возвращения к нормальной жизни нет-нет да напомнят о нем, то легким ознобом, то выступившей на лбу испариной. Прием стимуляторов имеет свою цену, и мне очень повезло дойти до базы, не потеряв сознания. Но все равно пришел последним, Семеныч немного заплутал, однако к исходу суток того же дня, когда мы пострелялись с амерами, даже он нашел бывшую медвежью берлогу быстрее. Я же свалился от усталости и кровопотери, и следующие два дня помню лишь урывками: Мишка, кормивший меня с ложки бульоном, отрывистое уханье канонады и неистовый рев чего-то воздушного там, снаружи ничем не освещаемой темноты пещеры. Как мне потом доложил Михась, амеры поступили ровно так, как я предсказывал, и сровняли место засады и лагерь «туристов» с землей. Видимо решив не рисковать, пиндосы никого не отправили на помощь своим пропавшим людям. Как ни цинично это звучит, однако я понял их логику. Оккупанты рассудили верно, решив не умножать возможных потерь. Судя по тому, что кипез продолжался и по сей день, пиндосы не достигли своих целей полностью и сейчас отрабатывали второстепенные объекты где-то на западе. В нашу сторону никто не сунулся, после того как тут появился и долго буравил воздух странный летательный аппарат, похожий на легкий планер. Мишка догадался погасить печь и развести всех по разным отсекам; теперь на тепловизоре, да еще и на трехметровой глубине, наши тепловые сигналы особо выделяться не будут. Но, видимо, на разведчике стояла аппаратура, которая засекала только наземные объекты. Потому что после того, как планер улетел, в наш квадрат не прислали ни одного пешего патруля, на бункер не упало ни единого снаряда или мины. Однако я всего этого уже не помню, бредовые видения до сих пор иногда легкими тенями скользят на периферии сознания, и приятными их назвать нельзя. Одно из них было таким ярким, что отрывки из него постоянно стоят перед мысленным взором, стоит лишь закрыть глаза.

...Под ногами оказалась тропинка, ведущая вдоль нескошенного луга. Каждый шаг дается с огромным трудом, воздух такой плотный, что напоминает разогретую до кисельной плотности мутную воду. Очертания предметов расплываются, стоит только лишь подольше остановить на них взгляд. Вода... Очень мучает жажда, я иду по деревенской улице, стучась в каждую калитку. Но никто не открывает, а зайти во двор мешает неодолимая преграда. Я ее чувствую, но описать, что это за препона, решительно не могу...

- Люди, есть кто живой?!

Звук собственного голоса словно тонет в кисельно-мутном мареве, и создается ощущение, что никто кроме меня самого призыва не слышит. С трудом переставляя ноги, дохожу до крайнего дома, чьи ставни выкрашены в веселый васильковый цвет. Вообще, это даже не обычная ходьба, я словно плыву над землей, и не помню, чтобы ноги касались твердой поверхности хотя бы раз. На окнах колышутся занавески, слышится залиvistый и глуховато-дребезжащий собачий лай, затем резко перешедший в тревожный, тоскливый вой. Несмотря на пышущий отовсюду жар от этого звука пробирает озноб, но жажда берет свое. Я протягиваю руку, чтобы постучать в калитку, может быть, хозяин даст напиться воды...

– Ты кто, дядя?

Детский голос раздается за спиной, звучит он необычно четко, даже звенит. Я вздрагиваю и пытаюсь резко обернуться. Движение получается очень медленное, но визуально тело словно бы мгновенно вывернулось в противоположную сторону, я оказался лицом к говорящему ребенку. Это шестилетняя худенькая девочка в светло-голубом сарафанчике, запятанном красной глиной. Светло-каштановые вьющиеся волосы заплетены в две косички, в которые вплетены розовые ленточки. Босые, измазанные в травяном соке и глиноземе ноги с ободранными коленками. Если б не одна странная деталь – вполне обычный ребенок. Настораживали глаза: огромные, пронзительной синевы, внимательно вглядываются в меня, пронзая, словно прожекторными лучами, до самого затылка.

– Я... – горло сдавливает спазм, становится трудно дышать, но слова все же каким-то образом произносятся: – Я заблудился, девочка... Вроде был уже у вас в деревне, потом ушел... А вот, видно, снова вернулся... Воды бы попить, а?

Медленно переведя взгляд мне за спину, незнакомка согласно наклоняет голову и протягивает руку. Узкая ладошка с обломанными ногтями, на которых сохранились облупившиеся фрагменты дешевого розового лака. Вкладывая свою маленькую ладонь в мою огрубевшую от постоянного рытья земли руку, она тянет за собой:

– Идем.

– Там есть колодец?

– Идем со мной, солдат!

Говорят, что во сне мы не можем ничего чувствовать и тем более удивляться, но теперь я чувствовал страх, и что самое странное, меня вдруг посетило чувство жгучего стыда. Жажда все еще туманила сознание, стены изб и невысокие заборчики плыли перед глазами, сливаясь в сплошное серое пятно. Но стыд перебил все чувства, заглушил остальные ощущения, я утопал и задыхался в его обжигающих эманациях. Вдруг все замерло, и мы с девочкой очутились на краю ямы. Там рядами лежали люди, сотни тысяч глаз смотрели со дна огромной братской могилы прямо на меня. Ров тянулся так далеко, насколько хватало глаз, оттуда вдруг резко пахнуло холодом. Лицо и руки стянуло поразительным по силе морозом, сравнимым по напору с предшествовавшей жарой. Я хотел было моргнуть, но веки словно примерзли и не слушались. Кто-то будто хотел, чтобы я смотрел именно в зияющую пропасть бездонной ямы. Тела в ней лежали тесно, будто рыбы, сбившиеся в плотный косяк, и серо-черная масса их колыхалась, дыша как единый организм.

– Они ждут, солдат.

Голос девочки, такой тихий и ласковый, стал резким и металлически-неприятным. Он эхом отражался от стен рва, и тела покойников начали шевелиться быстрее, чем раньше. Люди словно перешептывались между собой и кивали друг другу, показывая на меня пальцами и культиями оторванных рук. Шепот мертвых сливался в монотонное гудение, от которого раскалывалась голова. Страх и дурнота, а более всего жгучий стыд, заставляли меня вырвать руку и бежать от края могилы как можно дальше, зажав уши и зажмурив плотно глаза. Пришло ощущение, что целый мир смотрит прямо в душу. Обнажилась каждая мелочь моего личного бытия, ничтожного в сравнении с обрушившейся на мой относительно комфортный мирок бедой – это сводило с ума. Не в силах высвободить руку из цепких пальцев странного ребенка, я упал на колени возле края братской могилы и попытался кричать:

– Я давно уже не солдат, чего вы хотите от меня? Чего вам надо, я никому ни черта не должен, слышите?! Или не достаточно уже тех войн, где я был?! Что я получил за свою войну, вы знаете?! Каждый второй из вас отворачивался, когда я с простреленной ногой, опираясь на костыль, корчился от боли в транспорте, плевал в след с проклятиями и бранью в очереди за бесплатными лекарствами. Я был так неудобен для всех вас, пока каждого не коснулась Безноса!

– Разве у меня нет носа, солдат?

Девочка уже не казалась такой маленькой, рука ее, до этого горячая, вдруг стала обжигать, жар потек по моим жилам вместо крови, мозг закипел, готовый взорваться... Смерть в первый раз показалась мне. Не было холода, ледящего душу, как пишут в пошлых романах, детская фигура пылала белым пламенем, словно состояла из расплавленного серебра.

– Жарко... не вижу... Мне идти к ним, в могилу?

– Нет, там нет места для таких, как ты. Солдаты умирают не здесь, этот дом для других жильцов... Но ты задолжал им, солдат. Я пришла, чтобы напомнить о твоих обязательствах, о долге.

– Должен. – Внезапно источник жгучего стыда определился, защитить людей в могиле я не сумел. Они тут по моей вине. – Ты права, действительно должен.

Как только я произнес последнее слово, давшееся почему-то с невероятной легкостью, края могилы затворились и гудящий хор голосов стих. Звонящая тишина и потоки свежего воздуха обрушились на меня, хватка Смерти ослабла, и я рухнул на траву ничком.

– Вставай, солдат. Ты еще жив, и дел среди живых на твой век хватит. Вставай же!

Словно неведомая сила оторвала меня от земли и, приподняв, швырнула к ногам Смерти, принявшей облик деревенской девочки из отравленного американцами села. Как это и бывает во сне, самого удара я не почувствовал, только на миг очертания предметов смазались и потеряли форму. В образовавшемся вакууме потерялись все цвета, исчезли звуки, словно кто-то засунул меня в огромный стеклянный бак и плотно закрутил крышку. Исчезли все ощущения. Горло сдавил жесточайший спазм, стало нечем дышать, откуда-то пришла мысль, что наверное это и есть трындец. Неожиданно серая пелена расступилась, звуки и ощущения ворвались в сознание разом, вновь сбив с толку. Губ коснулся холодный мокрый край керамической кружки; скосив глаза вниз, я различил, что она бирюзово-синего цвета. Кружка была полна чистой, прозрачной воды, источавшей одуряющую свежесть и прохладу. Приникнув губами, забыв про пережитый ужас, жадно и долго пью, пока посуду не отняли у меня, как сильно я ни цеплялся пальцами за прохладные, скользкие бока. Девочка спрятала сосуд, словно бы исчезнувший между ее перепачканных рыжей глиной ладошек, чуть заметно шевельнув пальцами с поломанными ногтями. Она торжествующе улыбалась.

Голос Смерти замер на высокой, почти гремющей ноте, и в нем слились тысячи и миллионы голосов. Уши заложило, и я осознал, что сам кричу, но в общем реве хора мертвецов мой голос был совершенно не слышен. Все звуки слились в один мощный зов, в глазах ангела плескалось расплавленное серебро:

– Ты испил чашу Долга. Иди и отомсти за нас!

Что-то стеклянное, будто не выдержав нагрузки, лопнуло с громким дребезжащим звоном. Мощным толчком звуковой волны меня словно выбило прочь из сновидения...

Жар так и не спал. Обливаясь потом, я рывком сел, широко открыв глаза. Кругом была непроглядная темень, в углу ворочался на тюфяке Михась, из соседней каморки раздавался тихий переливистый храп Варенухи. Это был всего лишь кошмарный бредовый сон. Никогда не был силен разбирать всякие аллюзии грез и особо в мистику не верил. Видимо, в данном случае смешалось все напряжение последних недель, отполированное ранением. В углу заворочался Мишка, и спустя два коротких чиха приятель подал голос:

– Здоров ты дрыхнуть, старшой... Не стонал бы еще во сне – ваще красота.

Хоть ворчал приятель с явным раздражением, чувствовалось, что Мишка рад моему

пробуждению. Глянув на часы, я быстро вычислил, что провалялся в бреду почти сутки. Сухость и мерзкий привкус от лекарственной горечи во рту удалось перебить, наполовину осушив стоящий рядом котелок с холодным уже травяным отваром. Стало легче, даже жар отступил. Размотав повязку, с удовлетворением отметил, что рана не воспалилась, антибиотики помогли и скоро можно будет начать нагружать руку. Михась тем временем не унимался:

– Тоха, а вот скажи ты мне откровенно, почему запретил того придурка вальнуть? Он же пристрелил бы тебя, если бы не докторша.

– Скажи, покойники совершают ошибки после смерти?

Голос мой звучал хрипло, но уже не дрожал. Сейчас было трудно собраться с мыслями, в голове еще стояла муть, навевшая лихорадкой. Однако отдохнул я уже и так порядочно. Нужно начинать приходить в норму, враг-то не отдыхает и нам не стоит расслабляться. В неровном свете коптилки заметил, что приятель отрицательно мотает головой, и продолжил:

– Везде важен личный пример, ты это знаешь, и этот «вождь желторотых» тоже прекрасно все просек. Убей ты его тогда на тропе, и вот уже у нас готовый герой-мученик. А кто мы с тобой будем в этом случае? Правильно – злодеи и пособники оккупантов.

– Чушь, – Мишка скептически фыркнул. – Да с какого перепугу мы пособники?! Это он пацанов своих под пули подставляет!

– А с такого, что он уже будет труп и взятки с него гладки. Покойники сраму не имут, всегда так было: ошибки забудут, а подвиги возвеличат. Ну и что, что подставил он их разок-другой. Зато вот от уголовника в моем лице уберег! Ведь пытался возражать, шпалер отобрал, а мы его пулей, да в умный низенький лоб. Значит, он хороший, да еще и мертвый, а мы плохие, хоть и на своих двоих. А что получилось сейчас: он, видимо, пенял, что оружия, мол, нету и все беды проистекают от этого. Теперь «железа» у пацанвы этой в избытке появилось и оп-ля: веди нас, умный командир, согласно своим мудрым заветам, на врага...

– Мы ж стволы им на блюдечке принесли! – возмущению приятеля не было конца и края. – А этот придурок, выходит, в шоколаде?!

– Не совсем так, погоди кипятиться. Выглядит как шоколад, но таковым не является, знаешь, что за субстанция?

Разговор вдруг стал еще и неким размышлением вслух, обдумыванием стратегии на будущее. Отхлебнув еще отвара, я откинулся на тюфяк и, баюкая простреленную конечность, продолжил:

– Теперь мы убрали объективную причину для оправданий его же ошибок. Оружие вдруг появилось, можно прикидывать, как пустить его в ход. И вот тут он ошибется, сто пудов так и будет.

– Ну а вдруг повезет этому Шерману и он снова на коне?

Азарт спора пришел и к приятелю, тот всегда был заводной на предмет поспорить, хотя часто горячился и оттого упускал инициативу.

– А я и не говорю, что он проиграет бой: мужик по виду если не бывалый, то точно грамотный в нашем деле. Ловушки квалифицировано расставил, жилище правильно замаскировал. Но вот незадача, все это слишком напоказ и в расчете только на собственное выживание. Сам смотри: заметят растяжку, разбираться не станут, а пока суть да дело – вождь уйдет. Организует побоище, сам точно спасется, а «зелень» положит. И ведь скажет, мол, что жертвы неизбежны. А народ неопытный, каких среди туристов подавляющее большинство, – обязательно поведется.

– А это не так?

– Да так все, Миша, так. Война идет и люди гибнут, но тут нужно пацанам постепенно ее показывать. Страх нужно учить в себе залавливать... Стрелять, ходить и жить, как это живые люди делают. Для всего этого время требуется и сорок сороков размышлений, как самим не умереть, а пиндосам не жить. Война, это та же горячая похлебка: если пробовать осторожно – только на пользу,хватишь, не остудив, и сильно обожжешься. Вот я вас как могу страхую, берегу, хоть вам на двоих почти сто лет в обед...

– Ага! А сам с простреленной шкурой валяешься... Стратег, себя не уберег.
– Все верно, – помимо воли машинально поглаживая ноющую руку. – Только вы теперь точно знаете, что я скорее собой рискну, но вас не подставляю, так?

– Ну... вроде так выходит.

– И случись что со мной, ты бы рискнул ради меня? Не отвечай, брат, это лишнее. Ведь не прикажи я тогда и не подставься, ты бы всех этих молодых на тропе рядком уложил. И сам бы лег, наш с Семенычем отход прикрывая, будь это не юнцы с палками, а реальные злющие пиндосы с настоящими «стволами».

Мишка отчаянно засопел и ничего не возразил, прикидывая поступки на себя. Испытание огнем они оба с водилой прошли и выдержали с честью. Теперь я мог с уверенностью положиться на обоих, в этом и была задумка. Отпив из котелка и взболтав осадок, я продолжил:

– С оружием и дурным запалом, «туристы» попытаются что-нибудь замутировать. Знаю характер таких вот вождей, спланирует он что-то большое, чтобы прогреметь и закрепить свой авторитет еще большей кровью. И это нам тоже на руку. Если бомбежку они пересидят, то спрятались они именно в шахтах, как я им и подсказал...

– На живца будем ловить?

– Можно и так сказать.

В отблесках желтого пламени коптилки я увидел азартно блеснувшие глаза приятеля. Идея ему нравилась, я продолжил рассуждать:

– В свое время мне приходилось слышать про одних ушлых «грушников»²⁷. Они уходили в поиск, как духи. Жили в горах, оборудовали себе схроны и базы...

– Прямо как мы сейчас!..

– Ну, так я к этому и веду. Работали они так скрытно, что даже ихнее начальство не всегда знало, где они да чего мутят. Дошло даже до такого, что духи стали их принимать за каких-то украинских наемников, воюющих за дудаевцев. «Грушники» иногда громили одну группировку духов, объединяясь для этого с другой такой же, но попроще. Ходили, пересекались с разведкой частей федеральной группировки, но себя не обнаруживали и по возможности помогали. Там как было: идет в поиск разведка наша и духи про нее уже почти все знают, частоты слушают, маршруты выпасают. Сам, может, слышал, что сливали нас часто. Только по ящику все на каких-то абстрактных «генералов» да «штабных» валят, но я думаю, все гораздо выше сдавали. Будь это местное начальство – порешили бы их там же, в штабной палатке. На той войне суд короткий был... генералы да офицеры штабное нас, сермягу, реально боялись. Если чего и сливали, то не так глобально – мозгов не хватало. Часто планы операций выглядели реально как подстава, мы никогда по калькам не ходили, иначе гнил бы в яме где-нибудь в горах по сей день... Так вот, спецы эти ушлые все раньше остальных хитро-мудрецов просекли и работали скрытно. И выходило, что всех палят, а этих вроде как и нет вовсе.

– А ну как свои подстрелят?

– Ну... – во рту пересохло, я снова глотнул отвара. – Тут без риска никак, да и где они сейчас, эти «свои»?.. Из потенциально своих только эти самые «туристы», в остальных смело можно стрелять и не ошибешься – будешь прав. И потом, ты не задумывался, Миша, почему, как только возникает какая-нибудь мало-мальски серьезная заваруха в России, мы тут же начинаем сперва мочить друг друга? Вот и ты сейчас разницы между пиндосами и обычной одураченной ушлым проходимцем детворой не увидел. Не след сейчас среди своих врагов и инакомыслящих искать. Вот погоним иностранщину, тогда и разбираться будем, кто из нас больше Родину любит и какой способ самый подходящий. Я вот ментов не люблю, еще на Кавказе достали они меня понтами своими дешевыми: сядут на дороге или возле села, наташат стройматериалов, обустроят «базу» и ну жрать сгущенку с водярой пополам. Да и чего б не барствовать, когда везут с собой целые обозы со всякой всячиной. Их в дорогу все городские да областные барыги собирают, оно и понятно – сдриснут «защитники» в командировку, может, там и останутся. Подлю, понятное дело, но, как говорится, любая

медаль имеет две стороны.

– Че, они плохо воевали?

Мишка повернулся ко мне лицом и даже привстал. Про войну он слушать любил, собирал сборники «афганских» и потом уже «чеченских» песен, ставил их, когда я приходил к нему домой. Но после настоятельных просьб перестал: я не особый любитель ностальгировать, а тем более слушать неуклюжие завывания непонятных людей под гитару и синтезатор. Афганские песни еще туда-сюда: там тебе и Розенбаум, и не известные мне, но талантливые ребята, исполняют нечто действительно стоящее. А чеченские мотивы... перепевки тех же афганских песен, только с переставленными для актуальности словами. Некогда было песни писать, даже присесть и послушать не получалось: пожрать бы добыть, а гитара или приемник – это все для оседлых. Даже немного подраться приходилось с ментами, которые, узнав, что я вроде как где-то поучаствовал, включали то в кабинете, то в машине эти самые песни. Ну не лежит у меня душа слушать про подвиги московского ОМОНа, что поделаешь.

Сейчас был ровно третий раз за все те годы, что мы знакомы с Михасем, когда ему удалось вытащить кусочек засевших больной занозой не слишком веселых воспоминаний. Само собой, теперь мы уже вместе очутились там, где этой окопной романтики – хоть жопой ешь, но человек так устроен, что самое интересное – это то, что так или иначе запрещено. Мысленно смирившись с неприятной для себя темой, я нехотя отвечаю:

– Да причем здесь это твое «плохо» и «хорошо»? Ты сам-то много про это думал давеча? Убивал и хотел, чтобы не убили тебя. А как это выглядит со стороны, да что подумает кто-то посторонний, ведь уже не особо важно, так или нет?

– Ну, – Мишка заерзал, сверяясь с ощущениями. – Страшно было, потом... а потом снова страшно. До сих пор иногда колотун потряхивает. Но ведь не любишь ты ментов за что-то, значит, воевали пло...

– Миша! – меня взяло зло на тупое упорство с виду взрослого мужика. – На той войне не было «хорошо» или «плохо». Было только две ипостаси истины: ты жив, и значит прав, или ты мертв, и значит кругом обосрался. Когда нас с пацанами призвали, никто толком не понимал, зачем мы тут очутились. Сначала все было бессмысленно и даже почти не страшно... тыкались так до первого артобстрела, когда духи, севшие на нашу волну, навели артиллерию на расположение бригады. Кто я до отказа струсил, увидев горсть потрохов, оставшихся от бойца, с которым мы от самого Ростова ехали и неплохо так общались. Но потом пришел в чувство и тупо разозлился. Вот только это и было: страх, злоба и еще лютая ненависть к духам, генералам и офицеры. Неправда, что, мол, все офицеры как один пеклись о солдатах да берегли нас. Таких едва треть наберется: чаще сталкивался с равнодушием и шкурностью – каждый только за себя. Потом многие очухались, поняли, что вместе выжить будет проще. Из пяти офицеров, которым так или иначе подчинялся мой взвод, только один действительно мотался с нами на боевые, остальные чаще косили, если была возможность. И я их не осуждаю – война настоящая, так сказать, «без дураков» – это всегда очень тяжелая и грязная работа. На «гражданке» даже говно из труб канализационных вычищать и то безопасней, хотя на войне туда мы тоже лазили и, помимо риска задохнуться и потонуть, была реальная перспектива напороться на мину или гранатную растяжку... «ароматная», блин, смерть. Но были и те, кому та заваруха в масть попала: контрактники, менты... Последним краше всех было, в этом я твердо убежден. Милицейское «красноармейство» устраивалось всегда нормально: ходило в села на зачистки, транспорт досматривало. Нет, сидели менты и в Городе, на «контролях»²⁸, но толку от них было чуть: то нас, то «вованов» регулярно дергали на зачистку местности опричь милицейских блокпостов. Но опять же, каждый делал то, что мог... или что прикажут. Так же, как и нас, духи ментов ненавидели, ловили в засады, рвали фугасами, похищали. Просто сугубо на мой взгляд им было легче, чем пацанам, только что от титки оторванным. Ведь не успел оглядеться – и сразу в горы, в полной снаряге, нагруженный, как ломовой конь, всякой всячиной, да часто без жратвы и помощи. Тушенка, разогретая на заливке работающего

БТРа – это уже пища богов, потому как горячая. У меня во взводе все так и было – та самая банка «тушняка» была мне от ребят подарком на «днюху». Пацаны те консервы две недели берегли, и не было мне дороже подарка по сей день, Миша. Хоть и был я чуть старше остальных хлопцев по годам, но всегда держался на равных И все потому, что в бою все на одной доске так или иначе оказывались. Молодым редко кто реальный расклад объясняет, все только орут и требуют. Я этот порядок еще с сержантов поломал, тесно мы держались, все поровну хлебали. А тут представь, как выглядят менты со стороны этих замурзанных службой первогодков: взрослые, хорошо прикинутые по шмоткам и оружию мужики. Службу тянут не уставную, почти вольную, и ходят по ровной земле, да еще не ножками, а все на броне. Никто их особо не напрягает, и в случае чего из любого блудняка вызволят, стоит им громко позвать по рации. Опять же, в хомячьем логове всякая деликатесная, по тамошним меркам, еда: консервированные фрукты, чай. Всегда есть нормально обустроенный сортир, даже горячая вода и электричество. Письма не раз в три месяца, а каждую неделю, да еще и телефон время от времени удастся достать – домой звякнуть, с родней поговорить. А они потом дома еще ноют, мол, новый «броник» тяжелый, да воды помыться вовремя не подвезли... Тяжело-то как на войне! Спору нет, с непривычки это тяжело, но это же смотря с чем сравнивать. Вот и рассуди: война была для всех, но у каждого разная. С таким гревом, да хорошими, считай офицерскими, снабжением и снарягой чего ж не воевать да в новую командировку не заехать – милое дело, коли здоровье позволяет и делать ничего другого нет охоты. Я их заслуг не умаляю, но так сложилось по жизни, что уважаю только тех, кто, как мы с салабонами из роты, хлебнули солдатской каши полной ложкой, да через край, пока донышко не показалось. Знаешь, до точки последней в приказе на дембель... А теперь давай спать уже, устал я...

Скоро приятель сам, без моих, теперь уже исторических, экскурсов прочувствует эту разницу. Пока никто из нас серьезно не ранен, в отрыв от обложившего со всех сторон противника уходить не довелось, сидя по горло в грязи или снегу. Есть вода, кое-какая еда и одежда, но все это временно. Поэтому-то нам очень нужно пополнение и свобода маневра. Чего еще я не сказал Мишке, так это своих планов относительно «туристов». Сила и влияние в партизанском деле обратно пропорциональны в том числе и количеству бойцов в отряде. Возможности повлиять на оперативную ситуацию в районе у нас не особо велики. Рано или поздно придется столкнуться с нехваткой личного состава. Поэтому я рассчитывал, что самые трезвомыслящие из паствы Шермана захотят присоединиться к тем, кто не только воюет, но еще и не собирается тут же героически сдохнуть. Пока у нас нормально, однако все преходяще под солнцем. Даже сейчас мы сидим, полагаясь лишь на маскировку, а это грубая ошибка, и так долго продолжаться не может. Показавшись «туристам» и засветив свои возможности как некоей скрытно действующей и крайне эффективной группы диверсантов, я рассчитывал на то, что поползут слухи. Шерман-Герман обязательно допустит потери, а наших трупов никто не видел. Вождь открыто симпатизирует врагу, восхваляет его, а мы бьемся и побеждаем, хотя вид имеем не шибко бравый. Поэтому одна-две грамотно проведенные акции и дозированная информация, ушедшая в отряд «туристов», – и власть Шермана пошатнется.

С этими мыслями я снова погрузился в сон, на этот раз без сновидений.

...На следующий день после скудного завтрака мы втроем сидели над картой и решали, что делать дальше. Михась и Семеныч выходили на доразведку местности два раза за то время, пока я валялся с жаром, на сто и сто пятьдесят километров соответственно. Обоим попадались воронки от мин, Мишка даже приметил патруль на джипе, шедший по бездорожью и застрявший на переправе через речку, северо-восточнее бункера. Как рассказал приятель, амеров выручил вертолет, подцепивший «хамви» тросами и с ним же улетевший на запад, в район пригородов Кемерова. Это навело меня на идею выдвинуться в том направлении и посмотреть, какими силами амеры обеспечивают аэродром и какого рода объекты они там разместили. Отметая возражения артельщиков, я стал собираться в первый свой выход после ранения и попутно распределял нехитрые обязанности. Мишка отправится

искать место, куда ушли «туристы», и будет сообщать Семенычу все, что увидит. А я попробую отыскать новую цель, подходящую для акции возмездия «номер второй». Сборы не отняли много времени, и к вечеру того же дня я вышел на воздух. В лесу уже было прохладно, вторая половина августа выдалась не слишком теплой. Злющая мошка, которая порой гораздо хуже комаров, рассерженно гудела, но держалась в стороне, отпугиваемая запахом репеллента. В теле еще жила легкая слабость. Но энергетические батончики и какие-то белые кислые витамины, найденные в трофейной аптечке, скрадывали болезненные ощущения. Не случись тогда взять эту сумку и не изучай я английский язык, — до сих пор валялся бы с температурой, а может быть, даже лишился руки или вообще помер бы от такой неприятной штуки, как газовая гангрена. Швы держались, но, случись чего, я смогу снять их самостоятельно, тем более что рана почти затянулась, превращаясь в лиловато-багровый рубец, проступающий сквозь взявшиеся коркой струпья. К тому же воевать в этот раз я себе категорически запретил, все должно получиться тихо, и после осмотра вражеских объектов следовало уйти безо всякого шума.

До трех часов ночи я шел, перескакивая с одной звериной стежки на другую, пока не наткнулся на непроходимый участок бурелома. Поваленные сухие деревья и колючие заросли шиповника стеной тянулись километров на десять с востока на северо-запад, преграждая путь к реке. Не решившись бродить по кустам в кромешной темноте, я расстелил синтетический коврик и устроил привал. Это-то меня и спасло в конечном итоге, потому что через час с небольшим меня разбудил знакомый зловещий свист, а спустя секунду противоположный берег реки накрыла волна разрывов. Видимо, в темноте я пропустил ориентир и свернул западнее переправы. Обстрел продолжался минут пять, потом все стихло. Какое-то время я лежал неподвижно, вслушиваясь в звуки потревоженной тайги. Несколько раз мне слышалось что-то похожее на человеческие стоны, но это длилось не долго и я решил, что ошибся. Остаток ночи прошел без происшествий, и, как только начало светать, я направился вдоль зарослей на восток, чтобы выйти к переправе. Спустя еще час мне удалось зацепиться за небольшую высотку к югу от реки, на противоположном берегу, и, сориентировавшись по карте, выйти к переправе. От места обстрела и ночевки меня отделяло километров двадцать по прямой. После того как, прыгая по камням, удалось переправиться через узкий участок довольно бурной речки, я двинулся вдоль берега в обратную сторону, чтобы узнать, почему пиндосы перемешали с землей пустой участок тайги.

Обстрел мог означать что угодно, однако следовало осмотреть накрытый артухой квадрат. Пройдя вдоль берега и прячась в зарослях камыша, я прошел километров с десятков, когда увидел то, что одновременно порадовало и огорчило. Я нашел застрявший в ветвях молоденькой пихты кусок ткани, оказавшийся куском нашего, российского разгрузочного жилета. Ткань вся пропиталась кровью, в одном из двух уцелевших подсумков я нашел завернутую в полиэтилен початую пачку галет и два десятка отечественных же пистолетных патронов. Галеты и патроны не раздумывая присвоил и дальше пошел осторожней, чтобы ничего не пропустить. Спустя еще час нашел оторванную ступню в нашем же обычном «берце» и кисть мужской левой руки. Находки после осмотра я трогать не стал, пусть лежат как лежат. «Повезло» мне в очередной раз уже когда совсем рассвело: в трехстах метрах от зоны обстрела я нашел почти целый труп. Видимо, бойца отбросило взрывной волной, оторвав обе ноги, и он истек кровью, умер, не приходя в сознание. Тело швырнуло на ствол сосны, оно запуталось в нижних редких ветвях, иначе я бы прошел мимо. Судя по экипировке, это был кто-то из наших, имеется в виду — российских: камуфляж-«цифра», добротный разгрузочный жилет, шапка-маска, тоже с пиксельным рисунком. На правом рукаве обнаружилась повязка, скрывавшая под собой знакомую эмблему — кулак, стиснувший за цевье старый добрый АКСУ, на фоне красной пятиконечной звезды²⁹. Боец не захотел спарывать эмблему, просто замотал ее повязкой, это многое объясняло. В подсумках обнаружились три пустых «рога», зажигалка и два магазина к пистолету, но самого оружия не было ни возле тела, ни в десятке метров вокруг. Походив между воронок

еще примерно час, я нашел еще два пустых подсумка, шесть пальцев и две руки. Возможно, стволы отбросило очень далеко, но скорее всего, оружие подобрали амеры, следов от их ботинок вокруг хватало человек на пять-шесть. Из всего увиденного складывалась следующая картина: группа от двух до пяти человек была обнаружена амеровской разведкой или патрулем какого-то объекта. Разведчиков преследовали и в итоге загнали под минометный огонь. Самой оптимистичной была мысль, что кто-то их отправил, и этот кто-то может оказаться совсем рядом. Но с тем же успехом это могли быть такие же окруженцы, как мы. Экипировка говорила, что менты действительно находились в поиске, от недели до десяти дней, что происхождения группы ничуть не проясняло. Одежда единственного более-менее целого трупа еще не успела толком провонять костром и потом. Воодушевившись таким образом, я, еще раз обойдя место обстрела, нашел довольно четкий след, ведущий на северо-восток. Там, если верить трофейной карте, вообще ничего не было: по неизвестным причинам этот район амеров не интересовал. Наемников здесь тоже быть не должно, однако вот яркое подтверждение обратного. Раз такую маленькую группу быстро засекли, а потом загнали и удачно накрыли минами, тут налицо признаки режимной зоны. Это выглядело не очень хорошо, настроение мое портилось по мере того, как я шел по следу. Разведчики бежали сломя голову, их преследователи держались на расстоянии. Но по отметинам на земле и стволах деревьев было ясно, что с воздуха ментов контролировал либо вертолет, либо беспилотник, а может, и целый АС-13030. При воспоминании о том, что представляет из себя эта летающая корова, мне стало дурно: попадись я ей на зубок, спрятаться будет негде. Но спустя минут пять хождения по следам ментовской разведгруппы, я определил, что их гоняла обычная вертушка с одним-единственным пулеметом и парой блоков неуправляемых ракет под брюхом. Впрочем, когда противник висит над головой, тоже приятного мало.

Ближе к часу дня я наткнулся на самый неприятный сюрприз. В небольшом овраге, за поваленной и поросшей мхом лесиной, обнаружился еще один труп. На краю оврага, уставив почерневшее лицо в небо и широко раскинув руки, лежал солдат. Вокруг тела валялись расстрелянные пулеметные ленты и гильзы pistolетных патронов, но оружия опять не нашлось. Следы говорили о том, что парень держался час-полтора, после чего позицию накрыло одной из ракет, выпущенных вертушкой. Остальные разрывы веерного залпа снесли несколько деревьев рядом, расщепили поваленный ствол колоды, за которой укрывался разведчик. Обыск трупа ничего не дал: те, кто побывал тут до меня, чисто обобрали бойца, срезав даже несколько пуговиц. Но самым мерзким было отсутствие ушей: их кто-то весьма профессионально отделил от головы острым, зазубренным лезвием. Вглядевшись в почерневшее и начавшее опухать лицо, стараюсь запомнить, на случай если придется столкнуться с людьми, отправившими этого бойца в поиск. После случившегося мысли приходили в голову одна парадоксальнее другой. Но радости от предполагаемой встречи то ли с регулярными войсками, то ли с диверсантами-соотечественниками находка не добавляла. В лучшем случае попытаются припрячь к своим делам, что в мои планы уже не входило. Доверять людям, которые просрали вторжение, – это был бы верх глупости с моей стороны. Теперь все будет только так, как задумаю сам. Генералы и прочие посконные стратеги идут лесом, наши дорожки отныне хоть и ведут к одной цели, но параллельными курсами.

Пройдя по следам преследователей километров пять, я свернул поиск и пошел строго на северо-запад, как намечал до происшествия. Идти в сторону охраняемой территории, да еще в тот самый момент, когда поиски диверсантов только-только завершились, было рискованно. Что бы там не нарыли менты в своем поиске, сейчас меня беспокоил только аэродром. Там открывалась реальная перспектива для диверсий, плюс такой объект под боком будет помехой нам для проведения крупных акций в дальнейшем.

Под вечер вторых суток я вышел к окраине лесного массива. По карте получалось, что сейчас я нахожусь на юго-западной окраине бывшего дачного кооператива «Восход». Само собой, никаких построек уже не было и в помине: землю покрывала тонкая черная

стеклянная корка. Почва спеклась от высокотемпературного ожога, что бы ни использовали оккупанты для зачистки, штука была страшная. Вспомнился рассказ знакомого о применении вакуумных бомб в афганских горах, когда в пыль стирались целые скальные массивы. Может быть, он и преувеличил; глаза у парня становились совершенно пустыми, стоило только зацепить болезненную тему. Выжженная земля простиралась всюду, насколько хватало глаз. Извиваясь ужом, я пролез сквозь лабиринт бурелома и строительного мусора. Видимо никого более не опасаясь, амеры сгребли бульдозерами остатки строений к окраинам леса. Взобравшись на солидный участок кирпичной стены, вставший дыбом относительно земли под углом тридцать градусов, я зарылся в обломки мебели, черепицы и почерневшие ветки плодовых деревьев и принялся наблюдать за базой. Строительство все еще продолжалось, но за те две недели, что амеры были тут, их монтажники успели отлично поработать. Видимо, тут намечалось построить большую военную базу, что не согласовывалось со сведениями, полученными мной раньше. Но это не настораживало, скорее вселяло оптимизм: значит, не все так гладко и приходится захватчикам менять первоначальный план вторжения. По всему выходит, что иностранцы обломились с «блицкригом» и на этот раз.

Я видел летное поле с двумя рядами взлетно-посадочных полос: две большие, для бомбардировщиков и транспортных бортов, и еще две более короткие, для более мелких машин. С севера на юго-восток тянулись три параллельные линии ангаров, а на юге, разделенные сетью подъездных путей, разместились два бетонных овала, где сгрудилось по десять-пятнадцать самолетов. Среди них я обнаружил шесть огромных бомберов, похожих на гигантских летучих мышей. Только два самолета были открыты, остальные скрывались под брезентовыми полотнищами, но силуэты все же угадывались определенно³¹. Еще я отметил плоскую крышу длинного склада РAB32, притулившегося отдельной секцией в шести сотнях метров от взлетно-посадочных полос и, судя по всему, имевшего заглубленные хранилища боеприпасов. Еще дальше, сразу за вторым овалом технического отстойника, разместилось наливное топлиохранилище, возле которого сновали туда-сюда заправщики и легковые машины. Недалеко от контрольно-диспетчерской башни, где обычно сидит дежурная смена из пяти-семи человек, был расположен двухэтажный узел связи с большой спутниковой антенной на плоской крыше. Все здания были построены из типовых сборно-щитовых металлоконструкций, которые возводятся буквально за пару дней. Там и сям сновала строительная техника, работы по обустройству еще продолжались. Все говорило о том, что аэродром развернули в срочном порядке и раньше тут вообще не планировалось что-либо строить. Прикрытие объекта осуществляло до батальона охраны, периметр оцеплен двойным кольцом легких сетчатых заграждений и более солидных бетонных блоков, укрепленных с внутренней стороны, поэтому к стоящим на приколе самолетам никакой наземный транспорт извне прорваться не сумеет. На небольшом расстоянии от стен раскиданы железобетонные надолбы, расположенные так, что даже танк попадал под огонь укрытых за бетонными колпаками противотанкистов. Я насчитал шесть минированных направлений, более десятка огневых наземных точек. Более того, от атаки с воздуха аэродром прикрывала эшелонированная система ПВО – десять малых зенитных автоматов, четыре легких ЗРК плюс три ЗРК средней дальности. Плюс две независимые станции РЛС и дежурное звено перехватчиков. Все построено по уму, штурмом такое сооружение не взять. Дозорно-наблюдательных вышек амеры не ставили, вместо них я заметил сеть тонких шпилей с небольшими круглыми башенками. Это очень нехорошо: аэродром охраняла электронная система, в которую входили и акустические, и тепловизионные датчики, и обычное видеонаблюдение. Часовые при таком раскладе не нужны, сидит пара-тройка операторов в сторонке и наблюдает за периметром посменно. И если человек чего упустит, то компьютер ему подскажет, на что обратить внимание и куда следует выслать патруль для проверки. Скорее всего, так и засекли ментовскую разведгруппу, а те не обратили внимание на башенки или заметили их слишком поздно...

Что-то заставило меня втянуть голову в плечи и плотней зарыться в щепень. Вовремя:

со стороны базы в моем направлении уже пылил «хаммер» с пулеметом на крыше. Заметили гады, да как быстро-то.

– Тада-таахх! Тадахх!

Стрелок не стал разбираться и открыл огонь с предельной дистанции, осыпая пулями пространство в двух десятках метров правее моей позиции. Затем повисла короткая пауза, во время которой командир патруля щупал оптикой сектор. Паники не было, ведь дернись я сейчас, и попытка сменить позицию будет стоить жизни. Отработать поправку в десять градусов для стрелка такой молотилки, как крупнокалиберный пулемет, – это плевое дело. А вот если буду лежать тихо, может быть, низкая кучность «станкача» будет мне на руку...

– Тад-да-дах!

Тяжелые пули веером прошли все там же, словно и не замечая вжавшегося в битый кирпич и крошево штукатурки человека. Через мгновение в том месте, куда палил иностранец, земля вздыбилась, в воздухе зазвенел пронзительный крик. Рискую быть обнаруженным, я повернул голову вправо, и сердце сжалось от бессилия и тоски. В развалинах прятался ребенок, его и засекли наблюдатели с базы. Продолжая дико орать, бесформенный комочек черных лохмотьев покатился с полутораметровой высоты мусорной кучи, прямо навстречу охотникам.

– Тад-дах!

Пулеметчик взял правее и чуть ниже, фонтаны земли встали стеной у самых ног ребенка... хотя с тем же успехом это могла быть и женщина. Тучи пыли и бесформенный балахон, в который был закутан человек, едва ли не полутораметрового роста, не давали определенности в этом вопросе. Крик смолк, уступив место тоскливому подвыванию, комок лохмотьев шустро пробежал, словно не обращая внимания на выстрелы. Лавируя в руинах, человек юркнул в какую-то щель – в тот самый миг, когда пулеметчик взял более верный прицел и его оружие выплюнуло новую порцию свинца. Тяжелые пули дробили кирпич, бетон и цемент, подняв еще большее облако пыли пополам с осколками. Вой стих, ничто более не шевелилось в горах щебня. Дав еще пару очередей по мусорным кучам, «хаммер» лихо развернулся и помчался назад к базе, стремительно набирая скорость. Я полежал неподвижно какое-то время, пока сердце перестало биться о кадык и унялась нервная дрожь в пальцах. Потом медленно, насколько это вообще было возможно, отполз назад к опушке леса, где выждал еще полчаса. Нормальным шагом удалось пойти лишь спустя час, когда меня скрыл вечный лесной полумрак. Обойдя место стычки аборигена с патрулем, я некоторое время наблюдал за кучами щебня с толстой ветки ели, куда не без труда удалось взобраться. Но напрасно: таинственный житель помойки затих надолго, уподобившись грызунам. В то, что амерам удалось убить юркое создание, мне верить не хотелось. Зарисовав план аэродрома и еще раз сверив ориентиры, я спустился на землю. Пора в обратный путь, тут больше делать нечего. Пока.

...Переправился через речку я ниже того места, где переходил по камням почти сутки назад, уже в сумерках. Заночевал в корнях вывороченной бурей сосны, под прибрежной вымоиной, находившейся метрах в двадцати от воды и в десяти выше уровня реки. Русло давно поменяло направление, сместилось восточнее. Деревья вырывало из рыхлой песчаной почвы довольно легко, хотя ураган, видимо, случился не слабый. Случилось это довольно давно, и сосновая коряга, растопырившая щупальца корней в причудливом беспорядке, успела обзавестись лохмотьями зарослей сорной травы, перемежавшихся раскидистыми листьями папоротника. Осторожно раздвинув стебли, я нырнул под корягу, почти не потревожив растения. Получилось неплохо: корневища укрывали от возможного дождя, а заросли трав – от наблюдателей, буде те вздумают бродить поблизости. Ужин в походе штука хоть и нужная, но часто приходится обходиться без него. Помянув добрым словом покойного разведчика, я вынул галеты и отламывая маленькие кусочки, принялся медленно и, тщательно пережевывая пищу. Становилось прохладно, в качестве профилактики пришлось сделать один глоток из заветной коньячной фляжки. Согревшись таким способом, я с удовлетворением обнаружил, что рана больше не ноет, а по всему телу разливается

хорошая, походная усталость. Смежив веки и вынув из кобуры пистолет, я сначала задремал, а потом и вовсе заснул черным, самым крепким сном.

Пробуждение наступило неожиданно: я сначала почувствовал чье-то присутствие, а потом унюхал смрад немытого человеческого тела. Обладатель запаха ходил совсем рядом с моим укрытием, но не обнаружил его, хотя по характеру шагов было ясно, что просто так душистый следопыт не уйдет. Осторожно раздвинув стволом пистолета кусты, закрывающие вход в нору, я всмотрелся в серую предрассветную синеву. По часам получалось, что спал я четыре часа, примерно столько я обычно на сон и трачу. Однако это в обычной, теперь уже закончившейся мирной благополучности. Сейчас, положив руку на кобуру с пистолетом, могу со всей убежденностью признаться, что за последние десять дней приоритеты изменились и спроси кто-нибудь из знакомых, чего, мол, хочешь, Варламов, более всего на свете, без колебаний отвечу: горячую ванну и суток трое коматозного сна в чистой постели. Но... выспимся на том свете. Теперь эта поговорка про меня без всяких метафор. Тем временем «ароматный» гость крутился в трех метрах сверху от норы и что-то бормотал себе под нос. Голос был скрипучий и невнятный, но вскоре стали понятны отдельные слова, незнакомец говорил по-русски:

– Вкусный хлеб... вкус-ный!.. Левушка потерял... потерял солдата. Пум-бурум-бум-бум! Хлеб...

Голос и шорох кустов приблизились к обрыву, и я разглядел смутное отражение в речной воде. Определенно это был мужчина, но невысокого роста или просто сгорбленный. Сумерки и рябь на воде мешали разглядеть подробности, однако голос не мог принадлежать женщине или ребенку, уж слишком низкий, с характерной хрипотцой. Потоптавшись на краю обрыва, Левушка, как это чудо в лохмотьях себя прозывало, отступил под кроны леса, и вскоре я перестал ощущать его запах и слышать дробную поступь. Выждав для верности еще минут сорок, я выбрался из норы и под прикрытием берега вышел в сотне метров восточнее, чтобы избежать встречи с аборигеном. Все это время не оставляла меня мысль, что это может быть последний оставшийся в живых человек на сотню километров вокруг, говорящий по-русски. В памяти всплыли горы щебня, небрежно сдвинутые к границам леса: дома отодвинули за ненадобностью. Как и их жителей.

Весь день я шел обратно, к базе, пару раз крепко заплутал, но к вечеру оказался в знакомых местах, найдя собственноручно оставленные метки. Насторожил запах: где-то ходил человек с оружием, он останавливался на ночлег и разжигал костер. Нет, тот, кто палил костерок, был осторожен: запах был едва заметный, но свежий. Идя только на дымный запах, мне удалось ближе к шести часам вечера найти довольно четкий след. Подсвечивая себе фонариком, у которого есть хитрая бленда, делающая луч узким, я определил, что привал устраивали южнее, а это лежка часового. Сидел он верно, но место выбрал неудачное, сломав ненароком нежные стебли саранки. Растение это хрупкое и, чуть тронь его, начинает вянуть. Обувь часового оказалась новой, сорокового или чуть меньшего размера, рост примерно метр шестьдесят пять – метр семьдесят сантиметров. Человек нервничал: в нескольких местах с древесного ствола был содран мох, он прислонял к дереву оружие. Пока еще было не слишком темно, я вышел на небольшую полянку, где и был устроен привал. Кроме часового, тут было еще трое, все с оружием, двое из них курящие. Запах в лесу помогает найти человека не хуже острого зрения, слишком уж сильно мы, двуногие, пахнем. Нет, те, кто сидел возле этого костерка еще сегодня утром, вроде все сделали по учебнику: вырыли ямку, веток не рубили, а собирали валежник. Но вот в книжках почему-то не пишут, какой глубины костровую яму нужно рыть. Эти начитанные граждане сняли дерн и на этом успокоились, потом слегонца присыпали угли землей и поверх нахлобучили дерновую подушку, обильно полив ее водой. Мокрые угольки пахнут по-особому: выпариваются от жара из воды какие-то соли, вот они-то и воняют, вступая в реакцию с углем. Поэтому зверье в лесу этот запах чует и по нему вычисляет, где есть люди. После этого какая уж тут охота, без толку побегаешь по лесу и вернешься без добычи. Поэтому рыть ямку нужно глубже, так и от ветра костерок спасете, и дым будет стелиться по

земле. Да и готовить на таком костре удобней – он жар сохраняет. А уж когда уходить пора, то мочить угли не надо, лучше землей засыпать и только потом дерновищем прикрыть. А от земли ни запаха, ни беспокойства, но этого эрудиты не знали. Потому теперь и без воды, да и я их отыщу по следу, раз на стоянку так легко вышел. Пока не стемнело окончательно, удалось пройти по следу непонятных людей километров двадцать, мы уже оказывались в опасной близости от берлоги. Но след свернул на восток, когда до базы оставалось километров сорок по прямой. Встреча в лесу непонятной группы людей особо меня не тревожила, судя по маршруту и манере поведения, скорее всего это наши старые знакомые, «туристы», или кто-то того же ранга. Амеры вели бы себя иначе: более осторожно, если бы я встретил настоящих разведчиков в поиске, либо более самоуверенно, попадись мне армейский патруль или каким-то образом забредшие в чащу тыловики. Однако все, что я примечал до сих пор, – это только проявление книжной премудрости, совершенно нелепо выглядевшее на практике. Поэтому я оставил след на время, которое планировал потратить с большей пользой, и решил вздремнуть. В любом случае Михась уже должен был вычислить новую базу «туристов», поэтому я продолжал преследование чисто для подстраховки. Если повезет, можно будет подойти и послушать, о чем говорят.

Следующие шесть часов я провел на высоте десяти метров, привязавшись к стволу старой лиственницы и укрывшись в нижних ветвях густой кроны. Ночевать на земле было уже не так безопасно, как сутки назад: велика вероятность встречи с американским патрулем, его появление поблизости от базы я уже не исключал. На этот раз сон мой никто не тревожил, и к четырем часам утра следующего дня я вновь шел по следу поисковой группы «туристов». Дилетанты неумело путали следы, закладывая слишком большие петли, хотя направление их истинного маршрута вычислялось невооруженным глазом. Поэтому интуитивно я находил наиболее вероятный путь продвижения группы. Уже к полудню, когда стало если не совершенно светло, то, по крайней мере, не так сумрачно, мне удалось нагнать тыловой дозор «туристов» в лице знакомого мне долговязого парня в прямоугольных очках. Парень меня не заметил, хотя я на него чуть было не напоролся: услышав мелодичное журчание родника, я, забыв про все, ринулся вниз, где в ложбинке под грудой валунов блеснуло озерцо ключевой воды. Сделав три больших шага к нему, я в последний момент ухватился за ветку кустарника и пригнулся. Добротный камуфляж пацана, вот что чуть не стоило мне жизни. Правда, и так вышло удачно: положив короткий американский автомат на землю справа от себя и сдвинув очки на лоб, парнишка жадно приник к ямке, где скопилась вода, и почти погрузил в нее лицо. Блеснувшие в редком столбике солнечного света линзы очков – вот как я заметил «туриста», томимого жаждой. Затаив дыхание, я приник к земле, скрытый ветвями кустарника. Парень, ничего не подозревая, вытер пятерней чумазое лицо, набрал в пластиковую походную фляжку воды, подхватил автомат и чуть ли не бегом ринулся прочь, треща кустами. Я видел, как усердно он старается не шуметь, но получалось у парнишки не слишком хорошо – что ни говори, а в таких делах, как правильное передвижение по лесу, самое главное – это практика. Пацан старался, но, как и все жители «каменных мешков», где почва – это ровный асфальт, почти стелил стопу низко над землей, трамбуя траву, словно утюгом. Весь путь из поисковой партии был как четко видимая на снегу лыжня, если мы говорим образно. Поэтому-то мне и не пришлось напрягаться, пока мы дружной толпой шли все дальше и дальше на северо-восток. Сверившись с картой, я с удовлетворением отметил, что куда бы ни направлялись горе-разведчики до нашей нынешней встречи, теперь их путь лежал к старым, еще времен царя Гороха соляным копиям. На карте они были обозначены, но это не беда: снова захватчики, сколь бы многочисленно ни было их войско, терялись на просторах России. Места там глухие и, судя по тому, что «туристам» все же удалось найти там убежище, амеры пока их там не ищут. Но вот как долго последователи Шермана сумеют сохранить маскировку и не спалиться, это вопрос на засыпку. Чем дальше мы уходили от рокового сорокакилометрового рубежа, отделившего поисковиков Шермана от базы моего маленького отряда, тем спокойней становилось на душе. К вечеру двадцатого августа «туристы» свернули на заброшенную дорогу, ведущую

строго на восток, и сомнений по поводу выбранного ими места для постоянного базирования не осталось. Соляные копи забросили в середине восемнадцатого года прошлого века, а после Великой Отечественной соль тут уже никто не добывал – нерентабельно. Основные разработки переместились в район Усолья-Сибирского, а эти выработки и небольшой поселок оказались заброшенными. Само собой, что наземные постройки обветшали и пришли в негодность. А штольни частью обвалились, частью были затоплены грунтовыми водами. Однако по опыту знаю, что там есть обширные участки лежащих близко к поверхности штолен, где сохранилась допотопная вентиляция, а значит, есть вполне пригодное для жилья пространство. Хорошие предчувствия, пересиливавшие неприятное поскребывание кошки сомнений на душе, мгновенно испарились, как только «туристы» миновали второй поворот тропы, ведущей к копиям. Слева от заросшей папоротником и лопухами дороги метрах в пятнадцати обнаружилась дозорная вышка. Две сосны срослись между собой весьма причудливым образом: на высоте шести с половиной метров деревья раздваивались, образуя в кронах нечто вроде небольшой площадки. Вот там-то из старых досок и срезанных чуть ниже с тех же сосен веток «туристы» обустроили наблюдательный пост. С виду вроде все путем: заложилась густыми ветвями и сами сидели тихонько. Но вот темное пятно этого вороньего гнезда резало взгляд привычного к лесу человека, сразу заставляя обращать на дерево внимание. Амеры не дураки, среди них наверняка есть профессиональные следопыты. И как только мы начнем по-настоящему шалить у них в тылу, этих спецов непременно пришлют по наши души. Добро если б это воронье гнездо было временным, тогда в затее нет ничего страшного – посидели и ушли. Но вот коли обосновываться надолго, то такое строительство равнозначно вывеске, где сообщается, где сидят партизаны и в каком количестве.

Мне часто приходилось обустривать вышки для охоты в заказниках, поэтому с точки зрения прикормленных диких свиней или потерявших страх оленей все было тихо и спокойно. Но вот пару раз я со старыми промысловиками-бурятами ходил на рысь. Дикая кошка слишком расшалилась: были случаи нападения на грибников со смертельным исходом. Рысь – хитрый и очень осторожный хищник, прекрасно видящий в темноте, не знающий усталости и отчаянный до безумия. Один кот, весом под пятьдесят кило, как-то заборол совершенно взрослого, здорового сохатого. Кто хоть раз видел взрослого лоса, поймет, о чем я говорю: такую махину впору из пушки бить, а не кидаться с когтями и зубами на развесистые рога и острые как копыта копыта. Рысь не питается падалью, но все же выбирает дичь более мелкую, даже ворон ест, коли нужно. Но есть у этого зверя непонятная повадка: он никогда не прощает обиды. Кто не угодил той лесной кошке, я так и не узнал. Штука была в следующем: нам необходимо было поймать кошку до наступления следующего полнолуния, уже была поздняя осень, темнело очень рано, а в тайге особенно. Пробовали стеречь у водопоя, ставили капканы, но хитрый зверь словно чуял подвох и всякий раз уходил. Тогда наш старший и самый опытный охотник, Илья Кузнецов, предложил сторожить возле живой приманки, устроив метрах в ста – ста пятидесяти наблюдательную вышку. Сложность при охоте на рысь одна: лесная кошка любит только живую добычу, мелочь вроде мышей и ворон ее интересует лишь когда совсем жрать нечего, к примеру зимой. Поэтому мы купили в деревне козу и привязали к дереву на длинной веревке, повесили ей на шею колокольчик, а сами сели по кругу метров за двести от приманки. Хищник долго ходил вокруг, чуя подставу, но не понимая, откуда исходит угроза, – сильно нервничал, оголодал видимо. В конце концов, поорав некоторое время, кот вышел к приманке и, прыгая с дерева на дерево, упал на козу метров с пяти. Илья Андреич, взбравшийся на сосну еще с вечера, сделал только один выстрел и уложил матерого кота во время броска, пробив сердце. Кузнецов был из потомственных промысловиков, многие говорили, что Илья Андреич вроде как шаманит на добычу, оттого ему прет удача. Сам он только хитро шурился, но, когда пришла пора расставаться, открыл пару промысловых секретов и рассказал одну изустную бурятскую присказку, приманивающую дичь. Скажу прямо: помогает, и коли бы не сложившиеся обстоятельства, лет через пять я уже

промышлял бы зверя и жил спокойно... Однако, возвращаясь к рыси, скажу, что вышку Кузнецов строил так, чтобы второй раз на этом месте глаз даже не задержался. Для этого никаких досок, никакого мусора на дерево не носим. Просто нужно подобрать такую лесину, где крона изначально имеет природный изгиб или неправильно растущие ветки, чтобы человек мог прильнуть к стволу и, если надо, просидеть там суток двое. Даже ремни он брал старые, из сыромятной кожи, которыми привязался к стволу искривленной сосны и словно бы пропал. Различие между нашей тогдашней вышкой и той, что соорудили «туристы», было именно в том, что они приспособливали дерево под себя, а меня учили самому приноровиться к дереву. Если природу не принуждать, она поможет и укроет, «туристы» об этом забыли, поэтому их гнездовище было заметно почти с полукилометровой дистанции...

Мы с поисковиками «туристов» миновали еще два наземных секрета и вошли на территорию шахтоуправления, где все пребывало в запустении вот уже почти сто лет. Длинное одноэтажное здание конторы в десять окон, с провалившейся крышей и выбитыми непогодой стеклами, «туристы» обживать не стали. Как не позарились и на еще пару более сохранившихся бревенчатых изб, одна из которых, несомненно, была когда-то жилым бараком, а другая ставилась с расчетом на руководящий состав прииска. Мои невольные провожатые миновали развалины домов и по заросшей, но еще хорошо видимой рельсовой колее направились к невысокому холму, в основании которого, по-видимому, и был вход в шахту. Не дойдя до широкого провала в склоне холма двадцать шагов, люди остановились, из кустов им навстречу вышла уже знакомая мне девушка-хирург и лидер «туристов» – Шерман собственной персоной. Девушка совершенно не изменилась, только теперь к ее обычному костюму добавилось несколько деталей. Если в первую нашу встречу это были камуфляжная куртка, мешковатые штаны с клапанами у лодыжек да пара хитрых кроссовок, предназначенных специально для леса и всяких туристических походов, то теперь к ним прибавился зеленый кевларовый пояс с прицепленной открытой кобурой, синтетической, с кармашком для запасного магазина на боковом верхнем шве. И сама кобура, и кармашек в ней не пустовали: я заметил черную причудливую рукоять импортного пистолета и толстый затыльник двурядного магазина. Девушка выглядела уставшей, лицо осунулось и посерело, волосы, раньше заплетенные в толстую косу теперь были коротко обрезаны. Но смена прически не делала Леру-хирурга похожей на пацана. Было в ее фигуре, в повороте головы нечто присущее только женщине, кому как, а я бы даже в темноте не обознался. Серые выразительные глаза смотрели на подошедших поисковиков изучающее: не ранен ли кто, все ли в порядке. Вот кого нужно было ставить в атаманы, а не...

– С чем пришли, есть информация о караване?

Залюбовавшись стройной, совершенно не скрываемой мешковатой одеждой девичьей фигурой, я забыл про топтавшегося рядом с ней действующего туристического атамана – мистера Шермана. Этот, напротив, совершенно не изменился. На чуть оплывшем торсе ладно сидит причудливая сбруя разгрузочного жилета, в руках браво лежит короткий импортный автомат, только голова повязана банданой, из-под которой виднеется белый лоскут бинта. Зацепило, значит, во время чехарды, не уберегся малость. Блатные очки куда-то потерялись, видимо, они-то и пали смертью храбрых, заслонив телом покатым упрямый лоб предводителя команчей. Не тратя времени на предисловия, вождь потащил только что вернувшихся поисковиков куда-то в сторону. Лера, раздраженно дернув щекой, пошла следом, попутно расспрашивая о чем-то вполголоса долговязого очкарика, чуть было не спалившего меня давеча у родника. Дождавшись, пока вся компания скроется в густом подлеске, я в два длинных рывка пересек открытое место и пошел следом. Идти, как оказалось, было недалеко. Знакомая уже по прошлой стоянке штабная палатка Шермана приткнулась меж двух сосен, ловко укрывшись в густых зарослях кустарника. Без труда миновав таращившегося в темноту пожилого, лет пятидесяти, часового и осторожно перешагнув через две растяжки, я тихо подошел к палатке на расстояние вытянутой руки. И застал самое начало любопытного разговора. Похоже, Шерман опять что-то затеял, и это снова сулило сплошные неприятности, как участникам затеи, так, скорее всего, и нам с

артельщиками:

– ...Вертушками они такой объем грузов на авиабазу не попрут, я видел, как подгоняют грузовики с низким бортом под боеприпасы и крытые фуры, видимо, под стройматериалы и жратву. Работают гражданские, военных на станции мало, поезда идут транзитом, а остановился под разгрузку только этот состав.

Это говорил усталым голосом кто-то из разведчиков, но кто именно, определить было нельзя, поскольку я знал только гундосый голос долговязого очкарика. Судя по докладу, «туристы» решили взять «на саблю» какой-то караван, идущий от железнодорожной станции на строящуюся авиабазу. Подходящая станция находилась от нее примерно в пятистах километрах...

– ...Отлично, Володя, – вождь, казалось, был искренне рад новостям. – Судя по радиоперехвату, вертолеты колонну сопровождать не будут, пойдут два взвода конвойной роты 56-й бригады «Черноногих». Это четыре джипа, по три человека десанта плюс водитель и стрелок за турелью...

– Что на турелях будет?

А, вот и мой знакомец – очкарик. В его голосе уже не слышалось унылых нот, говорил он почти равнодушно. Ответил ему Володя:

– «Черноногие» – это чисто оккупационная часть, состоит из резервистов. Оружие у них со складов длительного хранения, но не шибко современное, связь опять же плохая. В каждом отделении радист, приданный командиру, короткой связи солдаты не имеют. Всего колонну сопровождают два мотопехотных отделения. Это восемнадцать – двадцать человек, на четырех джипах соответственно. Ты куда смотрел, они ж на станцию в обед приехали: три М2 и один «Маклар»³³. Ничего серьезного...

– Точняк, полководец, – голос очкарика звучал с легкой издевкой, но ровно и тихо, без истерики. – Шапками закидаем. Там всего-то двадцать хорошо обученных вояк, мы их в восемь стволов нагнем, да? Кто из вас, господа хорошие, не зажмурил глаз по живому пиндосу выстрелить сможет?.. Ну кроме тебя... командир.

Последнюю фразу очкарик бросил с таким неприкрытым сарказмом, что даже я понял – он по каким-то причинам Шерману откровенно не доверяет. Это не осталось без внимания вождя, тон Шермана был резок, видимо, очкарик выступал с пораженческими репликами уже не в первый раз:

– Веня, а ты все ноешь и ноешь! Вышел бы к пиндосам да лапки бы вверх поднял. Вот вроде воюешь ты неплохо, двоих уже завалил...

– Ты, гость испанский, моих покойников не считай, – голос очкарика был все так же спокоен. – Сколько взял, те все со мной. Лучше вот объясни, почему мы каждый раз по твоей милости в жопе оказываемся и людей теряем, а? Молчишь... Отмазка насчет того, что лес рубят, щепки летят, уже не канает?..

– Щенок, да я тебя!..

В палатке заматались бледные тени, ткань заходила пузырями, послышались приглушенные крики и возня. Через некоторое время все успокоилось, Шерман продолжил говорить дрожащим от напряжения и едва сдерживаемой ярости голосом:

– Я в командиры не рвался, вы сами меня выбрали. Кто вас научил с оружием обращаться, стрелять нормально, не в белый свет, а по-взрослому? За что гнобите, за паспорт испанский?! Да я год уже в России живу, больше вашего о ней знаю. С грузинами в прошлом году воевать добровольно ездил...

– Так не даром же, – уточнил меланхоличный очкарик. – Ты сам хвастал, что через контору французскую вербовался. Десять тонн баксов за два месяца и получил...

– Заткнись, сопля, – Шерман взял себя в руки и говорил почти спокойно. – Не дорос еще чужие бабки считать. Настоящий воин просто так не убивает. А что я на той войнушке заработал, так это мелочь: со своего мебельного цеха в Андалусии я в сто раз больше имею. Обидно стало, что русских притесняют...

– Да где ты там русских-то видел, – это встрял уже знаток амеровской техники

Володя. – Чурки между собой разбирались, у них там всегда война идет. Кончайте базар, мужики. Я лично вымотался за эти четыре дня как собака, жрать и спать хочу категорически. Вот пойдем караван брать, тогда и посмотрим, кто из нас больше Родину любит.

Вслед за этой здоровой по сути речью последовала вялая перебранка между очкариком Веней и все еще что-то доказывающим с помощью часто вставляемой в речь матерщины Шерманом. Разговор позволил лучше понять сложившуюся в отряде обстановку, да и про вождя я узнал много нового. Значит, он воевал, а я в своих предположениях о некотором милитаристическом опыте «вождя краснокожих» не ошибся. Походка всегда выдаст человека, который кланялся пулям, так и Шерман этот ходил чуть сутулясь. Но это не значит, что он за бухгалтерским столом в прошлой жизни сидел, солдат обстрелянный горбится с тем расчетом, чтобы в любой момент на землю упасть, оттого и сжимается чутка. Только если он в Абхазию заезжал год назад, то ни наши, ни сами абхазы людей через импортные конторы не нанимали. Знаю об этом потому, что как раз в то время приходил ко мне сослуживец, вербанувшийся по наемничьему контракту совершенно легально в военкомате.

Война шла месяца полтора, грузины снова полезли через ущелье и Осетию, но теперь их ждали. Однако, отбросив противника к старой демаркационной линии, где как ни в чем не бывало стояли аккуратные домики миссии международных наблюдателей, российские войска вернулись в расположение военных баз. Осетинские ополченцы и абхазы продолжили наступление самостоятельно, наши поддерживали их только с воздуха. На сей раз грузинским штурмовикам и вертушкам даже не удалось занять свои эшелоны для поддержки войск – все они так или иначе были нейтрализованы появившимися словно бы ниоткуда самолетами без опознавательных знаков. Лишенные связи и прикрытия с воздуха, грузины сразу же понесли серьезные потери и остановились. В тот же момент с позиций на территории Абхазии и Осетии ударила ствольная артиллерия, разметавшая передовые ударные части грузин, и в прорыв немедленно ринулись мотоманевренные группы ополченцев. Когда же был разгромлен костяк новой армии вторжения – две вновь сформированные мотомеханизированные бригады, остальные грузинские части, не выдержав прямого боестолкновения, дрогнули и побежали. Не помогла советническая и техническая помощь американских и немецких советников, которые чуть ли не с сентября 2008 года стали прибывать в Грузию под видом военных наблюдателей. Хоть сколько нибудь организованным отступление не получилось, хотя, исполняя директиву своего главнокомандующего, сформированные перед вторжением сводные полицейские части стреляли по своим, тщась заставить солдат остановиться. Бросая технику и оружие, срывая знаки различия, они бежали, рассеиваясь по селам. Тбилиси взяли совместным штурмом абхазы и осетины из сил самообороны, которым почти негласно помогли наши вояки. Приятель говорил, что наши заматывали эмблемы на рукавах, но позывные не шифровали – как всегда, новые таблицы запоздали и вступили в действие, когда все уже закончилось. Грузины сдали свою столицу почти без боя, согласованного сопротивления никто не оказывал. Примечательно, что абхазов и осетин было человек сто – сто пятьдесят, остальные – как раз таки набранные со всей России вольные стрелки. Надевая полевую форму с нашивками сил самообороны, добровольцы получали обычное, знакомое еще со службы в армии российское оружие, командовали ими неприметного вида люди, в которых без особого труда можно было узнать российских спецов из военной разведки. Состав был пестрый, брали всех, кто подходил под нехитрые требования: служба в армии и возраст до сорока пяти лет. Одними из первых, почуяв кровь и наживу, подтянулись чеченские духи. Но, как и в восьмом году, воевали они сами по себе, без стычек с остальными добровольцами не обходилось. Когда по старой привычке «чехи» взялись мародерить в селах и городках, никто этого терпеть не стал. Приятель рассказывал, что даже до стрельбы доходило: абхазы уж на что злые на грузин по жизни, так и те вступались за местных сельчан, не давали духам развернуться.

Сценарий прошлой войны полностью не повторился: амеры дали несколько ракетных

залпов со своих кораблей по наступающим колоннам абхазов, но не задели порядки регулярных российских войск. Два американских фрегата и французский эсминец давно крутились в потийском порту, потом вышли в море и курсировали вдоль берега, поставляя грузинам разведданные. На фрегатах были установлены новые системы залпового огня, били они очень точно. Накрыло два пехотных отделения и прикрывавший их взвод танков. Две машины загорелись после прямых попаданий, третья встала, получив какие-то повреждения двигателя, но экипаж спасся. Пехота полегла до последнего человека, приятель рассказывал, что даже пепла не собрать – так выжгло там все и разметало. Отступавшие грузинские мотострелки сумели уйти, побросав для облегчения бега даже личное оружие и почему-то оставив вполне исправные бронемашины. Потом вступились наши, пригнали какой-то крейсер, пуганули иностранцев. Американцы и француз попятнулись, поспешив уйти в сторону турецкой границы. Поскольку формально наши кадровые части не понесли потерь в ходе инцидента, тогда разошлись миром, хотя вой поднялся пуще прежнего. Грузинское правительство бежало в Штаты, но после того, как мы снова откатились в Абхазию, само собой поспешило вернуться. И опять никто из хозяев России не прислушался к робким голосам, призывавшим назло Штатам оккупировать этот несчастный клочок земли, чтобы больше не повторять этих ерзаний туда-сюда. Снова московские правители сочли более правильным пролить еще чутка туземной и русской крови, чем окончательно рассориться с Западом.

Приятель показывал амеровский короткий автомат, взятый им на складе снабжения во время штурма какого-то городка. Мы выезжали пару раз за город опробовать импортное диво, но как-то на душу не легло. Помимо собственных впечатлений, рассказал приятель и про украинских и черт его знает каких наемников, воевавших на стороне грузин. Те действительно прибывали в зону конфликта через Киев и Азербайджан. А некоторые как раз таки имели визы Евросоюза, в частности испанские и французские.

На душе снова стало беспокойно, ситуация принимала скверный оборот. Шерман действительно мог воевать в Грузии, только вот в разговорах с подчиненными он забыл упомянуть, на чьей стороне. А среди этих доморощенных вояк откуда взяться людям, знающим, как вербуют наемников? Любители обряжаться в камуфляж знали схему в общих чертах по книжкам, оттого никто из них и не обратил внимания на этот нюанс с французской конторой. Ведь именно в этой европейской державе нашли себе приют вербовочные пункты подавляющего большинства контор, промышляющих наймом «романтиков с большой дороги». Европа – это большая «коммуналка», где все рядом: сел в тачку в родной испанской Андалусии, и через пару часов ты уже в каком-нибудь Марселе, во Франции. Мысленно я представил себе, кто это такой: эмигрант, обретший счастье где-то за бугром, любящий пощекотать нервы на человечьем сафари. И вот, ностальгируя по прошлому, он прилетает на оставленную когда-то Родину. Зачем? Хотя это как раз понятно, ну кто он там в своей занюханной Испании? Обычный мелкий коммерс, каких пруд пруди. Никому он не интересен, никто его особо не знает, а за шалости с наемничеством вполне могут и посадить. Я слышал, что испанское законодательство очень не любит тех, кто балуется с оружием и взрывчаткой, таких в открытую называют террористами. Особенно если это бывший иностранец, из тех, что всегда под подозрением уже по одному факту своего происхождения. А ведь ехал-то совершенно за другим: достаток и комфорт таким людям быстро надоедают, едва им становится ясно, что и этого добра полно у большинства окружающих. Да и соседи с деловыми партнерами все еще смотрят косо, для них он пришлый – забравший если не сладкий кусок с их собственной тарелки, то уж наверняка маисовую лепешку их детей и внуков. Вот и лезут такие «доны Педро» обратно в презираемую ими всей душой «рашу», где их никто не осудит и даже напротив, позавидуют почти всегда совершенно искренне. Но Шерман не рассчитывал, что попадет на настоящую войну. Одно дело мелкие пострелушки в буферном государстве, из которого совершенно свободно можно выбраться, размахивая иностранной паспортиной. И совершенно иной расклад, когда тебя даже слушать никто не станет и сразу выпишут пулю в выпуклый лобешник. Любитель повышения самооценки

оказался в ловушке собственных страстишек, причем без перспектив выбраться... Хотя тут я ошибаюсь, обычно эти эмигранты с «трудной судьбой» да «охотой к перемене мест» – народ крайне изобретательный, когда дело касается спасения собственной шкуры и поиска глубоких омутов. Шерман что-то задумал, иначе зачем ему подставлять столько людей, да еще выводить их против хорошо охраняемого конвоя, обрекая если не на поголовную гибель, то на серьезные и безвозвратные потери?

Пока я раздумывал, участники военного совета, еще чуток пошумев и обсудив какие-то насущные проблемы, стали расходиться. Тут я снова пожалел, что сунулся к «туристам» в одиночку: следовало подробнее осмотреть лагерь, да и вождь куда-то намылился, подхватив свои пожитки и оружие. Решив отложить визит в шахту до следующего раза, я двинулся вслед за Шерманом, который сторожко шмыгнул по тропе из лагеря. По пути удалось вскрыть еще два секрета: вождь не таясь проходил мимо постов, о чем-то начальственно расспрашивая сидевших в карауле бойцов. Миновав пресловутую наблюдательную вышку, вождь сверился с компасом, прошел триста метров на восток и у поваленного ураганом дерева повернул на северо-восток, к речке. Отпустив «предводителя команчей» метров на пятьдесят, но не теряя его из виду, я шел следом и прикидывал в уме, сунется ли он на тот берег и что ему вообще тут понадобилось под вечер. Кстати, с водой «туристам» повезло: небольшая речушка протекала всего в полукилометре от лагеря, да и в самих штольнях наверняка полно подземных источников. Часть коридоров и особенно нижние уровни вероятнее всего затопило. Но земля тут изрыта ходами, словно кусок сыра, поэтому с размещением в сухих отвалах проблем быть не должно. С угольными шахтами было бы труднее. Но нам с артельщиками и такой вариант базирования не подходил – слишком мало нас чтобы охранять территорию. А вот более многочисленному отряду, вроде этой лиги поклонников страйкбола, – самое то.

Так мы шли друг за другом почти час, пока Шерман не остановился у кучи замшелых валунов недалеко от берега. Как я и предполагал, переправляться вождь не собирался, однако по-прежнему непонятно было, зачем он сюда приперся. А с другой-то стороны – ну мало ли зачем человек решил уединиться. Проторчав столбом еще минут двадцать, я совсем уж было собрался сворачиваться и уходить к своим, на базу, как в кустах справа от своей позиции приметил еще одного наблюдателя. Человек пришел раньше Шермана и сидел под сосной, в двух десятках метров от груды камней. Наблюдатель ловко маскировался в колючем кустарнике, чьи темные заросли скрывали его целиком, мне повезло увидеть слабый блик оптики. Вождь то вскакивал с вросшего в землю камня, то снова садился, нервно теребя ремень автомата. Видно было, что он кого-то ждал, и предположительно это вполне мог быть тот, чей прицел я только что срисовал. Прошло еще минут пять, после чего Шерман снова поднялся и повернулся в сторону прииска, собираясь уходить. Лицо вождя выражало раздражение, смешанное со злобой и страхом. Глубоко посаженные серые глазки обиженно и недобро посверкивали, а потом зашевелились кусты и наблюдатель нарочито громко вышел на берег. Это был несомненно амер: военная полевая форма, бронежилет, «разгрузка» и раскрашенный в камуфляжный колер автомат. Голову американца прикрывала не традиционная панама, а повязанный головной платок, из той же камуфляжной ткани. Вообще, амер производил впечатление не разведчика, более всего он походил на обычного солдата, случайно забредшего в лес. Хотя платок да сцепленные черной изолентой магазины немного диссонировали с привычным обликом уставника. Круглое, поросшее щетиной, все в крапинках веснушек лицо. Карие, почти черные глаза смотрели на Шермана настороженно, хотя рот кривился в дежурной улыбке. Вождь встрепенулся. Поднял было оружие к плечу, но, увидев приветливо машущего руками американца, тоже улыбнулся с явным облегчением и быстро пошел долгожданному гостю навстречу. Пожав друг другу руки, вояки направились к валунам, Шерман по пути достал карту и принялся что-то втолковывать. Беседа шла на знакомом мне английском, причем оба говорили с акцентом: видимо, амер тоже был не совсем амер. Судя по выговору, скорее итальянец. Шум реки иногда мешал расслышать отдельные слова, да и болтали они тихонько, но большую часть разобрать

удалось:

– Ник, – с нажимом перебил вождя иностранец. – Я должен был убедиться, что вы будете один. В прошлый раз все сорвалось именно из-за этого. Поймите правильно – осторожность прежде всего...

– Осторожность?! Мистер Матинелли, на лесопилке все пошло не совсем так, как мы договаривались, именно из-за неосторожности! Ваши люди первыми начали стрелять еще до того, как я завел русских на мины. Ваш башенный стрелок запаниковал и вызвал артиллерию! Так дела не делаются...

Ни черта не понимаю: получается, Шерман все это время работал в паре вот с этим итальяшкой и планировал сдать всех «туристов» скопом, но что-то пошло не так. Тогда еще более непонятным выглядит план с захватом каравана, кому это выгодно? Голоса становились громче, Шерман и Матинелли перешли на повышенные тона:

– ...Второго такого шанса уже не представится: новый транш повезут только к Рождеству, когда уже наладят нормальный периметр и безопасную трассу! А потом проведут коммерческую линию связи, откроют банковский филиал. Деньги станут обменивать и начислять только виртуально. Ник, это почти четверть миллиона амеро в мелких и средних купюрах. Мой приятель в финчасти готов ждать еще неделю, не больше. А если деньги не отмыть, они станут бесполезны. Наши коллеги из «Блэк Стоун Нортс» – серьезные люди, я не советую вам, Ник, испытывать их терпение. Вы же знаете англичан: когда дело касается прибылей, джентльмен превращается мафиози.

Итальянец энергично затряс сложенными в лодочку ладонями волосатых рук прямо перед носом Шермана. Тот поморщился, но, сделав над собой усилие, продолжил ровным тоном:

– Мистер Матинелли, Джо! Все готово, мои люди возьмут груз, как планировалось, а вы и ваши друзья из агентства просто уберете выживших. Нападение партизан и удачная операция по их уничтожению. Я укажу точное место, где это можно будет сделать без помех...

Вдруг Шерман осекся и глаза его очень опасно сверкнули, он поправил ремень автомата. Оружие теперь небрежно болталось у него на шее. Но руки Ник держал так, что в прыжке он сможет без труда срезать итальянца.

– Вчера утром мой хакер взломал почтовую сеть одной из ваших частей. Записи наших разговоров лежат на одном независимом сервере, и если через неделю я не пошлю из Барселоны нужный сигнал – вас ждет электрический стул или петля! Не пытайтесь избавиться от меня. Вы же знаете: деньги меня не интересуют, я просто хочу оказаться дома... и как можно быстрее.

Матинелли понимающе усмехнулся, но по выражению его лица было понятно, что изначально кидок не планировался, но вот сейчас эмигрант, сам того не желая, оказал себе медвежью услугу. Теперь итальяшка действительно думал: а нельзя ли вообще устроить так, что этот странный русский с явно поддельным испанским паспортом ляжет рядом со своими бандитами? Нет, вполне может быть, что русский не проболтается, однако только покойник гарантированно будет помалкивать. Снова улыбнувшись как можно более искренне и дружелюбно, иностранец приложил ладони рук к груди, так что сверкнули на левом запястье неуставные и явно золотые часы с массивным браслетом.

– Ник, не будем оскорблять друг друга подозрениями. Мы ведь европейцы. Так давайте вести себя цивилизованно, как деловые люди...

Матинелли наверняка бы удивился, если б знал, какое еще значение слова «деловой» имеется в русском языке. Но даже его партнер не уловил аллегории, так сильно Шерман нервничал и хотел домой. Вождь туристов, или, как его назвал иностранец – Ник, тоже фальшиво, но более умело играя мускулами лица, улыбнулся собеседнику:

– Какие вопросы, Джо! Если сработаем согласно плану, то уже через пять дней, не считая этого, каждый получит то, что хочет...

В этот самый миг я, по привычке осматриваясь вокруг, уловил в пятидесяти метрах

трепыхание кустов левее своей позиции. Там были густые заросли полыни и еще чего-то яркого, с золотыми головками цветов. И там сидел на корточках человек. И сейчас он поднимал оружие, чтобы выстрелить. Целью несомненно был Шерман или его импортный приятель, допустить такое в мои планы не входило. Вот сейчас, после получения такой важной информации, которую дают эти импортные жулики, у меня в общих чертах уже сложился способ проникновения на авиабазу, не являющийся форменным суицидом. Срастись все, и мы устроим пиндосам шикарную пакость. Да и повоюем еще долгое время. Но все получится только в том случае, если Шерман и его приятель выживут. Для моего плана важно, чтобы операция по отъему денег у американской казны состоялась, по крайней мере в той ее части, где конвой, везущий новые пиндостанские тугрики, попадает в засаду, устроенную Ником и его ничего не подозревающими бойцами. Времени на раздумья новый игрок не оставил. Придется пожертвовать важной миссией слухача и на короткое время преобразиться в телохранителя. Наблюдатель сидел крайне неудобно: чтобы подобраться к нему незамеченным, придется оставить теперешнюю свою позицию. На перемещение уйдет как минимум минут пять-десять.

Осторожно убрав автомат за спину и закрепив оружие, чтобы не болталось, я приставным шагом двинулся к позиции стрелка так, чтобы видеть и его силуэт, и потенциальных покойников – Шермана с деловым партнером. Оба уже успокоились, Ник вынул карту и увлеченно водил по ней пулей выщелкнутого из магазина автомата патрона вместо указки. Матинелли внимательно следил за петлями, которые выписывал тускло блестящий кончик пули, казалось, партнеры всецело сосредоточены на деталях предполагаемой акции. Проклиная неизвестного снайпера за то, что по его милости лишился возможности подслушать дальнейший разговор, я броском перебрался на другую сторону тропы и миновал почти двухметровый участок совершенно открытого пространства. Прыжок вышел удачный, но я провалился в яму. Приземляясь, я не потревожил ни единой ветки кустарника, что стоило резкой боли в раненой руке. Только легкий шорох издала палаая гнилая листва, коей оказалось устлано дно места приземления. Матинелли беспокойно вскинул голову, повернувшись аккуратно к тому самому месту, куда я приземлился. Присмотревшись и пожав плечами, он вновь уткнулся в карту, махнул рукой: мол, показалось, пустяки. Минуты две пришлось сидеть, выравнивая дыхание, стиснув зубы и привалившись к стенке небольшого оврага, в который я случайно и так некстати угодил. Однако никаких последствий акробатический этюд более не возымел, поэтому, выбравшись на поверхность, я продолжил подкрадываться к незнакомцу. Спустя пару долгих мгновений показался силуэт в знакомой позе: человек уже выставил обмотанный тряпьем импортный автомат, прильнув к короткой трубке четырехкратного тактического прицела. С удивлением я опознал в стрелке давешнего очкарика Веню, вроде бы направившегося отдыхать, судя по его собственным и довольно громким заявлениям. Вот такой урок на будущее: если пацифист идет на войну, как минимум он становится параноиком. А это очень выносливые люди, когда дело доходит до их личных фобий и подозрений. Мне следовало догадаться, что вся критика политики руководства неспроста. Видимо, Веня давно что-то подозревал, вот и решил по-тихому пристрелить вождя, благо его подозрения вроде бы подтвердились. Не раздумывая более над мотивами решения очкарика, я вынул пистолет и, перехватив его так, чтобы было удобнее бить рукоятью, метнулся к уже отщелкнувшему предохранитель Вениамину. Удар по не прикрытому ничем, кроме капюшона и бейсболки, надетой козырьком назад, затылку получился как надо. Без вскрика и метаний Веня выпустил оружие и обмяк у меня на руках. Я присел рядом, чтобы досмотреть финал встречи Шермана и его подельника. Собственно, пока я занимался любознательным очкариком, все интересное уже закончилось: пожав друг другу руки, компаньоны разошлись в разные стороны. Матинелли, дожидая пока его подозрительный подельник скроется вдаль, поминутно озираясь, взял направление на северо-запад и тоже благополучно свалил. У речки теперь остались только я да незадачливый мститель Вениамин. Стрелюжив очкарика его же собственными поясным и ружейным ремнями, я пару раз легонько хлопнул парня по щекам. Заморгав и выгнувшись

дугой, тот открыл глаза и вознамерился заорать, но я вовремя сунул в открывшийся рот свернутые в клубок перчатки. Легонько хлопнув парня по щеке еще раз, чтобы унять конвульсии, поднимаюсь и рывком ставлю пленника на ноги. И так, толкая присмирившего Веню впереди себя, я ухожу с места встречи Шермана с иностранцем как можно дальше. Вдруг взбредет вождю в голову вернуться, или кто другой явится – в любом случае следует забраться как можно дальше в лес.

Через полчаса я дернул пленника за полу куртки – так, что парень невольно опустился на пятую точку, уткнувшись правым боком в ствол здоровенной сосны. Мы остановились на небольшой полянке, метрах в трехстах от речного берега, на мой взгляд, это было достаточно далеко от тропы, ведущей к броду, и не так далеко от тропинки, ведущей к соляным шахтам. Раз подвернулась такая возможность, с парнем нужно попробовать поговорить. Может быть, я неверно «прокачал» Веню, и на предложение о сотрудничестве тот отреагирует отрицательно. При таком раскладе придется его грохнуть, хотя делать это совершенно не хотелось.левой рукой вынув изо рта парня перчатки, я приложил ствол пистолета в правой руке к своим губам, категорически намекая таким образом на соблюдение тишины. Сбитый с толку пленением и наверняка утомленный долгим маршем, Вениамин только согласно тряхнул головой, близоруко щурясь. Для наглядности я снял маску, закатав ее на лоб, и тихо начал беседу:

– Здравствуй, Вениамин. – Парень, все еще потрясенный резкой сменой декораций, помимо воли кивнул. – Вот и свиделись. Рад, что ты уцелел... Узнал меня?

– Н-н-н...

Заматав головой и поблуднев, очкарик снова попытался освободить руки, заизвивался и хлопнулся на землю, потеряв опору. Чертыхнувшись про себя и превозмогая противно мозжащую боль в руке, я рывком вернул парня в вертикальное положение:

– Нехорошо, Вениамин... я вас про засаду предупредил, кучу железа американского буквально в зубах принес...

– А наш медик тебе пулю из плеча достал, – очухавшись, Веня снова начал брюзжать. – Квитами разошлись, дядя.

– А я и не спорю, – сохраняя нейтрально доброжелательный тон, я согласился с пленником, чтобы не обострять. – Обмен равнозначный получился. Но теперь вот ты снова у меня в должниках оказался... во как получилось, парень.

Страх, быстро сменившийся удивлением, а потом злостью, – вот гамма чувств, за пару мгновений промелькнувших на лице очкарика Вени. Набирая в грудь воздух и попутно обдумывая мои слова, парень был похож на раздувающего старинный самовар. Щеки его то надувались, то опадали, румянец пятнами залил скулы и лоб, но ни единого звука пленник так и не произнес. Даже не слишком внятное шипение вырывалось сквозь крепко стиснутые зубы не без труда. Успокаивающе похлопав вновь дернувшегося собеседника по плечу, я уселся напротив и, растирая правый локоть осторожными круговыми движениями, продолжил:

– Шерман ваш – не вчера родился. Сто к одному успел бы на землю кинуться, а потом и тебе бы трындец пришел: двое профи против одного новичка – это весьма хреновый расклад, парень. Сам бы лег, а товарищи твои так и пошли бы на убой. Как думаешь, я все верно представил?

– Я бы не промахнулся...

Оправившись от удивления, парень вновь начал храбриться, но снова я сбил его с толку, тихо рассмеявшись. Непонимающе Веня уставился на меня, окончательно запутавшись. Обычно так оно и бывает: молодые часто теряются, стоит только поколебать их правоту неожиданным поступком или фразой. Отсмеявшись и снова сделав серьезное лицо, я продолжал:

– Ну, убил бы ты их обоих... хорошо, лады: может быть, даже иностранца полонил – дальше что? В лагере тебя точно к стенке поставят рядом с этим пленником. Твои выкладки там никому пока в голову не пришли, а Шерман в авторитете. Ты им скажешь, что, мол, Ник

предатель, а тебя на смех и снова к стенке. Кто ты и кто для народа он, неужто не взвесил? Так людям ничего не докажешь...

– Ага, – голос парня окреп, появились узнаваемые скептические интонации. – А я им распечатку покажу, я лично тот файл с переговорами на швейцарский сервер заливал. Там все переговоры, народ услышит и...

– И тут же найдутся те, кто поверит, но более всего будет тех, кто скажет, что Шерман вел с пиндосами какую-то игру, а сам он чуть ли не Рихард Зорге! И ты снова у стенки, а мертвый вождь посмеивается над тобой, выглядывая из-за края чугунного адского котла.

Как говорят на Востоке, кувшин моего терпения стал показывать дно. Однако удача снова оказалась на моей стороне и этот малолетний хакер имеет доступ к очень важному ресурсу – каким-то образом ему удалось выйти в сеть из нашей глуши. Поэтому спорить с Вениамином я готов был хоть до рассвета, кадр попался ценный... Но, видимо, каким-то образом я все же достучался до дверцы в мозгу парня, за которой скрывались залежи здравого смысла. Лицо его снова стало задумчивым, и, спустя пару минут гробового молчания, он снова посмотрел мне в глаза:

– Верно, – сарказма в голосе парня поубавилось. – Доказать всем ничего не выйдет, даже Лера скорее всего не поверит... Николай у всех в авторитете. Как же: наемник, знаток оружия, снайпер. Когда мы в лесу узнали про вторжение, он первый в одиночку пиндостанский патруль замочил. Ник на игру свой боевой револьвер привез, сказал, что с каким-то полковником из разведки скорешился и... крут он, короче. Ты прав, старик-лесовик, наши меня без разговоров бы шлепнули.

– А отряд, который после этого просуществует дней пять-шесть, назвали бы его именем... Кстати, как там его звали?

– Как раньше, до эмиграции, не знаю, – Веня говорил равнодушно, злость и ершистость испарились, похоже, он вполне созрел для нормального разговора. – Но по паспорту он Николас Рохас, я сам его на игру записывал.

Ого! Может быть, прав в сомнениях итальяшка: эмигрант еще и по фальшивому паспорту сюда приехал. Да кто их, ловцов птицы цвета ультрамарин, знает, может, по приколу фамилию выбрал. Звучит претенциозно и смахивает на театральный псевдоним: Николай Красный... а может быть, не «красный», а «Краснов». Мои познания в языке Сервантеса – это десяток разрозненных слов и три-четыре фразы типа «здрасте-пока». Выходит, с фамилией все ровно и мотив у эмигранта один – свалить на новую родину любой ценой. Понтов страйкболистам он нагнал немеряно, поэтому те действительно пойдут за ним в огонь и в воду. Веню просто так отпускать нельзя, нужно добиться, чтобы он сам предложил свою помощь.

– Вас как в тайгу занесло?

– Говорю же: игра у нас намечалась... со всей страны народ съехался, вон, соотечественники из-за бугра подтянулись.

– Володя, который вас в поиск к станции водил из Израиля?

– А, – На миг лицо Вени осветилось обычной, но чуть грустной улыбкой, – ты тоже повелся. Не... ни фига Вовка не еврей и в армии никогда не служил. Просто зависает на всяких оружейных форумах, вот и нахватался. Сдвиг у него на пиндостанской да еврейской военной терминологии, не ты первый его в еврейские войны записал. Бывало, как пойдет терминами сыпать, так его даже те, кто там служил, за своего принимают. Он мне с кодовыми фразами помогает, когда мы амеров слушаем...

А вот это была одна из тех вещей, которые меня интересовали в первую очередь. Сканер, взятый на складе наемников, ничего путного не ловил, а если туристы наловчились перехватывать переговоры врага, это в будущем очень пригодится.

– Давно слушаете иностранцев? Почему они переговоры не шифруют?

– Тут просто все, – Веня пошевелил связанными руками, и я одним движением снял путы. – Вовка сказал, что они частоту два раза в неделю меняют, но уходят не далеко, чтобы не париться. При этом вечно друг другу про щелчки аппаратные говорят, только успевай

записывать. Потом просто отсчитываешь, сколько раз нужно клавишу настройки надавить, и все – снова поймал рабочую частоту. Но это только если с их трофейной рацией, на наших дольше возиться нужно. Мы... Шерман в первом же бою такой передатчик взял, а через два дня и ноутбуком разжились. Я институт связи заканчивал... вот недоучился маленько. Короче, не особо хитрое дело переговоры тыловикив слушать, а всякий спецназ только на выделенных частотах висит, их даже свои не слышат – секретно все. Но армейцев в округе почти всех ловим. Только без толку это, убивать-то так и так спецов пошлют. Ты тогда нас здорово выручил... спас практически.

В течение всего нашего разговора одна мелочь не давала мне покоя. Слишком гладко все получалось: огромную сумму везут вчерашние обыватели, которых на колонну с важным грузом выделено всего ничего. Вертушек и нормальной «брони» тоже нет, словно вдруг образовался резкий дефицит техники и людей. Это было неправильно и шло вразрез с тактикой захватчиков, наблюдавшейся до сих пор. Подвох где-то на видном месте, просто я его еще не заметил... Думай, Антон, думай крепко. Попутно я высвободил спутанные конечности очкарика, но его оружие как бы невзначай держал возле себя, однако парень отчего-то пропускает это мимо внимания. Лицо Вениамина расслаблено, жесты утратили резкость, а голос звучит тихо, с усталыми интонациями. Нужно закругляться. Вынимаю из кармашка куртки сложенную вчетверо карту и протягиваю очкарику.

– Где планируете колонну остановить, сможешь показать?

С любопытством посмотрев на трофейную карту и непонятно зыркнув в мою сторону, Венья заскользил грязным пальцем по забранной в целлофановый чехол бумаге.

– В ста сорока километрах к северу от станции есть небольшой трехпролетный мост через речку. Река давно обмелела, но спуск там крутой, поэтому объехать никак нельзя. Конвой состоит примерно из шести низкобортных грузовиков. В трех – стройматериалы и сантехника, один с продовольствием, два других скорее всего с боеприпасами. Сопровождение пятью машинами: одна – легкий джип инженерной разведки, пойдет впереди, трассу шупать...

– Взрывчатку, так понимаю, сами изготовили из той, что с угольных шахт умыкнули?

Очкарик удивленно кивнул и замолк. Долгим взглядом он впился в мое ничего не выражающее лицо, но, повинаясь поощрительной улыбке и кивку, продолжил:

– Точняк, притащили три ящика аммонала... ну из тех, что еще не так опасно переносить. Остальное ветхое все, побоялись брать, – его голос стал на полтона ниже. Снова появились эти непонятные мне интонации: – Все-то ты знаешь, старик-лесовик.

– Догадаться было нетрудно, я бы сам взял шашки эти, коли нужда б была...

Мгновенно ухватившись за оброненный кусок фразы, с азартным блеском в глазах Венья кинул встречный вопрос:

– А нужды нет?

Вот уж эти любознательные пацифисты-конспираторы, везде им мерещится невидимая рука спецслужб. Теперь таинственные взгляды получили объяснение: парень принимал меня за сотрудника какой-то нашей разведки. В другое время я бы развеселился, но сейчас это может сыграть на пользу делу. Не меняя выражения лица, я отрицательно покачал головой:

– Нет, Веньямин, старая промышленная взрывчатка мне пока без надобности. А вот время дорого, посему продолжай.

– Ну... – тряхнув головой, очкарик заговорил снова. – Пропускаем инженеров, ждем, пока задние машины охранения въедут на мост...

– Они могут этого не сделать, слишком явно подставляться никто не станет. Перейдет сначала прикрытие, потом пройдет груз, и колонна сформируется в прежнем порядке уже на том берегу. И это не говоря уж о том, что мост сначала осмотрят на предмет минирования. Пока не слишком получается, Веньямин.

Победно усмехнувшись, Венья глянул на меня с оттенком легкого превосходства. Теперь уверенность в моей принадлежности к разведке у него чуть поколебалась.

– А мы опоры рвать не собираемся, заряды перед съездом с моста под плиту заложим.

Там стоки проржавевшие есть – заряды как влитые войдут. Они всегда грязью забиты, саперы тот мост регулярно проверяют, никто в стоки под съезд не заглядывает.

– Ну, допустим, – спорить смысла не было, я только поощряющее кивнул очкарику, – Дальше какой расклад?

– Отсекаем фугасами две последние машины охранения и берем в оборот водителей задних фур, переправа уничтожается. Передние машины остановит вторая закладка, стараемся выбить водителей оставшихся грузовиков...

Понятно: классическая ловушка «молот и наковальня»³⁴, только наоборот – первый удар наносит тыловая подгруппа. Смазанно как-то все, сумбурно... да и промежуток между действиями штурмовиков слишком мал: охранение не успеет втянуться в бой и перестроиться. В этом случае второй удар придется не в тыл, а во фланг и существенного вреда не нанесет. Однако все зависит от того, смогут ли «туристы» быстро нейтрализовать головные джипы прикрытия. Те, вероятнее всего, попытаются застопорить ход и организовать оборону, вызовут вертушки. На все про все у людей Шермана будет не более десяти минут. Если только основной упор не делается на... опа! Вот он, подвох, нужно только уточнить у Вени, где будет сам Шерман.

– Хорошо придумали, Веня. Шерман с какой из атакующих групп пойдет?

– Он с наблюдателями будет, – долговязый связист сморщился. – Руководить будет по рации. Слева от дороги есть горка небольшая. Длинная полоска леса, она метров на пятнадцать выше уровня переправы. Он, Гриша Комаров, наш сапер, и... Лера... там будут.

После слова «горка» все встало на свои места. Возвышенность, судя по карте, находится на противоположной от позиций штурмовых подгрупп стороне дороги. Все действия обороняющихся будут ориентированы именно на бестолково шумящих «туристов». Засада вполне намеренно организована столь сумбурно: пока Веня и остальные свяжут боем охрану конвоя и оттянут на себя внимание охраны и прибывающего подкрепления, Шерман ликвидирует тех, кто рядом, и будет ждать своих поделльников во главе с Матинелли. Потом они неожиданно ударят с тыла по тем, кто охраняет «кассу», и уйду в суматохе, а прибывшее на зов подкрепление с авиабазы уничтожит остатки нападавших. А денег-то уже нет! Все ринутся искать ушедших с казной «туристов», а реальные похитители уже вполне легально уходят совершенно в ином направлении. Похоже, эпопея Вени и его товарищей по борьбе закончится довольно скоро.

– На какой день назначена акция?

Вениамин задумался на мгновение: смысл моих вопросов до студента не доходил и целостная картина не складывалась. То, что Шерман их подставил и я вроде бы хочу им помочь, парень понимал, но вот могли ли мы оба доверять друг другу, этот вопрос, словно стеклянная стена, стоял между нами. Однако по характеру ответов и их тону я понял, что, хотя полного представления о том, как я смогу перехитрить Шермана, у Вени не было, пока можно рассчитывать на некоторую откровенность с его стороны. Ковырнув носком кроссовки землю у своих ног, студент ответил:

– Фугасы Комар... ну, Гришка Комаров и его люди, пойдут ставить за день до начала акции. Потом Вовка проинструктирует штурмовые группы и на позиции уйдут наблюдатели. Думаю, что колонна пойдет через трое суток на четвертые, не считая сегодняшнего дня.

Идея, которую я хотел предложить студенту, была очень рискованной для нас обоих: если провалится Веня, то и я попаду в засаду, и тогда всем планам хана. Но по-иному никак не получится прибыть к месту акции вовремя, чтобы расставить свои фигуры для этой многосторонней партии. Это как раз тот случай, когда в дело вступает случайный фактор под названием «везение». Не важно, чье именно – мое или этого голенастого параноика. Главное, чтобы наша пруха перемогла отягощенную карму Шермана и его итальянского поделника. Мысленно поплевав через левое плечо, я осторожно предложил то, ради чего вообще затеял наш с Вениамином разговор:

– Скажи мне вот что, студент. Ты жить хочешь?

Очкарик сразу же подобрался, съездившись в тугой комок. Видимо, неверно истолковал

мои слова, поэтому я медленно поднял руки с раскрытыми ладонями на уровень глаз и успокаивающе продолжил:

– Да не дергайся ты, выслушай без нервов. Если б хотел тебя допросить, а потом грохнуть, то не разводил бы дипломатию битый час. Такого, как ты, можно за десять минут вытряхнуть, успокойся, парень. Я сейчас о другом: засада ваша – это прямой билет всем вам на тот свет, и ты это понимаешь. Но и не идти нельзя, поскольку никто из своих тебе не поверит. Поэтому давай поможем друг другу.

Смысл моих слов, видимо, не сразу дошел до парня, однако через пару минут после того как я замолчал, он перестал елозить ногами. Разлепив пересохшие губы, Веня подал голос:

– Это как?

– Все просто и сложно одновременно, – мысленно я перевел дух, поскольку не был уверен, что парень согласится хотя бы выслушать. – Но если выгорит, то лишних смертей не будет. А Шерман получит пулю... Ну, куда, это сам сможешь выбрать – обещаю.

– Что я должен делать?

Вопрос прозвучал тихо, но голос очкарика не дрожал, в нем слышалась твердая решимость. Я узнал эту интонацию, так говорят, когда идут на отчаянный поступок. Меня подобная мотивация вполне устраивала, поэтому я вынул стреляную пистолетную гильзу и протянул Вениамину.

– Как только саперы получат сигнал к выдвижению на минирование моста, ты возьмешь эту гильзу и вынешь пробитый капсюль. Потом дойдешь до вот этой самой сосны, у которой сидишь сейчас, и спрячешь ее вот в это маленькое дупло. Иди аккуратно, разыграй понос или что-нибудь такое, пусть все не обращают внимания, когда будешь часто отлучаться. Обязательно проверяй, не идет ли кто следом, а то спалимся оба. Не забудь вложить бумажку с точным временем выхода наблюдателей на позиции. Поясок гильзы не забудь сплющить, чтобы если дождь пойдет, цидулька не размокла, лады?

– Я только в кино такое видел...

– Сказка-ложь, да в ней намек. Если сумеешь отделить одно от другого – будешь всегда в плюсе. Спрячь подальше гильзу, Веня, и с Богом шурши до своих, а то хватились уже.

Взяв протянутую мной гильзу от ПМ, студент подбросил ее в воздух и, ловко поймав, спрятал в карман куртки. Потом кивнул, и мы поднялись с земли, отряхнули одежду от мелкого мусора и хвои. Не следовало демонстрировать парню свое недоверие, поэтому я не отсоединил магазин его автомата, а просто незаметно передвинул флажок предохранителя в позицию блокировки. Взяв оружие за ремень, Веня закинул его за плечо и, взмахнув рукой на прощание, пошел в сторону копей. Размяв затекшие конечности и постояв еще минут двадцать, я сориентировался по компасу и тоже направился к своей берлоге. Контрольный срок уже почти вышел, до его окончания осталось часов десять. Если не вернусь вовремя, то рискую застать базу пустой, артельщики получили четкий приказ: если не вернусь, то в положенный срок они уйдут. И я не буду знать, куда, что очень удобно: в случае захвата я сначала потяну время, а потом с легкой душой отдам пиндосам уже пустую базу. Серьезный допрос нельзя выдержать, можно только сопротивляться воздействию, и весьма ограниченное время. Поэтому-то всегда так важно время, за которое сведения извлекаются из документов и тем более из живых «языков»...

...Сумерки уже переросли в черную, без единого огонька, таежную ночь, когда я увидел знакомую сосну с ободранной в одном месте корой. Оголенный ствол дерева я лично притер землей так, чтобы остался небольшой, более светлый участок желтого цвета. Такой ориентир хорошо виден в темноте, если идти в нужную сторону, он покажет верное направление. Немного расслабившись и переведя дух, я осторожно переступил на пять шагов вправо от ориентира и на ощупь отыскал старую корягу, под которой были упрятаны сигнальные веревки. Дернув за один шнур два, а за другой четыре раза, я пошел к берлоге, которая теперь совершенно точно была в каких-то двадцати метрах по прямой. Приятно оказаться дома, как ни странно это прозвучало в данных обстоятельствах, но... теперь это и есть мой

настоящий дом.

* * *

Россия. 21 августа 2011 года. Юго-западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны, 200 км на юго-восток от предместий г. Кемерово. Точка постоянного базирования партизанского отряда. 06:02 по местному времени. Партизан Антон Варламов. Стратегический замысел и боевое планирование.

В берлоге, которую нам любезно уступил косолапый хозяин тайги, меня ждал горячий чай и скудный ручеек новостей. Михась рассказал о том, что я и так уже выяснил про новый лагерь «туристов», а Варенуха пожаловался на подходящие к концу припасы: соль, сахар и крупы даже при урезанном рационе закончатся через месяц. С солью удалось вопрос решить: в шахтах, где мы с Михасем побывали в разное время, сохранились слежавшиеся в комки довольно приличные валуны каменной соли. С другими припасами выходило сложнее, поскольку из всех заготовок нам удалось только завялить килограммов пятьдесят оленины, пуда два леща и сороги, да разложить по пакетам высушенные корни и травы. Все это было разделено на четыре части и приготовлено к закладке в тайники, как неприкосновенный запас. Я лично вызвался отнести последний, самый тяжелый куль с НЗ, поскольку нужно было на месте определить, как примерно будет развиваться бой у моста. Сам план Шермана не вызывал более вопросов, гораздо сложнее выходило то, как нам помешать уничтожению «туристов» и нейтрализовать Шермана. Пока Варенуха собирал мешок, придирчиво осматривая бурые полоски сушеного мяса и перекладывая их сушеной травой, мы с Михасем сели за карту. Попутно, на клочке непонятно как оказавшейся среди трофеев старой газеты на немецком языке, я делал карандашный набросок. В школе какое-то время я неплохо рисовал, но потом забросил, увлекшись боксом и самбо. Потом дурачился, рисовал карикатуры на друзей, в армии оформлял дембельский альбом, но особых талантов за собой никогда не подозревал. Однако сейчас необходимо было сделать узнаваемый портрет Шерманова поделника, чтобы Мишка его ненароком не пристрелил. Этот тип нужен непременно живым, поскольку именно он может явиться тем ключиком, с помощью которого можно будет пробраться на авиабазу. Виденные там «бомберы» ни на миг не оставляли моего воображения, их смертоносный полет должен прерваться, я решил, что сделаю для этого все...

Обсуждение шло трудно, время жестких приказов еще не пришло: оба моих товарища, по сути штатские люди, находились под еще большим гнетом обстоятельств, нежели я сам. Война для Варенухи и Михаила стала тем прессом, который в тонкий блин раскатал всю их жизнь и мироощущение. От нервного срыва обоих удерживают только повседневные, простейшие действия – поесть да поспать. Сколько времени потребуется на то, чтобы окончательно превратить обычных, немолодых уже мужиков в умелых солдат, я даже приблизительно не могу сказать. Пролитая кровь, своя и чужая, не сделает из водилы или обычного охранника умелых вояк, все происходит с точностью до наоборот. Рано или поздно они ударятся в меланхолию, а потом дело вполне может дойти и до суицида. Поэтому важно сейчас не требовать и гнуть обоих под себя, а действовать исключительно убеждением. Нужно показывать своим личным примером, что наше дальнейшее существование именно в качестве партизан – это единственно возможный образ действий в сложившейся ситуации. Знаю, со стороны может показаться, что это слишком долго и неэффективно – убеждать доверившихся тебе людей в том, что необходимо действовать и рисковать своей жизнью ради совершенно призрачной на их взгляд, цели. В самом деле, гораздо проще было бы уйти на восток. И забившись в какую-нибудь глубокую пещеру в горах, промышляя охотой коротать там год за годом и ждать, как все повернется. Жить тихо, коптить небо и спокойно ждать, что либо наши действительно победят и тогда можно будет выползти наружу, либо

тихо прожить, если получится, до старости. Выход вполне себе безопасный, знай делай короткие вылазки за припасами да посмеивайся над дураками, непонятно за кого льющими свою кровь. Сражающимися с заведомо более сильным и многочисленным врагом. Но что если все подумают точно так же и расползутся по щелям, словно паразиты? Значит, нет тогда у нас права называться отдельной нацией. И чем бы то ни было кичиться. Люди, которые не готовы отстаивать честь и свободу, защищать свои дома и тех, кто слабее и сам постоять за себя не может, — несомненно заслуживают участи, уготовленной им любыми агрессорами или даже обычными бандитами из соседней темной подворотни. Сейчас Михась и Семеныч — это вся моя армия, все солдаты, которые должны перестать убегать и начать давать врагу сдачи. Но чтобы любой новый бой не выглядел как акт отчаянья и бессмысленное самоубийство, им нужно дать почувствовать, что мы воюем по плану, продуманному на отдаленную перспективу. И в какой-то момент я почувствовал, что этот перелом в сознании партизан наступает, теперь важно не спугнуть его, дать уйти отчаянью. Пусть на его место придут уверенность и боевой азарт, только так можно будет побороть то чувство безысходности, которое нет-нет да и проглядывает во взглядах и речах обоих. Поэтому, стиснув зубы и закаменев лицом еще больше, я принялся объяснять. Дело шло туго, сомнения у артельщиков были, и не скажу, чтобы это были пустые страхи... Задача, стоявшая перед нами, воистину была грандиозной.

Приятелю не нравилось то, что я предлагал, он горячился и постоянно вскакивал, выходил курить в отдельную каморку, которую мы отрыли специально для поклонников зелья. Пахучий дым по прокопанной дыре, выложенной берестой, уходил от берлоги метров на сорок и стелился по дну небольшого сырого овражка, смешиваясь с гнилостным смрадом палой листвы и осклизлого бурелома. Даже в сухую погоду на дне оврага всегда стояла глубокая лужа, метра три длиной. Вода в ней покрыта маслянистой пленкой выделяемой гниющей древесины и листьями, а дня четыре назад туда попала ворона со сломанным крылом. Наверняка забралась в заросли, выискивая ягоды или еще какую снедь, но просчиталась. Птица не смогла выбраться на поверхность, запутавшись в ветках топляка, уже подгнивших, похожих на ловчую сеть, и сейчас ее труп премерзко «благоухал». Поэтому я не опасался, что нас выдаст запах, а запасы курева были хоть и велики, но все-таки не безграничны, и курильщики нас особо не демаскировали. Зато исчез повод для стресса, и вот сейчас, покурив, приятель вернулся уже почти спокойным. Хлопнув пачкой кишиневской катанки с гордой латинской надписью «Kent» о поверхность оружейного ящика, заменившего нам стол, Мишка снова уселся напротив и продолжил спорить:

— Нафига нам влезать в разборку этого ловкача, не пойму. Мы серьезно подставляем, даже дураку понятно, что амеры отобьются и нам точно не уйти. Сам рассуди: колонна встанет, сопроводилово организует оборону и вызовет помощь. От кемеровской авиабазы подойдет группа, со станции тоже кто-то подтянется на огонек. Это к гадалке не ходи!..

— Верно все, да я особо и не спорю, Миша. Так оно и будет, тут ты совершенно прав. Но задача у нас другая, нежели у Шермана и тем более у пионеров этих с трофейными «пушками». Если все получится, как я задумал, то и мы уйдем, да и ребятишек сможем увести.

— Это как? — Мишка снова начал горячиться и принялся тыкать заскорузлым пальцем в карту, царапая ламинат. — Плащом-невидимкой их укроем, что ли?! Сам смотри: после моста идет прямой километровый участок грунтовки, который амеры укрепили стальной сеткой и чуть ли не заасфальтировали. По обеим сторонам дороги подлесок вырублен, на десять метров туда и сюда даже травы нет. Дальше идет поворот, но не крутой, можно проскочить на скорости. Фуры у пиндосов мощные, с броней на кабине, двигатель тоже от пуль прикрыт, водилы опытные. Это значит, скорость они будут держать под тридцатку, может, чуть меньше. Даже если рвануть фугасы, пулеметы никто не отменял, и по наступающим они точно не промажут. В вырубке тоже толком не укрыться — любой окоп причешут из гранатометов на турелях и похоронят тех, кто там укроется. Их пушки мощнее наших АГСов35, сорок миллиметров против тридцати, это не баран чихнул. Да мало ли чего они

еще с собой тащат, разведка у салаг фиговая, они запросто могли всего не углядеть. Мы их только рассмешим, но не остановим надолго.

Пряча улыбку, я немного выждал, чтобы приятель остыл и выговорился. Но Михась, видимо, сказал все, что хотел, и теперь, победно глядя на меня с изрядной долей превосходства, молча мямл в пальцах очередную сигарету. Все им сказанное, несомненно, имело место. Однако Мишка не знал, что в свое время мне пришлось озаботиться проблемой организации засад в современных условиях. Повезло мне в том плане, что, имея кое-какой личный опыт в непростом деле охраны и охоты на транспортные колонны, я успел завести нужные связи. Нет, в Штаты и всякие там Англии ездить не доводилось, но вот уехавших на Запад друзей, нашедших «счастье» только на военной службе в тех краях, было предостаточно. Друзья эти приезжали в гости, мы вели оживленную переписку, и мне удалось получить довольно полные сведения о том, как принято охранять и нападать на конвой в странах вероятного противника. Многое удалось узнать и о амеровской практике провода колонн; нужно сказать, что изменилось очень многое, но все же слабых мест хватало и у штатовцев. Придвинув к себе карту и отхлебывая чай из чудом выжившей походной эмалированной кружки, я начал излагать суть зародившегося уже давно плана:

– Уж когда ты прав, тогда прав. Но раз нам не дали спланировать все самим, то давай попробуем определить нашу конкретную задачу и ее решение. Прежде всего, уничтожить конвой хочет Шерман со товарищи, это их задумка – огрести бабло и подставить «туристов». Согласен, наскакивать на большой конвой в опасной близости от двух крупных скоплений войск противника – это глупо. Но мы и не будем никого уничтожать полностью, этот бой просто нужно прервать вовремя и отойти. Полная победа в подобной заварухе – это покуда непозволительная роскошь.

– Мы трое ничего толком предпринять не сможем, – Мишка снова беспокойно завертел сигарету в пальцах и подался вперед. – Подставимся и все... прихлопнут парой выстрелов из гранатомета.

– Если действовать с умом, то есть отличный шанс стопорнуть подкрепления, заткнуть на какое-то время конвойных «бурлаков»³⁶ и быстро уйти. Будем рассчитывать, что «туристов» причешут не сильно и «тяжелых» раненых, которых потащим, будет не слишком много... меньше всего хочется добивать своих. Смотри сам: вертушки стрелять по нападавшим не станут ни из чего крупнее пулемета. Ракетами работать им не с руки – конвой тащит боеприпасы, а дистанция боя предвидится пистолетная, это примерно двадцать-пятьдесят метров. Само собой, пулеметы – это тоже плохо, но шанс уцелеть будет, если вовремя скоординировать отход, и это одна из наших первостепенных задач. Местность нам в помощь, если посмотришь внимательней, то укрыться отступающим есть где. Справа – густой лес, а по левую сторону дороги – цепь плоских лесистых холмов. Все, что нам придется сделать, – это по возможности свалить или хотя бы отпугнуть одну вертушку, заткнуть станковое оружие конвойной группы, да отсечь минной закладкой мангруппу, которая пойдет только от авиабазы. А поскольку мост будет считаться небезопасным, с той стороны подмогу пускать не рискнут...

– Одного фугаса мало, – с удовлетворением я отметил, что тон приятеля изменился, суть задумки становилась ему ясна. – Даже если по обочинам мин накидаем, саперы закладку могут вскрыть.

– А мы и не будем шиковать, – я повернулся к закончившему трамбовать мясо Варенухе, который тоже присел к столу. – Семеныч, у нас бензин, что ты с машины сливал, еще остался?

За прошедшие недели бывший водила похудел, его фигура стала поджарой. Щеки ввалились, глаза смотрели с недобрый прищуром, отчего беззлобный раньше хитрован-дальнобойщик стал похож на заправского вояку. Но стоило ему заговорить с кем-нибудь из нас, как голос снова становился мягким, а морщинки у глаз разглаживались. Сейчас Варенуха с готовностью кивнул, указав на один из наших схронов на карте:

– Вот туточки четыре десятилитровых канистры спрятал, – закатив к потолку глаза,

водила нехотя добавил: – Там еще масло машинное было в кабине, я тож припрятал... мало ли что.

Где-то на заднем плане мысль, что водила ободрал брошенный грузовик как липку, все время маячила. Поэтому я одобрительно кивнул, привстал и достал из дальнего угла комнаты небольшой кусок алюминиевого лома. Алюминий – ценный металл, когда дело касается взрывчатки, с детства на его основе смастерил не одну самодельную бомбу. И когда мы бросали грузовик, я открутил несколько алюминиевых деталей, благо в машине такого добра навалом, а рюкзак они особо не утяжелили. Затем, порывшись в вещах, извлек на свет два куса хозяйственного мыла и напильник.

– Будем варить напалм, товарищи...

Артельщики непонимающе уставились на выложенные перед ними предметы, Михась взял в руки кусок мыла и зачем-то понюхал. Потом, поморщившись, отложил его в сторону и снова вопросительно уставился на меня. Удивил водила – Семеныч молча взял кусок старой, непонятно как попавшей в берлогу, газеты, алюминиевую запчасть и напильник. Через мгновение он уже размеренно крошил белые, тускло поблескивающие опилки на бумагу.

– Миша, – я подвинул к приятелю куски мыла, – бери ножик и начинай распускать мыло на мелкую стружку. Смотри кусков не оставляй, делаем для хороших людей. Нарекания в случае чего нам свинцом выпишут. А я пока расскажу, что делать будем.

Передвинув карту в центр стола, я начал чертить схему, попутно поясняя для артельщиков их задачи. Работа предстояла титаническая: всего в три персоны нам нужно остановить подкрепление, помочь «туристам» с охраной колонны и, самое главное, нейтрализовать предателя, которому отчаявшиеся люди безоговорочно доверяли. Медленно, тщательно проговаривая слова, я заговорил снова:

– Виталий Семеныч, ты у нас будешь в засаде сидеть, как бы кругом ни стреляли – не высывайся, себя не обнаруживай. Твоя задача будет остановить подмогу, которая к каравану пойдет.

– Э... – Варенуха с хрустом почесал бритую наголо голову. – А я сумею? Их ведь шибко много придет. Ну, положим, даже и с пушкой своей буду, но они ж на броневиках...

– Стрельнуть, конечно, придется. Но немного, должно хватить пары коротких очередей, патронов по пять.

Я, скрывая улыбку, провел две параллельные линии вдоль участка дороги, начинавшегося сразу за поворотом, после прямого участка, идущего от моста. Судя по карте, раньше с обеих сторон лес подступал к дороге почти вплотную, но после обустройства остались только груды бурелома. Завалы мертвой древесины и сухого кустарника высились на выбранном мной участке метра на полтора и тянулись почти на три с половиной сотни метров.

– Ты сядешь справа от дороги, метрах в трехстах от завалов. Возьми одну из трех плоских высоток на юго-востоке от дороги. Сесть бы тебе чуть далее, но проводов не хватит, придется рискнуть. Хотя место там нормальное: в секторе обстрела окажется весь участок с завалами, это почти сто восемьдесят градусов. Держи связь с Михаилом, у него будут запасные провода от фугаса, радиоподрыв на случай глушения сигнала и прозвона детектором исключаем.

– И как тогда я с дедом свяжусь?

Голос Михася уже не был таким задиристым, ему стало реально интересно, как это все будет работать. Заткнув одну сигарету за левое ухо, приятель подался вперед, безотчетно мусоля в пальцах другую.

– Да никак, если придется, – я уже не улыбался, этот вариант был на крайний случай. – Ты должен сидеть тихо, но позицию выбирай, чтобы заметить подкрепления на подходе. Нас всего трое, мужики, придется изворачиваться, по-другому никак. Миша, твоя основная задача – караулить Шермана и итальяшку. Как только амеры выйдут в тыл группе прикрытия, в которой будет этот «испанец», вали их наглухо, но Шерманова знакомца ни в коем случае не трогай. Можешь его подранить, но чтоб кровью не истекал, он нужен мне

живым, это обязательно. Винтарь-то выдержит нормальную работу, не подведет?

Приятель обиженно засопел, мои подначки, касавшиеся «винтореза», Мишка очень не любил. Вот и сейчас он только махнул рукой – мол, выдержит, не зуди, и ничего больше не сказал. Отпив из кружки добрый глоток уже остывшего чая, я продолжил:

– Ну, стало быть, так и порешим. Значит, задача такая: выпасай наемников, но и на дорогу поглядывай. Семеныч сам должен фугас подорвать, просто страхуй его. Фугас поставим на вершине пригорка, это пиковая точка спуска. Я загодя норку пророю, травой забью, а землю утащу подальше. Когда досматривать станут, ничего заметить не должны, это я гарантирую... Машины у амеров идут парами или тройками, с разрывом в тридцать-пятьдесят метров между связками. Как увидишь, что первая тачка минует пригорок, – рви. А ты, Семеныч, под звук взрыва дай две очереди по бурелому, где я ориентиры выставлю. Старайся подгадать, чтобы звук и вспышку засечь не успели, а то чесанут из всех стволов и полетят от тебя клочки. Пару сосенок срублю, верхушки в бурелом загодя воткну, по ним и чуть ниже бей. Для этого нам напалм и пригодится: ветром дым будет на дорогу сносить, амеры прорваться сквозь огонь не смогут. Пока разберутся, пока тебя выцелят – уйти успеешь. Про места сбора позже поговорим, сейчас о главном.

– Ловко, – Варенуха, обхватив заросший щетиной подбородок красно-бурой пятерней, уставился в карту и что-то прикидывал. – Пожалуй, спекутся оне, духовку ты придумал атаман, пал может в любую сторону пойти. А как тайга загорится, то в суматохе не до нас будет, это точно.

– Может, и загорит, а может, нет, главное, что «красного петуха» получить никто из караванщиков не ожидает. Парни тут воевали в пустынях, может, есть те, кто отметился в Косово...

– А ежели кто в Чечне был, это ты не учел?

Мишка не преминул вставить свои пять гривен, но я отрицательно помотал головой. В принципе, оно, конечно, может быть и так, однако начальник разведки «туристов» клятвенно заверил, что за провод каравана отвечает кадровая часть. А значит, все спец, имеющие боевой опыт, из «массовиков», то есть тех, кто в российских заварухах участия не принимал. Как максимум это те же ветераны ближневосточных войнушек, последняя из которых все еще тлеет – иранские повстанцы после превращения двух третей собственной страны в радиоактивную пустыню до сих пор охотно гадят амерам. Но условия там радикально отличаются от наших: большие открытые пространства, минимум растительности. Поэтому тут амеры наверняка действуют шаблонно, и основной упор в мерах безопасности сделан на поиск мин и управляемых фугасов. Но даже тут все осложняется, поскольку искать мины и фугасы на открытой местности, да еще песчаной – это совершенно другой коленкор. По материалам, которые мне попадались в мирное время, я вычислил, что открытое пламя, неконтролируемый лесной пожар и прочие природные катаклизмы – это малоучитываемый фактор при их боевой подготовке. Современных солдат натаскивают только на ситуации чисто военного характера. Стихийный огонь их несомненно отвлечет и дезорганизует, пусть даже на короткое время.

– Если в караване нет наемников, а их там нет, то шарящих в наших реалиях амеров из регулярных частей можно в расчет не брать. Солдаты хоть и обученные, но наших условий еще толком не знают. Тут не город, где они смогут с нами тягаться, и не пустыня, тайга кругом... В любом случае, наш план это предусматривает – шумнем, запалим бурелом, который они еще не успели убрать, и в суматохе уйдем. Это вполне осуществимо, справимся. Кроме того, не забывай: Шермановы подельники – из частной охранной конторы. Не думаю, что они рискнули бы идти против своих коллег. Их главная забота – анонимность, риск быть опознанными, они могут напасть только на регулярную часть, прячась за спинами «туристов». Ты главного не забудь: итальяшку насмерть не застрели, помни об этом, Миша.

Мои слова на приятеля особого впечатления не произвели, но возразить было нечего, он тряхнул головой и снова убежал курить в нору, забрав со стола вполне узнаваемый портрет Матинелли. Мы с Варенухой собрали мешки с припасами, один из которых нести

предстояло мне, а два других потащат он и Михась. Предстояло обновить и закладки в схронах, а также пополнить запас патронов и гранат. Печь и прочий скарб уже стояли в разобранном состоянии, их предстояло убирать, поскольку после громкой акции на трассе базу непременно придется оставить. Я уже присмотрел горный массив юго-восточнее Новосибирска, куда от нашей теперешней базы идти было недели две. Там по моим сведениям имеются разветвленные системы пещер, сообщающиеся между собой посредством длинных галерей и русел подземных рек. Последнее обстоятельство было особенно ценно из-за того, что численность отряда скорее всего сильно увеличится. Немаловажной деталью будут некомбатанты и тяжелораненные. В сложившихся обстоятельствах я не могу позволить бросить даже самых безнадежных из пострадавших. Люди, вливающиеся в отряд, будут внимательно присматриваться, и в первую голову нужно успокоить тех, кто будет ходить на боевые. От каждого я буду забирать по максимуму от их сил, включая и физические, и психические. Когда смерть косит народ миллионами, нельзя пренебрегать любой помощью, поэтому все они должны будут помнить, что командир их не бросит, как бы безнадежно ни было положение любого бойца. А воевать, так или иначе, я заставлю всех, от мала до велика.

...В лес выйти удалось спустя час после того, как я в мелких деталях расписал план по спасению «туристов» от подставы, организованной Шерманом. Теперь я направлялся на восток, к тому самому мосту, где в скором времени нам предстоял первый серьезный бой, почти открытое столкновение с захватчиками. Нет, само собой, ничего эдакого измысливать не пришлось, старые проверенные способы, которые решено было применить сейчас, уже более шестидесяти лет назад применялись нашими предками. Дед много рассказывал про такие штуки, даже показывал кое-что. Ветеран, прошедший сначала финскую войну, бывший японцев у маньчжурского озера Хасан, а позже еще долгих шесть лет сперва воевавший с немцами, а после вылавливавший их последышей в Белоруссии, он многое умел. В свое время я много интересовался живой историей, жадно впитывал крупницы реального опыта, добытого ценой немалой крови. И, как выяснилось, не зря я запоминал и учился.

Хотя в благополучные и такие щемяще далекие советские годы это казалось атавизмом. Модное слово «напалм» многие знают из газет про американско-вьетнамскую войну, хотя вареву это было известно задолго до тех времен и наши военные (а особенно партизаны) использовали зажигательную смесь с первых месяцев войны. Мне предстояло прокопать две неширокие канавки вдоль неубранных линий бурелома и залить их горючей смесью. Трофейная складная лопата для таких дел не годилась, поэтому я в сотый раз поблагодарил Судьбу за подвернувшуюся на складе наемников нашу малую саперную лопатку с деревянной ручкой. Кромки ее штыка я правил при каждом удобном случае. Поэтому сам процесс рытья узких, но глубоких канав особых проблем не доставит. Смесь готовится за несколько часов, это проделывать тоже не в новинку. Рецепт, по которому мы будем варить «горючку», сработает даже в сырую погоду, хотя, само собой, будет больше дыма. Но это тоже неплохо, задымление нам только в плюс, если части из резерва, то дым забьет их устаревшие лазерные указатели на винтовках, исказит перспективу. Мелочь, но приятно.

Миновав последнюю полосу, где стояли сигнальные нити, я накинул капюшон куртки и превратился в обросшее листьями существо, окончательно потеряв всякое сходство с человеком. Со стороны я был очень отдаленно похож на извалявшегося в лиственный-травяной трухе средних размеров медведя, но и это сходство тоже весьма и весьма приблизительно. Стоит ступить под сень поросших мхом огромных лиственниц и достающих до пояса зарослей кустарников и замереть без движения – сразу превращаешься в невидимку. Особая мазь на основе кабарожьей струи позволяла обмануть даже чутких к запаху человека зверей, вроде косуль и мелких грызунов. Смешанная с глиной, такая мазь покрывала открытые участки тела и обувь, тоже перемотанную тряпьем. Тряпье скрывало рисунок протектора ботинок, плюс не отпугивало зверей незнакомым запахом. Поэтому даже опытный следопыт не сразу отыщет мой след, а не слишком опытный вообще пройдет мимо.

Следы же зверей и людские отпечатки ног я читал, словно открытую книгу...

Стоп! В траве мелькнула блестящая узкая ленточка – кто-то спугнул ползшего по своим делам ужа. Присев на корточки, я скрылся в густой высокой траве, словно нырнув на небольшую глубину. Это не зверь, даже сохатый не спугнет безобидную змею, коли не мчится сломя голову, спасаясь от пожара, а в воздухе гарью совершенно не пахнет. Значит, уж убегает от кого-то крупнее хорька, но мельче медведя, а это может быть только человек. Зверье обычно ладит между собой, чует присутствие друг друга, и потенциальная добыча загодя уходит с пути охотника. Но если это человек, животные особо не осторожничают, как мы, не опасаясь быть понятыми, свободно говорим в присутствии иностранцев на родном языке. Звери тоже большей частью полагают, что мы их не понимаем, потому не слишком таятся. Присев так, что над верхушками кустов остались лишь узкие прорезы маски и макушка, увитая бахромой узких лент и пучками травы, я всмотрелся в небольшой просвет меж деревьями справа. До черной прогалины было метров двадцать, и судя по всему, там проходила звериная тропа. Мысленно сверившись с картой, я прикинул, что тропинка ведет к водопою на речной отмели. Раз змея уползает оттуда, то я уже почти на месте: звери не торят дорогу к воде, если до нее меньше полукилометра. Прикинув расстояние, я понял, что до переправы, где будем устраивать акцию, рукой подать. Но все портил этот непонятный чужак, или чужаки, ошивавшиеся сейчас совсем недалеко. Чуть привстав, я двинулся влево, обходя тропу по неширокой дуге. Миновав небольшую полянку, нырнул в густую тень, отбрасываемую деревьями, и, перетекая в низкой стойке от дерева к дереву, двинулся вдоль речного берега, не пытаясь выяснить, кого же испугался уж. Если наши пути не пересекутся, я найду следы чужака позже, на обратном пути. Сейчас времени не так много, с учетом того, что еще следует отрыть свою часть компонентов к смеси и до того, как стемнеет, принести горючее на базу. Вдалеке за спиной раздался резкий сорочий крик – пришельцы уходили с тропы и забирали круче на запад, в район расположения авиабазы. Кто бы это ни был, выучка у них без сомнения имеется: шумели они не как штатские, а скорее как приезжие. Иными словами, с лесом люди без сомнений знакомы, но ходили по нему без знания местных условий. Сейчас незнакомцы уже ушли на три сотни шагов, и наткнуться друг на друга нам уже не грозит. Распрямившись, я побежал легким шагом, избегая близко ставить ноги: ширина шагов должна быть больше обычной, чтоб реже задевать стебли травы.

Спустя два часа непрерывного бега пришлось остановиться. Лес закончился, уступив место расчищенной голой полосе выжженной земли. Присев у ствола опаленной искусственным пожаром сосны, я внимательно осмотрел открытый участок дороги. Вынул карту, прикинул расстояние до моста, смекнул, что оказался в полукилометре от завалов, где планировалось поджечь валежник. Река была по правую руку, восточнее, значит, дорожная развилка слева, метрах в семистах отсюда. Приглядевшись к покрывавшей обычную грунтовку металлической сетке, я понял, что машины тут не проходили уже часов шесть, а может, и все десять. Глянув на часы, прикинул время, которое уже потрачено, и решил пойти сначала к перекрестку. Такое у меня непреложное правило: если есть возможность, следует хорошо изучить место акции. Сейчас как раз такой случай, на доразведку удалось выгадать аж сорок минут. День выдался солнечный, по высокому небу сочной синевы ползли белые барашки облаков, солнце уже перевалило полуденный рубеж и висело прямо над головой. Перейдя на бег, я через десять минут оказался у дорожной развилки. Свалил в вырытую под корнями чахлой березки яму основную часть груза и с облегчением вздохнул: карабкаться на верхотуру с заплечным мешком – это уже слишком. Немного поискав глазами подходящее дерево, выбрал высоченную ель, вымахавшую почти с пятиэтажный дом. Примерившись, я подтянулся и рывком взобрался на толстый нижний сук. Спустя еще пару минут я уже был на уровне крон остальных деревьев, и выше подниматься не стал: такое высокое дерево – прекрасный ориентир для вражеских наблюдателей. На фоне остальных деревьев мою позицию уже нельзя обнаружить ни с воздуха, ни тем более с земли.

Через трофейный прицел местность отчетливо просматривалась в глубину на семьсот метров окрест. Переправа и мост, а также завалы на подъеме грунтовки теперь видны как на

ладони: завалы тянулись вдоль обочин дороги, чуть ближе на юго-западе просматривались глубокие колеи, оставленные дорожной техникой. Пошарив прицелом по иссеченной просеками тайге, самих машин я не обнаружил. Скорее всего, всю технику бросили на строительство авиабазы и обустройство инфраструктуры железнодорожного узла. Обустройство полосы безопасности бросили на середине... может быть, что-то не срослось по срокам. Партизан как первоочередную угрозу, похоже, никто не рассматривал, что радовало. Дорога оказалась наезженной только по направлению от авиабазы к станции, отвилку, ведущий к кемеровскому отрезку грунтовки, был совершенно разбит гусеницами танков и уже давно заброшен. В углублениях дорожной колеи зацвела вода, глинистая почва покрылась сухой коркой, кое-где выступили соляные разводы. Похоже, что оставшееся от города пепелище никто обустраивать не собирается.

Я уже принялся нащупывать ногой ветку вниз, чтобы спускаться на землю, как со стороны станции послышалось отдаленное жужжание, постепенно перерастающее в глубокий звук моторов. Замерев на месте и повернувшись корпусом вправо, я внимательно присмотрелся к участку грунтовки, откуда доносился звук. Над деревьями поднимался шлейф белесой дорожной пыли, через пару долгих мгновений у переправы показалась первая машина, а затем еще и еще. Вытянувшись многосуставчатой металлической змеей, через мост переехала воинская смешанная колонна. Впереди шустро скользили две однотипные трехосные машины странного вида. У первой был плоский, приземистый кузов, башенка с пулеметной турелью, вместо триплексов только небольшой приплюснутый колпак, прикрывающий блок оптико-электронной системы над турелью, и ни единого следа бронекapsулы экипажа. У шедшей следом все было точно так же, за исключением того, что вместо пулемета в передней полусфере был смонтирован прямоугольный шестиствольный пусковой ракетный контейнер.

Это были боевые дроны, вроде тех, что показывали иногда по «ящику». Только машины, которые сейчас перескочили через мост, были размером чуть меньше обычного «хамви». Они несли на себе, помимо навесного вооружения, сегменты активной защиты, бугрящейся в наиболее уязвимых точках кузова. Броня закрывала вместилище боекомплекта, двигатель и, по-видимому, узлы шасси: низкий, короткий силуэт удачно помогал дрону прятаться в складках местности. Уничтожить такую машину с помощью «мухи» или обычного гранатомета будет непросто. Нужен прямой выстрел с короткой дистанции, лучше сбоку и желательно с возвышенности. В свое время приходилось читать про тактику вскрытия засад с помощью вот таких колесных роботов. Они не выдержат атаку с воздуха, весь обвес рассчитан именно на нападение с земли. Внимательно рассмотрев оба дрона, я прикинул, что подбить их можно с сотни метров, но это критический максимум. Те, кто пойдет против роботов, фактически смертники – их расстреляет основное охранение, после первого же залпа. Однако другого способа вывести из игры новую выдумку вражеских конструкторов пока нет. В любом случае, атаковав такую танкетку, нападавшие вскроют свои позиции для основного охранения, а дрон можно позднее и починить. Пропускать их тоже нельзя, ведь дроны вступят в бой, повинаясь командам операторов, находящихся, может быть, даже в той же Америке, где-нибудь под защитой десятка метров армированного бетона. Поэтому засаду нужно будет растянуть, выведя группу истребителей дронов в отдельную, отстоящую от основных сил боевую единицу. Сделав мысленную поправку в «блокнот диверсанта», я продолжал наблюдать, но более ничего интересного не происходило. За дронами на высокой скорости проскочили два «хамви» с полными экипажами и стрелками в забранных бронещитах турелях; те бдительно вертели головами в громоздких шлемах с микрофонами у рта. Чуть медленнее мост миновали три крытых брезентом грузовика, под завязку загруженных, следом степенно проползли два «абрашки»³⁷, все в листах активной защиты и с задраенными люками, танки напоминали бесхвостых броненосцев.

Но все же кое-что примечательное я увидел: камуфляж техники. То был неясный дрожащий рисунок: неясный узор плыл и переливался, от этой чехарды зарябил в глазах.

Термооптический камуфляж... так вот ты какой, северный олень! Про подобное покрытие, делающие технику практически невидимой, слышать уже приходилось. Якобы нечто подобное планировали дать неким специальным подразделениям, однако тонкая пленка, состоящая из мельчайших светоотражающих нитей, потребляла слишком много энергии. Плюс теряла свои свойства при попадании пуль и осколков, глючила от близких разрывов снарядов и гранат, но в случае с такой машиной, как «Абрамс» дополнительное энергопитание скорее всего не проблема, вот они и щеголяют новинкой.

Следом проскочило еще два грузовика, но внутри явно были люди: машины не проседали под тяжестью груза, да и поднятая в скатку на крышу горловина брезентового тента, точняк для пехоты.

Сюрприз поджидал в конце: приседая на ухабах, за грузовиками пылил еще один «хамви», но ярко-желтого цвета. С хромированной решеткой радиатора и массивным бампером, в том же исполнении. На крыше высился ряд противотуманных желтых фар, чередующихся с мощными обычными осветителями. Тонированные стекла тускло блестели в ярких лучах солнца, джип, словно бы гарцуя на неровностях, важно съехал с моста на дорогу. Следом шли три обычных армейских машины, смотревшихся бедными родственниками рядом с тюнингованным по неведомой мне моде желтым монстром.

Караван величаво проползал мимо, а я думал лишь о том, что против нас все это время стояла не отдельная страна или даже две. Против России наконец-то открыто выступила вся западная цивилизация. Не хватило у иностранцев терпения обратить в свою веру молодежь, неохотно забывающую родной язык, пусть даже коверкая его, порой до неузнаваемости. Поступки «русских», образ их мышления так и остались непостижимыми и оттого сделались еще более ненавистными новым хозяевам мира. Пусть иногда одетый в пестрые тряпки и непонятно говорящий подросток казался уже переделанным, «своим» и неопасным. Но стоило такому субъекту на минуту остановиться и задать себе пару важных для любого русского вопросов, как шелуха слетала. Такой «русский» инстинктивно находил верный путь и правильные ответы, либо умирал, но прежним туповато-послушным уже не был. Нечто глубинное, запрятанное в генной памяти, поднималось к поверхности, ломая чуждые установки, сминая воздвигнутые хитрыми дизайнерами душ преграды. Уничтожить такого человека, оставить от него горстку праха – вот единственный способ победить «русского».

Это поняли давно, и, как всегда, самую рациональную формулу вывел король Пруссии – Фридрих Великий, сказавший, что русского нужно сначала застрелить, потом проткнуть его сердце штыком и для верности отрубить голову. Якобы король видел, как русские гренадеры с простреленной грудью, не единожды проткнутые штыками, вставали и дрались. Конечно, это преувеличение, но, судя по нашему небольшому отряду и бестолковым «туристам», не совсем безосновательное. Любым телом движет дух, в данном случае нечто дремучее, словно пришедший из глубины веков мотив непонятной песни. Я часто ощущаю в себе и тех немногих уцелевших, кто прошел со мной старые, почти забытые сейчас войны, этот бередящий душу мотив. Он похож на музыку без слов... торжественный, басовитый напев, почти неуловимый. Если пытаться осмыслить его рационально – исчезающий совершенно, но понятный, стоит только идти за мелодией не задумываясь. Мотив звучит как грозовые раскаты: оглушающе и величественно, но слышишь его только ты. Он зовет, бередит душу, заставляя страх смерти на какой-то миг отступать. А после ты с презрением смотришь на любого врага, каким бы страшным и непобедимым тот ни казался первоначально. Помимо отчаянной злости появляется словно бы невидимый щит и стойкое убеждение, что даже смерть не может быть страшней бесчестья, и если врага невозможно победить, то по крайней мере можно поквитаться.

Может быть, это глубинное родовое начало хотели истребить агрессоры, тратя миллиарды трупно-зеленого колера денег с ликами благообразных господ со злыми глазами, надменно вздернутыми подбородками, в напудренных париках и старомодных костюмах? Нет, иностранцы всегда были излишне прямолинейны, бессознательное и иррациональное в их миропонятии не укладывается. Они просто решили перезаписать целый народ. Глупая,

затратная идея, способная сработать ну может быть только на своих, схожих по ментальности. Однако вера в свой метод – великая штука. Сначала нас пытались заставить забыть, уничтожая самую сущность родовой памяти, извращая историю, подменяя понятия. Неправ будет тот, кто говорит, будто бы народности с древних времен перемешались и теперь только кавказцы помнят, кто они и откуда. Есть еще нечто более тонкое, сидящее в каждом человеке глубже самого первого детского воспоминания. В моменты опасности память предков просыпается, и тогда любой осознает, кто он, именно осознает, потому как память предков – это зов крови. Это величина абстрактная, потому аналитики агрессоров ее никогда в расчет не принимали, и зря. Когда же выяснилось, что ничего толком не выходит, решили, что давнишний способ, предложенный прусским королем, будет намного дешевле. И случилось событие, последствия которого я сейчас наблюдаю, можно сказать, из «губернаторской ложи».

...Хвост колонны миновал участок дороги напротив моего дерева, и, в довершение абсурдности происходящего, пассажиры желтого джипа врубили динамики, вмонтированные куда-то в радиатор их машины.

– Ай лайк ту мув ит мув ит!.. Ши лайк ту мув ит мув ит!..

Хриплый голос исполнителя с нарочитым ямайским акцентом начитывал примитивный текст под жесткий пульсирующий ритм. Словно вороний похоронный грей, каркающий речитатив эхом разносился по пустынному лесу, замирая в самой глухой чаще, превращаясь в неразборчивый хрип. Машины уже скрылись за деревьями, когда я отпустил наконец-то крепко стиснутую до этого момента ветку дерева, спрыгнул и, уняв нервную дрожь, побежал к схрону. Песня подняла в груди мутную волну с трудом сдерживаемой ярости. Лишь невероятное усилие воли удержало от того, чтобы не пальнуть из подствольника в окно пижонской машины. Сами оккупанты не вызвали такой ярости, как совершенно обычная, да еще жутко старая песенка. Просто после всех увиденных зверств мне казался диким сам факт исполнения мирной песни. А еще точнее, пришло понимание того, как относятся к этой войне пришельцы. Они методично, словно уличные уборщики, вычищают мусор, попутно занимаясь своими обыденными делами. Жившие тут люди не ассоциируются у агрессоров с существами, обладающими разумом, пропаганда низвела нас до некоего подобия обрывков оберточной бумаги и пустых картонных коробок.

Чудовищность происходящего была столь убийственна в своей простоте и функциональности, что я вновь захотел убить всех амеров, до кого смогу дотянуться, не выписывая больше хитрых тактических кренделей. Отчаянье... его следует избегать любой ценой. Безрассудный шаг враг сам подталкивал нас совершить, исподволь проводя подобную мысль в книгах, фильмах и речах непонятных «бывалых» с просторов Интернета. Послушать их, так все очень просто: враг силен и лучшее, что можно сделать, – это броситься на единственном истребителе в бой, скомандовать остаткам своего взвода рвануть в атаку на вражескую мехколонну... Или еще того чище: попытаться запустить ядерные ракеты, вверенные некоему полку стратегических ракетных войск. Далее по списку: одинокий линкор, одинокая подводная лодка, два-три танка и прочая белиберда.

Подобная чушь часто выдается ее авторами за некий единственно верный во время оккупации шаг. Безусловно, это очень эффектно – броситься в последний бой и дать врагу расстрелять себя издали или потопить. В случае с ядерными ракетами шуму может вообще не произойти – их собьют, и довольно быстро. Но даже если и рванет какой-нибудь город Хьюстон, штат Техас, заодно с калифорнийской Санта-Барбарой, ничего кардинально не изменится. Враг еще больше сплотится вокруг своего правительства и легко уничтожит тех, кто своими руками уничтожает свой единственный шанс на победу.

Я же считаю, что если посчастливилось уцелеть самому и сберечь технику, ну поищи ты таких же везунчиков, укройте технику и подумайте, как следует воевать. И делать это сколь угодно долго, ведь в конечном итоге тебя пять лет учили в институте, потом худобно гоняли по полигонам. Неужели все это ради того, чтоб ты, словно загнанный, ведомый слепым инстинктом зверь, пер на флажки, прямо под выстрелы охотников? Да, не спорю, это

проще и эффектней, тем более, не выглядит как поступок малодушного или труса. Погусарски угробить пару янкесов и наверняка всех тех, над кем тебя Родина поставила командиром, – это сто пудов геройский поступок. А главное, все укладывается в два пути, избранных для покоренных народов хитрыми американскими мудрецами. Они исподволь готовят нам развилку, где предполагается, что отчаявшаяся часть уцелевших боеспособных частей разбредется неорганизованной массой и будет уничтожена специально выделенными частями. Другая же, состоящая из не менее боеспособных, но сугубо гражданских лиц, ударится в мародерство и попрячется по лесам и пригородам.

Я с удивлением читал целые трактаты о том, как можно выжить в лесу, питаюсь подножными кормами и выделявая одежду из шкур, или прятаться в городских развалинах, грабя магазины и менее удачливых товарищей по несчастью. В обоих случаях – ограниченное число вариантов поведения и схематичный набор действий. А главное, это закладывается в тренинг контингента оккупационных войск, просчитываются способы уничтожения таких вот счастливиц. Если и встречаются толковые идеи, то они хоронятся под тоннами идиотской чепухи, вроде путешествий во времена Великой Отечественной войны. Но там геройствовать легко: враг и его действия давно известны, а тактические ошибки наших дедов обсосаны на множестве тематических форумов, даже снято несколько разной степени паршивости фильмов. Авторы этих фантазий забывают, что и без их, порой наивных до смешного, а чаще всего откровенно глупых, «советов» наши предки уже победили. Как человек, плотно общавшийся с ветеранами той большой войны, я не рискнул бы там, в то лихое время, что-либо советовать и указывать, как бить врага. Они и так умели драться, причем, как выясняется, гораздо лучше, чем почившие сейчас в остекленных воронках советчики. Их главным оружием была не только техника, а в первую очередь неколебимая вера в то, что их правда сильнее правды пришедших незваными агрессоров. Кто из современных теоретиков смог бы высказать ветеранам хоть половину лжи и измышлений, которыми эти всезнайки пробаваются между собой? Вот так встать и глаза в глаза рассказать этим простым рабочим той войны, что они-де неправильно воевали? Уверен, просто не достало бы духу, настолько все измельчало в душах искалеченных ветрами перемен людей, стыдливо называющих свою великую страну «бывший СССР». Отдав ее просто за красивые фантики и стеклянные бусы хитрым иностранцам, они отдали вместе с гербом и знаменем свою свободу, личное достоинство. Пришедший сейчас с оружием наперевес враг уже тогда наполовину победил, отняв у людей их правду. А без правды нет победы. Никогда эта капризная дама не покоряется тем, кто не верит в то, что он прав.

Амеры ловко подсунули ослепшим русским идею мародерства, потакая всему низменному, а конкретно шкурному инстинкту, старательно вытравливаемому целых семьдесят лет. Самое главное – это увести людей от того, что они реально должны делать, как вести себя. Ни один «бывалый» не учит своих последователей, как воевать с захватчиками, – мол, это дело безнадежное. Пусть-де воюют те, кому не запахло, а мы будем сидеть в землянках и вшей давить, а потом выйдем и обдерем то, что оставили хищники покрупнее. Почему неглупые, вроде как взрослые мужики, отслужившие в армии и имеющие какой-никакой жизненный опыт, так легко ведутся на эти рассказы? Это так и осталось для меня загадкой, хотя вот он, выход: думай головой, откажись умирать и тупо ныкаться по щелям. Взять в руки оружие, дать залезшему в твой дом вору жесткий отлуп, защитить тех, кто сам этого сделать не может. Но только с умом, пусть на обдумывание и планирование уйдет время, однако так можно бить врага долго и в конечном итоге сквитаться, а может быть, даже и выгнать его с родной земли, как бы избито и пафосно это ни звучало.

Перед моим мысленным взором встал старый военный плакат, где молодая женщина прижимает к себе ребенка лет двух, заслоняя его от примкнутого к немецкой винтовке острого штык-ножа, направленного на нее. В ее глазах застыли ужас, боль и страх, но художнику удалось показать, что боится она не за себя. Большими буквами внизу было написано: «Воин Красной Армии, спаси!». Нет больше Красной армии, но солдаты остались, как наверняка есть еще и подобные этой женщине люди. Это врагу предстоит твердо

усвоить. Тряхнув головой, прогоняя не к месту нахлынувшую философичность, я откопал мешок с мясом и, пристроив его на хребет, ускорив шаг двинулся дальше.

Пройдя шесть с половиной километров на юго-восток от дороги и потом заложив небольшую петлю, я вышел в район, находящийся как бы в вершине правильного треугольника между двумя приметными ориентирами – авиабазой и железнодорожной станцией. Тут, на сухой, поросшей кустарником балке, мы с Варенухой устроили один из схронов. Но шестое чувство, в условиях лесной жизни обострившееся невероятно, удержало от очередного шага. Присев в траве на колени и вскинув автомат, я осмотрелся, примечая потревожившие подсознание несоответствия. На первый взгляд все как обычно, но в общей картине было нечто неправильное. Поводя стволом из стороны в сторону, я на мгновение задержал взгляд на раскидистых листьях лопуха и нижних ветках деревьев. С кустов и веток были сбиты пыль и остатки росы. Хотя время уже давно перевалило за полдень, в чаще влага держится на траве и листьях очень долго. В лучах солнца, почти не заглядывавшего сюда, заслоняемого кронами старых лиственниц, росяные капли блестят особенно ярко. Но вот был один участок, ведущий напрямик к нашему тайнику, который словно кто-то вытер сухой тряпкой. Пыль, вопреки общему заблуждению городских жителей, водится везде. Лес в этом плане не исключение, и мельчайшая пыль – это главный индикатор при поиске чужого следа. Осторожно поднявшись, чуть ссутулившись и время от времени осматриваясь вокруг, я двинулся к подозрительному месту, потом, снова присев, раздвинул стебли папоротника. Предчувствие оказалось верным – тут часа два назад прошел человек. Армейские ботинки, весом под сотню кило, ростом примерно с меня... крепкий мужик. Обойдя направление движения незнакомца с правой стороны, я пошел по четкому следу к схрону, опасаясь самого худшего. Этот тайник никто кроме меня не должен был навещать. Варенуха с приятелем шли к укрытиям на севере и юго-западе, поэтому, кто бы ни был этот чужак, это – не партизан. «Туристы» резвятся? Вполне возможно, однако среди них так аккуратно вроде бы никто ходить не умеет. Тем более что этот «пассажир» тут пока бродит в полном одиночестве: дно балки очень узкое, склоны отвесные, и цепью тут не пройти. След, который я обнаружил, – одиночный, человек шел аккуратно, но быстро и не останавливался. Будь он с приятелями, след бы «гулял» в колее.

Так прошло еще минут сорок, пока я не увидел потревоженную землю в том месте, где мы оборудовали тайник. Нет, на первый взгляд все выглядело нормально: дерн на крышке люка не потревожен, ловушки незнакомец частью снял, частью обошел, а обезвреженные вернул на прежние места.

Пройдя десять шагов вверх по склону и оказавшись над крышкой люка, я внимательно все осмотрел и покачал головой: прищелец ничего не взял, но поставил хитрый электронный девайс. Стоит мне открыть люк, как начнет работать радиомаяк и даст знать хозяину, что пожаловали гости. Значит, «туристов» можно полностью исключить: такие приколы по карману лишь пиндостанской спецуре. Ничего не трогая, я поднялся вверх по склону и припустил к другому тайнику, на пару километров южнее, возле небольшого заболоченного озерца, где уже должен был побывать Михась. В голову почему-то лез старый афоризм: сначала мы жили бедно, а потом нас ограбили. Происшествие уменьшало наши запасы ровно на четверть, и жесткий график подготовки акции летел ко всем чертям. Заняться преследованием хитрого амеровского следопыта хорошей идеей не показалось. Один на один мы будем кружить по лесу бесконечно долго, а времени на этот аттракцион совершенно не остается. Вернувшись немного назад, отойдя от раскрытого тайника на пару километров южнее, я пошел к схрону, устроенному возле небольшого заболоченного озерца. Это отняло еще шесть часов драгоценного времени, но так или иначе, другого варианта уже не придумать.

Всю дорогу я как мог путал следы на случай, если любопытный амер засек меня. Но признаков чужого присутствия больше не наблюдалось: кем бы ни был этот спец, но после обнаружения нашей захоронки он исчез. В другое время, я даже обрадовался бы возможности помериться силами с умелым и знающим противником, но сейчас его

существование только раздражало. Добравшись к вечеру того же дня до небольшого островка, где под корягой был устроен схрон, с облегчением отметил, что тут побывал только Михась. След его ботинка я углядел на берегу и, осмотрев все еще раз, уничтожил его и два попавшихся ранее очень тщательно. Сгрузив мясо и сушеные грибы, запаянные в полиэтилен, я вынул две десятилитровые жестяные канистры с бензином. Емкости глухо брякнули, водила наполнил их под пробку. Прицепив обе на крепкую палку, я отправился в бункер. С повешенным поперек груди автоматом, палкой-коромыслом на плечах я, наверное, стал похож на медведя из сюрреалистичного сна милитариста.

...В бункере уже всюду шел процесс приготовления ингредиентов для горючей смеси. Две солидные кучки алюминиевых опилок и тонкой мыльной стружки уже высились на двух кусках брезента. В новом ведре, приватизированном Варенухой, и половинке автомобильного бензобака мы соорудили нечто вроде водяной бани, и работа закипела. Печь пришлось собирать заново, но это сейчас уже было не страшно: походная «буржуйка» монтируется и запускается в течение получаса. Михась открыл все заглушки в бункере, так что испарения внутри берлоги, не задерживаясь, выходили, подгоняемые естественной тягой. Помешивая получавшийся бурый «кисель» толстой, сучковатой палкой, я поделился с артельщиками постигшим нас горем. Вопреки ожиданиям, особого беспокойства известие не вызвало: когда схроны закладывались, я сразу объяснил, что, так или иначе, тайники могут обнаружить. Не один, так другой схрон вполне можно отыскать, причем вполне вероятно, что это произойдет совершенно случайно. Михась не замкнулся в себе, движения и речь приятеля потеряли былые неуверенность и нервозность. Оставался лишь мандраж перед боем, но это вполне обычное явление, избавиться от него невозможно, каков бы ни был багаж боевого опыта за плечами. Неожиданный интерес проявил только Варенуха: бывшего дальнобойщика интересовало, кто это такой ушлый добрался до припасов, миновав все ловушки.

– Антоша, ты уж не серчай на старика. – Когда ему что-то было нужно, водила прикидывался старым и больным пенсионером. – Как же этот гад кубышку-то нашу распечатал?

Вопрос этот не то чтобы особо меня мучил, лишая сна и покоя, но уязвленное профессиональное самолюбие нет-нет да и вызывало легкие приступы досады. Помешивая палкой варево, я начал рассуждать вслух:

– Видишь ли, Виталий Семеныч, тут трудно пальцем показать: мол, вот ворюга и злодей. Что один спрятал, другой завсегда может отыскать, особенно если он сам прятать мастер. А наш тайник именно мастер нашел...

– Может, это кто-то из русских? – Варенуха запнулся, его загорелая лысина покрылась легкой испариной от усиленной работы мысли. – Ну... наемник какой-нибудь, который наши места знает?

Такая мысль приходила мне в голову, но пришлось ее отложить на дальнюю полку. Будь это кто-то из эмигрантов или бывших советских военспецов, подавшихся в наймиты к оккупантам, то железяку он бы на крышку люка не воткнул. Будь это природный таежник, да даже спец из бывших армейцев или ментов, то так метку оставлять они не обучены. Этот вполне мог оставить ветку, стебель травы, пучок хвойных иголок – любую природную метку, чтобы хозяин схрона сто раз подумал, прежде чем определить проникновение. Наш спец оставил бы одному ему заметную «контрольку»³⁸ и время от времени наведывался бы к тайнику, а поняв, что схроном пользуются, организовал бы возле него засаду. Нет, тут был некто, обученный на Западе, только там слепо доверяют электронике, даже в таком тонком деле, как ловля диверсантов. Сделав еще два круга палкой в дошедшей до нужной кондиции смеси, я отрицательно покачал головой.

– Нет, это янкес... может быть, немец либо англичанин. Опытный, битый – без вариантов, но не наш, могу что хочешь на спор ставить. Импортные вояки, оне очень технические примочки уважают, во всем на них полагаются. Вот и этот мистер не исключение: грамотно закладку обнаружил, почти ювелирно подошел, даже сторожевики

наши все снял красиво. А потом все испортил и «жучка» поставил... не уважает нас враг, совсем не уважает.

Варенуха, подставив мне канистру, только крикнул, «горючка» тягучей струей полилась через воронку в емкость. Потом он, плотно завинтив крышку, пошел за следующей и снова спросил:

– Почему не уважает, ты ж сказал: все хитро сделано. И ловушки снял, и следы запутал. А что до электроники, то может, наука военная теперь этого требует?

– Наука допускает вариации, – я снова наполнил ведро бензином и начал сыпать мыльную стружку и алюминиевые опилки. – Тут строгих правил нет. Главное – это победить, оказаться хитрее противника. А этот янкес поленился, не захотел ноги топтать и оставил маяк для летунов или артухи. Дернем мы за веревочку, хитрая машина кому надо просигнализирует, и квадрат накроют почти сразу же. Схрон в зоне базирования крупной армейской группы, наверняка за сектором закреплена минометная батарея или типа того. Лень им засаду выставлять, не воспринимают пиндосы нас как силу. А кто это был пока не след выяснять, будет время, и эту загадку распутаем.

Пар от водяной бани вытягивало довольно шустро, через два часа смесь была расфасована по канистрам. Варенуха убежал наружу, прихватив с собой пачку вонючей «Примы», а мы с Мишкой быстро разбирали печь, укладывая части в небольшие вязанки. Михась неосмотрительно схватился за еще горячий котел и, зашипев, сунул обожженный палец в рот. То ли от долгого воздержания от споров, то ли повинувшись вечному своему чувству противоречия, он глухо проворчал:

– Время, время!.. А ты не много ли обещаешь, напарник? Нас всего трое, и может так получиться, что в последний бой идем. Ты можешь поручиться, что у нас будет это самое «потом», а?..

Страх, неуверенность в себе, как опасную инфекцию – лучше задавить в самом начале, иначе своими гнилостными испарениями они отравят разум, заставят совершать ошибки. Нужно заставить человека посмотреть на предмет, их вызывающий, как бы со стороны, найти способ победить противника, прежде всего мысленно. Все, что так или иначе выводит нас из равновесия, прежде прокручивается в воображении, и в зависимости от того, насколько живо можно себе представить что-то, появляется установка на победу или на поражение. Чаще всего люди думают о поражении, тем более если извне прет сплошной негатив. В армии, чтобы голова не думала лишнего, тело обеспечивают работой. У нас же такой подход себя не оправдал, поскольку нет никакой отдушины, кроме как изредка покурить или выспаться. Внимательно всмотревшись в лицо приятеля, я утвердительно кивнул.

– Время и обстоятельства взрослый человек может создать сам. У нас есть оружие, есть знания и подходящий случаю опыт. У меня чуть больше, у вас с Семенычем может быть чутка пожиже. Сами под наши пули амеры не подставятся. Мы имеем дело с профессионалами, которые зря денег не получают. Но слабости есть у всех – они думают, что уже победили, посему расслабились, это нам в помощь...

– И долго нам будет везти? Ну, раз подловим, может быть, дважды обдурим, но как долго?

Михась стукнул стиснутыми кулаками себя по коленям и со смесью отчаянья и надежды вскинул на меня блестящие от слез глаза. Притворившись, что ничего не замечаю, я продолжил:

– Если будем сидеть, как нашкодившие пацаны, и ждать у моря погоды, то, само собой, недолго. Но ведь мы же не такие, верно, Миша? Враг будет думать, а мы будем думать вместе с ним. Это как в покере: блеф или хороший прикуп – еще не гарантия выигрыша, все зависит от нас. Можешь помолиться, если веришь во что-то... помочь не поможет, но уж точно не навредит, коли не вслух и не на посту. Не скули больше, надоело.

– Как ты это выдержишь только...

Приятель поднялся с пола и снова начал вязать остывшие уже железные части от печи.

Я, поднявшись, пошел в дальнюю нору, где было нечто вроде оружейной комнаты. Для амеров я подготовил несколько сюрпризов, которые неплохо зарекомендовали себя еще на той войне. На пороге, оглянувшись на притихшего приятеля, я сказал то, чего в принципе не должен был, но достало его ныть:

– У меня тоже была семья, Миша: сестра, мама... И, как и ты, я не знаю, живы ли они, что с ними случилось. Однако я твердо уверен в двух вещах: от моей бестолковой гибели им лучше не станет и второе – чем дольше я буду бить врага, тем больше у них шансов остаться в живых... по крайней мере, я в это очень сильно верю. И знаешь что еще, приятель? Неплохо бы и тебе во что-то начинать верить, кроме как в близкую и неминуемую смерть. Накличешь, а рядом еще и те, кто хочет нормально жить.

Приятель вскинул на меня просохшие, снова заблестевшие живым огоньком глаза, и не преминул подковырнуть:

– Это у нас-то нормальная жизнь? В норе живем, от всех хоронимся!

– Мы на войне, Миша... скоро у тебя будет с чем сравнивать, – я повернулся было, чтобы уйти, но добавил через плечо: – И заметь, теперь уже и ты заговорил так, что начинаешь строить планы «на потом». Поздравляю, брат – похоже, ты адаптировался.

Ничего больше не слушая, я отправился в «оружейку», предстояло еще крепко поработать над гостинцами для караванщиков. Мишка больше не гремел запчастями, и скоро послышались характерные щелчки и негромкое лязганье, приятель чистил оружие. Пряча улыбку, я достал из ящика гранатомет и щелкнул подсветкой прицела, проверяя питание. Я снова победил, и наверное, победа над страхами доверившихся тебе людей – это гораздо важнее, чем победа в реальной заварушке. Батарейки сюда идут стандартные, посему я лично заменил их на только что заряженные аккумуляторы, теперь оружие можно использовать, подсветка работает исправно. Присев на ящик, разложив перед собой моток скотча, три выстрела к РПГ-7 и с особой осторожностью вынутые из маленького ящика бруски пластита, я принялся за работу...

* * *

Россия. 24 августа 2011 года. Юго-западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны, 273 км севернее предместий г. Кемерово. Район речной переправы между железнодорожным узлом «Постникове» и авиабазой «Нью-Нортвуд». 03:35 по местному времени. Партизан Антон Варламов. Засада и согласованное отступление.

Место, которое я выбрал для лежки, оказалось не слишком удобным в плане маскировки. Поскольку план предусматривал как неременное условие хороший обзор, то более всего подошла плоская горка у самого берега реки, лишенная всякой растительности. Кроме нескольких пучков уже желтеющей травы тут ничего не росло, поэтому пришлось прокопать несколько неглубоких канав, в дополнение к тем канavam, что часа полтора назад мы с Михасем рыли у завалов, в километре отсюда. Сумка с выстрелами к гранатомету и сама эта громоздкая труба теперь лежали рядом, ожидая своего часа. Перед выходом я еще раз проверил обмотанные брикетами пластита три выстрела, им предстояло сыграть роль тяжелой артиллерии. Знаю, на взгляд мало знакомого с подобными трюками человека выглядит это дело весьма опасно: граната начинает рыскать в полете, теряет в дальности, но черт, возьми как она эффективна! Подобные штуки я научился делать давно, переняв опыт у чеченцев, рушивших целые здания, задулив в окна только пару таких «гостинцев». Плюс наш пластит в обращении гораздо дружелюбнее, нежели чешский «сантекс» или пресловутый С4. Снарядить дополнительным зарядом удалось только три из шести гранат, поэтому целиться придется очень тщательно. Снова рот наполнился горечью – вспомнился разоренный схрон, где было порядка тридцати мин и десяток брусков пластита. Вновь стало

допекать желание встретить этого импортного лесовика. Ощутимым усилием воли отогнав воспоминание о недавней неудаче, я сконцентрировался на своем секторе дороги. Время уже походило к четырем часам утра, но в конце августа до рассвета еще ой как далеко – кругом царит чернильная ночная синева. Дорога видна благодаря участкам сухой до белизны песчано-глинистой почвы, неясными пятнами, проглядывавшимися даже в темноте. Трофейный прицел для наблюдения тут не годился, но сейчас не было необходимости в подробном осмотре местности. Как рассказал мне при встрече очкарик Веня, колонна пойдет по мосту не раньше десяти утра, а их отряд подтянется к переправе часам к шести. Поэтому у нас с артельщиками было достаточно времени для подготовки. Мы с Мишкой прорыли две канавы и залили их напалмом, а Семеныч, следуя моим указаниям, заложил фугас, сделанный из 155-мм снаряда и небольшого количества пластита. Как это у него вышло, по большому счету не имело значения: колонну стопорнут раньше, чем «бурлаки» дойдут до завалов и смогут приняться. Что касается подкрепления, то тамошние бойцы вообще полетят сломя голову спасать своих и интересоваться станут в первую очередь нападавшими. Вообще я ожидаю, что командование амеров к такому повороту событий совершенно не готово, прежде всего морально. Нет, само собой, у них были учения, может быть, кто-то воевал на Востоке и попытается дать отпор. Однако не думаю, что им удастся расшифровать засаду полностью, тем более что в оценках угрозы они станут опираться на доклады охраны конвоя, а те сообщат только о «туристах».

Осмотрев свой арсенал, я проверил, все ли под рукой, и набрал на клавиатуре рации цифры, сообщенные мне Очкариком. На рабочей частоте поклонников страйкбола пока царила тишина, должно быть, они еще в дороге, по моим расчетам «туристы» подтянутся в течение часа-полтора. Переключившись на нашу волну, я дал длинный тоновый сигнал, в ответ чуть погодя откликнулись двумя короткими щелчками Михась и Варенуха. Оба уже на местах, пока все штатно. Надвинув капюшон на глаза, я еще раз проверил разложенное под руками оружие. Если есть возможность, автомат лучше положить рядом с собой так, чтобы в любой миг можно было открыть огонь не в белый свет, а точно по противнику. Поскольку работать предстояло, так сказать, «соло», я оборудовал две ячейки с секторами стрельбы. Правый – более узкий, градусов в тридцать, для стрельбы из РПГ. Как только машина с инкассаторами съедет с моста и будет атакована «туристами», я угощу амеров моей фирменной гранаткой. Бронирование им не поможет, усиленный пластитом выстрел рассеет иностранный денежный автомобиль на атомы. Деньги непременно нужно будет уничтожить до того, как подтянется группа охотников за сокровищами во главе с Матинелли. Иностранцы начнут выяснять отношения с Шерманом, и Михась сможет нормально работать, а я помогу Вене и его незадачливым друзьям чем получится. Для последней задачи и была отрыта вторая ячейка, где лежало мое верное «весло» и двенадцать снаряженных магазинов к нему, плюс десять гранат к подствольнику и еще четыре «рога» в подсумках на поясе, которые я приготовил для отхода. На случай, если первую нору засекут и накроют огнем раньше, чем я отстреляю все выстрелы к РПГ, вторую ячейку я соорудил ближе к склону холма. Теперь, если сдетонируют оставшиеся «гостинцы» меня надежно укроет от взрыва кубометров сорок земли.

Будучи реалистом, я не исключал, что выстрелить удастся только пару раз, а может и единожды. Но других компромиссных позиций вокруг не нашлось, хотя на поиски я потратил три дня. Обе позиции были удачными только в отношении секторов обстрела: отсюда я смогу бить во фланг идущей колонне, доставая огнем открытый стометровый участок перед мостом на левом берегу реки и более чем трехсотметровый участок дороги по эту сторону переправы. Ценой была открытость местности, и в случае согласованного перекрестного огня всего двух пулеметов меня просто прижмут к земле. Надежда только на то, что конвойщики будут всецело заняты атаками «туристов».

Еще раз огляделся по секторам, но тщетно: темень чернильно-синим покрывалом окутала лес и дорогу, даже если кто-то и пойдет, увидеть его будет невозможно. Ориентироваться в такой ситуации лучше всего на слух, а пока никаких посторонних шумов,

кроме отдаленной канонады, не слышно. Интересно, кто бы это мог быть? Но раз шумят, значит, кто-то еще кроме нас не сдался. Устроившись на остывшей за ночь земле как можно удобней, я мысленно вернулся к недавнему разговору с Вениамином, которого про себя продолжал называть Очкариком.

...К заветной сосне я подошел вчерашним утром, которое выдалось холодным, уже по-осеннему стылым. Густой молочный туман пал на землю, скрывая все на расстоянии вытянутой руки. Идти пришлось почти на ощупь, аккуратно ставя ноги и проверяя, нет ли впереди корня или ямы. Вперед и по сторонам в такой ситуации лучше особо не смотреть; если нужно осмотреться, приходится останавливаться. Это существенно снижает скорость передвижения, и без того невеликую. Поэтому, «отключив» зрение, я шел, полагаясь только на слух, обоняние и осязание, как это делает медведь. Этот массивный зверь единственный в лесу по габаритам схож с человеком, его манеру передвигаться я перенял уже давно и ни разу об этом не пожалел. Сейчас скорость была лишь ненамного ниже обычной, не шуметь удавалось реже, но сейчас, в тумане, звуки гасятся и источник по звуку вычислить гораздо сложнее.

Было уже шесть пятнадцать, когда я добрался до места, но еще на подходе понял, что кто-то сидит в кустах, метрах в десяти от сосны, где я приказал Вене оставить гильзу. Человек, притаившийся в кустах колючего боярышника, все сделал верно, но от него ощутимо разило кофе и еще какой-то пахучей гадостью медицинского происхождения. После жизни вдали от цивилизации нюх мой обострился, да и закрытые глаза помогали сосредоточиться только на доступных чувствах. Это помогло верно определить источник запаха, а потом и услышать сдавленное дыхание курильщика. Человек подготовился и куревом не баловался по крайней мере часа четыре, но хриловатое, с легким присвистом дыхание обычно чуть громче, даже если он не запыхался и дышит ровно. Осторожно вынув из кармашка «разгрузки» удавку и намотав ее на кулаки, я стал подбираться к затаившемуся сзади, без труда определив место где тот спрятался. Легкое колебание сырого воздуха исправно несло волны живого, чуждого лесу запаха, и я почти видел скорчившуюся на земле фигуру. Вот я уже на расстоянии десяти, потом пяти метров. Руки привычно прижаты локтями к корпусу и расставлены на уровне груди, шнур чуть провисает, готовый вытянуться в струну только на последней стадии броска. Вот цель уже в двух шагах: человек в амеровском лесном камуфляже, повернутой козырьком назад неуставной темно-серой бейсболке, короткий ствол импортного автомата замотан тряпочными ленточками...

В последний момент мне удалось удержаться от броска, человек слегка сместился влево, и из кармашка его куртки выглянула дужка очков. Сложив вместе особенности поведения и характерный абрис фигуры незнакомца, я узнал Вениамина. Спрятав удавку и успокоив чуть сбившееся от прилива адреналина дыхание, я крепко перехватил левой рукой кыдык парня, правой удерживая его палец от непроизвольного нажатия на спусковой крючок:

– Тихо, Веня, свои. Не дергайся, сейчас я тебя отпущу и мы спокойно поговорим, лады?

Парень пару раз дернулся, пока до него доходил смысл сказанного. Потом, обмякнув, он согласно мотнул головой, издав нечто вроде хриплого «пусти». Резко ослабив хватку, мягко оттолкнул парня вперед и влево от себя, тоже сместившись относительно Очкарика, чтобы тот не сразу увидел, где я. Треща кустами, Вениамин приземлился на руки, перекатился на спину и, лапнув нагрудный карман, торопливо нацепил очки. Присев напротив суеящегося «туриста», я подождал, пока тот прекратит возиться. Непонятно, зачем он прятался в кустах. Может, решил подловить странного лесовика, проверку устроил, а может быть, стерегся своих, это тоже сбрасывать со счетов не следует...

– Извини, что сам пришел, – Очкарик поправил снаряжение и тоже устроился напротив, поджав ноги по-турецки. – Но гильзу твою я потерял, решил дожидаться и рассказать все лично.

– Чудак человек, – такого я от пунктуального парнишки не ожидал, но голосом этого не дал понять. – Ты никак целый день решил меня караулить... а коли не дождался бы, как тогда?

– Я, типа, в поиске, – последнее слово парень произнес весьма значительно, видимо, употребление жаргонизмов у них приветствуется. – Сейчас вокруг лагеря и вдоль трассы двенадцать скаутов ходит. Я сам вызвался, поэтому подозревать никто не станет.

– Шерман вам такое задание дал?

– Да, это его идея. Слушали эфир, потом Шерман сказал, что за сутки до операции нужно прощупать местность. А что не так?

Покачивая головой, я шевельнул пальцами правой руки в воздухе, изобразив схлопывающийся веер. Этот в общем-то неприличный жест всегда означал для меня семиэтажный мат, когда выругаться от души не позволяют либо приличия, либо обстоятельства. Перед глазами встала толпа этих неумех, торящих дороги для групп прочесывания и дающих явный намек на свое присутствие охране конвоя. Краснов отлично подстраховался: теперь незадачливых мстителей будет очень просто обнаружить. Сейчас натопчут, пройдут, будто стадо баранов, вдоль трассы, так что и слепой поймет, что кто-то интересуется дорогой. Учитывая, что у амеров есть первоклассные лесовики, то после акции «туристам» отходить будет некуда. Взглянув на удивленного непонятным жестом Веню, я ровным тоном продолжил:

– Да все так, Вениамин, все так. Скажи, сколько у вас раненых... ну или тех, кто останется в лагере?

– Сейчас семеро неходячих, еще четверо могут идти, но если недалеко, – его взгляд затуманился, Очкарик загибал пальцы. – Кроме того, там будет Лера... ну, ты помнишь ее, руку тебе бинтовала... еще шестеро в охране на постах.

– Отлично, – я вынул аккуратно сложенный вчетверо обрывок газеты и протянул Очкарику. – Тут я нарисовал как пройти к месту, где после поднявшегося шухера их не будут искать. Тяни до последнего так, чтобы она не смогла переговорить с Шерманом. Потом любым способом передай ей этот листок с маршрутом и скажи, что через час после того, как все уйдут, она и все, кто остается, должны собраться и уходить по указанному маршруту. Старайся говорить убедительно. Радиосвязь у нее с Шерманом есть?

– Нету, аккумуляторы почти у всех сели, приказано беречь для разведывающих и для операции.

– Это хорошо. Она непременно должна тебя послушаться, соври, что сам Шерман приказал уходить. Но это на крайний случай, лучше Шермана не упоминать. Сделаешь?

Вениамин какое-то время изучал газету, водя пальцем вдоль линий, едва видимых в тусклом свете утреннего солнца, потом решительно кивнул и спрятал листок в боковой карман куртки:

– Попробую... Она в наших военных делах тоже неплохо разбирается. С Шерманом они сначала спорили, потом Лера на раненых переключилась. Не ладят они, короче, но только наедине разбираются, чтоб в отряде не слышали. План толково нарисован, она тоже предлагала уходить после боя, но Шерман увильнул, мол, дождитесь нас, потом все вместе и уйдем. А что это за место такое?

О том, куда лучше уходить после большого шума у дороги, да с преследователями на хвосте, я размышлял давно. В придачу у нас будет обоз с тяжелоранеными и около двух десятков нетренированных городских вояк. Спрятать такую уйму людей даже в тайге – дело непростое. К счастью, мне в свое время повезло свести дружбу с парнем, подвизавшимся на ниве обслуживания телевышек и всяких верхолазных работ, требующих серьезной горной подготовки. Его все звали Дядя Федор, жилистый невысокий парень с коротко стриженными соломенного цвета волосами. Даже в лютый холод он ходил в легкой ветровке и застиранной футболке, сверкая особым «высотным» загаром, какой в солярии не получишь, и удивительно веселыми серыми глазами на круглом, довольном всегда и всем лице. Дядя Федор попал к нам в охрану случайно, перебиваясь до очередной поездки в горы с такими же, как он сам, маньяками-скалолазами. Горы – это было все, о чем Дядя Федор мог говорить часами, показывая многочисленные фотографии, забитые в память дорогого, но уже обшарпанного смартфона. Он с друзьями излазил все Восточные Саяны, отрыл какие-то

наскальные рисунки, даже отправил их снимки вместе с координатами в Академию наук, но там заявили, что это удачный фотомонтаж. Дядя Федор виду не подал, но чувствовалось, что затаил на официальную науку обиду, потому что с особой мстительной радостью рассказал мне и половине дежурной смены про свою очередную находку. Оказалось, что они с приятелями совершенно случайно наткнулись на стоянку древних людей. Один из альпинистов провалился в узкую расселину, откуда попал в систему пещер, одна из которых вела на берег подземной реки. Злорадно ухмыляясь, Дядя Федор сказал, что пещеры у новосибирских буквоедов под самым носом – всего каких-то четыре сотни километров на юго-восток от города.

Тогда мне помогла особенность характера: я человек чрезвычайно жадный до всяких казусов, особенно исторических. Дядя Федор в приватной беседе охотно рассказал и показал на встроеной в его хитрый телефон карте, где он и его товарищи наткнулись на вход в пещеры. Впоследствии я сбросил маршрут и фотографии, сделанные альпинистами внутри комплекса пещер, на свой старенький домашний компьютер. Кроме того, маршрут намертво отпечатался в тренированной многочисленными промысловыми вылазками памяти.

Путь от дороги либо стоянки «туристов» до пещер был не близкий: чтобы добраться туда с учетом всех оговоренных факторов, нам предстоит идти дней десять, а потом еще подниматься на шестисотметровую высоту. Однако в случае успеха у нас будет горячая вода и надежное укрытие с несколькими выходами на поверхность.

Про горячую воду я обмолвился не просто так. Дядя Федор рассказал, что в одной из пещер бьет горячий ключ, вода, по словам экстремала, просто чистый кипяток. Это был спорный момент, я знал, что источник окажется скорее всего с какими-то минеральными примесями. Черт его знает, можно ли такую воду пить, не опасаясь последствий. Но для того, чтобы решить этот вопрос окончательно, прежде всего нужно будет туда добраться. Некоторое время в тайге еще можно будет скрываться, однако скоро ударят ночные заморозки, а это – обморожения и всякая пневмония, в случае с лежащими ранеными сие есть неизбежная данность. Голода я не опасался – прокормить в лесу можно любое количество народа, навык охоты у меня есть, еды хватит на всех. Однако все это пока только лишь план, скольких мне удастся вывести из расставленной предателем и его сообщниками ловушки – неизвестно. Вениамину пока об этом знать необязательно: маршрут, который я ему передал, содержал лишь короткий шестидесятикилометровый отрезок пути, который приведет обоз с ранеными в Шишковичское урочище. Там, в практически непроходимой и не просматривающейся с воздуха чаще, люди окажутся в безопасности на некоторое время, вполне достаточное для того, чтобы мы с остатками отряда нагнали. Попади карта в чужие руки, амерам и их следопытам это ни хрена не даст. Большими силами они в Шишковичи не пройдут, а малые группы ничего обнаружить не смогут, поскольку в таком случае нас опять окажется в лучшем случае только трое.

– Это Шишковичское урочище, там можно безопасно пересидеть время, необходимое для отхода отряда с места боя. Шерман нарочно отправил вас бродить по округе, это гарантированно приведет преследователей к соляной шахте. И если они там найдут кого-то, кроме белок... ну, включи воображение.

Веня вскочил, но, не удержавшись на затекших ногах, плюхнулся на пятую точку. В глазах Очкарика отразилось мгновенное понимание коварного и исключительно тонко придуманного плана его нынешнего командира. Он снова попробовал вскочить, дернувшись всем телом вверх. Привстав и ухватив парня за поясной ремень, я с усилием принудил того сесть.

– Тихо, паря! Всех сорок в округе поднимешь, нам это не нужно. Остынь и слушай, когда тебе умные вещи толкуют. Пойми главное: чего бы ваш вождь...

– Он не мой, – перебил Веня. – Никогда этой сволочи не верил, даже на игре!

– Ну ладно, договорились, – я с легкой досадой поморщился, надоело всех успокаивать да убалтывать. – Чужой вождь, пусть будет вождь краснокожих, если так больше нравится. Ты суть улови, инженер: все, что Шерман планирует, это пшик, поскольку в его выкладках

есть один неучтенный фактор: это ты, я и мои товарищи...

– А сколько вас?

– Мало, Вениамин. Но все, что характерно, вооружены и неплохо обучены. В нынешней операции количество компенсируется обстоятельствами и маневром. Сколько нас конкретно, то пока пусть тебя не волнует. На всех хватит, будь спокоен.

Мы попрощались, и Веня протянул мне бумажку, хороший такой листок из блокнота. Я даже позавидовал, потому что у нас чистой бумаги с самого начала партизанского движения не было, даже Вене я отдал план, нарисованный на газетном листе. Взяв бумажку, я развернул ее, там убористым ровным почерком шли два столбца цифр и слова: «Дрозд», «Док», «Кэрри» и «Сопун».

– Это чего такое, Вениамин?

Немного замявшись, Очкарик кивнул на бумажку и сдавленным от волнения голосом пояснил:

– Это позывные штурмовых групп. «Дрозд» – это сам Шерман, «Док» – это Володя... ну, помнишь его?

Я кивнул. Позывные и рабочая частота – это в нашем случае очень ценно. Так я смогу лучше ориентироваться в обстановке.

– ...«Кэрри» – это наш шутник Андрей Пахомов, ты его не знаешь, нормальный пацан вроде...

– Поживем – увидим. А «Кэрри» это значит как комик из ящика, верно я понял?

– Точно, – Веня помимо воли усмехнулся, но тут же прогнал улыбку с лица. – А «Сопун» – это я... ну, прозвище было еще со школы, я прям на уроке заснул и сопел минут пять...

– Я уже догадался, спасибо, Вениамин, за доверие. Это ценная информация, очень пригодится. Ну, прощай пока. Еще увидимся, я надеюсь. Пусть нам обоим завтра немного повезет, Веня. Бывай!..

Пожав друг другу руки еще раз, мы разошлись. Никаких чувств, кроме слабого сожаления по поводу того, что наши с Веней пути пересеклись, я не испытывал. Обычный домашний парень, не наигравшийся в войну, вдруг со товарищи попадает на реальную бойню. Воистину, у богов есть чувство юмора, пусть и весьма своеобразное. Дождавшись, пока нарочито осторожно ступающий Веня-Сопун скроется за деревьями, я тоже задерживаться не стал...

... Из оцепенения вывел треск статики в наушнике, на волне «туристов» возникло сначала неразборчивое бормотание, а потом вполне отчетливые голоса:

– Дрозд всем: выдвигайтесь на рубеж, как прием?

Его подчиненные отрапортовали незамедлительно, рации у «туристов» были почти наполовину разряжены, поэтому голоса звучали тихо и глуховато:

– В канале Док, понял – иду.

– В канале Кэрри, на позиции.

– Дрозд копи, аут!

На какое-то время переговоры стихли, я переключился на частоту артели и тоном дал сигнал, что появились первые игроки. Михась и Семеныч ответили также тоновыми щелчками, что у них пока без изменений. Подняв голову, я всматривался в серое пространство вдоль дороги, и впереди и слева по эту сторону моста заметил какое-то движение. Так, группа Кэрри, похоже, заняла позиции по эту сторону, она должна будет остановить головную машину и отсечь замыкающих караванщиков. Некто Док сейчас, видимо, переправляется выше по течению, чтобы занять свое место в тылу колонны и напасть первым. По крайней мере, переговоры можно расшифровать так. Спустя пять минут на той стороне реки, в каких-то четырех сотнях метров от моей второй ячейки, зашевелились кусты на опушке. Там дорога круто поворачивала к мосту, так что невысокий обрыв с густо растущим березняком был удобным местом для стрелков, а сам поворот как нельзя лучше подходил для фугасной закладки. Это было очень тревожно: если я просчитал место

возможной засады, то и для пиндостанских «бурлаков» это труда не составит. На их месте, я бы обнюхал березняк и поворот максимально тщательно, как только можно. Шанс на обнаружение подскочил до шестидесяти пяти процентов по моей параноидальной шкале. В этот момент на связь вышел Михась:

– Двойка – Единице. «Красный» в секторе, плюс три.

Нужно постоянно менять позывные, почерк выполнения заданий, иначе слушающий эфир противник очень быстро вычислит группу и локализует район базирования. Поэтому перед выходом я сменил рабочую частоту и рабочие позывные на более общие, безликие. Как нетрудно догадаться, поскольку нас всего трое, то цифрами обозваться было логичней и проще. Приоритетные цели мы обозвали «красный» и «синий», соответственно Шерман и Матинелли. Михась сидел там, где по словам Очкарика должен был оборудовать свой командный пункт их вождь. Сейчас вождь каким-то образом обнаружил себя, и Михась его засек. Первые фрагменты мозаики моего плана встали на места с негромким шелчком. Пока известные мне игроки все делают, как задумано: рабочие частоты не изменились, диспозиция штурмовых групп и звена управления тоже. Будь у Шермана хоть малейшее подозрение по поводу Вениамина, рисунок бы несколько изменился. Нет, своих подчиненных он бы для достоверности оставил на прежних точках, на людей ему плевать, а вот сам бы точно позицию сменил. Но раз все по-прежнему, остается только ждать появления «именинников» в лице американцев и охотников за сокровищами во главе с синьором Матинелли.

Отжав тангенту несколько раз, я дал сигнал, что все понял. В эфире вновь стихло, солнечный свет медленно впитывал в себя остатки сырости и предрассветных стылых сумерек. Судя по заманчиво голубеющей синеве, день будет ясный, что для нашей затеи не слишком хорошо: видимость отличная, погода летная. Если быть откровенным, солнышко и голубое небо – это не самые мои любимые погодные условия. Во время первой войны я попал под осветительную гранату, с тех самых пор яркий свет не переношу. Это скорее психологическая проблема, в госпитале сказали, что зрение восстановилось почти полностью. Но с тех пор нет для меня погоды невыносимей, чем солнечный погожий денек.

В таких ситуациях, когда приходится просто ждать, при этом не ослабляя внимания оглядываться и примечать любое изменение обстановки, лучше всего не напрягаться. Если дергаешься на каждый шорох, рано или поздно тебя обнаружат, поэтому самое лучшее занятие – это контроль дыхания. Счет вообще отвлекает и успокаивает, а вкупе с созерцанием помогает концентрации, ты как бы растворяешься в окружающей тебя среде, не важно, что это: квартира, офис или холодная сырая канава на лысом холме, как в моем случае.

На восьмьсот пятьдесят третьем выдохе я услышал далекое жужжание, а переведя взгляд влево, за переправу, заметил легкое облачко над невысокими деревьями вдаль. Сосредоточившись и приложив к левому глазу трофейный прицел, я успел сделать еще несколько дыхательных упражнений. Кто бы там ни ехал, машин больше двух и меньше пятнадцати, скорее всего, это наши гости. Отжав тангенту рации, я дал своим сигнал приготовиться. Порадовало, что артельщики откликнулись сразу, без задержек. Значит, правильно ждать я их все-таки немного научил, это обнадеживало. Наши «соседи» пока еще не подавали голоса, по неведомой мне причине наблюдатели второй штурмовой группы проигнорировали ясно видимый пыльный след на горизонте.

– ...Док в канале, – статика помех почти до неузнаваемости исказила голос командира левобережной штурмовой группы. – Движуха справа пятьдесят, похоже дождались... ау...

Веня был прав, а я слишком жестко судил «туристов» за невнимательность: наблюдателей они выставили, только пользовались обычной эстафетой, отсюда задержка в докладе. Шерман ответил, что, мол, ждите, на этом снова все улеглось. Я проверил еще раз, насколько удобно лежат выстрелы и труба гранатомета, чтобы просто разогнать кровь по жилам. Минут через десять с левого берега послышался отчетливый гул моторов. Началось. На довольно приличной скорости из леса появилась окрашенная в темно-серый цвет БМП. Это был первый неприятный сюрприз, поскольку даже одна такая танкетка способна

передавать, словно кур, всех сидящих в засаде. Я же не собирался тратить усиленные выстрелы на эту «коробку» – не был я уверен, что смогу качественно поджечь ее имеющимися у меня гранатами.

Тем временем следом за танкеткой из-за поворота вышло два «хамви», во второй машине я по приметам признал инкассаторскую. Видимо, колонну усилили в самый последний момент, о чем ни Шерман, ни его подельники не могли знать заранее. Отменять акцию Шерман не станет: решив стряхнуть с себя обузу в виде идеалистично настроенных граждан, он скорее смоемся в суматохе, чем отыграет назад. Осложнялось только наше положение, но я тоже не намерен был уходить, однако по совершенно противоположным причинам. Почти всегда рисунок реального боя меняется непредсказуемым образом, ломая спланированную операцию, и приходится импровизировать. Об этом знаешь, это учишься при разработке операций, до занудства часто говоришь об относительности всякого планирования подчиненным. Однако всякий раз, когда что-то идет в разнос, тебя посещает неистребимое чувство досады на собственную непредусмотрительность, и в голове крутится один и тот же глупый вопрос: ну почему, почему опять косяк?! Дав тоном рации сигнал артельщикам, подтверждая боевую готовность, я снова приник к земле, наблюдая за движением каравана. Тем временем на частоте «туристов» царила тихая паника: командиры групп запрашивали инструкций, а вождь их успокаивал, открыто матерясь в эфире.

– Док в канале, у них «коробочка», повторяю, у них «броня»! Дрозд, каков будет приказ, нам отходить?..

– Здесь Дрозд, без паники, работаем по плану. Ждем «ленточку», повторяю: ждем «ленту», аут!

– Док в канале... копи... ау...

– Кэрри в канале, продолжаем или как?

– ...Дрозд!.. Задрали уже оба! Всем сидеть на своих позициях, мы сюда пришли воевать, значит, вашу мать еб... су... опез... Будем воевать!.. Копи, аут!

– Кэрри копи, аут!

Тем временем танкетка перевалила через мост. Оба джипа замерли и на мост пока не въезжали, стрелки на крышах машин медленно, без нервов осматривались по секторам, башенки шарили вдоль дороги стволами АГСов. Но никакого напряжения я не заметил, похоже, усиление не было плановым и нападения амеры не ждали. БМП, урча мотором, отъехала от моста метров на сто и встала. Задняя аппарель откинулась, и оттуда выбежало шестеро солдат с полноразмерными автоматами легко узнаваемой конструкции. Похоже, это тоже были резервисты, поскольку вооружены устаревшими автоматами, по-моему, М16А339. Остальное обмундирование выглядело новым и не обмявшимся по фигуре, угловато топорщась кое-где. Осторожно приложив к глазам трофейный прицел, я увидел на рукавах шевроны с изображением стилизованной взрывающейся бомбы. Это были обычные саперы, плюс к тому – никаких дронов или вертолетной группы сопровождения. Колонне не придали авиации, видимо посчитав, что легкой бронетехники будет вполне достаточно.

Саперы добросовестно шарили по дороге миноискателями, один шел со служебной собакой, обычным спаниелем. Пес грамотно нюхал землю, вертел башкой, но не лаял. Собака чужла людей, однако тренировали ее на другое, иначе веселье бы уже началось. Средних габаритов чернокожий кинолог в паре с еще одним упитанным светловолосым солдатом в сдвинутой на затылок каске обследовали визуальными опоры моста, заглянули в забитый листьями и мусором дренаж на правобережном съезде, где «туристы» прикопали фугас. Я приготовился стрелять, даже потянулся к трубе гранатомета, поскольку собачка вполне могла «спалить» закладку. Пес нюхал бетонные плиты, местами раскрошившиеся по краям от времени и сырости, потом покопался передними лапами около отверстия дренажной трубы. Видно было, что запахи возбуждают собаку: короткий обрубок хвоста беспокойно мотался из стороны в сторону, морда подергивалась. Потом спаниель громко гавкнул и начал остервенело рыть землю, перебежав на правую обочину дороги. Моя правая рука сомкнулась на холодной трубе гранатомета, показалось, что собака вот-вот выкопает

провода закладки и придется начинать воевать.

Не отрываясь, я следил за собакой и подбегавшим к ней встревоженным хозяином. Негр закинул автомат за спину, освобождая руки, и склонился над разрытой его лохматым помощником ямкой. Пес вел себя странно: обычно собака, обнаружив фугас или мину, просто сидит рядом, а эта псина рылась в яме и не пускала хозяина к находке. С трудом отогнав собаку, сапер вскинул руку, жестом приказывая остальным отойти. Я защелкнул фиксатор гранаты и уже был готов поджарить БМП, выстрелив в десантный отсек танкетки. Это вполне могло получиться – по прямой до бронемашины было около двухсот метров, граната разнесет незащищенное нутро танкетки, и та развалится, как картонная коробка.

Неожиданно послышался дружный солдатский ржач. Отложив гранатомет, я пригляделся к гогочущим саперам сквозь прицел и помимо воли улыбнулся. Посеревший от напряжения и ярости негр безглаголиво держал за остатки хвоста окоченевший труп какого-то грызуна. Спаниель – прежде всего охотничья собака, с инстинктом не поспоришь: скорее всего, труп белки прикопал кто-то из минеров, предвидя появление кинолога. Я мысленно пожелал, чтобы этот человек уцелел, грамотный минер в дальнейшем будет очень кстати.

Посмеявшись еще немного, солдаты запрыгнули в БМП, и та отъехала еще на двести метров. Там процедура повторилась, вскоре ожили и машины, замершие за мостом. Взревела многоголосица моторов, и первая пара «хамви» перевалила через мост. Следом, урча, словно голодные динозавры, подтягивались четыре тяжелые фуры с низкими бортами. Из-за поворота на том берегу выехала вторая пара бронированных джипов и остановилась как раз напротив того самого березняка, где расположилась группа Дока. Тяжелогруженные фуры медленно перевалили через мост, с опор и покрытия которого в воду осыпались мелкие осколки бетона. Впереди что-то застопорилось, и грузовики встали так, что между ними оставался недопустимо маленький зазор, всего каких-нибудь полметра. Замыкающая пара замерла при въезде на мост, но потом водила заднего «хамви» сдал назад, и машины выстроились таким образом, что вся правая сторона дороги, в том числе и мой лысый холм, оказались у них в секторе обстрела. Значит, если Док не скомандует своим атаковать, как планировалось, мне не дадут даже поднять головы и группа Кэрри окажется один на один с бронемашинной, двумя джипами и солдатами в кабинах грузовиков... черт, это почти верная смерть. Однако и у амеров диспозиция получилась не самая удачная: БМП и оба «хамви» теперь заперты застопорившимися фурами и лишены возможности маневром и огнем поддержать тыловое охранение.

Через десять минут, показавшихся мне целой вечностью, саперы забрались в БМП и колонна, конвульсивно дергаясь, сдвинулась буквально на пару метров вперед. Потом замедлившиеся было события, словно отпущенная тугая пружина, понеслись с бешеной скоростью.

– Бум-мм-ахх!

Крайняя слева фура дернулась вверх и вперед, медленно заваливаясь на левый бок. Тугая волна сжатого воздуха прокатилась через меня, заложило уши. Что есть силы я вжался в землю, ожидая детонации того, что амеры так щедро накидали в кузов подорванной «шаланды»⁴⁰. Сквозь ватную тишину слышны были крики команд и беспорядочная стрельба, пара пуль клюнула землю в шести метрах справа.

Сделав пару глотательных движений, снова протянул правую руку за гранатометом... и не нащупал его. Сразу оглянулся назад. Труба и подсумок сместились таким образом, что мне пришлось отползать назад на полметра.

Видимо, боги войны взяли надо мной шефство: как только я сдвинулся с лежки и прополз, перебирая ногами и локтями, к откатившемуся гранатомету, в холм угодили сразу две гранаты, прилетевшие с того берега. «Гостинцы» ахнули одновременно, обдав веером осколков канаву, оставленную мной несколько секунд назад. Видимо, тыловое охранение обрабатывало высоту для профилактики, вряд ли они меня так быстро обнаружили. Я уже подумывал о том, чтобы сместиться на десяток метров вправо, дабы успеть выстрелить хотя бы пару раз, как ожила рация:

– Второй – Первому, – поскольку нужда в контроле за «туристами уже отпала, я снова перешел на нашу волну. – Слева пятьдесят – шорох...

Михась предупреждал, что некто обходит позицию Шермана по правому флангу, но кто именно, он определить пока не может. Замерев на секунду, я отжал тангенту три раза, это означало – всем работать по собственному усмотрению. В завертевшейся карусели я просто не успею отдать верный приказ, именно для этого и нужен тщательный предварительный инструктаж. Оба моих бойца знали свой маневр, свои приоритетные и второстепенные цели, а также место сбора. Поэтому сейчас предстояло выяснить, насколько с пользой я тратил на них время, объясняя, так сказать, тонкости ремесла.

Стрельба стала плотнее, и очаги по интенсивности сместились метров на триста вперед и вправо, где штурмовикам Кэрри удалось остановить головное отделение охраны конвоя. Непонятно было молчание БМП, однако о том я пока не задумывался, приоритетной целью сейчас было нейтрализовать тыловой заслон: два АГСса существенно сковали мне возможность маневрирования, это нужно исправлять. Но пока ничего с ними поделать не получится: стоит только поднять голову, как меня тут же срисуют стрелки.

Подхватив подсумок с гранатами, я перекатился на пару метров ниже вершины холма, чтобы нормально прицелиться по «бабловозу». Там творилось малопонятное: БМП замерла в первой четверти левого разворота метрах в трехстах впереди, перекрыв остальным машинам колонны путь. Башня на сорок пять градусов также была развернута влево, но орудие молчало, а задняя аппарель была откинута. На первый взгляд «броня» казалась неповрежденной, но что конкретно произошло, я сходу определить не смог. Саперы отстреливались, грамотно и без суеты укрывшись за корпусом БМП. Оба «хамви» головной группы стояли с распахнутыми левыми дверцами, а их экипажи палили по укрывшимся в лесу партизанам, разбившись на две группы, давя плотным огнем любую попытку бойцов Кэрри обойти их с флангов. Положив снаряженную «трубу», я прикинул расстояние до броневиков, оглядывая позиции охранников в трофейный прицел. Выбить врага оттуда будет непросто, только если кинуть гранату или пальнуть из подствольника. Однако «туристы», видимо, не имели ни того ни другого, и перестрелка принимала затяжной характер.

– Двойка – Единице! Контакт, здесь Синий плюс четыре...

Ну наконец-то! Матинелли с друзьями уже на подходе, однако, раз Михась не дал условного сигнала, значит, Шерман его еще не видит. Скорее всего, наемники притаились и ждут удобного момента, чтобы присоединиться к веселью. Отложив прицел и отжав тангенту рации, я негромко даю отмашку:

– Единица всем номерам: «факел», «факел»!..

Дождавшись двух тоновых сигналов в подтверждение приема, я наконец-то выдохнул. Вот сейчас я пополнил свой личный счет!

Подтянув заряженный РПГ к плечу, я прикинул расстояние и, быстро вскочив, прильнул к прицелу. В сетке возник и заплескал серый бок головного «хамви» и прижавшийся к нему спиной амер без шлема, но со сбруей головной радиогарнитуры. Человек воздел ствол короткого автомата вверх и что-то орал в микрофон, рот его перекосялся, в прищуренных глазах плескалось напряжение, но ни капли паники.

Сделав вдох и стабилизировав гранатомет, я на выдохе плавно жму на спуск и падаю как раз в тот момент, когда реактивная граната со злобным шипением уходит к цели. Мгновения до взрыва растянулись, словно в замедленной съемке. Сразу рой мыслей пронесся в голове буквально за пару долей одного-единственного мгновения: что если граната уйдет в сторону, что если боевая часть не сработает и все обернется простым пшиком, а меня уже засекли?!

– Бум-м-м-м!!

Взрыв получился такой силы, что от сотрясения почвы меня слегка подкинуло вверх. Предусмотрительно открытый рот забило землей, ударной волной в мою сторону швырнуло целый ураган из камней, веток и прочего мусора. Не теряя времени, я почти вслепую нашарил следующую гранату и снова зарядил гранатомет. Боковым перекатом ушел еще

ниже по склону холма, поднялся на колено, чтобы определить следующую цель. Первый мой «гостинец» произвел тотальное опустошение в рядах конвойщиков: граната угодила в раму задней двери «бабловоза», сила взрыва оказалась такой, что кузов «хамви» разорвало пополам. Часть капота и передний мост, скрученные взрывом в невообразимый клубок, швырнуло вперед, так что они вылетели на обочину и сейчас дымили, нелепо вращая не отлетевшим правым колесом с вяло горящей покрывкой. Оторванный бампер висел на ветвях придорожной сосны, где-то метрах в трех над землей. Задняя часть въехала скошенным багажником точно в лобовое стекло другого бронеавтомобиля, в свою очередь протаранившего головную «шаланду». Останки людей разбросало вдоль дороги. Уцелели только трое саперов, укрывшихся за скосом лобовой брони БМП. Видимо, в момент взрыва они пытались перегруппироваться, это спасло им жизнь, пусть и на короткое время. Однако имела место серьезная контузия, поскольку, бросив оружие, выжившие ползали в дорожной пыли и беззвучно разевали рты.

Бой продолжался: семеро солдат засели в дорожной канаве справа и постепенно отползали в сторону моста. Думаю, это были водители грузовиков и те, кто оказался в качестве сопровождающих груз. В организованности им не откажешь: под плотным обстрелом они сумели сосредоточиться на вполне удобной позиции и не давали «туристам» взять себя в кольцо или подойти на бросок гранаты. Не обращая на них внимания, снова вскинув РПГ на плечо и мысленно сосчитав до одного, выстрелил в борт фуры, стоявшей в середине колонны. Следующий взрыв получился чуть тише предыдущего, распавшись на серию одиночных и парных разрывов. Видимо, сдетонировали мощные боеприпасы, и уцелевшие до этого машины по эту сторону моста раскидало так, что перевернутая задняя фура въехала задом на мост, покрытие которого не выдержало и осыпалось в воду градом крупных кусков бетона. Часть ящиков вывалилась наружу, некоторые лопнули, и в их содержимом легко удалось опознать минометные мины. Тыловое охранение, скованное боем с группой Дока, ничем не могло помочь товарищам, «туристы» прижали экипажи броневинов, заставив тех укрыться за машинами, турели были бесполезны – стволы АГСов нельзя было задрать на такую высоту, так что березняк и холм оказались в мертвой зоне.

Среди бойцов Дока был по крайней мере один неплохой снайпер – сквозь оптику я заметил, что оба стрелка за турелями были убиты выстрелами в лицо. Всего за машинами пряталось человек шесть, еще двое ничком лежали перед капотом головной машины. Шансов отойти у амеров не осталось: лишившись двух своих основных преимуществ в виде бронемашин и «станкачей», солдаты стали легкой добычей для стрелков Дока.

Отложив гранатомет, я взобрался во вторую ячейку и, осмотрев спрятанное оружие, с облегчением убедился, что все цело. Осколками повредило только один магазин к «калашу», однако ничего более серьезного не произошло. Выщелкнув в боковой карман с ветошью уцелевшие патроны, я забросил пропоротый осколком «рог» в речку. И не успел сделать пары шагов по направлению к мосту, как ожила рация:

– Тройка – Первому. – Я чуть поморщился, Семеныч иногда косячил с запоминанием позывных. – У меня четыре коробочки и два пенала карандашей...

– Двойка всем: контакт! Минус четыре...

Доклады пошли один за другим. Не успел приятель отключиться, как со стороны дороги, где планировалось остановить подкрепление, грохнул взрыв, а следом запылали завалы. Мне немного полегчало: хоть что-то уложилось в схему и пошло более-менее предсказуемо. Напалм, судя по ровному рыжему пламени и клубам черного дыма, удался на славу. В полукилометре от места боя за пригорком росла и ширилась сплошная стена огня. Раз август выдался таким засушливым, скоро пал пойдет следом за набирающим силу ветерком на юго-восток в сторону бывшего города. Жаль, что при планировании я не учел возможность пожара как средства уничтожения авиабазы.

Осмотрев «весло» и отряхнув автомат от песка и грязи, я опустил флажок переводчика огня и, передернув затвор, посмотрел сквозь прорезь прицела в направлении левобережья. Один из джипов дымился, амеров осталось всего двое, оба, судя по всему, серьезно ранены.

Оставив разборки с ними «туристам», я повесил гранатомет за спину и под прикрытием берега стал осторожно спускаться к мосту. Фуры горели чадным пламенем, воняло жженой резиной и вытекшим маслом. Вскрабавшись по осыпающейся кромке обрыва и высунув голову, я осмотрелся. Обзор перекрывал кузов опрокинутого грузовика, слева громоздились вывалившиеся ящики. Мельком глянув на маркировку, я опознал крупнокалиберные снаряды для авиапушек, в длинных кофрах лежали ракеты «воздух-воздух».

Мгновенный импульс ненависти буквально затопил сознание, все вокруг стало словно на старом негативе, окрасившись всеми оттенками черно-белого. Я нашарил гранатометный выстрел в подсумке и, отложив автомат в сторону, сполз по откосу и, скинув трубу РПГ с плеча, снова снарядил гранатомет. Быстрым, в два прыжка, броском преодолев расстояние до лесополосы, я нашел пологий откос, спускавшийся к берегу реки в сотне метров от моста и, прицелившись, выпустил гранату в сторону опрокинувшегося грузовика. Взрыв получился в два такта: сначала рванула граната, затем один за другим в небо и в стороны брызнули три шлейфа пламени. Ракеты с трескучим визгом рванули, рассыпая вокруг снопы из искр и осколков. Я сообразил вдруг, что даже не пригнулся, такова была жгучая ненависть к этим ракетам, которые предназначались для того, чтобы сбивать наших летчиков и охранять неповоротливые туши бомберов, несущих смерть, может быть, жителям моего родного города. Ни один осколок или капля расплавленного металла не коснулись меня. Заставив тело двигаться, я услышал настойчивый далекий голос в наушнике:

– Единица!.. Я Сопун... Ед...

От непрекращающихся разрывов у меня заложило уши, да и стресс навалился такой, что большинство звуков и запахов просто были вытеснены, исключены из восприятия. Повесив гранатомет на плечо, я нажал на тангенту.

– Здесь Единица, говори, Сопун.

– Слышу тебя, Единица, – несмотря на глухоту, я уловил радость в голосе Вениамина. – Контакт по трем направлениям... остался один...

Обстановка все сильнее выходила из-под контроля, похоже, что наемников оказалось не два-три человека и за деньгами пришло несколько отделений, а это бойцов десять-пятнадцать. Я вызвал Мишку, может быть, он прояснит картину происходящего:

– Единица – Двойке, как обстановка?

Ответом было только шипение статических помех, приятель не отзывался. Мишка по плану должен был находиться южнее моей нынешней позиции, прямо за холмом, и пасти наемников. Судя по последнему докладу, четверых он положил, а потом все завертелось, и даже если он и вызывал, то вполне могло случиться, что я не слышал. С этим разберемся позже, нужно выручать Веню, мне нужен был его голос в эфире. Шермана так и так буду гасить, но бойцов Дока и Кэрри кто-то должен будет отозвать и направить в нужную мне сторону на соединение с врачом Лерой. Никто, кроме студента, этого сделать не сможет, по той простой причине, что более никому в стане «туристов» я не доверял. Оглядевшись и сверившись с наизусть выученной картой местности, снова вызываю Очкарика:

– Единица – Сопуну, успокойся, обозначь себя ракетой или дымом. Как принял?

– Нету, ничего нету... патроны кончаются!..

Хотелось плюнуть с досады, но в горле уже давно першило от клубов проглоченной копоты, язык присох к небу и говорить удавалось с большим трудом. Забытое за годы мирной жизни ощущение постоянной глухоты снова вернулось, как и большинство навыков, почти мгновенно. Нашупав на поясе флягу, я сделал глоток отвратительно теплой, подсоленной воды, одновременно ощупывая себя на предмет ранений. Поднеся левую руку к глазам, крови не заметил. Дрожь из пальцев уже ушла, все снова стало, как и много лет назад. В бою я совершенно успокаиваюсь, как это ни странно звучит, все нервяки остались в мирной жизни, тут же все привычно и знакомо. Снова стиснув тангенту, я уже нормальным голосом четко сказал:

– Держись, иду... И прекрати истерику в эфире, отбой связи!..

Бежать в сторону разноголосицы вспыхнувшего в лесу боя оказалось непросто: стресс

выпил все силы, снаряга и оружие давили на плечи немилосердно. В лесу было не так жарко, как на открытом солнцу холме. Однако со стороны дороги тянулся шлейф удушливой гари от сожженной техники, а порывами ветра уже несло искры и плотный сизый дым от пылающих завалов за пригорком. Пожар перекинулся на эту сторону дороги, но по-серьезному займется еще минут через сорок, так или иначе к этому времени бой окончится. Мельком взглянув на часы, я отметил время: 9:42 утра, бой идет каких-то двадцать минут. Что-то произошло с Мишкой, по замыслу он должен был прикрыть Очкарика, но, судя по всему, безупречный план опять дал трещину. Ориентируясь на звук очередей, я довольно быстро оказался в ложбине между двумя плоскими холмами в двухстах метрах от места боя. Именно тут Шерман оборудовал пункт управления, и сюда же должны по уговору подтянуться иностранцы.

Вынув лопатку из чехла на левом боку, я быстро вырезал небольшую яму в корнях приметной сосны и сложил туда РПГ и две оставшиеся гранаты к нему. С отсоединенным прицелом и вынутыми элементами питания, да еще закутанный в плотный слой полиэтилена, дней десять гранатомет пролежит без особого вреда. Для любознательных любителей трофеев я положил в подсумок, зарытый непосредственно под трубой РПГ, гранату с вынутым кольцом и размоченным в керосине запалом. Взрыв произойдет в тот самый миг, когда кладоискатель попытается вынуть тубус из ямы, а следом сдетонируют и выстрелы. Пару гранат с вымоченным запалом лучше всегда носить с собой; если не желаешь, чтобы твои вещи трогали безнаказанно – их следует держать под замком. Конечно, если такой замок есть, всегда отыщется ключ от него, но опять же, отсюда не следует, что дверь без замка – это лучший вариант. Когда последний кусок дерна был уложен, я перебрал оставшиеся магазины и проверил, не потерялось ли чего в суматохе. На грани слышимости появился смутно знакомый звук. Не тратя больше времени, я побежал вверх по ложбине, заметив еле заметную в зарослях кустарника тропинку. Мгновением позже я вспомнил, что это за звук – со стороны авиабазы приближались вертушки. Пусть сюрпризом их появление назвать нельзя, однако даже предсказанное появление такого грозного противника сулит одни неприятности. Снова ожила рация:

– Тройка – Первому... две картонные коробки... идут к тебе.

Густой подлесок закрывал обзор, но я понял, что сквозь завалы и непроходимую тайгу, скорее всего, прорвались тяжелые танки. Забитая дорога отчасти сковывала маневр, а через лес ни джипам, ни БМП не пройти. Только «абраша» сумеет преодолеть баррикаду, получившуюся в результате подрыва фугаса, вряд ли идет что-то менее существенное. Видимо, на то, чтобы столкнуть на обочину поврежденную технику, ушла уйма времени. Танки и вертолеты, что может быть хуже? Если через десять-пятнадцать минут мы не начнем отходить, остатки отряда раскатают в тонкий блин. Завал свою задачу выполнил, иначе конвой, практически не понеся потерь, ушел бы к базе. Я вызвал Варенуху. Сейчас бывший водила мог пособить только одним способом. Перед выходом обоим артельщикам был выдан план месторасположения пещер. Тот, кто уцелеет, должен отвести туда людей, а сейчас это именно Семеныч, что в конечном итоге я и предполагал с самого начала.

– Единица – Тройке, отличная работа. Исполняй вариант «тропа», как принял?

– Я... Тройка, принял. Вариант «тропа», я все понял... есть.

До первого очага перестрелки оставалось метров сто пятьдесят. Две группы заняли позиции на склоне плоского холма, на вершине которого и находился командный пункт Шермана. Судя по количеству стволов, в первой группе было двое, а на них с трех сторон наседали шестеро стрелков. Оборонялись те, кто был выше по склону, поскольку вспышки огня перемещались в пределах пяти-шести метров. Позиция для обороны была удачная: стрелки засели в искусственно расширенной промоине, грамотно обложившись управляемыми минными полями по флангам. Это помогло им сдержать первый натиск нападавших, я заметил пять или шесть трупов между деревьями. Некто подпускал нападавших поближе, а потом подрывал противопехотные мины. В такой ситуации даже от импортных «клеиморов»⁴¹ будет не спастись, что, собственно, и произошло по крайней мере

уже дважды. Мин, судя по всему, оказалось не так много, допускаю, что штуки по четыре-пять, может быть, чуть меньше. Нападавшие стали осторожней, а у засевших в промоине кончались патроны: злые длинные очереди перемежались хлопками одиночных выстрелов оборонявшихся, и наверняка скоро дело дойдет до гранат. Я снова вызвал Очкарика, присев за стволом старой березы так, чтобы наступавшие не обнаружили раньше времени сюрприз у себя в тылу.

– Сопун, ответь Единице, обозначь себя как-нибудь!..

– Единица, – голос Очкарика дрожал и почти не был слышен на фоне статики и звуков боя, – есть фальшфейер, зажгу и брошу перед собой за бруствер.

– Слышу тебя, Сопун, давай свети!

Больше всего мне не хотелось сейчас ошибиться. Если Венья на вершине холма, то туда я доберусь минут через двадцать, когда над холмами уже будут барражировать вертолеты, а дорогу перережут танки. Но наперекор моим мрачным мыслям слева взвился в воздух и упал сноп красного огня, хорошо видимый даже при свете дня.

– Отлично. Вижу тебя, Сопун... кто еще с тобой?

– Никого, – голос Вени дрожал от напряжения. – Меняю позиции, остальные мертвы... никто не шевелится.

– Понял тебя, Сопун. Сядь ровно и не отсвечивай больше. Отбой.

Отерев слегка забившийся грязью прицел автомата, я снова осмотрелся в поисках противников. Увидев фальшфейер, они, видимо, струхнули, но поняв, что вот уже минуты три ничего не происходит, зашевелились. Слева звонко ударили две короткие пулеметные очереди, фонтанчики земли вскинулись вдоль бруствера окопа, в котором укрылся Венья. Одной пулей зацепило прогоревшую световую шашку, и она отлетела в сторону. Следуя моему совету, Очкарик на огонь не ответил. Спустя минуту зашевелились кусты справа и слева, на расстоянии двадцати метров от того места, где я сидел. Потом показались три сгорбленные фигуры, быстро перемещавшиеся во фланг позиции Очкарика. Прикинув расстояние, я поднял «весло» и, прицелившись в спину замыкающего «тройки», плавно надавил на спуск.

– Та-та-тах!..

Расстояние мизерное для автомата, поэтому все три пули легли ровно в середину спины бойца. Без единого вскрика тот рухнул лицом вперед. Не мешкая, я перенес огонь на его коллег, поскольку оба, как в замедленной съемке, уже начали падать и уходить из-под огня в перекат.

– Та-тах!.. Та-тах!

Обоих мои пули настигали тоже в движении, но последний противник скорее всего получил пулю в ногу, потому что с проклятиями на непонятном языке он, отстреливаясь из короткого автомата с одной руки, отполз за ствол толстой сосны и залег там. Я метнулся влево, чтобы обойти раненого амера и избежать ответного огня вражеского пулеметчика. Враг не заставил себя упрашивать, и длинная очередь прошла кустарник в паре метров справа от того места, где я только что был. Затем, словно очнувшись, с той же позиции заговорили еще два ствола, одним из которых, к моему удивлению, был автоматический дробовик. Ориентируясь по вспышкам выстрелов, я откинул прицел подствольника и навесом послал в ту сторону две осколочные гранаты. Потом перекатился еще на десяток метров левее, так что залегший за деревом амер-подранок оказался на открытом месте. Не раздумывая долго, я с колена навскидку дал по распластавшемуся на земле, словно лягушка, иностранцу короткую очередь в четыре патрона. Две пули попали иностранцу в спину, одна, пробив шлем застряла в затылке, последняя ушла рикошетом от толстого прута кустарника и засела в стволе дерева, за которым амер пытался спрятаться. Снова ругнув про себя нелюбимое оружие и сменив магазин, я крикнул:

– Венья!.. Сопун! Отзовись, но не высывайся!

– Я тут, вроде цел...

– Молодец, хорошо!

Я смотрел в том направлении, куда ушли ВОГи, и вслушивался в отдаленные прерывистые звуки перестрелки слева за холмом. Нужно заканчивать, нужно быстрее на холм, но амеров могло гранатами и не убить, и за спиной их лучше не оставлять.

– Иду к тебе в гости, не пальни случайно.

– Хорошо...

Пригнувшись, я быстро перебежал пространство, отделяющее меня от окопа, и скатился на дно, ногами уткнувшись во что-то мягкое. На дне окопа лежал труп «туриста», лица у него не было, сквозь темное месиво отчетливо желтели ошметки мозга и кусочки костей – видимо, постарался гражданин с дробовиком. Веня лежал, прислонившись к боковой стенке окопа, зажав в руках американский короткий автомат, ствол которого смотрел вертикально вверх. Глаза парня за линзами очков тускло блестели, он все еще не верил, что бой для него закончился. Подойдя к парню вплотную, я взял его автомат за ствол и, крепко ухватившись за него, тряхнул. Очкарик вздрогнул и дернулся, но боек только сухо щелкнул – патроны в автомате закончились немного раньше, чем думал его владелец.

– Спокойно, солдат, – мягко разжав грязные пальцы Очкарика, я отнял у него оружие и прислонил его к краю окопа. – Пока война закончилась, покури, коли балуешься зельем. Но сначала вызови своих...

– Не могу, – Веня покачал головой, на глаза его навернулись слезы. – Аккумулятору писец пришел, не вызвать никого.

– Это поправимо, – сняв свою гарнитуру и вынув собственную радиостанцию из чехла «разгрузки», я протянул их Вениамину. – Вызывай их обоих, командуй отход к Шишковичам, вертушки уже на подлете... танки прорвались через... короче, кисло сейчас будет. Зови их, скажи, что Шерман убит и последние его слова были о них.

– А он правда? – Веня вскинул на меня удивленный и чуть растерянный взгляд. – Он что, реально...

– Если не конкретно в данный момент, то в ближайшие десять минут точно похолодеет. Разве ты не видел, кто на вас напал?

– Н-н-нет, – лицо парня окаменело, он силился вспомнить, как все началось. – Растяжки рванули, потом Саня увидел чужих... ну, без повязок, и подорвал мины, потом...

– Ну, случилось и случилось, – я снова прислушался, время уходило. – Это наемники, они подумали, что вождь их подставил, вот они и разозлились. Время дорого, Веня. Зови своих, быстрее. Не ошибись в ориентирах, держи микрофон подальше от рта, чтоб слишком громко не звучало, а то не поверят.

Кивнув, Очкарик поколдовал с настройками рации и забубнил что-то на своей страйкбольной тарабарщине в микрофон. Лицо его разгладилось, но пустота из взгляда не ушла, притаившись где-то в глубине глаз. Потом он выключил рацию и вернул мне.

– Идут. Осталось шестнадцать человек, трое тяжелораненых, зацепило каждого, никто не уберется. Кэрри серьезно ранен, похоже, легкое прострелено, его «замок» мне ответил – Семен Скрипников, «Паганини» его позывной. Док чуть припоздает, из-за разрушенного моста им вновь придется переправляться вброд... сам он вроде цел. Шерман с ними на связь не выходил, они легко поверили, что убили его, мне верят в отряде.

– Отлично. Ты пока тут сиди... на вот, пожуй, – из неприкосновенного запаса я достал «сникерс», коробку коих реквизирувал еще месяц назад во время зачистки аутпоста.

– Откуда?!

Веня с изумлением принял батончик из моих рук, не отрывая изумленного взгляда от меня рванул обертку зубами и впился в шоколад.

– Дед Мороз подарил, это вместо медали тебе будет. Ну, все: ешь и сиди тихо, я скоро...

Оставив парня в недоумении, я перекатился через бруствер окопа и двинул туда, где среди кустов виднелся небольшой просвет, пробитый разрывами моих гранат. Присмотревшись, я увидел, что гранаты взорвались в метре друг от друга, и мысленно поздравил себя с удачным выстрелом. Прошло уже много времени с тех пор, как мне приходилось пользоваться подствольником в последний раз, видно, правду говорят: умеешь

однажды – никогда не разучишься. Первый труп я обнаружил сразу, как только подобрался к небольшой проплешине в кустах. Противника накрыло прямым попаданием, оторвало кисть правой руки, осколками порезало шею, было очень много крови. Второй стрелок, с массивным ружьем, имевшим барабанный магазин, лежал опрокинувшись навзничь, но никаких видимых повреждений на его теле видно не было, только цвет лица был баклажанным. Вынув пистолет, я выстрелил синюшному амеру в голову, тот даже не дернулся. Похоже, что от близкого взрыва у него просто остановилось сердце, такое тоже бывает, причем довольно часто. Осмотревшись в поисках третьего, я увидел неширокую борозду примятой травы и кровавый прерывистый след, уходящий вправо от прогалины. Пойдя следом, держась чуть левее, вскоре наткнулся и на третий труп. Осколками наемнику перебило ноги, не спасли даже крутые с виду наколенники. Пытаясь ползти, человек истек кровью. Выстрелив и ему в голову для проверки, я подобрал его автомат, вставил в развилку кривой березы и согнул ствол. Однако подсумки с запасными магазинами к его автомату срезал и захватил с собой. Потом вернулся туда, где лежали двое других иностранцев, и как мог испортил их оружие.

Пришедший в себя Веня бродил из стороны в сторону, не находя себе места, я бросил ему трофей.

– Заряди свою «железку». – Неловко поймав подсумки, Веня нырнул в окоп и оттуда раздалось знакомое клацанье затвора. – В следующий раз бросишь оружие и будешь шататься без дела, назначу чистить картошку всю войну. Разгильдям оружие ни к чему. Бежать сможешь?

Очкарик молча кивнул, на ходу рассовывая магазины по подсумкам собственной «разгрузки». Влезает в такой кармашек на груди по два магазина, плюс, как я заметил, у носимой Веней модели они были подпружинены и вынимать магазины было вполне удобно. Однако стоит размочалить клипсу закрывающего клапана, как удобство превращается в геморрой.

Бежал парень, громко топая, но в нарастающем шуме боя это уже было не важно. Обогнув холм у подножья таким образом, чтобы зайти врагу во фланг, мы оказались на месте через двадцать долгих минут, когда звуки перестрелки и глухие хлопки разрывов гранат сместились к поросшей невысокими соснами и колючим кустарником плоской вершине холма. Притянув Веню к земле, заставив парня присесть в высокую траву, я вскинул трофейный прицел к глазам и осмотрелся. Картина боя была немного неясна: помимо тех, кого я удачно приложил внизу, холм штурмовало по меньшей мере еще шестеро наемников, среди которых долговязой фигуры Матинелли я не заметил. Оборонявшихся было изначально, как и докладывал Мишка, человек пять. Их не застали врасплох, об этом свидетельствовали три трупа, лежавших так, что по их позам было видно – изначально наемники предприняли попытку открытого лобового штурма, но были отброшены. Однако в команде охотников за сокровищами был ощутимый огневой перевес: я слышал два «ручняка», а это против редких очередей отвечавших наемникам трех автоматов было очень серьезно. Оборонявшиеся не отходили, поскольку с северо-запада распространившийся пожар закрывал им возможность отступления, кроме того, доносился оттуда и характерный стрекот десантных вертушек. Амеры тоже локализовали район перестрелки, может быть, связались с наемниками, поэтому не слышно артиллерии. Но пути к отступлению скорее всего перекрыты почти все, времени для отхода не осталось, даже если мы сейчас переломим ситуацию, американская десантура будет здесь уже совсем скоро. А мне еще нужно найти Мишку, без приятеля я не уйду. Тихо передернув затвор «весла», я махнул Очкарику:

– Держись справа от меня, дистанция – десять метров. Вали всех, кого увидишь. Но если заметишь человека с «винторезом», не убивай его, это свой. Все понял?

Веня кивнул и умело перехватил короткий импортный автомат. Без лишних слов мы двинулись к вершине холма. Первым в прицел мне попала сгорбленная спина пулеметчика. До цели оставалось метров семьдесят, когда меня заметил обернувшийся зачем-то к пулеметчику его товарищ, менявший магазин в автомате. Остановившись и взяв небольшую

поправку, я дал две короткие очереди, почти слившиеся в одну, и оба наемника покатались в траву. Еще раз проконтролировав место падения короткой очередью, я двинулся дальше, не обращая на Веню внимания. Сейчас не было времени вытирать парню соплю, да и, откровенно говоря, мне подумалось, что он справится.

Тем временем иностранцы заметили меня, и в немалой степени этому способствовал голос моего «калаша». Он диссонировал с созвучиями импортных стволов, бывших у обеих сторон. Под ногами взметнулись фонтанчики земли, пришлось тут же упасть и перекатом уходить вправо. Хлопнули два одиночных выстрела, и пулемет, поливавший пространство в том месте, где я только что был, замолчал на полуслове. Поднявшись, мне вовремя удалось поймать в прицел перебегающую в опасной близости передо мной темную фигуру в вислой панаме с израильским автоматом наперевес. Теперь сомнений не осталось – оружие у нападавших совершенно точно неуставное, значит, стравить поделльников мне все же удалось. Прежде чем я успел выстрелить, наемник уже упал, его цепанул кто-то справа от меня, наверное, это Веня постарался. Короткими перебежками, огрызаясь скупыми очередями в сторону оставшихся нападавших, мне удалось продвинуться вперед метров на сто. Отсюда уже был виден передний край окопов, а точнее, индивидуально отрытых ячеек, откуда изредка постреливали «туристы». По вспышкам и появляющимся время от времени фигурам оказалось, что высоту обороняют два-три человека. Сам вождь сидел в крайнем правом окопчике, его характерную крупную фигуру я заметил одной из первых. Шерман умело садил одиночными в сторону последнего оставшегося пулеметчика, однако пару раз стрельнул и в мою сторону. Справа Веня что-то проорал своим, и ему ответили. Ну и хорошо: «туристы» перестали палить в нашу сторону, несмотря на злобные выкрики Шермана. Тот продолжал изредка стрелять по нам с Очкариком, перемежая приказы чуть ли не семиэтажным матом. Однако, по непонятным мне пока причинам, его же бойцы не подчинились, сосредоточив огонь на наемниках. Пара пуль вождя прошла в опасной близости от моей головы, и пришлось снова залечь.

Гул винтов амеровских вертушек становился все ближе, время уходило с поразительной скоростью, счет уже шел на секунды. Снарядив подствольник, я выстрелил в ту сторону, откуда слышался стрекот пулемета, и снова откатился влево. Хлопок гранаты заткнул пулемет, донесся громкий тоскливый вой. Так иногда воет человек, если ему отрывает конечность и он видит, что с ним случилось. Потом слышалась непонятная возня. Приподнявшись на локтях, я увидел, как двое «туристов» подскочили к окопчику Шермана и пытаются разоружить вождя. Однако у них ничего не выходило: Краснов еще в первую нашу встречу показался мне хоть и упитанным, но довольно здоровым мужиком. А сейчас он демонстрировал подчиненным приемы какого-то единоборства, мутузя двух ослабевших и явно раненных людей, словно полудохлых котят. Веня бросился было в свалку, но прямым встречным ударом под дых Шерман опрокинул на землю и его. Пока вождь оглядывался в поисках оружия, я успел подойти к нему метров на десять. Заметив, как я держу «весло», Шерман перестал суетиться и, выпрямившись, обратился ко мне с легким акцентом, как говорят только эмигранты:

– А, это ты, урка! Подстава с грузом – твоя затея?

Побитые «туристы» отползали в стороны, а Веня вновь схватил выбитый из рук автомат и направил оружие на своего бывшего командира. Во взгляде за пыльными стеклами очков читалась решимость выстрелить, но не уверен, что парень сможет убить человека, глядя тому в глаза, это несравненно сложнее, чем если стреляешь метров со ста. Не выпуская Краснова из поля зрения, я обратился к Вене:

– Если хочешь что-то сделать, то поторопись, амеры уже поди на холм карабкаются. Заканчивайте со своим Иудой и пошли отсюда, граждане, а то все тут останемся.

– Сволочь! – Очкарик смотрел на Шермана, но оружие ходило в его руках от переизбытка адреналина. – Я слышал тебя и того пиндоса! Ты все время нас подставлял, хотел за бугор смыться, в Барселону свою сраную. Ты всех нас продал!..

– Да, очень хотел, – на лице Краснова читалась напряженная работа мысли, глаза

шарили вокруг, даже сейчас он пытался выкрутиться. – Всегда хотел свалить. Сначала из «совка», потом из «раши»... А в Грузии... да там в десять раз культурнее! Совки вы... серое стадо, быдло немытое! Как вы легко всему верите, как же легко вас обманывать... Продам, говоришь? Так и купил не дорого: слушали меня, разинув рот, как бараны шли на убой. Ненавижу, презираю всех вас!..

Дальнейшие события произошли очень быстро, мгновенно следуя друг за другом. Вот Шерман пинком поднимает в нашу сторону облако пыли, уходя влево из-под Вениного «стволы», пытаясь в прыжке дотянуться до валяющегося в паре метров от него автомата. Почти в тот же миг Очкарик жмет на спуск, но, промахиваясь, привстает, подавшись вслед движению вождя. Быстрее всех оказывается лежащий на земле ничком один из уцелевших «туристов» – среднего роста мужик с круглым лицом и комплекцией располневшего, но ходящего в спортзал менеджера средней руки. Выпростав из-под себя руку с экзотическим по нынешним временам немецким пистолетом Р-3838, он четыре раза стреляет в распластавшегося в прыжке Шермана. Грузное тело Краснова, затянутое в модную снарягу, уже замертво валится на землю, руки в последнем конвульсивном движении впиваются в сухую землю. Для верности я добавляю контрольную очередь, но тело, прошитое еще и моими четырьмя пулями, даже не вздрагивает.

– Ну, теперь пошли отсюда, – я помогаю «менеджеру» подняться. – Я Антон Варламов, будем знакомы.

– Миронов Сергей, – голос у мужика глубокий, хорошо поставленный. – Радиоведущий... бывший, правда. Так это вы помогли нашим у дороги и тогда... ну, в лесу?

– Мы, но разговоры потом. Веня отведет вас с товарищем к остальным из отряда. Мой боец проводит всех в безопасное место, там будет время для разговоров. Сейчас нужно уходить, еще раз рад знакомству, Сергей... Хорошо стреляете, кстати.

Мы еще раз пожали друг другу руки, и я подозвал к себе Вениамина. Того еще потряхивало от переизбытка адреналина. Оно и понятно: бой, угроза неминуемой смерти и глаза того, кто хоть и оказался врагом, но все же был живым человеком, а не просто силуэтом в прицеле. По себе знаю, что смерть, вынужденно причиняемая под давлением обстоятельств, имеет множество обликов. Некоторые смерти даются легко, враг безлик, у него нет имени, а часто ты даже не можешь различить его лицо. А иногда приходится смотреть в лицо, видеть, как жизнь по капле уходит из них, и ты точно уверен, что эту жизнь забрал именно ты. И на это совсем непросто решиться, особенно в самый первый раз... да и потом не так легко, как об этом пишут или говорят «бывалые». Не важно, чем и как убьешь: ударив ли ножом, выстрелив ли из огнестрельного оружия.

Однако часто смерть вот так же смотрит и в твои глаза, от этого взгляда выстужает душу, сердце черствеет и приходит понимание, что есть только две возможности – либо позволить убить себя, либо самому отнять чужую жизнь. Этот порядок вещей в своей чудовищности настолько обыденный, что многие не выдерживают, ломаются. Для себя я давно отождествляю войну с жарой: какое-то время ее можно переносить, есть силы приспособиться и жить в этом климате долгое время. Однако нет ни минуты, чтобы не приходило понимание, что есть предел любому терпению и выносливости... Хотя в данной ситуации я понимал и то, что, фигурально выражаясь, попал на экватор и вроде как застрял тут на совершенно неопределенный срок. Нужно терпеть. И теперь следовало привить это терпение окружающим, научить их жить и терпеть эту... жару и все, что идет к ней в придачу.

Хлопнув парня по плечу, я махнул в сторону пологого северного склона, где сгустился нагоняемый с дороги белесый дым пожара:

– Вениамин, отведи своих товарищей в Шишковичское урочище, если получится – ждите меня там три дня, минус те две недели, которые вам понадобятся, чтобы добраться туда. Может быть, я нагоню вас по дороге... может быть, не приду вообще. Вы с Лерой теперь единственная надежда для отряда, мой боец будет вам помогать, чем сможет. Иди, время поджидает.

Жестом остановив хотевшего возразить Очкарика, я попрощался с остальными «туристами» и стал спускаться с холма в ту сторону, откуда раздавался шум вертолетных винтов. Там была позиция, выбранная Мишкой для стрельбы, там, может быть, лежит подстреленный, но живой Матинелли. Единственное, о чем я мог думать в тот момент – это серые тела бомберов, похожие на разжиревших летучих мышей-мутантов. Бегом спускаясь с холма, я поудобнее перехватил автомат и нырнул в заросли лопухов; голоса не таящихся амеров слышались впереди и справа, нужно было спешить.

* * *

Россия. 24 августа 2011 года. Юго-западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны, 273 км севернее предместий г. Кемерово. Район речной переправы между железнодорожным узлом «Постникове» и авиабазой «Нью-Нортвуд». 10:54 по местному времени. Партизан Антон Варламов. Вербовочная беседа и отрыв.

...Если кто-нибудь вам расскажет, что может сохранять ровное дыхание после выматывающего шестичасового ожидания в стылой земле и короткой, но интенсивной огневой сшибки с превосходящим по численности противником – он либо врун, либо киборг из будущего. Когда дыхание может выдать, лучше сделать его ровным и неслышимым, иначе ты труп. А как его выровнять на бегу? Однако сейчас важнее всего именно скорость. Мне в помощь было то обстоятельство, что я двигался под горку, а не вновь карабкался на нее. Все мысли занимало непонятное Мишкино молчание и отсутствие среди трупов на высоте необходимого мне человечка – итальяшки Матинелли. Американцы сработали оперативно и выбросили четыре-пять поисковых групп десантников, которые шустро заблокировали все известные им подходы к высоте и отрезку трассы, где произошло нападение на конвой. Но мне это не помешает: лежка Михася была восточнее очага событий, оттуда же, согласно докладу приятеля, пришли и наемники. Сложность сейчас была только в том, удастся ли преодолеть открытое пространство от подножья холма к лесу, не будучи обнаруженным с воздуха или десантниками из группы прочесывания. Хоть и бежал я уже почти налегке, усталость и ноющая боль в едва зажившей руке не помогали грациозным прыжкам с почти двадцатикилограммовой полезной нагрузкой. На первый взгляд, разумно было затаиться и пропустить противника через себя, однако в данном случае речь не идет о спасении собственной жизни, мне необходимо первым отыскать Мишку и, если он жив, узнать, что стало с итальянцем. Поэтому, пригнувшись, но не сбавляя скорости, я почти по прямолинейной траектории бежал в сторону леса, аж ветер посвистывал в ушах. Справа в опасной близости раздавались команды, кто-то постреливал, но думаю, это был просто беспокоящий огонь – амеры после тотальной расслабухи теперь, так сказать, дули на воду и палили, заведя любой подозрительный пенёк или услышав непривычный звук.

На мое счастье, рассыпавшиеся цепью десантники шли чуть правее, нас разделяло около пятидесяти метров, а густая растительность ограничивала видимость местами до расстояния вытянутой руки. Взятый в начале темп становилось выдерживать все труднее, по мере того как почва под ногами делалась менее пологой. Трава, вымахавшая почти по пояс, сковывала движения, а главное, я теперь довольно сильно шумел. Мысленно надеясь достичь спасительной темноты леса, маячившего совсем рядом – кажется, уже рукой дотянуться можно, я удвоил скорость, но оступился и угодил ступней в небольшую ямку. От громогласного треска сучьев и возможного перелома лодыжки спасло умение падать. Сгруппировавшись, удалось войти в кувырок через правое плечо, но тут везение кончилось – я вломился прямиком в заросли шиповника. Не будь на мне маски и перчаток, вполне велика была вероятность остаться без глаза и солидных лоскутов кожи. Однако теперь ушла еще пара драгоценных минут на то, чтобы снять с веток клочки ранее нашитых на костюм

ленточек, что в конечном итоге привело к встрече с двумя амерами, сначала услышавшими треск кустов, а потом заметившими барахтавшуюся там бесформенную фигуру.

Видимо приняв меня за медведя, американцы сразу стрелять не стали, один из них даже залихватски свистнул, надеясь испугнуть незадачливого зверя. Решение было принято мной мгновенно, однако же целый ряд вариантов еще быстрее промелькнул в мыслях, обгоняя конечное действие на немыслимо короткий отрезок мгновения. Амеров двое, но мой самопальный камуфляж, сбив их с толку, подарил редкую возможность еще больше их запутать. Зарывав, словно настоящий топтыгин, и пряча автомат, висящий на шее, ринулся влево от застывших в изумлении солдат, треща кустами еще сильнее, чем при падении. Придержав автомат правой рукой, левой я выхватил пистолет из набедренной кобуры.

Десантники были на предельной для пистолета дистанции, нас разделяло около пятнадцати-двадцати метров, однако иные варианты могли не сработать. Сериями по два выстрела я выпустил по приближавшимся фигурам все девять патронов и, отщелкнув мгновенно затерявшийся в траве пустой магазин, снова перезарядил ПБ, пошел вперед и влево, обходя так и не выстреливших ни разу американцев по дуге.

Еще на службе, когда приходилось использовать этот специально переделанный под глушитель «Макаров», я знал, что особой кучности на таком расстоянии, да еще и в движении, не добьешься. Этот пистоль бил наверняка только с десяти метров, дальше случались всякие чудеса, но инструктор показал, что коли придется вести огонь именно из «макарки», главное – это скорость, с которой ты сможешь опустошить магазин в направлении цели. Так случилось и сейчас: американец, бывший чуть левее и ближе, получил две пули в бронежилет и одну в подбородок; пройдя по инерции еще шага три, он выпустил автомат из рук и, схватившись за лицо, осел в траву. Его напарник, поняв, что происходит, и опознав по характерному силуэту человека с оружием, уже поднимал свой короткий автомат, но получил одну пулю в предплечье, попавшую между стяжкой плечевой кевларовой накладкой прямо в мягкие ткани. Это замедлило его движение, а еще одна пуля скользнула по левой скуле, сняв приличный кусок кожи и мяса. Шок и ранения на долю мгновения затормозили действия американцев, дав мне возможность приблизиться еще на пять метров и, сменив магазин, довершить начатое. Не доверяя возможностям «макарки» пробивать современные «броники», я старался бить по открытым участкам тела, выстрелил пару раз в лицо замершему от болевого шока первому десантнику и, опустошая магазин до конца, выпустил оставшиеся шесть пуль по силуэту уже вытаскившего свой пистолет здоровой рукой второго десантника. Еще две вещи произошли одновременно: второй амер с треском упал навзничь в кусты, а затворная рама моего пистоля тихо лязгнула, встав в заднее положение. Вернув рамку на место, я спрятал пистолет в кобуру и, вынув нож, с удвоенной прытью ринулся к упавшим. Приходилось слышать, что им перед боем колют какие-то стимуляторы, поэтому сейчас любой из амеров может встать и хотя бы подать сигнал своим выстрелив в воздух. В прыжке достигнув тела первого врага, я слева направо рубанул по закрытому зеленым накомарником горлу. Ткань, скрученная в жгут, словно бы нехотя расплзлась, брызнула черная кровь, и где-то в глубине разреза показалась розово-белая кость позвоночника. Не останавливаясь, я подбежал к перекатившемуся на левый бок второму амеру, рывком схватил того за переднюю кромку обтянутого камуфляжным чехлом шлема и, оттянув его голову назад, также слева направо махнул ножом, но, не рассчитав сил, почти оттяпал ему голову. Разжал и выпустил нечаянный трофей; свисающая на лоскуте кожи голова упала рядом с телом, помедлила и скатилась трупу к коленям. Получилось так, словно амер, замерший в позе эмбриона, баюкает собственную голову. Замерев над трупами и прислушавшись, я понял, что цепь пошла вперед и вправо, видимо, пока не хватившись этих двоих, настолько быстрой вышла наша сшибка.

Отерев лезвие об одежду покойного иностранца и успокаивая серьезно сбившееся дыхание, я быстро обыскал обоих, забрав лишь оружие, а потом уложил обоих ничком, в паре метров друг от друга, сунув каждому за поясной ремень по наступательной гранате из их же подсумков. Может, повезет, их товарищи не проверят трупы на предмет «подлянки» и

на свой счет можно будет записать еще пару-тройку супостатов.

Оглядевшись и сверившись с ориентирами, я прислушался: ПБ – это не совсем бесшумное оружие, а если стрелять без перерыва, то звук получается довольно громким. Само собой, с автоматной трескотней не сравнить, но... Но в мою сторону никто не спешил, звуки погони и отрывистые частые хлопки импортного оружия слышались все дальше позади и слева – амеры уже должны быть на вершине холма. Прибавив шаг, я свернул на северо-восток, к приметной старой березе, откуда недалеко было до выбранной Михасем лежки. Там и следовало начинать поиски приятеля, выяснить, что же с ним произошло. Сухая трава неприятно шуршала под ногами, после грохота перестрелки у моста слух постепенно возвращался, однако неприятный писк все еще стоял в ушах, мешая слушать лес. Заложив две крутые петли и промучившись с зарослями обобранного медведем малинника, спустя полчаса я вышел к засохшему дереву. Всматриваясь в окружающие плотной стеной небольшую полянку деревья и прикинув место откуда удобнее всего было пасти подходы к наблюдательному пункту покойного ныне Шермана, я нашел группу деревьев, вполне подходящих для этого. Ближе всего росла средней высоты сосенка, крона которой отлично могла скрыть стрелка от посторонних взглядов. Однако тщательный осмотр следов Мишкиного присутствия не выявил.

Взяв левее, к востоку, у замшелой старой пихты я нашел то, что искал: два десятка стреляных гильз от «винтореза» и с десятков четких отпечатков следов моего приятеля. «Говнодавы» приятеля оставили вполне подходящий автограф на земле и на стволе дерева – содрав мох и оставив комья грязи. Прикинув направление стрельбы по отброшенным гильзам, я направился на север, отмерив двести метров, куда нелюбимое мной оружие приятеля могло дострелить без напряжения. Пройдя положенное расстояние, увидел и результат работы Михасы: четыре трупа лежали в разных позах – врагов подстрелили сзади, никто не попытался укрыться и вряд ли понял, что вообще происходит. Но пройдя еще десятков метров, я понял, что везение снайпера на этом закончилось. В команде наемников нашлось два Мишкиных конкурента. Один с М-2542, другой с полноразмерной SR-25 с глушителем⁴³ – обе снайперки круто превосходили «винторез» по точности и дальности прямого выстрела, однако местность была на стороне отечественного военпрома. В условиях ограниченной видимости, когда лучше иметь под рукой автомат с «тихарем», Мишке удалось выиграть дуэль у своих иностранных визави. Хотя неприятности они ему доставили, но короткий ствол «винтореза», мощный патрон и, главное, отсутствие засветки и звука от выстрела стали той совокупностью мелочей, которая помогла одиночке-полупрофи победить крепко сыгранный коллектив. Однако все имеет свою цену, и судя по всему, Мишка расплатился сполна. Чуть раньше среди прочих следов на стволе дерева я заметил бурые пятна крови; хотя количество их и не было большим, однако без ранения нашего «Паганини» на этот раз не отпустили. Но оба остались лежать тут же, снайперов разделяло небольшое расстояние: один мешковатой грудой валялся у корней старой сосны, откуда приятель свалил его выстрелом точно в лоб; второй, видимо, менял позицию и ничком зарылся с головой в кучу палых листьев, скрывавших сухой овражек. Ему досталось три пули: в висок, плечо и шею, первое попадание было смертельным, но выброс адреналина не дал наемнику умереть мгновенно, отсюда и две следующие дырки...

Пока снайперы мерились длиной инструментов ремесла и степенью выучки, основная группа наемников, прикрываемая огнем своих стрелков, отходила к холму. Их следы я заметил, пройдя еще десятка три метров на северо-восток. Оружие ломать было грех, и я прихватил обе винтовки с собой, обобрав трупы наемников и сняв с них все, что умелый стрелок берет с собой на охоту. Тащить все это я решил недалеко, поэтому взял все, что пришло на ум. Тут были походные наборы для чистки, два дальномера и десятка четыре патронов разной номенклатуры россыпью, плюс по шесть обычных магазинов в подсумках приличных разгрузочных жилеток. Оружие и боеприпасы это то, что в скором времени нам очень пригодится, тем более такое ухоженное и дорогое, как вполне приличные снайперские ружья. К счастью, через сотню метров мне попался огромный муравейник и, отмерив от него

десять шагов, я вырыл неглубокий схрон, куда и сложил добычу. Разбирать винтовки я не умею, но опыт общения с одним уехавшим в Канаду другом, часто наезжавшим в Иркутск по делам, позволил мне довольно точно выполнить неполную разборку обоих стволов.

Глянув на часы, я сплюнул с досады, однако продолжил работу. Разложил части оружия на полиэтиленовой пленке и применил старый фокус, помогающий от барсуков, лис и особенно собак – подойдя к муравейнику и сняв перчатки, я похлопал пятерней по горячей от солнца куче, в которой сновали муравьишки. Естественно, лесные трудяги кинулись на защиту своего дома, и спустя пару мгновений обе мои ладони были покрыты кусачими красными мурашами-солдатами. Укусы их, довольно болезненные, на огрубевшие от рытья окопов ладони почти не оказывали того эффекта, как в детстве. Растерев муравьев по рукам, я пошел к оружию и стал натирать железки получившейся пахучей сочной шелухой. Так, мысленно прося у трудолюбивых муравьев прощения, пришлось несколько раз внести опустошение в их популяцию. Война, пусть и опосредованно, коснулась и существ, не имевших к людской суете отношения. Подавив прилив снова начавшей подниматься в душе волны отчаянья, я тщательно упаковал оружие и боеприпасы и уложил дерн над ямой схрона. Теперь найти его можно будет только с помощью миноискателя, собаки почуют только муравьиный резкий дух, отлично перебивающий большинство других запахов. А наличие рядом отличного ориентира в виде муравейника снимет вопросы у большинства следопытов. Лишь бы среди них не оказалось того ушлого амера, так неудачно «подломившего» мою захоронку, остальным же моя хитрость будет не по уму.

Вернувшись обратно к дереву, где сидел Михась, я пошел по его следам: чутье не подвело и скоро удалось обнаружить его след, приятель шел по следам наемников, среди которых, вероятно, был и Матинелли. Но присев на корточки, чтобы точнее определить направление погони, я вдруг почувствовал резкую, кинжальной остроты боль в левой стороне груди. Левая рука онемела от плеча до самого локтя, дыхание перехватило, и пришлось сесть, прислонившись к тонкому стволу молодой осины. Сейчас некоторое время лучше не двигаться...

...Дорога во двор дома, где я последние пару лет снимаю квартиру, только одна: под арку в девятиэтажном доме. Но сначала нужно преодолеть две лужи вечно скапливающейся даже в сильную жару грязной воды. Непонятно, откуда эта бурая, пахнущая тухлятиной жидкость вечно просачивается, но она всегда на своем месте – ровно посерединке растрескавшегося тротуара. Два антрацитово-блестящих озера, затаившись в сумраке арки, ждут очередную невнимательную жертву. Обычно опытные жильцы сбавляют ход перед арочным проемом и по стеночке пробираются на другой конец арки, в тысячный раз проклиная коммунальщиков и страну в целом. Но тут же забывают про неудобства, стоит им только выбраться под скудный желтоватый свет дворовых фонарей, проблем кроме удачно форсированного препятствия по жизни и так хватает.

Так случилось, что мне в тот вечер было совершенно наплевать на лужу, поскольку я был обут в равнодушные к любой грязи, разношенные и чрезвычайно удобные кирзовые сапоги с обрезанными на треть голенищами. Да и вообще, вся одежда выдавала во мне скорее слесаря-работягу, припозднившегося после трудного рабочего дня и идущего по своим делам удивительно ровной для представителя данной профессии походкой. Нашупав привычным жестом в кармане штормовки пакетик с сухариками, я забросил пару крепко подсоленных кубиков на язык и блаженно вдохнул сырой вечерний воздух. Все тело приятно гудело от хорошей рабочей усталости, даже залеченная три года назад рана болела не сильно. Боевая отметина тихо ныла, как бы по-приятельски напоминая, что я поступаю с ней нехорошо. В нагрудном кармане грел душу аванс, полученный от хозяйки продуктовой палатки Анны Семеновны, женщины приятной и молодящейся.

Так, пребывая в полном ладу с собой и миром вообще, я миновал «шведскую стенку», отполированную сотнями рук и ног местной детворы, впереди показался торец пятиэтажного панельного дома, где я, собственно, и проживаю. Осень, самое любимое мной время года, уже сорвала с деревьев последние листья, и в шорохе голых веток яблонь и тополей

слышался сонный шепот – деревья уже погружались в спячку, от них веяло небывалым покоем...

– ...Портфель давай, сука!..

Идиллию осенней сказки разрушил уверенный молодой голос, которому вторили еще два, менее разборчивых, но полностью согласных с требованиями первого. Нехотя выныривая из внутреннего комфорта и не ускоряя шага, я всматриваюсь в желтоватые сумерки перед первым подъездом пятиэтажки. Картина привычная и уже практически обыденная в своей неприглядности: на спинке скамейки перед подъездом сидит фигура в мешковатой одежде, а из-за высокой стойки черной кожанки выглядывает коротко стриженная шишковатая макушка. Еще два персонажа перегораживают подступы к железной подъездной двери, испещренной пятнами оборванных объявлений. Оба, словно близнецы, похожи на своего восседавшего на спинке скамьи вожака, с одной только разницей: у того, что справа от входа, вместо куртки был надет короткий красный пуховик, а грязные засаленные волосы короткими стрелами торчали во все стороны. Третий пассажир как две капли воды похож на главаря маленькой стаи, только ростом чуть пониже и куртка пошита из дерматинового заменителя. Общим для всех троих были вихляющая походка и угрюмо-глумливое выражение обветренных лиц. Однако они не особо пьяны, кайфовой развинченности в них тоже не заметно. Скорее всего, сейчас они разводят мужика на бабки с целью добыть средств на приятное проведение вечера.

Парней я узнал, поскольку часто, проходя мимо первого подъезда, видел всю троицу, оккупировавшую многострадальную лавку. Один раз тот, что сейчас требовал портфель, попросил закурить, но, услышав мой короткий отказ, больше не приставал. Мы словно стали незаметными друг для друга, выпав из сферы общих интересов. Жертвой троицы оказался худощавый мужчина, за спину которого прятался мальчик лет шести, прижимающий к груди большой пластмассовый самосвал ярко-оранжевого цвета. Мельком глянув на часы и поймав циферблатом свет фонаря, я смекнул, что мужик забирает ребенка из детского сада. Решив повременить с вмешательством, я замер в тени стены дома и стал наблюдать. Мужик в сером дорогом пальто, хороших туфлях и с дорогим портфелем для бумаг выглядел благополучным служащим средней руки, одежда ребенка тоже выглядела недешевой. Обычные люди, в меру ухоженные и даже при достатке, явно местные, только вот сталкиваться с ними не приходилось. Вообще, вмешиваться в данном случае было чревато: вдруг один из хулиганов окажется сыном этого самого дяденьки и я же окажусь крайним, если заступлюсь. Поэтому я тихо подошел как можно ближе, не обнаруживая себя, да и вряд ли кто-то меня заметил бы, подойди я даже открыто. Все трое были заняты новым развлечением – травлей беззащитного. Сидящий на лавке вожак, не меняя тона, продолжил:

– Раз заяву забирать не хочешь, будешь отвечать за каждый день. Для начала метнешься сейчас до хаты, сорок штук мне принесешь, пока пацан твой тут с нами посидит. Ментам не звони, ты же видел, нас отпустили, даже извинились. Неси деньги за ущерб, а лучше съезжай из нашего дома, профессор. Не серди меня, мужик, – хуже будет.

На лице мужчины с портфелем отразилась целая гамма чувств: видно было, что боится он только за ребенка и даже хочет вступить с хулиганами в спор на их языке. Однако округлившиеся глаза мальчика не оставили ему выбора: кивнув, он успокаивающе похлопал сына по плечу и пошел к двери:

– Аркаша, ничего не бойся, я сейчас вернусь...

Когда я понял, что шпана мужику не родственники и я стал свидетелем обычного разбоя, на душе стало немного легче. Окна квартир всего первого этажа, забранные решетками, были темны. Неясный свет лился на площадку перед домом только с третьего этажа, люди попрятались, никто не хотел вмешиваться, государство отучило делать добрые дела. Помочь или нет, вопросом не было: как стало ясно из разговора, конфликт имел затяжной характер. Дальнейшая судьба отца с сыном выглядела незавидной. Забрав деньги, они мужика могут серьезно покалечить, даже забить насмерть, случаи были. Дождавшись, когда мужчина скроется в подъезде, я шагнул за спину сидящему на спинке скамьи вожаку и

без замаха, коротко пробил правой в затылок. Без единого вскрика, как и положено, вожак сполз на широкое сиденье скамейки. Двое других замерли: со стороны выглядело, что вожак вдруг просто потерял сознание. Очнувшись, оба кинулись к нему, но тут я вышел из тени слева, обойдя скамейку, но все еще оставаясь невидимым для встревожившихся хулиганов. Тот, что в красном пуховике, оттолкнул прочь мальчика с такой силой, что ребенок кубарем покатился в грязь, выпустив игрушку из рук. Оранжевая машинка, неловко кувыркнувшись, уткнулась в первую ступеньку крыльца и завалилась на левый бок. Снова, как и в первом случае, действовать пришлось быстро: я угостил стоящего ко мне ближе гопника ребром ладони по кадыку. Тот сипя осел на асфальт обмякшей бесформенной грудой и отключился. Третий хулиган, отбросивший мальчика, был слишком далеко для удара рукой, поэтому для начала получил носком сапога под колено, а когда от боли он подался вперед, я ударом кулака в основание черепа уложил на землю и его. Не теряя времени, снова оказался рядом с уже приходящим в себя главарем и, обыскав его карманы, нашел солидный арсенал: перестроенный под боевой патрон газовый пистолет и аккуратный «финский» нож в ножнах за поясом брюк. Ребята оказались не совсем простые, мне повезло застать их врасплох, иначе я вполне мог получить еще одну лишнюю дыру в шкуре.

Забрав пистолет и выщелкнув магазин, я насчитал в нем пять патронов... Однако круто для начала. Вернув магазин обратно и сунув «ствол» в карман штормовки, на какой-то момент я задумался о дальнейших действиях, благо все хулиганье лежало смирно. Выход виделся только один. Добавив шевельнувшемуся главарю еще немного сна, пережав хватом руки сонную артерию, я подошел к сидящему на ступеньках мальчику. Тот снова прижимал игрушечный самосвал к груди, невидящим взглядом уставившись на меня.

Присев перед ним на корточки, краем глаза следя за поверженной троицей, четко, но не громко спрашиваю:

– Аркаша, ты меня слышишь?

Мальчик рассеянно кивнул, в больших карих глазах застыли страх и удивление. Он не понимал, откуда взялся плотный, невысокого роста коротко стриженный седой парень. С недельной щетиной на обветренном круглом лице и совершенно черными неподвижными глазами, он мало чем отличался от лежащих на асфальте злых людей, угрожавших его отцу. Осторожно подняв пацана на ноги и сделав два шага вверх по крыльцу, я открыл дверь подъезда и подтолкнул мальчишку в неожиданно ярко освещенный лампой дневного света тамбур.

– Иди домой. Скажи своему папе, что парни передумали, им больше ничего от вас не нужно. Ты меня понял?

Мальчик заторможено кивнул и припустил по лестнице. Тихо закрыв дверь на сильной пружине, чтоб не грохотала, я вернулся к скамейке и вынул трофейный пистолет из кармана. Я не народный мститель, но эта ситуация так не уйдет: отморозки очнутся и, не найдя меня, снова переключатся на этого незнакомого мне «профессора». Встав рядом с тихо лежавшим на лавке главарем, я ждал. Наконец «дерматин» и «красная куртка» очнулись, шатаясь, поднялись на ноги и с недоумением уставились на меня. Пистолета они пока не заметили, молча кинулись на новую жертву, без всяких вопросов. Каждому досталось по две девятимиллиметровые пули в грудь, парни, словно наткнувшись на невидимую преграду, осели на асфальт в паре шагов от своего прошлого «аэродрома». Стрелял я наверняка, оба гопника умерли мгновенно. В магазине «газовика» оставался один патрон, поэтому я прикинул, какая рука вожака рабочая. Хват ножа и расположение наплечной кобуры подсказали, что сюрпризов нет, парень правша. Взяв его рабочую руку так, чтобы он крепко ухватил вложенное ему в ладонь оружие, и встав у бесчувственного гопника за спиной, я прицелился его рукой в окно точно за спинами трупов и выстрелил, а потом мгновенно отшагнул в темноту. Звон стекла, сонные голоса разбуженных жильцов – все это я слышал уже издали, отбежав от дома на приличное расстояние и укрывшись под аркой. Начавший приходить в себя главарь недоуменно глядел на свой пистолет, зажатый в руке, и трупы приятелей. Окна всего первого этажа осветились.

Минут через десять вдалеке завывала милицейская сирена, а очнувшийся главарь, бросив оружие, припустил в мою сторону. Ничего не оставалось, как поставить пролетавшему мимо бандиту подножку, и тот рухнул в самую середину лужи. Не ожидая приезда ментов, я снова отшагнул назад, оказавшись там, откуда начал свой путь всего полчаса тому. Быстро миновав по темным буеракам расстояние до своего подъезда, я открыл металлическую дверь, и тут меня скрутил приступ острой боли. Сердце жгло как огнем, левая рука, словно чужая, повисла плетью вдоль туловища. Наш первый этаж был темен, лампочку там постоянно воровали либо били, поэтому местные обитатели все поголовно ходили с ручными фонариками. Превозмогая резкие приступы мутящей сознание боли, я кое-как преодолел три этажа, держась за стены, и почти ввалился в квартиру, с огромным трудом различив затуманенным болью взглядом замочную скважину и судорожно справившись с замками. Потерять сознание мешало только упрямство, но боль оказалась сильнее, поэтому последнее, что осталось в памяти, – это уходящая вверх стена тесного пространства прихожей...

...Тогда это был первый серьезный привет от пережитого на войне – доктора говорили, что стресс, нагрузки и все дела. В принципе, ничего особенного не случилось: курить я бросил за два года до этого, а нервы... ну, с этим придется жить. Фокус в том, что было подозрение на инфаркт, но я сбежал из больницы, не дожидаясь, пока доктора возьмутся за меня всерьез. Потом приятель привез из Китая настойку то ли женьшеня, то ли тигровых костей, я попил ее год, и до настоящего времени приступов даже после серьезных нагрузок не было. История же, после которой проявилась новая болячка, продолжения не имела. Через неделю «профессор», оказавшийся довольно успешным банковским служащим средней руки, съехал из нашего дома. Гопник больше не появлялся во дворе, ни один, ни с компанией, все снова успокоилось. Это и был самый лучший для меня выход – парнишка ничего лишнего отцу и ментам не сболтнул...

Поднявшись на ноги и приведя дыхание в порядок, я снова побежал по следу, мысленно надеясь, что хоть со стороны собственного организма предательства больше не будет.

След Михася обрывался у невысокой горки, поднявшись на которую я обнаружил с десяток стреляных гильз от его винтовки и следы борьбы. Глянув вниз, где открывался участок тропы, ведущей к вершине холма, я заметил четыре лежащих рядком неподвижных фигуры. Судя по неестественным позам, все были мертвы. Скорее всего, один из наемников отстал от своих, проверяя тыл, а Михась в это самое время уложил еще четверых его приятелей. Уж не знаю чем, но Мишка себя выдал, и они с амером схватились врукопашную. Не ясно пока, насколько был крут враг, но однозначно, что шансов против Мишки в рукопашной схватке у него было не много. Михась, сколько его помню, не вылезал с тренировок и спаррингов, а как-то раз при мне вырубил почти одновременно сразу троих опытных самбистов.

Спустившись с холма и миновав широкий пролом, оставленный в зарослях шиповника, я вышел на небольшую полянку, где и обнаружил приятеля и связанного наемника, брыкающегося изо всех сил. Иностранца Мишка спеленал грамотно: развязаться самостоятельно у того бы не получилось, а рот наемника стягивала обычная в таких случаях «уздечка». Такая вот вставленная между зубов палка не даст человеку кричать, но и не позволит задохнуться. Приятель сделал все, чтобы пленник не остался калекой... однако сам он не подавал признаков жизни. Бледное лицо, изрезанные руки и зажимаемая ножевая рана в левом боку – такова была цена, заплаченная Михасем за уткнувшегося в корни старой сосны пленника. Разрезав куртку в месте пореза и ощупав рану, я понял, что смертельный удар противника Мишка отвел, но, скользнув по ребрам, нож глубоко ушел в мягкие ткани. Стреножив противника, приятель быстро терял силы, потом отключился. Вынув флягу с водой, я побрызгал Мишке в лицо, веки его затрепетали, глаза открылись, и, сфокусировав на моем лице взгляд, он попытался что-то сказать, но я не дал:

– Молчи, крови ты много потерял, но сейчас уже все нормально. Тихо полежи, напарник, скоро домой пойдем.

Походя пнув дергавшегося иностранца в грудь, я срезал два молодых дерева и смастерил нечто вроде волокуши. Устроил на ней раненого и занялся пленным. Это был Матинелли собственной персоной, только подрастерявший былой шик и сильно помятый во время драки с Михасем. Показав ему нож и приложив лезвие к его губам, я дал понять, что любой звук будет наказуем. Пленный кивнул в знак понимания и даже слегка успокоился. Во время драки он уже понял, что убивать его не собираются, и, видимо, был настроен поторговаться. Вынув «уздечку», я указал на волокушу:

– После того, как ты порезал моего друга, цена твоей жизни сильно упала, итальянец. Кивни, если понял.

Говорил я на вполне сносном английском, поэтому слегка опешивший Матинелли только согласно затряс головой, перспектива быть зарезанным в отместку за смерть непонятого русского его явно впечатлила, он поверил, что я не шучу. Убедившись, что эффект достигнут, я продолжил:

– Сейчас ты поработаешь лошадью, нам нужно уйти подальше отсюда, а потом поговорим о твоей жизни. Запомни, я про тебя знаю больше, чем ты про меня. Молись тому, в кого веришь, иначе сам попросишь, чтобы тебя пристрелили. Расклад такой: тащи носилки, не пытайся бежать, и может быть наша встреча даже послужит к обоюдной выгоде. Согласен?

Скосив взгляд в сторону бледного Михаса и облизнув потрескавшиеся, в кровавой коросте губы, итальянец попробовал меня «прокачать»:

– Гарантии, если твой друг умрет...

Я не сильно, без замаха, ударил пленного по щеке тыльной стороной ладони. Времени на игры уже не было, Михаса нужно вытаскивать.

– Сделка была о другом, а если ты будешь и дальше юлить – сдеру с тебя кожу заживо, даю слово.

Снова побледнев, Матинелли ослабил напор, поняв, что имеет дело не с новичком и потянуть время не получится. С другой стороны, он смекнул, что есть реальный шанс сохранить себе жизнь, поэтому согласно наклонил голову, попытался даже раздвинуть губы в улыбке и коряво сказал по-русски:

– Хараше, я сделать по-твойму.

– Ну, тогда пошли...

Указав пленному нужное направление и развязав ему ноги, я повесил верхний конец волокуши ему на шею, предварительно обмотав ее оторванной полкой его же куртки. Получилось нечто вроде лошадиного хомута, чтобы шею не натирало. Позволив итальянцу чуть размять ноги и спустя минуту хлопнув его по плечу, дал таким способом сигнал трогаться. Мне тоже пришлось обзавестись дополнительным багажом: я тащил на себе Мишкин «винторез» и его же пояс с подсумками. Свое «весло» перевесил на шею, чтобы в случае чего сразу занять боевое положение. Амеры хоть и шныряли уже далеко, однако в воздухе я слышал стрекотание беспилотников, вертушки утюжили небо севернее, ближе к дороге и месту засады. Увидят нас, без обязательных в таком случае маячков «свой-чужой» на одежде, сразу опознают в наемнике пленного и сориентируют поисковиков на перехват. Не знаю, есть ли такие приборчики у Матинелли с приятелями, однако сейчас нас могло спасти только быстрое, насколько это возможно, движение вперед, к тропе, ведущей в Шишковичское урочище. Из-за Мишки я сделал большой крюк в обратную сторону, и сейчас мы находились в каких-то трехстах метрах восточнее горы, где уже почти наверняка сомкнулось кольцо оцепления. Узкая, почти незаметная в траве звериная тропка вела нас на северо-восток, прочь от дороги. Однако враг имел преимущество – назойливый и зудящий шум низко летящего беспилотника был отчетливо различим. Хитрая «пташка» пока висела над верхушками деревьев в сотне метров позади нас, но передислоцироваться ближе ей ничто не мешает. Итальянец шустро семенил впереди и правее, опустив голову, и ничего вокруг не замечал. Я довольно усмехнулся: не находя вариантов немедленного спасения, он выжидал, надеясь на удобный случай. Так бы поступил и я сам, оказавшись в плену: иногда

сразу спастись не получается, но если противник дал тебе время и не убил сразу после первого допроса, то подарил шанс на свободу...

– Под дерево, быстро! Сядь и замри!..

С востока на нас заходил боевой вертолет. Днем амеры используют обычную оптику, вертушка шла слишком высоко над деревьями, но быстро приближалась. Матинелли прошипел что-то на своем цветастом, как и русский язык, итальянском и, увеличив ширину шага, рывком метнулся под раскидистую ель. Я тоже затаился под деревом, в пяти метрах от пленника и его груза, замер, прижавшись к терпко пахнущему смолой и пылью стволу такой же елки. Хищное узкое тело вертолета пронеслось над нами в следующее мгновение, я разглядел только пилоны с подвесным вооружением и отблеск стекла пилотской кабины. На несколько долгих мгновений заложило уши, потом шум стал стихать, но не ушел насовсем. Вертолет по спирали нарезал небо над тем местом, где мы были еще полчаса назад. Зависнув там на какое-то время, он улетел в сторону дороги, изящно развернувшись с дифферентом на нос. Матинелли оказался не так прост: каким-то образом итальянец пометил место, где лежал связанный, и сейчас на наш след выйдут поисковики.

Восточнее начинается зона ответственности охранных частей авиабазы, местность тамошние солдаты знают неплохо, и им не составит труда отсечь нас от дороги, ведущей к спасению. Стиснув зубы, я поднялся и как будто ничего не поняв, подтолкнул итальянца – мол, давай, двигай вперед. Однако, прикинув расстояние, свернул чуть севернее, туда направились Веня и его товарищи. Если получится, мы их догоним даже с нашим грузом, и тогда я смогу закончить с Матинелли до того, как нас возьмут в кольцо. Потом, одному, мне скорее всего удастся выйти из окружения, одного не так легко найти. Иностранец ничего не заметил, думая, что я всего лишь петляю или, к его вящей радости, сбился с дороги.

Лес стал напоминать сплошную коричнево-зеленую массу, перед глазами время от времени всплывали цветные круги, но я продолжал бежать, подгоняя и пленного. Деревья подступали совсем близко, местами и без того узкая тропка становилась совершенно невидимой. Даже свежий, с нерастраченными силами лесовик, и то сбился бы с дороги, однако какая-то непонятная сила не давала мне потерять ту интуитивную путеводную нить, что вот уже пару часов кряду ведет нас в верном направлении. Постепенно дневной свет померк, сосны с густыми кронами и молодые тоненькие елочки росли все теснее. Каждый шаг давался с огромным трудом, удерживало на ногах и в более-менее вменяемом состоянии, пожалуй, только упрямство и жгучая, словно концентрированная кислота, злость. Вопросы, которые постоянно мусолили между собой артельщики, тоже не давали мне покоя, просто на них я ответил гораздо раньше, еще там, на Кавказе.

Правильный, справедливый поступок требует от человека много усилий, поскольку жизнь – штука не совсем однозначная. Подлость и всякие непотребства, на мой взгляд, совершать проще, поэтому напасть на беззащитного, отнять у слабого – это быстрый способ пожить весело, причем здесь и сейчас. Изменился масштаб подлости; как это периодически бывает в истории, опьяненный безнаказанностью бандит размножился до размеров целой цивилизации, и эти урки скопом навалились на больного, но не бедного соседа, частично впавшего в маразм. Пусть прозвучит это излишне просто, однако когда живешь в земляной яме, а вокруг свистят пули, на сложные отвлеченные умозаключения вовсе не тянет.

Стало совершенно темно, спину ссутулившегося пленника я различал с большим трудом. Мы ушли из района активного прочесывания, впереди лежал хвойный участок вечнозеленого леса, на карте помеченный как непроходимый. Это означало, что не слишком приспособленные к лесной жизни «туристы» вряд ли ушли далеко, даже с учетом невольной предоставленной нами фор в три-четыре часа. Приостановившись, я глянул на компас и перевел дух – вроде идем верно. Впереди маячил небольшой овраг, за ним журчал ручеек, совершенно скрытый высокой травой и кустарником. Мелькнула мысль, что возле воды удобно устроить привал и «туристы» вполне могут быть совсем рядом. Догнав Матинелли и перевесив автомат за спину, я подхватил задний край волокуши; вдвоем мы преодолели овраг и вброд перешли почти пересохшее от жары последних дней русло ручья.

Углубившись снова в чащу, я отпустил волокушу и всмотрелся в лицо раненого. Михась может умереть, есть вероятность, что не донесем. Мишка был совсем плох: бледное лицо, посиневшие губы, но от покойника в нем пока было только две трети, бросать товарища я не собирался.

Сделав короткий перерыв и оправив одежду, мы снова двинулись в путь. От усталости я случайно зацепил носком ботинка свалывшийся комок прочных словно леска травяных стеблей и чуть не упал. Потерял равновесие, в последний момент схватился за сук елки.

Может, это и спасло... Сухо треснул одиночный выстрел, я на рефlekсах и остатках выносливости упал на землю и просипел:

– Веня, свои!..

Чуйка не подвела, «туристов» мы нагнали спустя три с четвертью часа после встречи с вертолетом. Однако из-за шума, который производила волокуша, нас услышали и организовали засаду. Ко мне, стоящему на коленях с вытянутыми руками, подбежал сам Очкарик, пелена, нагнетаемая кровавым давлением, мешала мне четко его видеть, но несомненно, это был мой знакомый студент. Странно было видеть, что кто-то кроме тебя самого может забраться в такую глушь, да еще и с горящими восторгом глазами. Веня, может быть по молодости, а может, из-за стресса, не до конца осознавал всю мерзость нашей ситуации. Для него и большей части «туристов» окончательное прозрение наступит немного позже. Главное, чтобы это случилось не во время очередной стычки с амерами, нужно еще многому их учить... время... как его не хватает!

Венины приятели, затаившиеся в кустах по правую руку от меня, повалили пленного итальянца на землю. Поняв, что тот связан и тащит на себе еще одного, на их взгляд стопроцентного покойника, оба «туриста» в недоумении смотрели на Вениамина. Тот, жестом велел им оставаться на месте, кинулся помогать мне. Взяв его руку, я поднялся, снял маску и, слабо хлопнув его по плечу, сразу заговорил. Голос стал хриплым, порой я сам себя не слышал.

– Слушай... внимательно... студент. Мой товарищ потерял много крови, со мной ценный пленник... Это подельник Шермана. Поверь, он нужен нам живым и невредимым. Сейчас нет времени объяснять, но я все тебе расскажу обещаю. Берите раненого, – я протянул Очкарику «винторез» и Мишкину сбрую с подсумками, – и бегите дальше, я с иностранцем прогуляюсь и уведу погоню от вас. Потом... потом как карта ляжет, но я постараюсь выйти в место встречи с остальными. Если не приду, ты и остальные... постарайтесь уничтожить авиабазу... там «бомберы», там смерть нашим городам, они не должны взлетать! Ты все понял?

Азарт в глазах студента затухал по мере того, как смысл сказанного доходил до его сознания. Так обычно и бывает: кажется, вот он, тот, кто все знает, все умеет, и пули этого непонятого лесовика не берут. А тут моя загадочная личность возьми да и обернись совершенно иной гранью. Кого сейчас этот, в сущности совсем еще зеленый, пацан узрел? Невысокого, потрепанного мужика в заляпанной грязью самопальной лохматой накидке с упрямым выражением черных, злых глаз на удивительно невыразительном круглом лице, заросшем седой трехдневной щетиной. Мягко скажем, сочетание получилось не героическое, однако сил на спокойный тон и всякие психологические этюды не то чтобы не осталось вовсе, похоже было, что я беру у кого-то невидимого займы силы и соображалку. По моим ощущениям, силы и соображалка иссякли еще во время сшибки у моста. Совершенно не представляю, откуда они берутся теперь... да плевать, лишь бы пружина не развернулась до конца раньше времени, лишь бы этот эфемерный «завод» не иссяк теперь, когда комбинация почти завершена!

Веня оторопело уставился на меня, казалось, что вокруг нас двоих образовался вакуум: его товарищи хлопотали над раненым, расспрашивая о чем-то пленника, на нас не обращая никакого внимания. Очкарик, как только первое изумление прошло, дрогнувшим голосом спросил:

– Лесовик, ты говорил, что вас мало, но все эти нападения, разгром колонны... Почему

не приходят остальные... Почему вас только двое?

Идиот или менее уставший человек на моем месте скорее всего безумно захохотал бы или промолчал совсем, или рявкнул бы что-то в приказном тоне. Всего этого я никогда себе не позволяю, поскольку истеричный смех выдает бессилие, а бессмысленный приказ для еще не слишком доверяющего мне человека вызовет еще большее неприятие. Я сказал то, что должен, – правду.

– Нас всего трое, Вениамин. Это я, мой напарник, который скоро отбросит коньки и лежит вон там на волокуше. Мы – обычные охранники... чуть круче тех, что ходят между прилавками в супермаркетах. Ну, знаешь: лицензия, почти настоящее оружие и никаких прав, случись что... Третий – бывший водитель-дальнобойщик, который сейчас идет в Шишковицы, чтобы помочь вашим раненым найти новое убежище. Вот и вся наша артель.

Взгляд Очкарика выражал полное замешательство, руки дергали поясной ремень, отражая разброд мыслей своего хозяина. Ему было непонятно, то ли я настолько недоверчив, что скрываю от него таинственных могучих союзников, то ли просто тронулся умом. В представлении пусть и увлекающегося околовоенной тематикой, но все же сугубо гражданского человека то, что сотворили мы, двум вертухаям-чоповцам и одному дальнобойщику реально не по силам. Какое-то время он потрясенно молчал, я даже слышал, как рушатся высокие стены и тонкошпильные башни его воздушного замка. Наконец руки студента пришли к согласию с мыслями в голове и он подавлено спросил:

– Как?! Я же думал, надеялся...

Нужно было вернуть парня с небес на землю, хотя времени на воспитательную беседу совсем не осталось. Случаются моменты, когда правду нужно сказать без прикрас и утайки. Правда страшит, однако она же может придать сил, когда человек поймет, что есть работа, которую кроме него никто делать не станет. От слов, что вот он, последний солдат, последняя стена, за которой только пропасть и небытие, даже у робких и слабых может случиться прозрение... катарсис, если угодно.

– Все мы надеялись на кого-то другого, Веня. Прости, если скажу банальность и если это прозвучит снисходительно, но никто кроме нас драться не будет. Армия... не знаю, где она и что делает, мне безразлично. Время, когда можно было сидеть и надеяться на других, прошло, в глубине души ты это знаешь. Вместе мы сумели одолеть врага, он был силен, но мы победили... Посмотри мне в глаза, Вениамин, и скажи, так это или, может, я обманулся и горящие машины на переправе – мираж?!

Голос мой был хриплым, но последние слова я прошипел, отчего глаза собеседника наполнились животным ужасом и он отвернулся. Однако, опомнившись, вызвал с вызовом:

– Это мелочь, комариный укус! Нас разыщут и уничтожат... Раз нет поддержки, нет армии – все бессмысленно и глупо.

– Верно, – боль во всем теле стала невыносимой, но я не подал виду и внешне остался спокоен, пусть только внешне. – Если думаешь как жертва и человек сторонний. Оглянись вокруг: это наша земля, другой нет и не будет, бежать некуда. Если ты русский, так и так тебе не жить. Длительную агонию, прятаться... это твой выбор?

– Может, удастся пробиться к тем, кто сражается...

– И ждать, что снова за тебя пойдет воевать кто-то другой, да? А если нет больше «своих», кроме тех, что сейчас во-о-он там? – я указал пальцем на возящихся с раненым радиоведущего и незнакомого мне парня лет тридцати. – Они тоже не герои... но думаю, что герои к этому времени уже закончились. Остались только мы.

Веня вспыхнул, подавляя уязвленное самолюбие, руки его снова пришли в движение, не оставляя в покое ремень. Звуки погони и шум вертолетных винтов сместились в нашу сторону, погоня уже близко. Я начал подниматься с земли, как можно более небрежно опираясь снаряжение. От шага прочь Очкарик удержал меня, заступив дорогу. Страх и отчаяния в его глазах уже не было. Если русскому человеку показать реальную цель, дать смысл к служению, убедить, что кроме него дело никто не осилит, даже у отчаявшихся открывается второе дыхание. Очкарик был готов драться, поскольку иллюзий по поводу

поддержки не осталось, а мы с артельщиками в его понимании совершили почти что подвиг.

Не спору, толика отчаянья всегда сопутствует тем, кто малым числом выступает против орды врагов, однако песня предков уже зазвучала в его крови. Голоса тех, кто вот так же поколения назад вставал лицом к врагу, чтобы биться насмерть, уже говорили с ним, шептали слова ободрения, вселяя мужество в его сердце. Проходят поколения, время течет, меняя внешний облик людей, живущих на земле под названием Россия, однако ничто не заставит утихнуть голоса ее защитников. Пусть люди часто сами не подозревают о том, на что способны, все открывается каждому в свой час, это я знаю по себе. Враг, даже самый сильный и коварный, всегда ассоциируется у меня с химерического вида четвероногим зверем, способным убивать одним лишь взглядом налитых безумной злобой и жадной насыщения красных глаз. Подобно шакалу он кругами ходит вокруг ослабевшей жертвы, мерзким воем и оскалом пасти, полной желтых длинных клыков, подбадривая себя и сородичей. Такой зверь не охотится в одиночку, но пока вожак не кинется на жертву, его сородичи, поджав хвосты, держатся в стороне. Если достало смелости один раз взглянуть в глаза бешеного зверя, изготовившегося к прыжку, не отвести взгляд, совладать с ужасом и слабостью в конечностях – ты уже наполовину победил. Оружие любого хищника – это страх его жертв, усталость и отчаянье обреченного стать добычей. Но когда удастся это оружие обернуть против него самого, зверь убежит или промахнется в решающем броске, а его сородичи отступят. Руки Вени уже не теребили пояс, они крепко сжимали трофейный автомат, его внутренний зверь только что промахнулся, зло клацнув зубами впустую:

– Нет, думаю, мы пойдем вместе. Ведь вместе не так страшно, правда, Лесовик?

– Страшно бывает всегда, если ты не слабоумный или не обдолбыш, – я заставил губы скривиться в некоем подобии улыбки, но вряд ли получилось что-то кроме волчьего оскала. – Просто есть вещи сильнее страха, вижу, ты это уже понял. Время поджигает, поторопись... да и мне пора.

– Ты должен вернуться, мы будем ждать, сколько понадобится, я...

– Чем я лучше тебя или любого из... выживших? Нет особенных, теперь каждый, кто решил воевать, а не мародерить или прятаться – вроде как Избранный из идиотских фантастических фильмов. Нет нужды никого дожидаться, – я говорил уже через плечо, идя к поднявшемуся с земли пленному, имевшему совсем уж беспечный вид. – Коли уцелею, то сам вас найду. А если нет... Теперь прежде всего умей рассчитывать только на свои силы, тогда любая помощь со стороны будет приятным сюрпризом, без которого вполне можно обойтись. Ты почти все можешь сам. Раз остался цел, то воюй. Бывай, студент.

...Все, что я видел впереди – это спина и связанные руки Матинелли. После короткой встречи с Веней и его двумя товарищами мне удалось немного облегчить свою задачу; теперь можно будет привести в действие следующий этап плана по уничтожению бомбардировщиков. Шли мы по дуге от последней точки встречи с «туристами», на север. Получалось так, что обратный маршрут забирал влево относительно проторенного волокушей следа. Теперь преследователи вынуждены будут сместить сеть облавы, и я надеюсь, что Очкарик с друзьями и раненым Мишкой проскочат незамеченными. «Туристов» больше, и, подменяя друг друга, они будут двигаться быстрее, чем мы часом раньше. Зная, как проводится подобный поиск, я предположил, что пойдут по следу, оставляемому наемником, а за «туристами» отрядят летательный аппарат. Так это или нет, но мы сейчас двигались навстречу поисковым группам, заходя им во фланг.

Увидев небольшой овраг с покатыми склонами и кучками валежника на дне, я остановился на краю, подсек ногу пленника, и тот покатился вниз. Чертыхаясь по-английски, перемежая бедные английские слова цветастыми оборотами из родного языка, итальянец кубарем слетел на дно оврага. Попытавшись встать, он только собрал на себя кучу листьев и повернулся на бок. Я обошел яму и сел на край так, чтобы иностранец видел мое лицо. Немного подождав, пока тот успокоится, я положил автомат на колени и начал разговор:

– Извини, нет времени выбирать место для беседы. Для начала держи вот это.

Я метнул нож так, что он вошел в землю в двух сантиметрах от лица наемника. Тот

вздрыгнул, всем телом подавшись назад, но уперся в склон оврага. Нужно отдать должное, итальянец не испугался, просто своими действиями я спутал его карты. Он-то ожидал, что его поведут в лагерь, будут допрашивать, а потом brave американские морпехи его обязательно выручат. Однако, увидев нож, он принял меня за преемника Краснова, и в его глазах загорелась искра понимания. Пока все шло, как планировалось, главное – подцепить Матинелли на крючок и заинтересовать. Не отрывая взгляда от ножа, итальянец замер, ожидая дальнейших действий с моей стороны.

С востока послышался резкий свистящий шум, и над тайгой в сторону авиабазы прошла пара самолетов, судя по всему, штурмовики. Звуков бомбежки я ни разу не слышал, значит, не найдя целей, самолеты ушли домой. Времени до того момента, как нас обнаружат поисковые группы, осталось от силы час, может, полтора. Чуть наклонившись вперед, я поощрительно кивнул в сторону рукоятки ножа:

– Чего застыл, итальянец? Нож твой, к тому моменту, как мы закончим, ты уже сможешь освободиться, начинай.

Сплюнув набившиеся в рот грязь и мусор, Матинелли молча принялся ворочаться, в какой-то момент ему удалось сесть и перебросить руки вперед, я специально не стал слишком жестко связывать пленника. Руки наемника судорожно вцепились в рукоять его же собственного клинка, который я забрал у Мишки. Приятелю удалось обезоружить противника, но это стоило ему дырки в боку и полулитра крови. Сейчас важно было с одной стороны показать свое превосходство над пленным, а с другой же напротив – оставить лазейку для возможного торга за свободу. Нож даст Матинелли шанс, теперь в руках знакомое, пусть и почти бесполезное против моего автомата оружие. Мы оба соизмеряли свои возможности, и после неожиданного маневра пару часов назад итальянец уже не был уверен в том, что именно я задумал. Теперь, вольно или нет, он вынужден слушать то, что я предложу. Пока иностранец пытался перехватить нож затекшими пальцами, я начал говорить:

– Веревки ты перепилишь через десять минут, еще спустя минут сорок здесь будут твои коллеги, и ты вернешься к своим. Правда, после рейда к мосту их осталось немного, верно?

– Я всегда говорил, что русские очень коварный народ. Не следовало доверять Рохо...

Голос наемника дрожал от напряжения, ему наконец-то удалось зажать нож между колен. Клинок представлял собой одну из недешевых копий американского десантного ножа «кей-бар»⁴⁴. Спорная штука, хоть и красивая. Я без сожаления вернул трофей иностранцу, поскольку свой выбор сделал еще в армии, где совершенно случайно мне в руки попал отличный кинжал – НРС-245. К сожалению, патроны, которыми стрелял «нож разведчика», достать было практически невозможно. Поэтому все о стрельбе я знал только в теории. Но что касается базовой техники фехтования на ножах, то я выигрывал четыре учебные схватки из пяти. Приходилось изворачиваться и таскать учителю-майору из какого-то крутого армейского «спецназа» марочный коньяк, который в свою очередь приходилось выменивать у знакомого армянина-контрактника на обмундирование и жратву. Мы, ходя в поиск, часто натывались на духовские схроны и не сильно разоренные дома, таскали много всякого барахла, даже импортные телевизоры попадались, не говоря уже про ковры и гражданскую одежду. Майор занимался со мной три месяца, пока наши части соседствовали и вроде как даже выполняли похожие задачи. Что тут скажешь, иногда жизнь бывает щедра на полезные встречи – нож и твердо запомнившиеся уроки несколько раз впоследствии спасли мне жизнь. Вопреки книжным байкам, майор к себе в спецуру не звал, хотя за успехи хвалил искренне. Да и не знаю, смог ли я служить там, поскольку все мысли в те времена были только про дембель и о карьере военного совершенно не мечталось. Сожаление, что не попросился сам, пришло гораздо позже, вместе с пониманием своего места в жизни. Промыкавшись на «гражданке» год и встретив приятеля, от безысходности вербовавшегося на новую войну с «чехами», я без раздумий решил пойти вместе с ним, поняв, что ремесло воина – это моя уже судьба... или диагноз.

Иностранец разрезал веревки за то время, когда я вновь мысленно провалился в

прошлое, и сейчас уже стоял на ногах, разминая конечности. Нож он вернул в ножны, скомбинированные с пустой сейчас тактической кобурой на правом бедре. Я увидел, что фиксатор застежки, в обычное время обнимавший рукоять под гардой клинка, сейчас растегнут, и чуть передвинул автомат правой рукой так, чтобы Матинелли уловил это движение. Одновременно я незаметно для него положил левую руку на рукоять пистолета. Шум привлечет ненужное внимание, которое я, в моем нынешнем состоянии, могу и не пережить. Если ничего не выйдет, пусть итальянец сдохнет тихо.

– Метнуть нож ты не успеешь, – сказал я.

– Выстрелы услышат, – Матинелли устало и зло оскалился, опуская руку к бедру. – Так и так тебе не жить.

Я убрал палец со спускового крючка и прихлопнул ладонью по земле. Это сбilo иностранца с толку, и он отдернул свою руку от рукояти ножа. Похоже, его мозги плавились от попыток «прокачать» меня.

– Скажи, итальянец, зачем ты приехал в Россию, да еще забрался в такую глушь, в Сибирь? Я спрашиваю без подвоха, мне правда интересно.

Видимо, сначала Матинелли хотел что-то быстро ответить, выдать дежурную заготовку, но мой спокойный, безразличный тон снова сбил его с толку. Итальянец коротко ответил:

– Работы дома нет, а тут платят хорошие деньги... Американцы сказали, что вариант беспроектный, русские... – он запнулся, но увидев, что я его внимательно слушаю, быстро поправился: – Что вы не готовы к войне. Я шесть лет отслужил на флоте, а тут место было только на сухопутке. До встречи с Рохо все было спокойно: контракт шел, деньги капали на счет в банке. А потом возник соблазн сорвать куш, не продлевать контракт еще на два года... уехать домой.

– Хорошо, когда есть дом, это ты верно сказал. Кстати, а сколько ты получаешь в месяц... Ну там жалование и надбавки, сколько это максимально в новой валюте?

Опешив от такого обыденного вопроса, иностранец сел на землю и, уставившись на меня с явным недоумением, ответил дрожащим голосом. Совершенно не понимая сути беседы, он просто отвечал на вопросы, окончательно уступив инициативу мне.

– Четыре сотни амеро, минус налоги и процент по кредитам... я строю дом, женился в прошлом году. С учетом нынешнего курса один новый амеро за три тысячи старых долларов, это неплохо.

– Неплохо, жить можно, – я буднично кивнул в подтверждение правоты иностранца. – А Шерман... ну, этот «испанский гость» наш... сколько бы тебе обломилось после дележки с ним и твоими приятелями?

– Пятьдесят... нет, тридцать пять тысяч, – итальянец просто следовал нити разговора, я задел его за живое. – Но там пришлось бы ждать, пока...

– О, подробности схемы меня не интересуют, – я махнул рукой, выражая пренебрежение к деталям. – Сейчас-то ты так и так на мели, верно?

Во взгляде и всей позе пленника что-то изменилось, он интуитивно чувствовал, что впереди его ждет нечто интересное. В минуты опасности интуиция любого человека обостряется. Матинелли не чувствовал с моей стороны прямой угрозы. Напротив, ему стало понятно, что в своих первоначальных выводах он не ошибся. По крайней мере, сейчас ему так казалось.

– Нет, просто все вернулось к первоначальной точке: я не разбогател, зато жив и...

Тут он напряг слух, в надежде, что вот тут-то из кустов выскочат бравые морпехи и странному разговору придет конец. Но ничего не произошло, поэтому итальянец оборвал себя на полуслове, снова выжидательно глядя мне в глаза. Медленно, чтобы не вызвать ненужных тревожений у иностранца, я двумя пальцами правой руки вынул из кармана куртки затянутую в полиэтилен пачку иностранных денег и бросил ее под ноги пленного. Описав короткую дугу, сверток плюхнулся рядом с рукой не шелохнувшегося Матинелли. Я поощряющее кивнул на деньги:

– Возьми, там десять тысяч амеро, купюрами по двадцать и пятьдесят. Раз ты приехал заработать, вот твой шанс не просто вылезти из долгов, но реально разбогатеть. По-настоящему разбогатеть. Ты хочешь этого, иностранец?

Чуть помедлив и не спуская с меня настороженного взгляда, наемник схватил сверток и, разорвав полиэтилен, принялся проверять купюры. По блеску глаз я понял, что его все устроило. Когда он снова посмотрел на меня, в его взгляде был только лихорадочный азарт, парень спекся. Поощрительно улыбаясь, я продолжил:

– Эти деньги ты можешь взять без всяких условий, как компенсацию за плен и неудачную сделку с недобросовестным партнером. Шерман ведь так или иначе хотел вас кинуть.

– А ты нет?

Потеряв всякую осторожность, Матинелли смелел посекундно, ему показалось, что он уловил суть сделки, но тут я его обломил:

– Каждый человек чего-то хочет от жизни и других людей. Чего хочешь ты, мы выяснили, чего хочу я, тебе знать не обязательно. Не загружай мозги ненужными деталями: ты хочешь свой дом, яхту, машину и денег больше, чем сможешь потратить, я дам тебе возможность осуществить мечту.

– Похоже на сделку с дьяволом...

Голос итальянца чуть похолодел, руки перестали теревить купюры, и он снова настороженно посмотрел мне в глаза.

– Ну, это вряд ли. Ты хочешь заработать, я хочу воевать. А война требует информации и припасов. Деньги, которые я захвачу, – твои, мне их в тайге не потратить. Но только с припасами и живой я смогу обеспечить их поступление тебе. Не торопись, подумай: ты останешься жив, заработаешь, отправишься на родину и забудешь все как страшный сон. Американцы нас разобьют, ты так и так ничего не теряешь. Но со мной есть шанс вернуться домой богатым и здоровым, а вот без меня... Да я даже убивать тебя не буду, ты сам пожалеешь, что отказался от сделки, потому что будут другие пленные и среди них найдется тот, кто согласится. Ловить нас будут долго, ищейки, которых ты пустил по своему следу, никого не найдут, потому что тут я хозяин, а вы только незваные гости. На банковской ленте написана рабочая частота. Я буду на волне каждый вторник и четверг, с тринадцати до пятнадцати часов. Позови, если надумаешь согласиться, а сейчас – прощай, итальянец.

Матинелли подобрал ленточку с цифрами и спрятал ее в потайной кармашек возле локтевой заплатки на левом рукаве. Грамотно рассовал по карманам деньги и, ловко цепляясь за выпирающие из склона оврага корни деревьев и пучки травы, взобрался наверх. Я тоже поднялся, переместив руку так, что и из этого положения можно выстрелить из пистолета от бедра. Но опасения оказались напрасны: итальянец только кивнул мне на прощание и, не оглядываясь, пошел в сторону, откуда слышались звуки приближающейся облавы. Подождав, пока он скроется из вида, я двинул следом, чтобы еще больше запутать тех, кто придет сюда уже через каких-то десять минут. Пройдя таким манером метров сто, я свернул сначала на юго-восток, а потом развернулся и, забирая восточнее, через час с небольшим опять вернулся на маршрут в Шишковичи. Звуки погони снова отдалились, но чувство беспокойства где-то на периферии сознания тонким голоском нудило о близкой опасности. Сбавив темп, я выбрал небольшую щель в корнях старой сосны и, замаскировавшись, присел. Я выжидал, нет ли кого поблизости, попутно анализируя наш с наемником разговор.

Кажется, вербовка прошла удачно и иностранец, ощущая нехилые деньги в кармане, понимает, что получил их практически без всякого риска. Прикинув все шансы и просчитав выгоды от долгосрочной работы на меня, он непременно решит, что вынул счастливый билет. Плен и угроза смерти неожиданно принесли неплохой барыш. К тому же, теперь отпала необходимость с кем-либо делиться. Деньги польются рекой, поскольку коли речь зашла об оружии, то увидев мою экипировку, иностранец подумал ровно о том же, что и я: трофейное имущество большей частью уничтожается, и именно наемники решают, что

отправить на склад, а что уничтожить как негодный хлам. Позже, если все пойдет, как я задумал, можно будет расширить сотрудничество, поскольку размеры отряда уже увеличились и это не последнее пополнение; особенно остро встанет вопрос продовольствия, медикаментов и одежды. Обдери я даже всех зверей в лесу, обшить такую ораву не удастся. Поэтому каждый получит то, что хочет, в этом я иностранцу не солгал...

Время шло к ночи, сумерки превращались в непроглядную темень, и находиться в сухом лесу стало еще опасней, нежели днем. Матинелли наверняка расскажет, что его захватили в плен, но он сбежал, утаив нож при поверхностном обыске. Поэтому меня станут искать особенно тщательно, и с наступлением темноты амеры спустят на меня свой главный резерв – малые поисковые группы, охотников на диверсантов. Я понял это, как только шум, производимый обычными поисковиками, стих, но гул вертолетных моторов не исчез, а, сместившись к востоку, то удалялся, то приближался. Сейчас амеры высадились не далее чем в трех десятках километров отсюда, разбились по командам и, поделив сектора, ищут мой след. Около двух лет назад я слышал о подразделениях, призванных охотиться именно на партизан. Опыт малых групп, частично утерянный после Вьетнама, был возрожден, как только амеры влезли в другой капкан – афганский. После вывода войск многие спецы ушли в частные фирмы, но то, что случилось со схроном три дня назад, наводит на мысль, что кто-то из этих парней остался на службе и сейчас резвится тут. Кривая усмешка невольно растянула мои губы: ирония ситуации в том, что я получил то, о чем просил Судьбу. Нравится мне это или нет, но скоро человек десять-пятнадцать таких «профи» будут оспаривать друг у друга право добыть мой скальп. Матинелли скорее всего не станет врать своим, он поймет, что во время поисков по следам те сами разберутся, сколько было русских. Само собой, в Шишковичах преследователи след потеряют, места там нехоженые, и даже в советское время в тех краях часто пропадали люди. Поэтому часть охотников реально ушла следом за Веней, и я могу только надеяться, что студент со товарищи получил достаточную фору, пока я таскаю основные силы преследователей за собой. Не стоит обольщаться: враг не глупее меня, мой план изначально предусматривал и самый худший сценарий. И худшее случилось: кто-то среди охотников сложил два и два и решил выменять труднодоступного журавля в лице группы Очкарика на вполне уловимую синицу в моем лице. Поэтому, прекратив крупномасштабную облаву, амеры воспользовались услугами тех, кто раньше так или иначе оказывался на моем месте, а значит, имеет больше шансов на успех.

Поднявшись с земли и размяв несколько затекшие конечности, я снова рванул трусцой вперед, на юго-запад, в сторону заболоченного участка тайги. Конечно, в сухом лесу у меня больше пространства для маневра, но именно здесь противник сможет реализовать свое численное преимущество. А в болоте легче спрятаться, легче выйти с амерами один против двоих, или даже один на один. Хотят они или нет, но, зная тактику поиска, я знал, что спецам придется разделить свои силы и действовать в двух направлениях. Меньшая их часть пойдет на юго-восток, отрезая мне путь к Шишковичскому массиву, а другая ринется по горячему следу к болоту, дабы перекрыть мне все выходы из него или перехватить на подступах. Сложности у нас с иностранцами практически одни и те же: ночь, знакомая только по картам местность, отсутствие информации о возможностях друг друга. Однако мне безусловно проще, поскольку я один, а след в темноте может отыскать только очень опытный поисковик, да и то не так быстро, как днем или в сумерках. Кроме того, амеры пойдут по петле, которую я им оставил, так или иначе, им придется повторять мой курс, а у догоняющего перед убегающим слишком мало преимуществ в сложившихся условиях. В болото за мной полезет максимум человек шесть, да и то, скорее всего, они будут ждать утра.

Низко пригибаясь, чтобы реже задевать ветки деревьев, я максимально быстро бежал в сторону болот, до которых было еще очень далеко, а оппоненты уже дышат в затылок, это я чувствую почти физически. Их желание выследить, кажется, прощупывает темноту леса, словно лучи радара. Беспилотники пока ушли, однако вряд ли надолго, и скоро придется прятаться еще и от них. Шум, производимый загонщиками, уже давно стих, лес молчал, его обитатели затаились, убрались с пути более хищного соперника. Когда люди воюют, звери,

даже самые опасные, непременно уходят с их дороги. Вокруг была мертвая тишина, в которой даже писк комаров и мошкары не звучал громче ветра, запутавшегося в верхних ветвях деревьев. Хотя нет: вот сорока вспорхнула и заголосила так громко, что эхо многократно разнеслось по округе. Судя по этому предупреждению, кто-то был совсем рядом, метрах в двухстах впереди и слева, преграждая мне путь к звериной тропе, ведущей на болото. Мгновением позже я уже падал, влекомый на землю вопящим во все горло предчувствием близкой опасности.

Короткая, в три патрона, автоматная очередь прорезала мрак чуть правее того места, где я только что стоял. Звук от выстрелов был еле различим, а пули со злым визгом ушли в молоко. Лежа ничком в корнях огромной сосны, я сообразил, что устроивший мне засаду амер — один, иначе стреляли бы с нескольких сторон. Оружие с глушителем свидетельствовало о правильности моих предположений — против меня играют «профи», которые следуют только своим правилам. Сейчас важно определить, что есть у противника: про «тихарь» я уже знаю, теперь нужно выяснить, есть ли у него ноктовизор или только ночной прицел на автомате.

Зная «спецов», я был уверен, что есть что-то одно: в поиске может помешать каждый лишний грамм носимого груза. Думать о том, что кто-то из амеров оказался шустрой меня, не хотелось, однако рассуждать некогда. Оглядевшись вокруг, я заметил узкий просвет среди деревьев и, рывком поднявшись, рванул к новому укрытию, до которого было метров десять. Чувство опасности просто вопило, разрывая надорванное сердце, вдобавок потемнело в глазах и, инстинктивно уйдя в кувырок на последнем отрезке броска, я краем уха услышал вой близко пролетевших пуль. Уже приземлившись, я больно треснулся головой о ствол сосны, прищемив верхушку ушной раковины. Сдержал невольный вскрик и что есть сил вжался в землю. Мелькнула мысль, что у противника есть и прицел, и ноктовизор, видимо, он сэкономил на чем-то другом. Когда имеешь дело с профессионалом и у него имеются облегчающие работу приборы, ветошью лучше не прикидываться: даже в хорошей маскировке и в темноте он сможет вычислить человека и, прежде чем подойти, обязательно выстрелит. Но обмануть его можно, все мы люди, все ошибаемся. Стараясь двигаться бесшумно, я отстегнул лямки походного «сидора» и, прикинув, куда бы перебежал в следующий раз, метнул рюкзак по низкой дуге, чтобы было похоже на перебежку. «Сидор» очень натурально изобразил меня, шурша стеблями травы и ветками шиповника — улетел метров на десять вперед. Одновременно с броском я откатился назад и уперся спиной в ствол другого дерева. Выстрелы прозвучали чуть громче, видимо, сепаратор «тихаря» уже понемногу забивался пороховой гарью и частичками рвущейся, менее прочной внутренней оплетки. Стрельба очередями из «глушеного» оружия — это всегда риск, какой бы совершенной ни казалась конструкция специального патрона или самого «тихаря»...

...Амер засел слева и впереди, на невысоком холмике, вот почему пули ложились как бы сверху. Видимость была практически нулевой, я думал, что импортный спец сидит метрах в трехстах отсюда, а он почти совсем рядом — до холма не более сорока метров по прямой. Выстрелил он в рюкзак, по мне не отработал, значит, повелся, значит, скоро пойдет проверять. Напрягая слух и закрыв глаза, я весь превратился в одно большое ухо. Увидеть противника не стоит даже и пытаться, а вот услышать, как бы тихо он ни продвигался, — это вполне реально, учитывая попрытавшееся зверье и стихший ветер.

Произошедшее спустя долгих пять минут, которые я провел в ожидании амера, можно назвать закономерной случайностью. В полной тишине послышалось сначала шуршание, потом сдавленный вскрик и громкий треск веток кустарника. Амер неловко ступил на землю, видимо попав ногой в ямку или нору грызуна, и кубарем скатился с холма, не выпуская, однако, оружия из рук. Это я понял после двух коротких очередей, выпущенных спецом для профилактики после того, как он споро вскочил на ноги. Такой подарок Судьбы нельзя было упустить. В низкой стойке я боком стал обходить холм и смутно виднеющуюся фигуру так, чтобы оказаться у амера за спиной. Однако фокус не удался: каким-то образом он почувствовал мое движение и снова выстрелил, но теперь мы оказались в равных условиях,

видимо, от падения что-то случилось с его ноктовизором. Пули досадливо пели слева от меня, рикошета от стволов деревьев, срезая ветки кустов. Вдруг что-то сухо щелкнуло, и стрельба прекратилась. Кончились патроны? Но, судя по интенсивности огня, противник и так использовал очень вместительный магазин, может быть «спарку» – скрепленные специальным зажимом два магазина обычной емкости. Уловка? Нет, не похоже: слишком уж все спонтанно произошло.

Вынув ПБ, я медленно и осторожно вновь стал обходить холм справа, и тут на меня обрушилось что-то большое и тяжелое. Мелькнула мысль, что, решив взять меня живьем, амеры устроили ловушку, в которую я благополучно угодил. Упавший сверху спец был тяжелее килограммов на сто, однако он немного промахнулся, только сбив с ног – но придавить меня всей тушей к земле у него не вышло. Тренировки помогли, и пистолет из рук я не выпустил, однако же освободился от болевого захвата с ощутимым трудом. Противник был реально здоровенным – таких «обломов» и используют для захвата. Откатившись на полметра, я выстрелил три раза в шевелящуюся рядом тушу. С характерным чмоканьем все три пули вошли в тело, промахнуться на такой дистанции невозможно, но амер прямо с земли прыгнул в мою сторону. Снова откатываясь и уже в движении, я еще трижды нажал на спуск. Изрыгая приглушенные проклятья, иностранный «волкодав» плюхнулся справа, в опасной близости, заелозил по траве, пытаюсь встать. Не тратя оставшиеся три патрона на сомнительную по результатам стрельбу, я выхватил из кармана брюк нож, освободил «собачку» фиксатора лезвия и вытряхнул хорошо отточенный клинок из его естественного рогового футляра. Перехватив пистолет за ствол, я шагнул к противнику и с размаху опустил рукоять туда, где на мгновение блеснули белки глаз. Видимо, попал в переносицу или челюсть, потому что после удара раздался характерный хруст.

Что-то помешало мне добить затихшего здоровенного как лось амера, что-то заставило меня качнуться с вышагом влево. Второй амер пришел на выручку товарищу: видимо, он давно целился, но любая техника имеет предел совершенства – он не стрелял, боясь задеть напарника. Когда же мы разделились, стрелок промахнулся только из-за моих обострившихся инстинктов, которые теперь руководили мной почти помимо сознания. Жажда жизни, а отнюдь не желание победы и дикий стресс, вот и все, что в это мгновение спасло меня. Шагнув в сторону и оказавшись за стволом дерева, я дважды выстрелил туда, где, как шептала чуйка, стоял второй амер. Одна пуля прошла мимо, тенькнув о ветку, куда-то влево и вниз. Вторая, напротив, достигла цели, заставив иностранца слабо вскрикнуть. Спрятав пистолет в кобуру, я потянулся за спину, где был закреплен автомат, снял оружие с плеча, разложил приклад, вскинул «весло» к плечу, поймал иностранного «спеца» в прорезь прицела. И опять что-то, что берегло меня, словно бы удерживало палец на спуске, не давая сделать выстрел. Амер повозился со своей винтовкой, потом забросил ее за спину, вынул пистолет и принялся водить удлиненным за счет «тихаря» стволом из стороны в сторону, пытаюсь определить, где я спрятался. Устроить «пиф-паф» на пистолетах уже не получится – патроны к «макарке» вышли все и отвечать иностранцу нечем.

Истекающее секундами время почти физически капало на нервы раскаленной кислотой нетерпения. Разум говорил плюнуть на все и пристрелить иностранца, но нечто подсознательное умоляло воздержаться от шума. Неожиданно амер опустил пистолет, спрятал его обратно в кобуру, сначала вытянул обе руки в стороны, а потом вынул из-за спины некий предмет, поднял его вверх. Уже светила луна, но ее свет едва пробивался сквозь кроны деревьев. Ветер снова задул с востока, но силы его хватало только на то, чтобы еле-еле шевелить самые тонкие ветви сосен и пихт. Однако тусклого лунного блика, на миг осветившего фигуру американца, было достаточно – в кулаке он зажал нож. Иностранец предлагал бой без огнестрела, что вовсе не так уж безрассудно, я слышал, что «профи» часто презируют огнестрельное оружие, а ценят прежде всего вот такую резню. Я понимал причину, по которой противник предложил себя как приманку: скорее всего, у них был жесткий приказ захватить кого-нибудь из устроивших налет на колонну живым. Также амер понимал, что без напарника он не сможет гарантированно меня захватить, все, что у него

осталось – это тянуть время до подхода своих. На раздумья не осталось времени, и я, опустив автомат, вышел за спиной иностранца.

Реакция у спеца оказалась отменной, он мигом обернулся, но, увидев автомат у меня в руках, замер на полушаге. В скудном лунном свете трудно что-либо разглядеть, даже если учился этому, однако когда твое начальство постоянно зажимает батарейки для фонаря, еще и не к такому привыкнешь. Ростом амер был на пол головы выше меня, одет в добротный камуфляж, странно мерцавший, когда на ткань попадали лучи света. Сделав поправку на объем экипировки, я определил вес незнакомца – до ста двадцати килограммов, и рост – метр девяносто. Его лицо, как и мое, скрывала маска, в прорезях поблескивали белки глаз. Нож иностранец держал в правой руке, режущей кромкой наружу. Классика – он рассчитывает разделить меня, как кролика, и не занимайся я армейским фехтованием дольше, чем ножевым боем, он вполне может победить, причем расправа обещает быть скорой. Сжавшись, расставив длинные руки, янкес молча ждал. Я демонстративно вытянул оружие, зажав автомат в правой руке и показывая, что стрелять не собираюсь. Но и биться на ножах я не собирался. Отсоединив магазин и сунув «рог» в подсумок на бедре, я передернул затвор, выбросив уже досланный патрон, поймал его на лету и спрятал в карман. Потом снова перехватил автомат двумя руками и направил ствол вперед и вверх для тычкового удара. Оружие превратилось в подобие короткой пики. Хорошо, что у меня нет штык-ножа, иначе амер не стал бы рисковать и непременно начал бы палить из пистолета. Приказ приказом, но жить хочется всем.

Амеры отлично бьются на ножах, равного боя мне не выдержать – после напряженных скачек по лесу, да еще в темноте и с едва зажившей рукой, я не собирался испытывать удачу подобным образом. Чего янкесы не знают хорошо, так это штыковой бой; армейское фехтование – мой главный козырь на данный момент. Само собой, их учили раньше, но с появлением в армии слабо развитых физически новобранцев и принятием на вооружение компактного личного оружия штыковой бой изъяли из программ подготовки. Иностранец подумал, что русский спятил и будет биться автоматом, как дубиной, поэтому ринулся вперед, проводя серию из двух колющих и одного режущего удара по корпусу, сокращая дистанцию. Стволом отведя руку с клинком, я, отшагнув влево, углом приклада ударил амера в плечо, шагнув ему за спину. Тот, мгновенно обернувшись, перехватом бросил клинок в левую руку, но я, снова заблокировав ее прикладом, обратным движением вывел ствол автомата в тычковый удар по кадыку. Янкес в последний миг отвел удар, стремясь поймать ствол за компенсатор, но я, чуть подправив траекторию, отшагнул вправо-назад и потянул автомат на себя. Противник невольно нырнул корпусом вперед, сделав широкий оборонительный мах клинком перед собой. Но тут же подставился сначала под удар по вооруженной руке, по которой я сразу же ударил прикладом, и нож, глухо звякнув, выпал из раздробленной кисти. От резкой боли он еще этого не почувствовал, силясь распрямиться; воспользовавшись моментом и шагнув ему за спину, я освободил зацепленный за пистолетную рукоять автомата ремень, всегда сложенный в петлю. В два движения накинудавку на шею амера, резко потянул влево, помогая себе корпусом, чуть согнув ноги в коленях. Раздался короткий всхлип и следом глухой хруст шейных позвонков – пытаюсь освободиться, амер сам помог мне сломать его же собственную шею.

На осмотр тел не осталось времени, так или иначе, но эти двое, пусть и частично, но свою задачу выполнили: сразу с двух сторон послышался треск птичьих крыльев, это подоспевшие к месту засады остальные преследователи вспугнули рябчиков. Одновременно с востока и юга донеслось характерное гудение беспилотников. «Запятнавший» меня амер успел-таки вызвать подмогу, и теперь даже болото может оказаться лишь глубокой могилой, которую и рыть-то не нужно. Не таясь особо, я вынул «рог» из-за пояса и, вставив недостающий патрон, примкнул магазин к автомату, тихо передернул затвор. Закинув «весло» за спину и закрепив его лямкой с карабином на ремне справа, я снова побежал в сторону болота. Гнилостный, сырой запах уже витал в воздухе, слышались редкие голоса лягушек.

То, что предстояло сейчас, я буду проделывать в первый и, если сорвется, последний раз в жизни. Пожалуй, это теперь единственный способ уйти от погони, другим вариантом будет только героическая смерть, к которой я не торопился. Привычно чуть ссутулившись и наклонив голову, а корпусом подавшись немного вперед, снова начинаю монотонный забег до близкого уже края, где начинается топкая болотная земля. Если описывать собственные ощущения человеку со стороны, то сейчас я практически ничего не чувствовал. Дело не в стимуляторах, которых у меня нет, и не в особом «геройском» складе характера. Даже страха не осталось. Человек так устроен, что когда работает некий резерв, организм отключает все мешающие выжить ощущения и какое-то время в таком состоянии способен на многое. Мозг, как правило, в такие мгновения пуст, а побуждающие к действию мысли возникают словно вспышками, и тело выполняет их приказы не рассуждая.

Однако бежать стало трудно, даже в таком состоянии: зверье к болоту тут не ходило, даже узкой стежки, ведущей сквозь кустарник, не протоптано. Продираясь сквозь нижние ветки деревьев и плотные заросли особо густой в насыщенной влагой почве, высоченной травы, я потратил почти час. Преследователи уже вышли к месту моего столкновения с их товарищами, оттуда слышались окрики, между деревьями мелькал желтый свет фонарей. Шум моторов в воздухе сместился вправо, один вражеский аппарат висел практически у меня над головой. Сейчас все решит случай: если трюк удастся, то погоня сместится южнее и закончится ничем. Особо не мудря с выбором, я срезал подходящее по размеру тонкое деревце и, уже стоя по пояс в холодной воде, очистил его от веток, получился двухметровый щуп, или, по-простому, слега. Осторожно я двинулся вперед прощупывая доходящую уже до подбородка гнилостно воняющую жижу. Под ногами колыхался зыбкий торфяной ковер, идти по которому следовало теперь совсем медленно. Темнота сомкнулась вокруг, ступни засасывало, иногда под ноги попадались непонятные то ли бревна, то ли камни. Позади слышались приглушенные голоса и мелькнули всполохи сильных фонарей. Неожиданно сверху ударил крупнокалиберный пулемет, причем самих выстрелов почти не было слышно. Целая стена из ошметков травы, ила и грязной воды вздыбилась в каких-то десяти метрах впереди и справа от меня.

Не дожидаясь, пока оператор беспилотника возьмет верный прицел, я без всплеска сел на корточки, оставив слегу над водой в чуть наклоненном состоянии. Необструганная верхушка, сохранившая несколько коротких веточек – вот и все, что осталось над поверхностью. Задержка дыхания нужна мне только на пару минут, пока не получится вынуть из бокового шва слева на поясе кусок резинового полого шланга, полукольцом охватывающий талию под ремнем, за который он держится тремя проволоочными прихватами. Звуки не исчезли полностью, пули шлепали по воде, ощутимо дрожала зыбкая почва под ногами, в царящей вокруг темноте я мог полагаться только на осязание и память. Нашупав карман, я расстегнул сторожок застежки и вытянул кончик шланга за скрепляющий его узел, который тут же поддался. К одному концу трубки я прикрутил вынутое из другого кармашка проволоочное кольцо с широким крючком, который ходит свободно и не будет цепляться за сучки на палке. В разных подсумках «разгрузки» и кармашках куртки у меня всегда есть всякие полезные мелочи: болтики, куски проволоки и прочий, вроде бы бесполезный хлам, но без него не выжить. Диаметр слеги я всегда выбираю на ощупь, чтобы крепко держалась в руке, поэтому и крючок пришелся впору. Трубка, заскользив вверх, через несколько долгих мгновений вытянулась вдоль шеста на всю длину. Прильнув к концу шланга губами, я коротко дунул, вытесняя остатками воздуха в легких скопившуюся внутри воду. Воды оказалось немного, поскольку верхний раструб я специально долгое время держал жестко согнутым, что и помешало ей и грязи попасть внутрь. Того, что верхний конец трубки все еще может оказаться под водой, я почти не опасался: длина трубки была подобрана точно и составляла один метр десять сантиметров. И вот, на последних остатках силы воли, я делаю первый осторожный вдох. Сырой воздух, просочившийся в легкие, стал достойной наградой за почти три минуты работы вслепую, без надежды на положительный результат. Сделав два вдоха-выдоха, я снова задержал дыхание и приготовился ждать,

сместившись вместе с шестом на шесть метров вправо. Звуки погони ушли вперед, шума винтов беспилотников я больше не слышал. Идти дальше теперь нельзя – сейчас охотники ищут тело, предположительно порезанное пулеметной очередью. Темнота им с такими сильными прожекторами особо не мешает, однако на болоте всегда есть шанс попасть в цепкий вязкий капкан трясины, хотя, казалось бы, вот только сейчас ты стоял на относительно надежном, пусть и покачивающемся, словно надувной матрас, травяном ковре.

Участки вроде того, где я нырнул, любое руководство по выживанию отнесет к непригодным для прохода или остановки. Обычно это действительно так и есть, но только не там, где подолгу дрейфуют кувшинки⁴⁶ – болотные цветы, в этих местах есть участки относительно стабильных торфяных пластов. Корни блуждающих цветов цепляются за всякий мусор, который лежит на дне, и поэтому долго стоят на месте, образуя вокруг себя слой ряски. Листья кувшинок ржаво-красного цвета, их можно различить в темноте довольно легко по характерной форме листьев, отдаленно напоминающей сердечко. Самое главное – это не стоять на одном месте очень долго, вязкий ил постепенно засасывает все, что давит на поверхность более-менее постоянно. Холод, темнота и гнетущее чувство неизвестности – это все тоже действует на психику, побуждая вскочить, глотнуть свежего воздуха. В подобной ситуации я уже оказывался раза два. Но тогда вокруг не было трясины – только темный подвал трехэтажного разрушенного дома, да куча сваленных друг на друга пристывших на морозе трупов вокруг. Тогда удалось не сойти с ума, спасли полустертые временем детские воспоминания: колхозный луг, залитый ласковым августовским солнцем.

Мне лет пять или семь, две незнакомые городские девчонки, почти девушки, сидят чуть поодаль. Одна заплетает подруге длинные русые волосы в толстую косу, а та в свою очередь плетет пышный венок из полевых цветов. Сейчас уже плохо помню, как я оказался в деревне, уверен только, что ездил туда, как и эти девчонки, погостить, но вот к кому?..

Волна покоя и тепла пробежала по телу, ритм сердца стал спокойнее, окружающая темнота перестала давить, паника исчезла. Медленно ступая, ощупывая зыбкий ил слегой, передвигаюсь на три метра влево и снова замираю. Теперь или амеры перестанут искать тут, или я загнусь от переохлаждения. Пока в моем распоряжении час, от силы полтора...

...Способ, который меня выручал, я узнал опять же от деда, который в свою очередь слышал рассказ одного из своих бойцов, бежавшего из лагеря для военнопленных в Белоруссии. Боец тот попал в плен после тяжелой контузии, и большую часть времени, проведенного в лагере, помнил смутно. Его пытались выводить на какие-то работы, однако неспособный стоять на ногах солдат очень скоро оказался в яме, куда сваливали больных и умирающих. Не считая нужным тратить на них патроны, немцы просто ждали, пока яма заполнится телами на две трети и умирающие перестанут стонать и шевелиться. Потом тела грузили на телеги и вывозили за пределы лагеря, где сваливали в широкие, вырытые, может быть, теми же самыми заключенными, рвы и кое-как закапывали. Боец краем сознания понимал, что откопаться из братской могилы он не сможет из-за простреленной руки. Рана гноилась, жар, может быть, и заставлял человека на короткие промежутки времени приходить в себя, но больше всего он хотел жить. Поэтому по пути ко рву, собрав последние силы, он скатился с телеги и побежал в лес.

Конвоировавшие заключенных, выделенных закапывать могилу, двое немцев не погнались за ожившим «покойником», настолько сильно было их изумление. Однако, придя в себя, послали владельца подводы обратно в лагерь. Форса у беглеца вышла часа в три, однако его загнали в болото, но вместо резиновой трубки у него был полый сухой стебель какого-то растения. По себе знаю, что лихорадка, вызванная ранением, может на короткое время обострять соображалку, такое не редкость. Немцы обыскивали берега, кидали гранаты наугад и стреляли по камышовым зарослям, но в трясину не полезли. Питаясь лягушками, сырыми грибами и мхом, пленник наткнулся на партизанский отряд, где мой дед с ним и познакомился. Дед, неплохо, как, впрочем, и я сам, умевший рисовать, как-то раз показал групповой портрет, где среди четверых вполне обычных молодых парней выделялся один совершенно лысый человек с пронзительным, давящим взглядом. Дед пояснил, что после

того как этот уникум попал к ним в отряд, у парня вылезли все волосы на голове, даже брови стали редкими, клочковатыми. По первому впечатлению, он тут был старше всех: глубокие складки морщин, тонкий, почти безгубый рот и перебитый вислый нос. Звали этого человека Андрей Ропша, родом откуда-то из Черниговской области. В армию попал за семь месяцев до войны, был простым пехотинцем-стрелком. И когда дед не поверил, что пленный отсиделся в болоте таким вот образом, Ропша предложил показать, как он это делает, благо болот в расположении хватало. Три часа Ропша сидел в казалось бы совершенно гиблой трясине, а потом вышел и совершенно отстраненно научил, как нужно ступать и какое место лучше выбрать для укрытия. Больше Андрею никто вопросов не задавал, до сорок седьмого года он воевал вместе с дедом, пока не погиб в сшибке с украинскими националистами. Каким-то чудом сержант Ропша почувствовал засаду и, отвлекая огонь замаскированного в трех метрах от дороги пулемета, был перерублен очередью практически пополам. Дед говорил, что Андрея отметила Смерть, да и он сам признавался, что с того момента, как оказался завален телами умирающих, живым себя уже не ощущал...

– А-а-х! Вум-м-м!

Вечер воспоминаний прервал близкий разрыв, мощной волной меня и всю конструкцию опрокинуло, вытолкнуло на поверхность и понесло куда-то влево. Рот забило грязью, воздуха в легких совершенно не осталось – тугая взрывная волна выдавила его прочь казалось, вместе со всеми внутренностями.

– Вум-м-м!

По глазам резанула яркая вспышка белого света, с новой силой меня швырнуло вперед. Ломая кусты и тонкие болотные деревья, я, пролетев метров пять, плашмя снова ухнул в растревоженную минометным обстрелом болотную грязь. В том, что это работают тяжелые минометы, я не сомневался, пусть даже и оглохший, но голос ротной артиллерии я знаю хорошо. Свистопляска продолжалась около получаса, осколки, визжа и подвывая, косили деревца и кусты почище комбайна, ориентацию я утратил совершенно. В состоянии, когда отсутствуют пространственные координаты, тем более непонятно, жив ли ты еще или это просто бестелесную душу твою носит над болотом волнами возмущенного воздуха. Наконец сознание, не выдержав нагрузки, взяло тайм-аут и я перестал вообще что-либо ощущать и чувствовать – все поглотила вязкая, звенящая тишина...

...Первым и главным ощущением, которое заставило сознание вернуться на пост, стал отвратительный соленый привкус во рту. Потом возникла тупая пульсирующая боль в висках, и сквозь корку засохшей спекшейся грязи я увидел тусклый свет, пробивающийся сквозь плотный серый туман. Осторожно пошевелив конечностями, я выяснил, что так или иначе, но руки-ноги слушаются. Судорожное ощупывание показало, что раны поверхностные и осколков мин удалось каким-то чудом избежать. Спустя час, когда туман почти рассеялся, мне удалось встать на четвереньки и осмотреться.

Кругом было все то же болото, однако сейчас я непонятным образом очутился в самом центре трясины, а не утоп только потому, что взрывами, видимо, подняло торфяной пласт и я оказался на небольшом пятачке оплавленной взрывом земли, причем словно бы вмурованным в него. Придя в себя настолько, чтобы сесть, я осмотрел снарягу. Оторвался задний подсумок с гранатами и четыремя запасными магазинами к автомату. Теперь боекомплект сократился ровно наполовину, так как в боковом подсумке слева на поясе осталось четыре полных «рога». Фляги с водой и еще двух правых подсумков тоже не было. В набедренной кобуре вместо шомпола я держу тонкую алюминиевую трубку с плотно притертой пробкой – там ружейное масло, помимо комплекта, который как раз и лежал в заднем большом подсумке. Любой «калаш» будет стрелять и без чистки, но экстрим без необходимости я не практикую. Поэтому, сняв всю одежду, я выбрал футболку, как самый чистый из элементов имеющегося гардероба, разложил детали автомата на мокрой куртке и, стоя на коленях, принялся пластать майку на полосы.

Можно не есть и не пить самому, но оружие должно получить уход прежде всего остального, поскольку я без жратвы и питья смогу перебиться, а вот техника – вряд ли.

Благодаря дополнительному креплению автомат остался на месте, а после полной разборки и чистки «весло» снова было готово к работе. Пистолет уцелел, но с единственным патроном он пока почти бесполезен. Порадовало и то, что нож в чехле и трофейный прицел тоже остались со мной и оба не пострадали ни от ударов о землю, ни, тем паче, от осколков. Если сменного комплекта белья нет, нужно как можно более тщательно отжать все детали костюма, вплоть до трусов, и следующие несколько часов передвигаться исключительно бегом. Но сейчас лучше заняться ранами, пока есть время и возможность.

Кругом стояла звенящая тишина, амеры, потеряв меня в болоте и отбомбив по квадратам местность, скорее всего переключились на Шишковичский массив, но там их тоже ждет облом, без вариантов.

При поверхностном осмотре выяснилось, что кроме трех довольно болезненных рассечений на левой руке, левом же бедре и кисти правой руки я серьезно не пострадал. Последние граммы драгоценного коньяка из плоской фляжки, лежавшей в нагрудном кармане куртки, ушли на промывку ссадин. Зашив раны на бедре и предплечье левой руки, я перебинтовал их примотанным к прикладу бинтом; запаянный в водонепроницаемую стерильную обертку, он в очередной раз спас мне жизнь. Часы тоже уцелели, но это благодаря кожаному чехлу, который прикрывает корпус. Его я смастерил сам из куска прочной свиной кожи, сейчас почти черной от времени. Одевшись во влажную, вставшую коробом от ощутимого утреннего холода одежду и притопнув ногами в словно чужих ботинках, я наметил направление – нужно покинуть-таки укрывшее от супостатов болото. Срубив чахлое деревце и обрубив ножом листья, я медленно двинулся на восток, предстоял еще долгий путь сквозь почти непролазную трясину. Однако это уже не пугало, ведь я у себя дома.

* * *

Россия. 7 сентября 2011 года. Южный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны, 459 км восточнее г. Бердск. Шишковичский лесной массив. 17:35 по местному времени. Партизан Антон Варламов. Переговоры и поиск новой точки постоянного базирования. Заключение.

Парочка, сидевшая в секрете, явно хотела, чтобы их кто-нибудь заметил: парень что-то шептал девице на ухо и пытался украдкой залезть под ее мешковатую куртку, а она, без особого рвения отводя его руки, сдавленно хихикала.

Мысленно выругавшись, я убрал трофейный прицел в карман куртки и осторожно двинулся дальше, обходя беспечных влюбленных по дну длинного оврага, ведущего аккуратно к тому месту, которое я определил для артельщиков как место сбора, кажется, целую вечность назад. Спустя полчаса я увидел знакомую «штабную» палатку и пять других разного размера, в том числе и длинную, которая несомненно была отведена под лазарет. Выйдя из кустов и держа автомат на спущенном ремне в вытянутых руках перед собой, я не таясь пошел к лагерю. Одна из главных целей достигнута: я помог остаткам отряда Шермана спастись, уцелел сам и так или иначе вывел из-под удара свою группу в полном составе. Пусть Мишка ранен и может склеить ласты... Да запросто – за то время, что я таскал за собой амеровских охотников по тайге. Но есть надежда, что в общем-то не чужой мне человек и давний знакомый все же вытянет.

За прошедшие недели этой огромной, непривычной для меня войны, чьи масштабы до сих пор пугают меня, появилось робкое, но удивительно теплое чувство надежды. И хоть я гоню страх прочь, давя его нещадно, где-то глубоко в душе все больше крепнет уверенность, даже фанатическая убежденность в том, что победить врага можно. Что послужило основой для этой слепой веры: грязные палатки, с каждым шагом все более и более отчетливо видимые в лесном полумраке, или глаза людей, выскакивавших отовсюду с

оружием в руках? В момент, когда меня сбили с ног и принялись вязать пластиковыми американскими наручниками, я понял, что это чувство появилось, когда я увидел выражение глаз людей. Они все готовы драться, нет страха, только усталость и злость. Нам всем уже давно пора разозлиться, давно пора.

...Путь к границам урочища занял полные десять дней, не считая суток, проведенных в блужданиях по болотам. Кордоны, выставленные американцами по периметру болота, удалось обойти только со второй попытки. Выбираясь, я зацепил проволоку электронной «сигналки» и даже не заметил этого. Все-таки усталость и постоянное напряжение дали о себе знать – ноги заплетались, а глаза иногда закрывала серая пелена, словно на голову кто-то накидывал полиэтиленовый пакет. Преследователей я заметил слишком поздно: окружив меня с трех сторон, они без разговоров начали стрелять. Было раннее утро, и густой молочно-белый туман отчасти искажал перспективу, пули прошли чуть выше головы, срезая ветки и с глухим чваканьем впиваясь в стволы деревьев. Когда ситуация повторяется с завидным постоянством, тело реагирует практически мгновенно. Упав на землю ничком, я со всей возможной скоростью пополз обратно в болото. Есть главное правило в смертельной игре, называемой «пятнашки»: никогда не выбирай путем отхода дорогу, которой пришел. Холодная, вонючая жижа приняла меня метрах в трехстах от того места, где, как я думал, больше никогда не окажусь. Участок оказался трудный – я сразу же провалился по пояс, вязкая, обманчиво податливая жижа стала с неумолимой жадностью затягивать, сантиметр за сантиметром. Раскинув руки в стороны, я замер и осмотрелся. Метрах в десяти справа виднелись два участка сухой травы – кочки.

Медленно расстегнув молнию на воротнике куртки, я извлек рулон прочного капронового шнура со специально утяжеленным карабином. Наплавленный на карабин свинец позволяет дальше бросить свободно ходящую в хромированном ушке крепления веревку, образующую петлю. Вода постоянно подмывает основания кочек, корни травы гниют, образуется нечто вроде швартовочных кнехтов. Со стороны берега слышались голоса охотников, амеры снова начали стрелять, обрушив в укутанную редееющим молочным покрывалом трясиину шквал огня. Пули ложились в двух десятках метров слева и позади, бились о воду, злобно гудели, рикошета от веток кустарника.

В моменты, когда смерть поселяется на загривке, некоторые ее трюки уже перестают пугать. Организм устает бояться, и появляется нечто вроде безразличия к собственной судьбе. Вот и я сейчас совершенно спокойно метал петлю, хотя вокруг стоял грохот от стрельбы, многократно дублируемый эхом, отражающимся в тумане. Кроме того, жадное болото уже по самые подмышки затянуло меня, пронизывая все тело иглами промозглого холода.

Удался только шестой бросок, когда петля наконец-то обняла нечто твердое и не вернулась ко мне с обрывками травы, облепленной склизкой тиной. Подавшись корпусом чуть вперед и сомкнув руки на натянутом словно гитарная струна шнуре, я, медленно перебирая затянутыми в отсыревшие перчатки руками, начал вытягивать себя из болотного плена. Амеры перенесли огонь на тридцать градусов вправо, и пули зароились уже вокруг меня. Сжав зубы до хруста в челюстях, я продолжал медленно тянуть себя из трясины. Шальная пуля перебила шнур в тот самый момент, когда с противным чваканьем освободилась левая ступня. Быстро отпустив веревку, я опять раскинул руки в стороны и медленно начал сгибать левую ногу в колене в поисках хоть малой точки опоры. Уйдя в зыбкую почву на треть, подошва уперлась во что-то твердое, и спустя долгих три минуты мне удалось освободить ступню правой ноги. Ползком, превратившись в огромную улитку, глотая грязь, через два часа и совершенно лишившись даже тех остатков сил, что откуда-то брались все это время, я добрался до заветной кочки и намертво вцепился в нее обеими руками. Снова, как и во время боя у дороги, ни одна вражеская пуля не коснулась меня, но, как и тогда, мне это везение уже было безразлично. Пролежав в болоте еще сутки, совершенно не чувствуя тела и практически ничего не соображая, я ползком выбрался на берег и таким манером, словно крот, полз в темноте до тех пор, пока сознание не

выключилось...

...Рывком поставив меня на ноги и подхватив под руки, двое «туристов» поволокли меня к штабной палатке. Мне уже было плевать на происходящее, тело стало подобием резиновой куклы без костей. Пыхтя и ругаясь, конвоиры почти волоком потащили меня по вытопанной траве. Я им не помогал, не было сил, как и не удалось разжать челюсти, чтобы представиться или хотя бы захрипеть. Наконец тряска закончилась, опустив меня на землю, конвоиры разделились: один скрылся в палатке, а другой присел рядом и, вынув из кармана камуфляжных штанов пачку сигарет, добыв огонь из блестящей серебряной зажигалки, закурил. Сигаретный дым будоражил обоняние. Я все еще скучал по давно заброшенной привычке, но сейчас запах табака вызвал только приступ тошноты. Меня вырвало сгустками желчи – последние трое суток я ничего не ел, кроме ягод и горстки зажаренных на костре грибов. Для конвоира это оказалось такой неожиданностью, что он уронил сигарету на штаны и вскочил на ноги. Махая руками, чтобы стряхнуть «чинарик» и не прожечь одежду, конвоир спиной стал отступать прямо на выходивших из палатки людей. И, естественно, столкнулся с ними. Послышалась брань, но приступ рвоты ослабил меня настолько, что, уронив голову так, чтобы не упасть в блевотину, я толком ничего не расслышал. Наконец кто-то подошел ко мне, пластиковый обод, сковывавший мне руки, ослаб. Еще две пары рук подняли меня, попытались усадить. К губам прижался край алюминиевого котелка, и в рот полилась холодная, сладкая вода. Потом снова все потемнело и пришла темнота...

...Ползти пришлось долго, но, возможно, это меня и уберегло от ненужных встреч с наводнившими тайгу патрулями. Амеры не теряли времени даром: в воздухе беспрестанно слышался гул вертолетов, а если он стихал, то на смену массивным тушам «апачей» появлялись юркие беспилотники. Два-три раза мимо меня проходили пешие патрули; судя по голосам, поиски велись на совесть, в каждой группе было по пять-шесть человек, но собак я не слышал, что было необычно. На третьи сутки удалось найти относительно сухую промоину, заросшую кустами дикой смородины. Ягоды уже созрели, и целый час я аккуратно, чтобы не было колик, собирал их в пригоршни и по одному медленно жевал сочные кисло-сладкие шарики. Вообще, дни стояли жаркие, лишь по ночам приближающаяся осень давала о себе знать легким холодком, да иногда поднимался туман.

Двигаясь на юго-восток, я убедился, что нападение на колонну амеры восприняли чрезвычайно болезненно. Видимо, в тылу они нечасто сталкивались с подобным сопротивлением, поэтому, обходя вражеские патрули и прячась от постоянно висящих в небе беспилотников и вертолетов, я сделал неутешительный вывод о том, что Шишковичи не так безопасны, как мне думалось ранее. Нанося на карту стационарные кордоны на тропях и приблизительные маршруты наземных патрулей, я на шестые сутки пути сделал еще одно неприятное открытие: амеры не собирались входить в Шишковичи и терять людей, урочище обносили сетью опорных пунктов, чтобы никого не выпустить оттуда. Наверняка со стороны гор лес тоже попытаются отрезать, однако это еще более сложная задача, нежели блокировка почти непроходимой чащобы. Но было и несколько светлых моментов – пока лагерь не обнаружен, иначе посты уже начали бы сворачивать. И, раз все сторожа еще тут, значит, разработчики операции по уничтожению партизан исключают возможность их прорыва в сторону гор.

Я шел осторожно, однако силы с каждым сделанным шагом таяли. Люди распугали всю мелкую дичь, которую можно было ловить в самодельные силки, а крупного зверя ножом так просто не добыть, не в моем состоянии, это точно. Ягоды, редкие в пору такой засухи грибы – вот и все, чем удавалось время от времени перекусить. Родник встретился только один раз, да и тот обмелел настолько, что едва удалось напиться и наполнить пару имевшихся в запасе презервативов. Спасали насекомые и небольшая стопка полиэтиленовых пакетиков подсолнечного масла, оставшихся от лапши быстрого приготовления. Шесть штук герметично запаянных порций лежало на дне моего «всячного» кармана. По выработавшейся привычке я их не выбросил месяца три назад, да так и переложил в подштанник вместе с остальными полезными мелочами. Найдя муравейник, я наловил муравьев и, давая их прямо

руками, счищал получающуюся массу на кусок жесткого полиэтилена, в который до этого были сложены карта и несколько обрывков газет с зарисовками маршрутов патрулей. Когда масса образовала внушительный комок, я полил его маслом из трех пакетиков и с удовольствием съел. Способ отнюдь не варварский, поскольку муравейник я не разорял. Муравьи – известное медвежье лакомство, на вкус не ахти, однако после того, как «колобок» был съеден, чувство сытости, словно мешок с мукой, придавило меня к земле часа на три.

Потом, правда, большую часть съеденного я выблевал, однако начало было положено – после сидения в болоте хоть такая еда, это все же лучше, чем ничего. Это был единственный раз, когда удалось найти муравьиную кучу и спокойно посидеть без движения. Силы реально убывали с каждым шагом, но выбора не оставалось, поэтому я продолжал идти вперед, пока не наткнулся на эту влюбленную парочку в секрете. К тому времени я еще дважды чудом избежал обнаружения с воздуха и в поисках укрытия чуть не попался на глаза пешего патруля. Запас везения явно показывал дно, когда лагерь «туристов» обнаружился столь неприятно удивившим меня образом...

...Резкий нашатырный запах заставил даже не открыть, а буквально выпучить глаза, так глубоко я вдохнул этой гадости из поднесенного к лицу пластикового флакона. Одновременно чьи-то сильные пальцы рванули рукав куртки, послышался треск ткани. Потом прохлада и спиртовой запах, затем резкая, но уже ожидаемая боль от жала медицинской иглы. Через пару мгновений в голове прояснилось, от макушки до пят прошла жаркая волна, тело вновь обрело подвижность и я открыл глаза. За время отключки меня втащили в штабную палатку и разметили на настоящей раскладушке. Знакомо блеснули за стеклами очков серые глаза, рядом сидел Веня. Повернув голову влево, я увидел, что у небольшого раскладного столика с масштабной картой, придавленной старым керосиновым фонарем, сидят двое – Лера и знакомый мне по прошлым встречам Володя, который хорошо разбирается в иностранной военной технике. Вид у всех троих был потрепанный, но отдохнувшими выглядели только Веня с товарищем, Лера же, напротив, словно состарилась на десять лет, и мы смотрелись ровесниками. Однако последнее замечание спорно: судя по тому, как таранились на меня мужики, выглядел я неважно, что, учитывая и так вполне заурядную и невыразительную от рождения внешность, положения с харизмой не исправляло.

Теперь девушку удалось рассмотреть более внимательно: овальное, с тонкими правильными чертами лицо, прямой нос, выпуклый лоб с ранними поперечными морщинками и умные, с чуть приподнятыми уголками серо-зеленые глаза. Свет лампы падал неровными бликами, резко очерчивая высокие скулы, тени играли на русых волосах, коротко обрезанных «под мальчишку», и глубокая тень укрывала ямку у основания длинной тонкой шеи. Однако взгляд этих глаз разрушал первое впечатление беззащитности и хрупкой податливости. Лера смотрела прямо на меня холодно и оценивающе. Так может смотреть только тот, кто действительно часто бывал на настоящей войне.

Полевые врачи, в особенности хирурги – народ редкой храбрости и мужества вне зависимости от пола. Их профессия подразумевает не столько сохранение собственной жизни, сколько спасение тех, кого они оперируют в таких условиях, что впору говорить о чудотворном наложении рук, но никак не скальпеля. Под пулями, по колено в грязи, без нормального света и анестезии, иногда без воды. Женщины даже порой собраннее и хладнокровнее своих коллег-мужчин, это я знаю наверняка.

Пошевелив конечностями, я с трудом сел, спустил босые ноги на пол. Еще раз огляделся и заметил, что мои снаряга и оружие лежат на раскладном стуле, в ногах раскладушки. Тут же стояли кроссовки с высоким берцем, а вот моих ботинок и лично пошитого костюма не наблюдалось. Однако тут же имелся комплект, собранный, по-видимому, с бору по сосенке: куртка, штаны и нижнее белье. Оно и понятно – моя одежда, скорее всего пришла в полную негодность, а боты... черт, боты должны были выдержать. Но это сейчас не важно, про шмотки потом, главное, что мне, судя по всему, доверяют. Сразу же, как только я начал шевелиться, все трое за столом уставились на меня, наблюдая за

каждым моим движением, словно я какое чудо природы. Первым заговорил Веня:

– Я своими глазами видел, как американцы бомбят лес в той стороне куда ты пошел...

– Повезло... – я, не чинясь, скинул относительно чистое полотенце, заменявшее мне трусы, и начал одеваться. – Где мои люди, что с Михаилом... Ну с раненым, которого я с тобой оставил?

Мы находились во втором отсеке, отделенном от первого непрозрачной переборкой. Выход тоже был затемнен – клапан с внешней стороны предусмотрительно наглухо занавесили. Как средство светомаскировки вполне разумно, однако в палатке царил чертовски спертый дух. Запахи немых тел, медикаментов и горелого керосина делали воздух буквально осязаемым. Снаружи слышался свист нарастающего ветра, погода медленно менялась, отчего становилось еще темнее, и рассеянный желтый свет лампы усиливал полумрак, делая тени еще глубже.

Добротно пошитая одежда представляла собой однотонные фрагменты охотничьего комплекта расцветки «осень». На груди и спине слева я заметил свежие заплатки того же цвета, приняв их, я ощутил запах антисептиков, крови и знакомый сладковато-гнилостный аромат. Ага, одежда раньше принадлежала покойнику, но комплексов по этому поводу я не испытывал, только мысленно поблагодарил незнакомца за крепкие шмотки. Почему они тянут с ответом, неужели Мишке конец?..

– Он потерял много крови, но выжил, поправляется. Так все-таки, кто ты такой?

Это вступила в разговор Лера, ее, как я, впрочем, и предполагал, не смутила моя голая «корма». В голосе ее не звучало доверия, однако я понял, что это скорее привычка, нежели какие-то подозрения относительно меня лично. Облачившись в пришедшиеся на удивление впору шмотки, я принялся шнуровать кроссовки, реально оказавшиеся по ноге. Встав и притопнув о землю подошвами, преодолевая легкое головокружение, я принялся осматривать оружие и надевать «разгрузку», попутно отвечая на вопрос девушки:

– Ничего таинственного: я и раненый – обычные охранники... Семеныч с вами?

– Лысый старик с пулеметом? – в голосе Леры послышалась легкая ирония. – Да, он пришел с нами, нагнал по дороге. Все рвался идти в горы, говорил о тебе как о провидце. Похоже, спятил.

– А кто сейчас в здравом уме? Я умников еще не встречал... вымерли все, наверное, или свалили лет двадцать назад. Мы – обычные российские блаженные... ну, поскольку все еще здесь. А Семеныч... не трогайте его, человек о семье горюет, но я с ним и в разведку, и еще куда похуже. Горем его пришибло, в его возрасте трудно пережить смерть близких, особенно тех, кто молодой. Виталий Семеныч – водитель одной из фур, которые мы сопровождали. Сначала нас было больше, но осталось только трое. Выжили, стали партизанить, потом наткнулись на вас.

– Короткий рассказ...

Я сунул пистоль в кобуру, а автомат прислонил к краю раскладушки и опять осторожно присел на нее. Ситуация требовала очередного дипломатического финта ушами. Я поднял правую руку, призывая всех к молчанию. Девушка опешила, но все-таки, пересилив себя, выжидательно подняла брови, мол – говори.

– Про меня можно будет поговорить потом, если получится. Сейчас нужно сворачивать лагерь и уходить в горы. Это не далеко, за неделю дойдем. Американцы перекрыли все пути на север и северо-запад. Судя по голосам артиллерии, на востоке уже прифронтовая зона, там в сторону прорыва обязательно развернут резервные боевые части. Шишковицы блокированы, думаю, распылят газ или рванут той штукой, которой они жгут города. Лес пока нас укрывает, но это ненадолго, плюс ваши дозорные себя сильно демаскируют.

– Эй, – это подал голос Володя – стопудово сам отбивавший людей в караул. – Там нормальные ребята, все не на одной игре были, в бою не прятались. Это Таня и Вадик. Они молодожены, второй год с нами. А вот кто ты такой...

– Ладно, командир, не горячись, – обострять я не стал, для споров явно момент вышел неподходящий. – Но вот я их спалил, потому как кое-кто у тебя в секрете любовь крутит.

Игра – это хорошо: побегали по лесу, сыграли в войнушку, потом костер-гитара и пиво. Это отдых, как бы вы это ни называли, а сейчас мы на войне, тут переиграть не получится. Что касается «не прятались»... не соглашусь, что это достойное качество, снова извиняй.

Володя осекся, Очкарик прыснул в кулак, а Лера склонилась к столу, пряча улыбку. Покраснев как рак, эрудит сел на место и пробормотал под нос что-то неразборчивое. Плотный, с собранными в короткий хвостик соломенного цвета волосами, открытым круглым лицом и курносый носом, Володя напомнил мне одного знакомого сварщика. Тот так же шурил покрасневшие от сварки голубые глаза, отчего напоминал запойного алкоголика. Однако сходство было весьма отдаленное, глаза у эрудита были светло-карие, и был он заметно выше ростом. Дав собеседникам прийти в себя, я продолжил, оправляя снаряжение. Подсумки и ремни чуть скукожились: из них кто-то все вытряхнул, поэтому, раскладывая всякое по своим местам, я с удовлетворением отметил, что ничего не пропало.

Придвинув освободившийся раскладной стул, я отсоединил магазин, вынул его собратов из подсумков и, подняв с пола полотенце, стал выщелкивать на него патроны. Веня молча вынул из кармашка своего импортного тактического пояса баллончик с силиконовой летней смазкой. На общий обиход оружия у меня уходит ровно час, если занимаюсь я этим в спокойной обстановке. Дома это только «мухобойка» и мосинский карабин, а тут пришлось возиться с более требовательными «веслом» и ПБ. Однако когда надо, приходится обходиться без медитации и любимой песни про черного ворона, столь подходящей для неспешной возни с любимым «железом». Быстро вылуцив пять магазинов, я принялся как можно более споро разбираться с местами тронутыми легкой ржой деталями оружия, попутно объясняя обстановку встревоженным «туристам». Назидательность в разговоре с взвинченными людьми – не лучший способ быть услышанным, поэтому я старался говорить без упора на личную исключительность:

– Отрава – это наиболее доступный для противника способ кардинально решить проблему с партизанами. Другое дело, что скорее всего они не имеют такого количества в одном месте. Вероятно, задержка в доставке только из-за погоды и того времени, которое им понадобится, чтобы привезти достаточное количество яда и выбрать способ доставки...

– Почему артиллерия не работает по лагерю, раз ты говоришь, что нас вычислили?

Володя был из того сорта людей, которые, будучи однажды уязвлены даже по делу, начинают изводить оппонентов мелкими придирками. Но я не принял вызова, продолжая удалять грязь с затвора:

– Думаю, что хотят сберечь лес. Это сырье, ради которого они вообще все это затеяли. Иначе я застал бы тут только воронки и ошметки тел. Вы отправили кого-нибудь в горы, по маршруту, который я передал?

Бородатый эрудит хотел что-то сказать, но его перебила Лера. Девушка задумчиво чертила линии на карте, но после моего вопроса подняла глаза, чтобы встретиться взглядом со мной. Обтерев затвор и вернув его на законное место, я открыто посмотрел на девушку, скрывать мне было нечего. Она заговорила, чуть быстрее, чем раньше:

– Твой старик и еще трое ушли сразу же, как мы разбили здесь лагерь. С ним еще шестеро наших, кто имеет опыт скалолазания. Есть пара альпинистов со стажем, если пещеры там, где указано – они их отыщут. И на заметку... Лесовик, я никогда не поверю, что это план Краснова, как меня пытался убедить Вениамин. Ты с самого начала знал, что Шерман нас подставляет, так?

– Опять не о том спрашиваешь, военврач Лера, – начиная терять терпение, я поставил крышку ствольной коробки на место. Казалось, фиксатор тоже щелкнул с нетерпением. – Сейчас важнее не кто виноват, а что делать. Ты отпустила ребят с Семенычем, это отлично, теперь нужно собирать пожитки, снимать посты и, выставив заслон, отходить в горы. Нужно отправить кого-то шустрого для связи, пусть сообщит поисковикам, что мы выдвигаемся...

– А ты, – снова влез Володя, недвусмысленно дотрагиваясь до брезентовой кобуры на поясе, – куда пойдешь? С Шерманом уже опыт есть...

– Заткнись, Вовка, – это не выдержавший напряжения Веня вскочил со стула. – Ты

первый Шерману подпевал, восхищался, какой он умный да опытный. Я видел, как этот лесовик умеет воевать, и если бы не он...

– Да-да, мы все это уже тысячу раз слышали. – Володя тоже вскочил, опрокинув стул и сжав кулаки. – Он и его...

– Да утихните вы оба!

Это крикнула Лера, до того болезненно массиравшая виски. Тени у нее под глазами стали резче, и показалось, что внутри глазниц горят ярко-зеленые огоньки. Поднявшись из-за стола, девушка вклинилась между спорщиками. Как я и предполагал, главнокомандующим после Шермана стала именно она. Но это и к лучшему – девушка-врач производила благоприятное впечатление и демонстрировала достаточную твердость характера. Я тем временем уложил четыре оставшихся магазина в боковые подсумки и принялся за чистку пистолета. Встревать в ругань не хотелось, я тут всего лишь гость, доверие этих людей еще предстоит заслужить. Спорщики ворча сели, а Лера дрожащим от гнева усталым голосом негромко спросила, обернувшись снова ко мне:

– Вовка у нас известный почитатель талантов Краснова, не обращай внимания... Вениамин сказал, что не знает твоего имени, а старик его назвать отказался. Не очень вежливо, но – как тебя зовут?

Тут я немного призадумался. Сейчас мое имя не имело особого значения, все связанное с ним осталось там, в довоенной жизни. На ум пришла фамилия дедова сослуживца, чья судьба стала мне вдруг понятна и близка.

– Ропша.

– Это имя или фамилия?

– Это как хотите, мне все равно, – сетка глушителя оказалась более прочной, чем я рассчитывал, но, загнав сетчатый валик на место, я подмигнул девушке: – Думаю, это теперь просто Судьба. После войны будем имена вспоминать, но сейчас это вернее будет, чем то, что в паспорте.

– Ладно... Ропша так Ропша. Пусть будет... в одном ты прав, сейчас не до любезностей. Так или иначе, но я склонна верить Вениамину, а он доверяет тебе. Как думаешь, сколько у нас есть времени на сборы?

Закончив с пистолетом, я поднялся и, еще раз подвигавшись на месте из стороны в сторону вращая корпусом, чтобы проверить подгонку снаряжения и как сидят на мне чужие шмотки, шагнул к столу с картой.

Это хорошо, что все ношеное и обмялось – бывший владелец был одного со мной роста и схожей комплекции... Правда, за последнее время веса во мне поубавилось. Маршрут, столько раз обдуманый и, можно сказать, выстраданный, снова во всех деталях всплыл в памяти. Вход в пещеры расположен к северу от нашего текущего местоположения, и идти туда с нашими возможностями получится дня через три-четыре. Там будет вход в ущелье, тянущееся с юга на юго-восток. Урочище и подошву высокой горной гряды разделяет метров триста открытого пространства, там только валуны и щебень. Восточнее есть небольшая рощица, где вроде бы можно укрыться. Она подходит для временной базы, оттуда можно перебежками попасть под прикрытие восточного склона ущелья и пройти еще восемьсот метров на юг. Потом предстояло подняться на двухсотметровую высоту и там найти расщелину, напоминающую двузубую вилку. К входу придется подниматься сначала по тропе, а потом взбираться на узкий карниз, значит, раненых придется поднимать со дна ущелья в два этапа на тросах. Слишком много людей... амеры наверняка будут присматривать за ущельем как одним из вероятных мест выхода из лесного массива.

Взяв карандаш, лежавший возле стиснутой в кулак руки девушки, я начал размечать маршрут. Карта была наша, еще советских времен, подробная.

– Время ценно само по себе; учитывая наличие у противника ночной оптики и возможное подключение к поискам спутниковой группировки, не имеет значения, когда выступать. День или ночь – амеры оперативно нас обнаружат и смогут так или иначе уничтожить...

– Но ты раньше говорил, что в горах можно спастись, а вместо этого завел нас в еще одну ловушку, как Краснов!

Володя возвысил голос и, вскочив, отшагнул от стола на два шага, выхватив пистолет. В глазах эрудита блеснула искорка торжества, ему важнее было по старой привычке сиюминутно уязвить оппонента, наплевав на последствия. Веня и Лера, тоже чуть привстав, отодвинулись, но их волновала не моя мнимая виновность а заряженное оружие в руках товарища. Пора было это дело прекращать, поэтому я, оторвавшись от карты, посмотрел паникеру в глаза и сказал:

– Эй, «командир», опусти ствол и дай мне закончить. Даже если предположить, что ты прав и я вас продал, то бежать мне некуда – тайга кругом. Времени мало, обожди с разоблачениями пять минут, потом делайте со мной что хотите, лады?

Лера и Очкарик выжидательно смотрели на паникера, выражение их лиц ничего хорошего тому не сулило: Веня готов был выстрелить и поднял автомат на уровень груди, девушка тоже что-то задумала, но ее намерения были не так очевидны. Огонек в глазах Володи постепенно затух, он опустил пистолет и снова приблизился к столу.

– Говори, но я глаз с тебя не спущу... и помни: пристрелю не задумываясь.

Веня было дернулся, собираясь начать очередную свару, но тут уж я удержал его, положив ладонь на ствол его автомата и с силой принудив опустить его. Все снова сели к столу, Лера едва заметно с благодарностью кивнула, когда на какое-то мгновение наши взгляды встретились.

– Как я уже сказал, нет особой разницы, когда выступать. Нас слишком много, и скрытно преодолеть такое большое расстояние не выйдет.

– Но у тебя снова есть план, – кивнула Лера, видимо, между нами проскочили какие-то флюиды понимания. – Так не тяни, поделись.

– Я думал о таком варианте – выступить всем вместе, но он предусматривался как самый пиковый и нежелательный. А пока нужны добровольцы, четверо человек включая меня...

Реакция всех троих была показательна: Вова криво, с недоверием ухмыльнулся и снова поднялся, Очкарик смотрел умоляюще, высказывая желание идти со мной, Лера коротко глянула с непонятным сожалением. Эрудит желчным тоном бросил очередное обвинение:

– Скажи прямо: смертники. Там полно американцев, пункт управления охраняется, это верная смерть. Сам сдохнешь и ребят погубишь!

Что тут поделаешь, человек стал рабом привычки, но я все же решил разъяснить свою позицию до конца. Продолжив вычерчивать схему нового маршрута, вновь ровным и спокойным голосом принялся объяснять:

– Я умирать не собираюсь, как и вести людей на верную гибель. Если получится выполнить задачу и выжить, мы непременно выживем. Однако, как я уже говорил, мы на войне. А тут, прости за банальность, «командир», реально могут убить. Смирись с этим и не мешай, время действительно уходит впустую. Продолжим, однако. Итак, самое слабое место в амеровской системе управления – это связь. Все подразделения объединены в одну сеть, скорее всего замкнутую на передвижной командный центр в одном из секторов блокирующего периметра. Командно-штабная машина и оперативный штаб могут находиться только на северо-западе, в ста тридцати километрах от границ Шишкovichей...

– Это еще откуда... – Володя снова попытался меня прервать, но на этот раз помощь пришла с неожиданной стороны.

– Там единственная грунтовая дорога, идиот! Техника дальше не сможет пройти, иногда полезно изучать местность, Саблин, – Лера буквально пригвоздила взглядом эрудита, оказывается имевшего столь воинственную фамилию. – Я согласна с Ропшей, оперативный центр скорее всего где-то в том районе.

– Верно, спасибо за догадку... Валерия.

– Ой, хватит, – девушка устало махнула рукой. – Сам же сказал, что без церемоний, зови как все – Лера, мне так удобнее.

– Отлично, взорвем «оп-центр», – не унимался Саблин. – Они через час все восстановят, если не раньше. Ты их технику видел? Подразделения связаны через «блю форс»⁴³, управление перехватят, есть протоколы на этот случай, я читал!

– Я тоже, «командир», – в разговоре с эрудитами важно оставаться как можно более спокойным, их это раздражает. – И читал, и слышал. Только ты скорее всего в Интернете это нарыл, а я общался с... короче, пользователи «блю форса» были среди моих знакомых. Поэтому связь они восстановят, ты верно сказал, но часа через четыре-пять, не раньше. Плюс эта штука сама по себе не слишком надежная, работает со сбоями. Нападение на штаб – это просто гарантия успеха для тех, кто полезет в горы. И раз уж ты мне не доверяешь, пошли со мной, в случае чего будет возможность пристрелить меня, подлого предателя. Только имей в виду: сначала придется посоветоваться с амерами, они тоже захотят это проделать.

– Это глупо, пойду снимать посты, раз вы и так все решите, но я...

– Только посмей открыть рот за пределами палатки, Саблин, и рассказать о плане хоть одной живой душе, – Лера без угрозы, но с совершенно явным намерением повернулась к поднимаемому из-за стола Вове. – Я терплю твои выходки, пока это никому не вредит, не более того, растреплешь кому-нибудь – прирежу, как собаку. И это не угроза, ты меня знаешь. Иди.

Эрудит выскочил наружу, даже не запахнув входной клапан, который, словно парус, тут же захлопал на крепчающем холодном ветру. Лера поднялась, шагнула к выходу, поймала полы завесы и снова закрепила их. Потом, войдя в круг света от лампы, согласно наклонила голову и спросила:

– Допустим, ты нашел узел управления и уничтожил его. Что это даст нам?

– Время, чтобы подняться к пещере и укрыться, до того как амеры восстановят связь с поисковыми группами и подключат системы наблюдения. Четыре-пять часов, чтобы поднять раненых, и, может быть, еще час-полтора, пока амеры будут гоняться за нами. Других вариантов я не вижу, извини.

– Это хороший план, – опять она как-то странно посмотрела на меня, я слишком устал и не мог разобраться, что это было за выражение. – Отчаянный, но хороший. Однако вижу, это еще не все, да?

– Верно, – взяв исчерканный листок бумаги и с удивлением обнаружив, что он чист с другой стороны, я принялся снова чертить. – Амеры ждут, что вы пойдете вдоль сухого русла ручья на юго-востоке отсюда, там они будут плотно каждый кустик пасти. Поэтому возьмите чуть левее, там труднопроходимый ельник, но пройти можно, плюс этот маршрут на треть короче, хотя по времени выиграть не получится, слишком медленно придется двигаться. Однако там вас труднее будет засечь с воздуха. Думаю, что и на земле особых проблем, кроме бурелома, не будет, главное – четко выдерживать направление. Разбейтесь на небольшие группы по четыре человека – трое несут груз, четвертый прикрывает. Вооружите всех, кто так или иначе может воевать, даже легкораненых. Группы не должны терять визуального контакта друг с другом, лучше, если в каждой будет компас и все будут знать общее направление движения. Пока все понятно?

– Вполне, – девушка что-то писала, сверяясь со схемами, которые я чертил. – Как быть с передвижением ночью, я знаю, у нас у всех есть нашивки на головных уборах.

– Хорошо, это пока подойдет. Теперь дальше, на выдвижение у вас будет ровно пять суток. За это время вы должны сосредоточиться у входа в ущелье. В ноль часов тринадцатого числа, я... мы с добровольцами начнем портить амерам связь. После этого у вас будет от трех до пяти часов, чтобы пройти к точке подъема к пещере.

– Понятно... ну, тогда приступим. Там в углу консервы: тушенка, овощное рагу... Ты пока ешь, тошнота пройдет, это последствия контузии. Я и Веня поговорим с теми, кто сможет пойти с тобой. Отдохни часа два, раньше так и так не получится все организовать.

– Спасибо, еда – это хорошо... А чай у вас есть?

Первый раз за время нашего знакомства я увидел, как Лера улыбнулась. И сразу пропал тот лишний десяток лет, добавленный войной. Ей от силы было лет двадцать пять-двадцать

семь... девчонка, по сути. Лукаво усмехаясь, девушка ответила:

– Только без заварки, но горячий.

Консервы действительно лежали в дальнем правом углу второго отсека палатки, служившего спальней и основным жилым помещением для шести человек, – там стояло три рюкзака на жестких рамах. Открыв горловину одного из них, я взял первую попавшуюся банку, это оказалась перловка со свининой в быстроразогреваемой квадратной банке. Там удивлению моему, обнаружилась упаковка теплого пива, в которой оставалось три банки. Взяв консервы и одну пивную жестянку, я вернулся в соседний отсек, присел к столу и заставил себя поесть.

Ветер за закрытым окном крепчал, играя тканью палатки, даже внутри стало ощутимо холоднее. Прикончив четверть жестянки с кашей и выпив полбанки слегка ударившего в голову пива, я глянул на светящийся синим циферблат часов – на прием пищи ушло десять минут. Добравшись до раскладушки, стоявшей у самого входа в отсек, и передвинув ее подальше, в тень, я, не разуваясь, лег на спину и сразу же уснул, едва голова коснулась свернутого в рулон походного коврика, служившего подушкой. Однако уснуть удалось только на короткий промежуток времени, подспудно вертевшиеся в голове детали предстоящей акции вытесняли усталость. К тому же мою карту слегка подмочило водой, проникшей сквозь небольшую щель в полиэтилене. Вынув уже подсохшую кальку из футляра, я примерил свою карту к расстеленной на столе и принялся восстанавливать утерянные, утратившие четкость участки. Попутно отметил, что один из наших артельных тайников как раз находился в пятидесяти восьми километрах восточнее Шишковиной. Его мои напарники заложили одним из последних во время моего отсутствия, однако Варенуха четко сообщил мне ориентиры, поэтому найти не составит труда. «Туристы» все вооружены трофейным оружием, а мне позарез нужно запастись патронами к пистолету и прихватить то, без чего рейд к командному пункту американцев становился еще более самоубийственной затеей. В схроне, помимо прочего, лежали четыре одноразовых гранатомета, которые могут существенно увеличить наши шансы на успех.

Поколдовав с верной «офицерской» линейкой над вновь восстановленной картой, мне удалось проложить маршрут таким образом, чтобы он проходил не далее чем в двухстах метрах от тайника. На все про все у меня ушло минут сорок, Лера вернулась в тот момент, когда я уже вновь запаивал карту накалившимся над лампой обухом ножа. С ней в палатку вошло двое парней не старше двадцати пяти лет и одна девушка маленького роста, но со снайперским импортным карабином, чей мудреный обвес говорил о том, что хозяйка до тонкостей знает свое оружие и умеет с ним обращаться. Следом вошел Венья, и я обреченно вздохнул: с тем, что Очкарика придется взять с собой, я уже внутренне смирился. Коротко представив вновь прибывших, Лера еще раз кивнула мне на прощание и вышла, сославшись на занятость.

Я подошел к столу и пристально оглядел тех, кто вызвался идти. Ни один из молодых не опустил глаз, а девушка недвусмысленно показала мне приклад своего карабина – на его опорной «щеке» было восемь палочек, сгруппированных в два ряда по четыре и перечеркнутых по диагонали. Винтовку я узнал: это была та самая «шушлайка», из которой меня чуть не приложил амеровский снайпер во время той большой засады на отряд, шедший громить первый лагерь «туристов». Иностранного стрелка подловил Михась, а вот трофеями побрезговал – слишком ненадежно выглядел этот аппарат: дырчатый кожух длинного цевья, короткий выступ рифленого ствола, причудливо изогнутая пистолетная рукоять и необычной формы складной приклад с кучей колесиков и подвижных частей.

Про этот агрегат мне слышать приходилось, короткий ствол не помеха стрельбе на две тысячи метров, поскольку рассчитан карабин на очень мощный целевой боеприпас. Необычный вид объяснялся тем, что винтовка по сути была конструктором, из которого можно собрать три разных ружья, включая антиснайперский «слонобой»⁴⁷. Не знаю, где девушка брала патроны к этому чуду враждебной техники, но если она действительно умеет с ним обращаться, тогда я смело могу записать на ее счет троих стрелков из конвоя в бою у

моста. Раны были слишком характерные, выходные отверстия с чайное блюдце... Точно она.

Приглядевшись, я понял, что девушке не больше восемнадцати лет, была она плотного телосложения, а на круглом бледном лице выделялись удивительной черноты брови и такие же черные глаза. Создавалось впечатление, будто смотришь в дуло винтовки, той самой, что лежит у девушки на коленях, настолько холодными и бездонными казались ее глаза. Волосы девушки, тоже черные, густые, были практично обрезаны, однако с левого виска на грудь спускалась длинная узенькая косичка с выпущенным кисточкой кончиком. В нее было вплетено несколько мелких бирюзовых бусин, отчего казалось, что по виску на грудь девушке сползает ужик. Россыпь веснушек немного оживляла общий довольно-таки мрачный облик снайперши. Поймав мой взгляд, она представилась:

– Ира. – Потом с понятной только другому снайперу или бывалому воину нежностью коснулась рифленого цевья карабина. – Это Вдоводел, мы всегда вместе, куда я, туда и он.

Кивнув, я перевел взгляд на ничем не примечательного парня, сидевшего по правую руку от Иры. Ростом он был выше и девушки, и даже меня, худющий, что было заметно даже под мешковатым камуфляжем, но одного взгляда на невероятно красивые кисти рук было достаточно, чтобы понять, кто передо мной. Вооружен парень был стандартно, но умело: короткий автомат, выкрашенный в камуфляжные «лесные» цвета, шесть магазинов, забитые в хитро расположенные слева и справа по бокам подсумки так, что грудь оставалась открытой. Светлые волосы стрижены коротко, почти «под ноль», остался только небольшой растрепанный чуб. Высокие скулы, спокойное расслабленное лицо и внимательные светло-серые, водянистые глаза. Чуть улыбнувшись уголками полногубого, широкого рта, парень представился:

– Алекс, я спец по всему, что зовется «бада-бум», еще связь знаю – работал монтером в сотовой компании... ну и стреляю неплохо.

– Дохлая белка рядом с закладкой на мосту – твоя работа?

Алекс еще раз улыбнулся и еще раз кивнул. Я тоже наклонил голову, признавая мастерство не только хорошего взрывотехника, но и тонкого психолога, что для диверсанта и в особенности подрывника очень важно. Умение поставить себя на место противника – это уже треть победы.

Крайним был одного со мной роста кряжистый крепыш с изуродованным химическим ожогом лицом. Седые короткие волосы, ранние морщины и перебитый курносый нос вот первое, что бросалось в глаза. Карие глаза из-за ожогов скрывались за узкими щелками прищуренных навсегда век, лишенных ресниц. Глаза смотрели пристально и оценивающе, возле стола слева красноречиво примостился трофейный пулемет с примкнутым жестяным коробом на двести патронов и прикрепленной к цевью штурмовой рукоятью. Я сразу понял, какое у парня хобби, что тот подтвердил:

– Сергей... я вроде как самый тут сильный. Тоже стреляю нормально... еще могу одним ударом кулака в лоб бычка-трехлетку убить. Ну... – парень смутился и покраснел. – Не то чтобы это нравится, но было дело по молодости.

Пожелать удачи может каждый, но самым дорогим лично для меня был этот, возможно прощальный, подарок необычайно сильной духом девушки-хирурга. Познакомившись с добровольцами, я понял, что в помощь мне Лера отобрала самых опытных и толковых ребят, но при этом более не сказала ни одного лишнего слова ободрения. Когда понимаешь, что друг или просто хороший приятель выкупил своеобразный билет в один конец, удачи желать глупо и опасно. Тем сильнее я был благодарен девушке за помощь и именно за молчаливое понимание ситуации. «Туристы» обрели дельного вождя в ее лице, теперь их шансы на выживание существенно увеличатся, даже если мой маленький отряд потерпит неудачу. Пройдя на место Леры во главе стола, я еще раз оглядел собравшихся и сказал то, что они знали и так:

– Меня зовут Ропша, я ваш новый командир. Мы пойдем к амерам в тыл и ослепим их на то время, за которое остальные смогут укрыться в горах. Будет трудно выполнить задание и еще труднее уцелеть... Сделаю все, чтобы все тут сидящие выполнили поставленную перед

нами задачу, и сделаю еще больше, чтобы мы все выжили. Однако важно только задание, и раз вы все вызвались добровольно, то наверняка уже догадались об этом. Всем вернуться будет непросто, но мы попытаемся. Вот мой план...

...Путь до места предполагаемого пункта размещения амеровского оперативного центра занял четверо суток из отведенных пяти. И были это не просто девяносто с небольшим часов без сна, с пятиминутными остановками и мучительно тянущимися мгновениями, когда несколько раз нас чуть не обнаружили вражеские патрули. Или стылым страхом ощущения неотвратимой гибели всего предприятия, когда Веня, все же увязавшийся за мной вопреки увещаниям, попал на хитрое минное поле. Нет, самым трудным было для меня и четверых добровольцев – троих парней и одной девушки – осознавать неминуемость собственной гибели.

Однако было и нечто, сыгравшее в нашу пользу, хотя везением это трудно назвать. Во-первых, все четыре дня погода, словно бы опомнившись и навестывая упущенное за первые несколько дней календарной осени, не баловала нас солнечным светом и теплом. Холодный, то сильный, то морозящий дождик стал нашим постоянным спутником и помощником, сбивая с травы и деревьев пыль, стирая наши следы. Во-вторых, и это я считаю самым существенным фатовым обстоятельством, амеры не смогли плотно перекрыть Шишковичи. В расписании патрулей оказалось много мелких дыр, в которые не пройти большому отряду, но в них вполне смог просочиться наш маленький и уже весьма сплоченный коллектив. Будь наша тайга похожа на издырявленные просеками и тропинками леса западных областей России, той относительной свободы нам не видать. По дорогам и хоженным тропам янкесы живо бы наладили прочесывание массива по небольшим секторам, и тогда любое движение внутри периметра стало бы совершенно невозможным. С подобными трудностями сталкивались советские диверсанты во время той далекой войны. Тогда в лесах Восточной Пруссии было совершенно невозможно укрыться более чем на сутки, так плотно контролировали их фашисты.

К исходу третьих суток, когда силы всех пятерых были на той грани, за которой только цепенящие усталость и безразличие, мы вышли к аварийному схрону, о котором я ничего не сообщал своим добровольным помощникам, но они особо не протестовали. Скомандовав привал и обозначив границы периметра, я взял с собой к тайнику только Сергея, поскольку Пестрый, как его звали в отряде, держался на марше лучше всех, а груз предстояло тащить не легкий.

Тайник, к моему величайшему облегчению, раскрыт не был: все «контрольки» остались на месте, а следы говорили лишь о присутствии тут медведицы с парой довольно взрослых детенышей не далее как сутки тому назад. Кора с деревьев была ободрана, кусты дикой смородины словно бы обсосаны, и тут же имелось несколько куч помета с характерными вкраплениями глины. Медведи готовились залечь в берлогу, поэтому ели глину, чтобы во время спячки насекомые их не тревожили. Однако сам схрон оказался цел. Любопытные звери его не тронули, поскольку там нет ничего съестного, а запах железа скорее отпугнул осторожных лесных хозяев.

Сняв мины и откинув крышку, обсаженную дерном, я начал вооружаться. Перво-наперво вскрыл коробку с пистолетными патронами и снарядил шесть магазинов к ПБ. Добавил три новых подсумка из НЗ, в которые предстояло переложить рассованные по карманам полезные мелочи. Взял десяток гранат к подствольнику и шесть магазинов к автомату, хапнул также и патроны россыпью. Чего мне очень не хватало, так это нормальной фляги под воду, вроде той, что потерялась на болоте. Из дальнего угла вынул связку гранатометов и передал Сергею. Мой новый знакомый если и удивился таким запасам, то виду не подавал: после подробного инструктажа в лагере мы с ребятами обменивались только короткими деловыми фразами, больше общаясь жестами. Взяв по два тубуса мы замаскировали тайник и вернулись к месту привала. Ирины не было – девушка отличалась редким упорством и выпросила право уйти вперед по маршруту. Дожидаясь ее возвращения, мы разобрали «границы», и я снова вздохнул с облегчением, поскольку и этот этап операции

прошел успешно.

К слову сказать, план был не особо мудреный, а значит крайне опасный для непосредственных исполнителей. Гранатометы, которые я взял в схроне – это все больше старые советские «трубы», но спокоен я был только за одну из четырех. Остальные призваны будут отвлечь внимание, вызвать на себя первый удар активной защиты бронемшины, не более того. Учитывая характер местности, я знал, что скорее всего пункт управления и связи смонтирован на гусеничной платформе от «абраши», поскольку легкие танкетки типа «Брэдли» по раздолбанной грунтовке пройти не смогут. Та делянка – это единственное подходящее место, равноудаленное как от горной гряды, так и от сердца непроходимого лесного массива. Нигде больше такой объект развернуть не получится. Однако такие машины берегут пуще глаза, поэтому перво-наперво нам предстоит тихо пройти в охраняемый периметр и выйти на дистанцию не более ста метров. Потом ударить по тяжело бронированному тягачу. Причем сделать это нужно последовательно тремя выстрелами в одно место. Три из имеющихся у нас четырех «труб» – это довольно слабенькие РПГ-26, или просто «олень»⁴⁸. Так мы их называли за слабый бронепробивающий эффект и прихотливую траекторию полета гранаты. Но жемчужиной моей коллекции была «Таволга»⁴⁹, на которой строился основной расчет. Три первых выстрела примет на себя активная защита тягача, а финальную точку поставит именно тяжелый РПГ-27. Он сожжет машину, поскольку на имеющейся у нас гранате белым по черному было напечатано – «64 мм». Гранаты из «олешков» чуть быстрее, поэтому у главного калибра будут необходимые несколько секунд для постановки на боевой взвод, главное не промахнуться. Знаю, со стороны может показаться излишней такая осторожность, но только не в случае, когда нужен стопроцентный результат. В свое время пришлось наблюдать, как из «оленя» не смогли пробить в борт учебного танка, на которых «чехи» первую чеченскую войну иногда разъезжали – граната лихо ушла вверх, «облизав» бок танковой башни. Позже произошло несколько похожих случаев, поэтому к «оленьям» я отношусь предвзято.

...Спустя три часа мы подошли к границам Шишковиной примерно в полутора десятках километров от того места, где обозначенная на карте грунтовая дорога переходила в укрытую молодой порослью тонких еще сосенок и густыми зарослями кустарника старую вырубку. Для короткого привала я выбрал участок леса, заваленный сухим буреломом: с воздуха этот квадрат не просматривался совершенно, а передвигаться можно было только ползком или в полуприседе. Однако между ветками и полусгнившими стволами деревьев образовалось множество своеобразных извилистых тоннелей, по которым при определенной осторожности можно продвинуться к заброшенной делянке лесозаготовителей почти вплотную. Ползком, преодолевая небольшие озера стоялой вонючей воды, пару раз спугнув юрких ужей, наш маленький отряд к трем часам дня преодолел расстояние около пяти километров, после чего мы еще некоторое время блуждали в поисках подходящего маршрута. Перерывы на отдых я сделал совсем короткими, так как время, отпущенное нам, утекало с катастрофической неотвратимостью.

Но выйти из этого лабиринта помешало предупреждение нашего постоянного передового дозорного – Ирины. Девушка, снова первой, выбралась на небольшую полянку, заросшую боярышником. Ее спасло предчувствие, как она сказала потом: в голове словно кто-то крикнул «не высовываться», и, замерев, она увидела замаскированное на противоположном краю поляны оптико-акустическое дозорное устройство. С одной стороны, это было хорошо – наличие приборов, напоминающих треноги с несколькими параболическими антеннами, ориентированными вовне охраняемого периметра, означало, что мы совсем рядом с целью. Такие устройства выставляются на внешнем кольце охраняемой зоны мобильных ракетных пусковых установок, а также полевых пунктов связи и управления. У нас, в российской армии, дальше сидело бы два отделения в секретах, а амеры по-прежнему полагались на пешие патрули и спутники.

Ира вернулась обратно под завал и объяснила ситуацию. Чего-то подобного я ожидал, поэтому пришлось положиться на смекалку. Заняв место девушки под длинным,

выбеленным словно слоновою костью стволом поваленного дерева, я, осмотрев местность, вынул из кармана завернутый в несколько слоев полиэтилена кусок протухшего мяса, лелеемый от самого лагеря «туристов». Развернув пленку, я нарезал расплывшийся ломоть оленины на три части, броском отправил тушлятину как раз меж ферм треноги и снова затаился. В тайге такой закон: если есть люди, то обязательно где-то рядом бродят медведи. Шум и общая суматоха пугают этих обычно наглых зверей, но перед запахом падали и отходов они устоять не могут, оружия они не боятся.

Ждать пришлось недолго, и через час у треноги появился неряшливого вида мишка, весь в клочках рыжей свалявшейся шерсти. Не в силах сдвинуть конструкцию с первого раза, зверь после нескольких неудачных попыток разозлился и со всей дури саданул по прибору лапой. Американский патруль появился через двадцать минут и сразу же открыл по медведю огонь. Испугавшись, мишка дал деру. Пули чиркали по веткам деревьев не причинив зверю видимого вреда. Амеры долго стояли возле скособолившейся треноги, вызвали по радиации техников. Те прибыли спустя еще полчаса и, переругиваясь с патрульными, установили прибор заново. Один особенно въедливый белокрысы и склонный к полноте патрульный, поведя носом, обнаружил кусок падали и объяснил старшему наряда, что собственно привлекло медведя. Но последствий это не возымело, американцы убрались восвояси. Выждав еще час, я достал еще один кусок мяса и опять забросил его между ферм треноги. Медведь появился тут же, словно караулил где-то поблизости. Судя по свалявшейся шерсти и виляющей походке, зверь был болен или, может быть, ранен, но давно. Учув мяско, он опять подступил к датчику и попытался запустить лапу меж фермами треноги, но пространства не хватало и, с досадой рыкнув, мишка принялся рыть подкоп. Так продолжалось следующие полчаса, пока те же самые патрульные не явились вновь, предупредив свое появление, как и в прошлый раз, беспорядочной стрельбой. Медведь, все-таки своротив треногу и добравшись до мяска, дал деру, но американцы погнались за ним следом, никого не оставив возле опрокинутого прибора. Вызвав техников, все четверо солдат не дожидаясь ремонтников ринулись по свежему медвежьему следу. Путь в периметр был открыт.

Наученный прошлым опытом, я повел группу точно по следу американского патруля, что помогло нам пройти оставшиеся двенадцать с небольшим километров до делянки необнаруженными. Местность до предела насыщенная вражескими патрулями, сильно затруднила наше продвижение, и на исходный рубеж мы вышли только за пятьдесят минут до условленного срока. Пункт управления, как я и предполагал, оказался тягачом с усиленно бронированным кунгом, на покатоной крыше которого размещалось с десятков штыревых антенн различной длины. В отдалении располагался еще один тягач с силовой установкой, от которого в нескольких направлениях шли полосы свежезакопанных коммуникационных траншей. Трава внутри обнесенного сетчатым забором неровного четырехугольного периметра оказалась добросовестно выжжена на участках размещения техники и трех дозорных вышек. Очевидно, часть материалов забрасывалась воздушным путем, что подчеркивало серьезность, с которой оккупанты взялись за партизан. Машины были плотно прикрыты шестью наземными огневыми точками, обложенными мешками с землей, каждая держала под прицелом секторы тайги, наиболее удобные для внезапного нападения. Воздух стерегли всего лишь три «хамви» со смонтированными на них пусковыми ЗРК. Это говорило о том, что с неба янкесы особых неприятностей не ожидали. На вышках не было людей – с высоты четырех с небольшим метров подходы к пункту управления стерегли спаренные автоматические турели с шестиствольными роторными пушками.

Местность и обстоятельства не позволили нам занять нечто даже отдаленно похожее на возвышенность, поскольку делянка располагалась на дне котловины. Пришлось искать точки, с которых борт машины управления откроется для прямого выстрела. Таких позиций оказалось только две, и расстояние получалось критическим – около ста пятидесяти метров, еще две были спорными, поэтому я дал приказ Сергею и Ирине выбрать своими целями второй тягач и накрытый масксетью стальной поддон с двумя рядами бочек дизельного

топлива. Их позиции оказались на расстоянии восьмидесяти двух метров, что существенно повышало их шансы на успех. Таким образом, если двумя выстрелами уничтожить машину не удастся, можно рассчитывать на то, что получится вывести из строя силовую установку или под прикрытием пожара прорваться в периметр и проникнуть внутрь штабной машины.

Со мной в паре работал Алекс, чей выстрел должен был послужить сигналом для остальных. Раций у нас не было, поскольку большинство имевшихся у «туристов» радиостанций разрядились, а моя была потеряна на болоте. Поэтому план действий и пути отхода мы оговорили заранее, когда буквально за двадцать минут до назначенного срока вышли на рубеж атаки. Снова заморосил холодный дождь, луна скрылась за низко нависшей над головой хмурой тучей, набежавшей с северо-востока. Лагерь американцев осветился приглушенными огнями, чей свет скрадывался накинутыми на машины и стрелковые ячейки масксетями. Турели на вышках мерно проворачивались из стороны в сторону, пробегая по полосе деревьев на границе делянки то гаснущими, то снова вспыхивающими с невероятной яркостью лучами прожекторов. Как я обнаружил, в стрелковых ячейках тоже стояли автоматические турели, люди вообще появились только один или два раза, перебегая от тягача к оборудованному за цистерной с горючим биотуалету. Нас пока не обнаружили: мы передвигались только ползком и на каждом громоздилось по несколько килограммов травы и всякого лесного мусора. К тому же грязь и непрерывный дождь пропитали нас буквально насквозь. Я с силой стискивал зубы, чтобы не стучали, холод, казалось, проник в каждую клеточку организма, превратив его в мокрый кусок грязи. Не думаю, что остальным было лучше, однако никто не жаловался, все с завидным упорством выполняли приказы, за что я еще раз мысленно поблагодарил Леру. Ребята подобрались толковые, схватывающие команды с полунамека, что приятно удивляло, я ожидал много худшего. С разложенной трубой «Таволги» под рукой, готовый в любой момент вскочить, я застыл, не сводя взгляда с циферблата часов, где последние секунды отсчитывали мгновения до назначенного времени «Ч». Перед выходом мы сверили часы, хотя это было в большей степени условностью – ни я, ни Лера не могли знать точного времени, сигналы атомных московских часов замолчали, кажется, навсегда.

...53 секунды – прожектор качнулся влево, столб синевато-белого света прошел ровно над головой, пальцы онемели, стискивая трубу гранатомета... 55 секунд – холодные капли дождя струятся по лицу, скапливаясь в уголках глаз, стекают по заросшему щетиной подбородку и исчезают в выцветшей, а теперь совсем черной траве... 59 секунд – и холм справа метрах в пятнадцати шевелится, скользит параллельно стволу упавшей сосны на короткое мгновение замирает, его силуэт вытягивается, это Алекс ловит в прицел борт тягача... И вот – 0! Вмиг яркая короткая зарница озаряет силуэт напарника, и я уже машинально выполняю заложенные, кажется, целую вечность назад движения: на плечо, совмещение метки прицела с целью... теперь пуск!..

Трассы наших с Алексом гранат идут одна за другой, потом происходят сразу несколько взрывов, слившихся в один. Следом гремят еще несколько разрывов слева и справа в глубине лагеря, и все огни там мгновенно гаснут, однако это уже неважно, поскольку все перекрыл взрыв бочек с горючим, там нашла цель ракета Сергея... или это Ирина... некогда разобраться. Я вскинул ладонь к глазам, заслоняясь от непривычно яркого пламени пожара, и увидел, что в борту командно-штабной машины появилась аккуратная дырка с яблоко величиной, а сквозь закрытые бронешитками иллюминаторы пробивается белесый дым. Видимо, активная защита все же поймала одну из наших гранат, но, как и задумывалось, не смогла справиться с идущей следом. Одной отвлекающей хватило... надо запомнить. Зафиксировав попадание, я очнулся только от хлопка по плечу. Алекс что-то говорил, но из-за гула в ушах я ничего не слышал, поняв лишь жест напарника – «уходим».

Пригнувшись и уже не слишком скрываясь, мы двинули на север, поскольку все южное направление было плотно перекрыто. Бежать стало неожиданно легко, словно и не было этих долгих мыканий по лесам и беспокойных дней, наполненных бесконечной чередой смертей. Потом до меня дошло, что легкость эта пришла оттого, что меня тащат под руки Сергей и

Ирина. Плечо девушки оказалось удивительно твердым, а хватка рук, сильной и уверенной. Веня бежал чуть впереди, его отрывистое дыхание напоминало всхлипы дырявых мехов аккордеона, такое же протяжное и тоскливое. Ему «трубы» не досталось, по моему наказу он негласно берег Ирину, хотя та вроде как обиделась, но это было единственное, чем я мог облегчить свою совесть. Война – не женское дело, женщины слишком страстно отдаются ей, врастают в военный быт глубже нас, мужиков. С этим никогда не могу смириться. Не получается совместить красоту и смерть. Позади слышался только гул пожара и отдаленный шум вертолетных винтов – янкесам шла подмога. Придя в себя, я высвободился из крепких объятий товарищей и смог бежать наравне со всеми.

Так, поддерживая того, кто казался наиболее ослабевшим, мы прошли почти сорок километров на север, в сторону авиабазы. Казалось, этот проклятый клочок земли и я навечно связаны, и если один отдаляется, то другой так или иначе находит способ снова сойтись вместе. На рассвете я скомандовал привал и мы повалились на сырую от росы и прошедшего дождя траву. Оглядев своих новых друзей, я увидел грязные, запятнанные кровью и измазанные копотью фигуры, лежащие вповалку на мокрой, серой, совершенно лишенной цвета траве. Нас наверняка ищут, может быть, в этот самый момент уже идут по следу, может быть, даже через час или два загонят нас, как диких зверей или не чинясь обрушат с небес грады воющей огненной смерти, стерев каждую молекулу наших тел.

Нас уже, может быть, нет, не должно быть вообще, согласно формулам новой военной стратегии. Просто не приняли в расчет и все. Ошибка, как и всегда в истории нашей многострадальной Родины, будет стоять захватчикам их жизней, их собственной земли. Так повелось издревле: можно убить многих, но нельзя покорить или уничтожить всех.

Поднеся дрожащую руку к глазам, отгибаю край рукава куртки и смотрю на часы: семь часов после начала акции... Лера и остальные должны уже быть в безопасности. И нам пора выдвигаться, снова испытать личное военное счастье. Оперевшись на автомат, я сначала поднимаюсь на колено, потом встаю в полный рост. Следом зашевелились и поднялись не подававшие до того признаков жизни усталые и изможденные бойцы новой, еще невиданной войны, которую умные стратеги захватчиков почему-то называют «асимметричной».

– В колонну по одному – становись! – голос мой даже не хрипит, говорю на севших связках, шепотом, но все понимают. – Алекс, ты в «голову», я замыкаю. Направление – северо-северо запад, ориентир – высота 3412, дистанция пять метров. Марш!

...Мы идем тихо, скрадывая звук шагов, стремясь раствориться в серых вечерних сумерках, как это делали наши деды и прадеды. Предстоит много пройти, и еще больше придется вынести и пережить, поскольку у всех нас, как опять же повелось, только одна Победа, одна на всех, и за нее мы уже выразили готовность заплатить самую высокую цену.

Посвящается памяти всех павших в Великой Отечественной войне советских людей. Моему деду и его четверым братьям – воинам Великой войны, победителям. Я помню, я не забуду.

Выражаю благодарность моим друзьям: Д. Орлову и А. Юрчук. Также огромное спасибо моим близким, в особенности сестренке, за неколебимую веру в то, что я могу писать интересные книги.

Благодарю всех моих читателей за терпение, понимание и поддержку в трудные времена. Спасибо, друзья, вы сделали появление этой и предыдущих книг реальностью. Один я бы не справился.

А. К.

Примечания

1 Согласно новым правилам, шесть военных округов (Московский, Ленинградский, Северо-Кавказский, Приволжско-Уральский, Сибирский и Дальневосточный) преобразованы в четыре центра оперативно-стратегического командования: ОСК «Восток», «Запад», «Центр», «Юг».

2 Имеется в виду многоцелевой вертолет Ми-24. Он же Hind (по классификации НАТО), он же «Демон пустыни» (так его прозвали на Ближнем Востоке). В настоящее время выпуск «крокодилов» прекращен, но на вооружении осталось до 3000 единиц, часть подверглась глубокой модернизации.

Ми-24 различных модификаций могут оснащаться системами управляемого и неуправляемого стрелково-пушечного, ракетного и бомбардировочного вооружения, варианты которого определяются решаемыми задачами. Размещаться средства поражения могут на двух пусковых рамах для управляемых ракет: четыре на балочных держателях и две на законцовках крыльев.

3 Имеется в виду укороченный вариант карабина «Сайга» МК-01. Данный карабин по своему устройству – тот же самый «калаш», только с заблокированным режимом автоматического огня. Многие частные охранные агентства используют эту модель как основную штатную единицу вооружения групп быстрого реагирования и сопровождения грузов. Фурнитура пластиковая или деревянная. Приклад складной (пластиковый или рамочный, стальной). Магазин коробчатый секторный отъемный, на пять, десять и тридцать патронов (только служебное оружие). Удлиненная газовая камера придает МК внешнее сходство с короткоствольным боевым АК104. В целом надежное и простое оружие под промежуточный и целевой патрон (разница в количестве боевых упоров), позволяющее использовать большинство современных гаджетов (оптику, сошки, тактические фонари и лазерные целеуказатели).

ТТХ: калибр – 7,62 x 39 мм, длина ствола – 336 мм, вес – 3,4 кг (без снаряженного магазина).

4 Антон увидел модификацию линейной плавающей американской боевой машины пехоты «Брэдли» – М2А3 (с усиленным бронированием и более мощным двигателем). Из-за усиленной брони машина лишена возможности форсировать водные преграды.

5 Мина ПТМ-3. Предназначена для минирования местности против танков, самоходных ракетных и артиллерийских установок, бронетранспортеров и автомобилей. Мина устанавливается на грунт только системами дистанционного минирования (ПКМ-1, ВСМ-1, УМЗ), использующими кассеты средств дистанционного минирования. Для мин ПТМ-3 используется кассета КПТМ-3. Мина по взрывовесовым данным довольно слабая. Лучший результат получается, когда мина взрывается под днищем танка. В этом случае экипаж получает тяжелую контузию или гибнет от высокого давления, развивающегося в боевом отделении танка при проникновении туда кумулятивной струи. Могут быть выведены из строя системы танка, может возникнуть пожар.

6 Без необходимости уснащать текст диалогами на иностранных языках не буду, все разговоры будут излагаться только по-русски.

7 Артуха – жаргонное прозвище всех артиллеристов в советской и российской армии.

8 Антон описывает действие так называемого боеприпаса объемно-детонирующего взрыва. В книге мной додуман вариант применения таких боеприпасов с учетом перспективы, поскольку все открытые источники на данную тему содержат устаревшие сведения. Вот все, что известно на данный момент:

Этот вид оружия может эффективно применяться как против личного состава вне укрытий, так и против вооружений и боевой техники, укрепленных районов и индивидуальных укрытий, а также для создания проходов в минных полях, расчистки посадочных площадок для вертолетов, уничтожения узлов связи и нейтрализации опорных пунктов при уличных боях в черте города. Объемно-детонирующие боеприпасы также способны полностью уничтожить растительность и сельскохозяйственные посевы на определенной территории. По своей поражающей способности они сравнимы с ядерными

боеприпасами малой мощности.

При одновременном использовании большого числа таких боеприпасов, как и любых других фугасных зарядов, разрушения могут быть весьма значительными. При подрыве нескольких объемно-детонирующих головных частей происходит наложение ударной волны с соответствующим усилением мощности. Эффект такого оружия также усиливается в зданиях и другом закрытом пространстве; по мощности оно в 12 – 16 раз превышает обычные взрывчатые вещества при применении по объектам с большой площадью поверхности, таким как каркасные здания, блиндажи и транспортные ангары.

В силу большой площади поражения объемно-детонирующие боеприпасы изначально обладают неизбирательным характером (в особенности при использовании в населенных районах или рядом с ними). Поскольку это оружие особенно эффективно против личного состава в инженерных сооружениях, блиндажах и других зданиях, российские войска могут оказаться перед соблазном применить его в тех населенных пунктах, где у боевиков оборудованы мощные оборонительные позиции. В городских условиях российским военным не удастся ограничить область воздействия этого вида оружия только комбатантами, при этом мирное население вряд ли сможет укрыться от его поражающих факторов.

Принцип действия объемно-детонирующих боеприпасов:

Обычно боеприпас состоит из контейнера с реагентом и двух независимых зарядов взрывчатого вещества. После сброса или выстрела боеприпаса первый заряд раскрывает контейнер на определенной высоте, распыляя реагент в облако, которое смешивается с атмосферным кислородом (размер облака зависит от количества реагента). Эта смесь затем обволакивает объекты и проникает в сооружения. В этот момент происходит подрыв смеси вторым зарядом, в результате чего образуется мощная ударная волна. Ударная волна разрушает неукрепленные здания и оборудование и поражает личный состав. Воздействие на людей усиливается в одиночных окопах или в индивидуальных средствах защиты, а также в закрытом пространстве, как то: в горных пещерах, зданиях и блиндажах.

Впервые объемно-детонирующие боеприпасы были разработаны и применены США во Вьетнаме. Советские ученые, со своей стороны, в короткие сроки создали свое аналогичное оружие, применявшееся во время пограничного конфликта с Китаем в 1969 г., а также в Афганистане. В настоящее время российская армия располагает широким арсеналом объемно-детонирующих боеприпасов третьего поколения.

В дополнение к «классическим» вакуумным бомбам в СССР были разработаны и другие боеприпасы «повышенной мощности», в частности на основе порошковых и жидких реагентов. Действие обоих этих видов боеприпасов основано на распылении реагента в атмосфере до завершения процесса взрыва. Разрушения и поражение живой силы обеспечиваются ударной волной. В качестве твердого реагента используется порошок из смеси алюминия с нитроцеллюлозой. В другом случае применяется суспензия из твердого взрывчатого вещества и легковоспламеняющейся жидкости.

Поражающие факторы:

Поражающее воздействие фугасных боеприпасов оказывается ударной волной, летящими обломками или обрушением зданий, а также в результате отбрасывания ударной волной людей на землю, оборудование, постройки и другие стационарные объекты.

Вот мнения военных специалистов стран, где данный вид ОМП получил наибольшее распространение.

Выдержка из рассекреченного исследования научно-технического отдела ЦРУ США:
«Воздействие единичного взрыва объемно-детонирующего боеприпаса средней мощности на замкнутые пространства чрезвычайно велико. В точке воспламенения люди сгорают дотла. Находящиеся у периметра с большой долей вероятности получают внутренние (и потому невидимые) повреждения, в том числе разрыв барабанных перепонок и разрушение органов внутреннего уха, сильнейшее сотрясение мозга, разрыв легких и других внутренних органов;

возможна также потеря зрения».

Из заключения специалистов РУМО США за 1993 г.: «...Механизм поражения живых объектов не имеет аналогов и – не слишком приятен... Поражающим фактором является ударная волна, точнее – следующий следом вакуум, он приводит к разрыву легких... Если взрывчатый компонент просто сгорает, не детонируя, жертвы получают тяжелые ожоги и могут также вдохнуть горящее вещество. Поскольку наиболее часто используемые в таких боеприпасах оксид этилена или оксид пропилена высокотоксичны, невзорвавшийся боеприпас будет представлять для личного состава, оказавшегося в его облаке, такую же опасность, как и большинство отравляющих веществ».

Выдержка из рассекреченного отчета инженерно-технического отдела МО ГШ СССР за 1989 г.: «...Ударная волна и перепад давления вызывают минимальные повреждения ткани головного мозга... Пострадавшие после взрыва объемно-детонирующего боеприпаса могут оставаться в сознании, испытывая страдания в течение нескольких секунд или минут, пока не наступает смерть от удушья».

Скажу сразу – «Википедия» считает иначе, не буду спорить с тамошними «знатоками», пусть читатель решает сам, кому верить.

9 Полевая 122-мм дивизионная реактивная система залпового огня (РСЗО) БМ-21 «Град». Предназначена для поражения открытой и укрытой живой силы, небронированной техники и бронетранспортеров в районе сосредоточения артиллерийских и минометных батарей, командных пунктов и других целей.

10 Имеется в виду армейский внедорожник HMMWV. В настоящее время выпускается второе поколение данных автомашин с индексом М-998А2. Базовым является шасси М-1097А2 с полностью алюминиевыми двух- или четырехместной кабиной и открытой платформой, предназначенной для перевозки грузов, боевого расчета из 8 человек или оружия.

11 Имеется в виду модификация для армейских частей, работающих в городах. Это тот же самый М-203, только собранный в модификации как самостоятельное оружие.

12 Вэ-икс (VX) – боевой отравляющий газ нервно-паралитического действия. По физическим свойствам это малолетучая бесцветная жидкость, не имеющая запаха и не замерзающая зимой. В воде растворяется умеренно (5%), в органических растворителях и жирах – хорошо. Заражает открытые водоемы на очень длительный период – до 6 мес. Основное боевое состояние – грубодисперсный аэрозоль. Аэрозоли VX заражают приземные слои воздуха и распространяются по направлению ветра на глубину от 5 до 20 км, поражают живую силу через органы дыхания, открытые участки кожи и обычное армейское обмундирование, а также заражают местность, вооружение и военную технику, открытые водоемы. VX применяется артиллерией, авиацией, а также с помощью химических фугасов. Вооружение и военная техника, зараженные каплями VX, представляют опасность летом в течение 1 – 3 сут., зимой – 30 – 60 сут. Стойкость VX на местности (кожно-резорбтивное действие): летом – от 7 до 15 сут., зимой – на весь период до наступления тепла. Защита от VX: противогаз, общевойсковой защитный комплект, герметизированные объекты боевой техники и убежища. Существуют антидоты, например атропин.

13 Антон имеет в виду тот замалчиваемый сейчас факт, что нынешний российский «триколор» использовали во время Великой Отечественной в качестве знамени предатели-коллаборационисты – участники РОА (Российской освободительной армии) бывшего генерала Власова. Именно поэтому существует компромисс: знамена воинских частей и подразделений по-прежнему красные.

14 Партизанам попался новый общевойсковой бронежилет типа «Забрало». От себя скажу, что «Забрало» при всей своей простоте имеет одно важное преимущество перед штатными американскими системами – отсутствие встроенных подсумоков, давящих своим грузом на шею, мышцы плечевого пояса и позвоночник.

Изделие состоит из грудной и спинной секций, соединенных в плечевой области ворсовыми застежками, а в области пояса – ременно-пряжечным соединением, это позволяет

производить регулировку бронежилета по росту. Секции состоят из внешних чехлов, внутри которых расположены тканевые защитные экраны с наружными карманами для размещения бронеэлементов (два на грудной секции и один на спинной). Грудная секция имеет откидной фартук для защиты паха. На обратной стороне грудной и спинной секций имеются демпферы, обеспечивающие снижение контузионного воздействия. Конструкция демпфера обеспечивает естественную вентиляцию поджилетного пространства. Бронежилет имеет воротник, состоящий из передней и задней части, служащий для защиты шеи от осколков. Соединение указанных частей ворсовыми застежками позволяет регулировать их расположение. Регулировочные узлы бронежилета совместимы с регулировочными узлами жилета транспортного 6Ш92-4, предназначенного для размещения и транспортировки элементов экипировки из состава носимой части боевых комплектов индивидуальной экипировки основных воинских специальностей СВ, ВДВ, морской пехоты ВМФ и т. д.

Бронежилеты, в зависимости от модификации, оснащены быстросменяемыми тканевыми, стальными и (или) органо-керамическими бронепанелями «Гранит-4». Конструкция защитного пакета исключает вероятность рикошетирувания при углах подхода пули 30 – 40 ° от нормали. В бронежилетах предусмотрена защита плеч и шеи военнослужащего. Верх бронежилетов имеет камуфлированную защитную окраску, водоотталкивающую пропитку и не поддерживает горение. Все материалы, из которых выпускаются БЖ, стойки к воздействию агрессивных жидкостей; нетоксичны, негорючи, взрывобезопасны; не раздражают кожу при непосредственном соприкосновении с телом человека. Бронежилеты могут быть использованы во всех климатических зонах и сохраняют свои защитные свойства при температурах от -50 С до +50 С, а также при воздействии влаги. Время непрерывного ношения, не менее: 6Б12-1 – 24 часа, 6Б13 – 5 часов.

15 Варенуха облюбовал для себя, пожалуй, лучший единый пулемет в мире – ручной модернизированный пулемет системы Калашникова, или просто ПКМ. Надежное и безотказное оружие, способное даже с расстрелянным в хлам стволом вполне уверенно работать и поражать живую силу противника. Это личное мнение автора, хотите соглашайтесь, хотите нет. ТТХ: калибр – 7,62 x 54R, вес – 7,5 кг, длина ствола – 645 мм, темп стрельбы – 650 выстр/мин, питание – наборная стальная лента/короб на 100, 200 и 250 патронов.

16 Весло – жаргонное название автомата Калашникова образца 1974 г., т. н. «складного/модернизированного». Созданный под новый малоимпульсный патрон 5,45 x 39 мм, он является гигантским прыжком назад по сравнению с линейкой АК-АКМ. Его достоинства можно перечислить легко: возможность установки оптики, ПББС и меньший вес как самого оружия, так и б/к. Пуля его штатного патрона 7Н6 крайне неустойчива в полете и не пробивает большинство известных средств индивидуальной защиты даже класса ПА. Из-за своих высоких рикошетирующих свойств пуля 7Н6 представляет серьезную опасность для самих владельцев АК74М при ведении боевых действий в городах, лесистой и горно-лесистой местности. Более того, даже при отсутствии бронежилета у пораженного такой пулей противника есть все шансы нанести стреляющему урон и выжить. После ввода советских войск в Афганистан в работу взяли новые доработанные боеприпасы, так уверяют «знатоки». Эти патроны имеют индекс 7Н10, но автор по собственному опыту с уверенностью может сказать, что заметного улучшения не наблюдалось. Данный автомат как индивидуальное оружие пехотинца вполне подойдет необученному и слабо развитому физически новичку, т. к. он достаточно легкий, прост в обращении и обслуживании, а также относительно надежен в сравнении с предшественником – первой версией, – оригинальным АК74. «Весло» существенно проигрывает серии АК-АКМ под 7,62 x 39 мм по боевой эффективности. Все вышесказанное – личное мнение автора.

17 «Винторез» – винтовка снайперская специальная ВСС, создавалась для проведения специальных операций, требующих малозумного оружия. Винтовка разработана ЦНИИточмаш в городе Климовске под руководством Петра Сердюкова. Вместе с винтовкой разработаны специальные боеприпасы с дозвуковой скоростью пули, способные поражать

цели на дальностях до 400 м. Такими боеприпасами стали патроны 9 х 39 мм СП-5 (с обычной пулей) и СП-6 (с бронебойной пулей), созданные на базе гильзы патрона 7,62 х 39 обр. 1943 г. Начальная скорость пуль патронов СП-5 и СП-6 – около 280 м/с, масса пуль – около 16 г. На вооружении ВСС состоит с конца 1980-х годов. Сейчас винтовка ВСС широко используется различными подразделениями специального назначения МВД России. Из достоинств можно отметить высокую мобильность и универсальность (винтовка складывается и собирается за считанные секунды, плюс неплохо работает и с открытого прицела). Недостатки вытекают из достоинств – невысокая кучность боя на дистанции свыше 200 м, невозможность ведения длительного боя из-за частых утыканий пули в секции глушителя из-за загрязнения ствола.

18 РПГ-7 – реактивный противотанковый 40-мм гранатомет. Представляет собой гладкоствольное однозарядное пусковое устройство безоткатного типа, с открытым сзади стволом. Стрельба ведется с плеча, ствол имеет в средней части специальный теплоизолирующий кожух. В задней части ствола расположено сопло для выброса пороховых газов, в передней – рукоятка управления огнем в сборе с ударно-спусковым механизмом и задняя рукоятка для удержания. УСМ с открытым курком, не самовзводный. Гранатомет оснащен открытым прицелом, штатно комплектуется оптическим прицелом ПГО-7 кратностью 2,7х. Сейчас используются немного другие прицелы с разметкой прицельной шкалы под новую номенклатуру боеприпасов.

19 Антон говорит о модификации ПЗРК «Стрела» – ПЗРК «Стрела-2М» (9К32М, SA-7В). Комплекс принят на вооружение в 1970 г. и предназначен для поражения на встречных (догонных) курсах низколетящих целей (самолетов, вертолетов, КР, ДПЛА), действующих со скоростью до 260 (150) м/с.

При тех же массогабаритных характеристиках ПЗРК «Стрела-2М» от своего прототипа отличается автоматизацией процессов захвата цели ТГСН и пуска ЗУР по скоростным воздушным целям при стрельбе вдогон, что облегчило боевую работу, особенно с подвижных объектов; селекцией подвижной цели на фоне неподвижных естественных помех; безошибочным определением ближней границы зоны пуска; увеличением до 260 м/с скорости поражаемых целей при стрельбе на догонных курсах; возможностью обстрела воздушных целей с поршневыми двигателями на встречных курсах, летящих со скоростью до 150 м/с; увеличенной по дальности и высоте зоной поражения реактивных самолетов при стрельбе на догонных курсах. Кроме того, он оснащен ТГСН с улучшенной помехозащищенностью, обеспечивающей обстрел целей на фоне сплошной (слоистой), легкой (перистой) и кучевой облачности менее трех баллов.

20 Противоднищевая мина ТМ-72. Масса мины – 6 кг, заряда ВВ – 2,5 кг. Температурный диапазон эксплуатации – от -40 до +50 С.

Предназначена для минирования местности против танков, самоходных ракетных и артиллерийских установок, бронетранспортеров и транспортных автомобилей. В броне до 100 мм пробивает отверстие диаметром 50 – 60 мм с расстояния 0,25 – 0,5 м, перебивает гусеницы.

Способ установки – на грунт и в грунт вручную, раскладкой с автомобиля. Одна из самых массовых советских мин, отличается крайне капризным механизмом штатного магнитного взрывателя, но благодаря универсальному стакану резьбового гнезда часто используется с контактным взрывателем от мин более раннего выпуска серии 62.

21 ПБ – пистолет бесшумный. Модификация на базе 9-мм пистолета системы Макарова. Серийно выпускается с конца шестидесятых годов прошлого века, до сих пор широко распространен в войсках специального назначения и разведподразделениях обычных МСД (мотострелковых дивизий) ВС РФ. Считается надежным и крайне неприхотливым оружием, хотя возможности боеприпаса на данный момент не отвечают полностью изменившимся условиям современной войны. Если выбор невелик, то ПБ является вполне сносным выходом из положения.

ТТХ: УСМ – двойного действия, калибр: 9х18 мм, вес без патронов – 970 г в сборе с

насадком глушителя, длина – 310 мм в сборе, 170 мм со снятым насадком, длина ствола – 105 мм, емкость магазина – 8 патронов.

22 Карандаш – жаргонное обозначение военнослужащего. Не имеет значения, свой это или вражеский солдат – в полевой форме все солдаты выглядят одинаково, как графитовые карандаши в коробке.

23 Антон говорит про самую лучшую, на взгляд автора, советскую противопехотную мину МОН-50 (мина противопехотная осколочная направленного поражения, управляемая). Предназначена для выведения из строя личного состава противника. Поражение человеку (или несколькими одновременно) при взрыве мины наносится готовыми убийными элементами (шарики или ролики), вылетающими в направлении противника в секторе по горизонту 54 ° на дальность до 50 м. Высота сектора поражения – от 15 см до 4 м на предельной дальности. Взрыв производится оператором с пульта управления при появлении противника в секторе поражения или же при задевании солдата противника за обрывной датчик взрывателя МВЭ-72, или же за натяжной датчик (проволочку) взрывателя серии МУВ. Сама мина взрывателями не комплектуется, а имеет в верхней части два гнезда с резьбой под запал МД-2 или МД-5М, электродетонатор ЭДП-Р. Таким образом, мина может приводиться в действие одним из двух способов.

24 Варламов описывает устройство управления БПЛА, совмещенное с портативным пунктом управления подразделением ROVER (Remote Operations Video Enhanced Receiver). Это устройство для отображения видео с БПЛА (беспилотный летательный аппарат). Каждый ROVER имеет размер стандартного КПК. Этот приемник предназначен для «ручного» использования и позволяет получать видео напрямую с БПЛА. Силы специальных операций США и Командование пехотных отделений используют ROVER для получения более глобальной картины (по сравнению с той, что они получают с низколетящих мини-БПЛА RQ11-Raven) окружающего района. Чтобы получить сигнал с крупных БПЛА или самолетов, терминалы ROVER имеют встроенную антенну. Оригинальная система ROVER, так же как и текущие версии системы, была разработана и поставлена в вооруженные силы в течение всего 2009 г.

25 Так иногда на жаргоне называют гранату РГД-5 за гладкий, без насечки, корпус. Советская ручная граната РГД-5 относится к противопехотным осколочным ручным гранатам дистанционного действия наступательного типа. Это означает, что она предназначена для поражения личного состава противника осколками корпуса при взрыве. К цели граната доставляется только за счет ее броска рукой. «Дистанционного действия» – означает, что граната взорвется через определенный срок (3,2 – 4,2 сек.) независимо от иных условий после того, как солдат выпустит ее из рук. «Наступательного типа» – означает, что осколки гранаты имеют небольшую массу и летят на дальность меньшую, чем возможная дальность броска. Внешне имеет овальный корпус из тонкой стали. Общий вес гранаты с запалом – 400 г. Заряд ВВ – тротил массой 110 г. Запал гранаты универсальный, подходящий также к гранатам РГ-41, Ф-1, РГ-42. Марка запала УЗРГМ. Размером граната чуть меньше банки со сгущенным молоком. Боевая граната окрашивается в зеленый цвет (от хаки до темно-зеленого). Возможная дальность броска зависит от физических качеств солдата и в среднем составляет 45 – 55 метров. Дальность разлета осколков около 15 – 20 метров.

26 Трассирующие боеприпасы, или в просторечии «трассеры», имеют зеленый цвет пояски пули (не путать с черно-зеленой маркировкой пуль специальных дозвуковых патронов УС).

27 Жаргонизм, так называли сотрудников армейской разведки ГРУ.

28 Контроль – кодовое обозначение блокпостов для вызова на некодированной общей частоте. Обычно по радиации на общей волне вызывают либо по номерам, либо так, если общаются знающие друг друга люди.

29 Антон говорит об отряде специального назначения внутренних войск МВД РФ «Русь». Отряд сформирован на базе одной из воинских частей Отдельной дивизии оперативного назначения внутренних войск (охрана режимных государственных объектов) 1

августа 1994 г. Отряд «Русь» принимал участие в обеих чеченских кампаниях, где его бойцы показали себя очень хорошо, демонстрируя стойкость и мужество. Как и все подразделения ВВ, отряд ориентирован прежде всего на антитеррор и к ведению партизанской войны его бойцы не подготовлены в нужном объеме.

30 Имеется в виду американский тяжелый ударный самолет AC-130H Spectre (на базе транспортного самолета C-130 Hercules). По сути «Спектр» – летающая крепость, созданная для непосредственной поддержки наземных подразделений. Самолет оснащен всем необходимым для борьбы с живой силой противника. На AC-130 установлено тяжелое вооружение с левой стороны фюзеляжа и различное электронное оборудование, включая телевизионные и тепловые системы наведения, современное радиолокационное и навигационное оборудование, в том числе РЛС APN-59B, APQ-133 и AVQ-17 (поисковая), датчики ASD-5 Black Crow и AAD-7, инфракрасные датчики, телекамера ASQ-145, контейнер с аппаратурой РЭБ ALQ-87.

31 Антон говорит о самом современном на данный момент стратегическом бомбардировщике-невидимке B-2 (Northrop B-2 Spirit) – тяжелый малозаметный многоцелевой стратегический бомбардировщик ВВС США, предназначенный для прорыва плотной ПВО и доставки обычного или ядерного оружия. Для обеспечения малозаметности самолета для ПВО используется стелс-технология: покрытие самолета специальными радиопоглощающими материалами, компоновка «летающее крыло», маскировка теплового излучения двигателей и пр. Точное значение ЭПР для B-2 не сообщается; по некоторым оценкам, это величина порядка 0,1 м. B-2 является самым дорогим самолетом в мире. Многие верят в расхожий миф о неэффективности «стелс», однако есть данные, что связка F-117 и B-2 позволила с помощью точечных ракетно-бомбовых ударов преодолеть системы ПВО Ирака и уничтожить основные центры управления войсками, что в конечном итоге дезорганизовало иракские вооруженные силы, исключив полностью организованное сопротивление силам вторжения Коалиции.

32 Склад РАВ – арсенал, где хранятся ракеты и боеприпасы для оснащения самолетно-вертолетного парка базы.

33 На турелях армейских «хамви» стоит, как правило, крупнокалиберный 12,7-мм пулемет Браунинга M2HB-QCB (ствол у основания забран дырчатым кожухом, что обеспечивает пассивное воздушное охлаждение); либо вместо пулемета ставят 40 мм автоматический гранатомет Mk19 мод. 3. Оба изделия входят в комплект каждой бронемашины и могут быть предустановлены обученным стрелком единолично и быстро, без посторонней помощи. Персонаж книги подражает израильтянам: в Армии обороны Израиля гранатомет имеет условное обозначение «Маклар».

34 «Молот и наковальня» – тактический прием групп специального применения. Засада такого типа, как правило, организуется на переправах и в местах сужения рельефа местности (например, выход-выход из горного ущелья). Основная изюминка «М&Н» в том, что внимание противника отвлекается на действие одной из подгрупп нападающих – «молот», в то время как расположенная в тылу атакуемой колонны подгруппа – «наковальня», наносит удар в тыл обороняющимся, оказавшимся принужденными вести бой в полном окружении.

35 Михаил говорит о номинальной разнице калибров отечественных станковых гранатометов АГС и американских Mk-19. Однако это не совсем так: в данном случае есть разница в мощности заряда ВВ гранатометных «выстрелов». В обоих случаях она тождественна.

36 «Бурлаками» иногда называют отряд обеспечения движения (ООД), за скорость движения (пешеходные 2 – 3 км/ч). В него входят: танк с минным тралом, саперное отделение на БТР и саперы-разведчики. ООД двигается впереди колонны, словно таща весь транспорт на буксире, и ведет инженерную разведку и расчистку дороги.

37 Антон имеет ввиду модернизированный американский танк Abrams M1A2SEP. M1A2 в 1992 г. получил независимый тепловизионный панорамный прицел командира, новый прицел наводчика со стабилизацией в двух плоскостях и безопасным для глаз

дальномером, новую командирскую башенку с 8 перископами (вместо 6), тепловизионный прибор наблюдения для механика-водителя, боевую информационно-управляющую систему IVIS. Усиленное бортовое бронирование. Боекомплект – 42 выстрела к орудью.

В 2000 г. по программе модернизации на него поставили независимые прицелы командира и наводчика. Были также введены тепловизионные камеры второго поколения (технология SADA II), установлена система управления войсками FBCB2. Танк получил индекс M1A2SEP. Также было усилено башенное бронирование, введен кондиционер и дополнительная силовая установка. В остальном это тот же самый «абраша», вооружение не подверглось модернизации сколько-нибудь заметно.

38 Контролька – жаргонизм из лексикона спецслужб. Означает какой-либо обычный предмет (горелая спичка, нитка, обрывок оберточной бумаги, обломок ветки и пр.), которым помечается подвижная часть контейнера-тайника, оборудованного в помещении, в лесу или где-либо еще. Не заметивший «контрольки» диверсант обозначает примерное время своего пребывания у контейнера-тайника, что облегчает его поиски.

39 Антон не ошибся, резервистов, как правило, действительно вооружают устаревшим оружием. M16A3, или «flat top» («плоский верх») – американская штурмовая винтовка, подвид M16, поступила на вооружение в 1994 г. От основного образца, M16A2, A3 отличается наличием большего числа пластмассовых деталей и отсутствием интегральной рукоятки для переноски, замененной на универсальное крепление «picatinny», что объясняет ее название. В остальном это та же M16A2 под стандартный промежуточный патрон НАТО 5,56 x 45 мм (M855), с возможностью крепить вспомогательные приспособления (подствольник, тактический фонарь, прицел и т. п.). Более надежна, чем ее предшественники, но не избавлен от недостатков всех M16 – чувствительность к загрязнению и, как следствие, низкая боевая эффективность при длительном использовании, а также стрельбе очередями. В настоящее время с вооружения не снята, хотя о замене и идут упорные слухи.

40 Жаргонизм. «Шаландами» называют грузовики с низкими бортами, по аналогии с рыбацкими лодками. Часто данный термин используют в кодированных радиопереговорах для затруднения расшифровки противником.

41 Имеется в виду американская мина M18A1 «Клеймор» с пластмассовым корпусом и готовыми осколками. Использование готовых осколков при легком корпусе позволяет создать более равномерное и «предсказуемое» осколочное поле и уменьшает потери энергии на разрушение корпуса. Советские инженеры разработали улучшенный вариант M18 – это МОН-50.

Корпус американской мины представляет собой плоскую пластмассовую коробку, изогнутую в двух плоскостях, причем за счет вогнутости передней стенки у МОН-50 рассеивание осколков по вертикали меньше, чем у американского прототипа, а значит – выше плотность потока осколков. Внутри корпуса помещается заряд ВВ (тип С-3, масса вещества – 682 г), а у передней стенки расположен слой осколков общей массой около 1 кг. МОН-50 устанавливается на четырех складных ножках либо крепится на дерево, стену, металлическую трубу.

При установке мина с помощью простейшего «прицела» наводится по оси предполагаемого сектора поражения. Ударная волна, конечно, распространяется и назад, и в стороны, так что мина «опасна» и за пределами сектора, что учитывают при ее установке. Электродетонатор получает сигнал с пульта управления, тогда мина или группа мин становится в руках оператора своеобразным оружием залпового огня. Мины направленного поражения ставят на путях движения противника, прикрывают ими свои позиции, подходы к объектам.

42 M25 – это вроде как американский ответ СВД. Разработана на основе винтовки «Гаранд», бывшей на вооружении американской армии еще в годы Второй Мировой войны. Эта самозарядная винтовка была сначала снята с вооружения, после вьетнамской войны, а уже во время иракской – возвращена в строй. Винтовка оснащена пластиковым ложем и помимо открытого прицела имеет рельсовое крепление под современную оптику. Причиной

«возвращения» явилось недостаточное обеспечение плотности огня прикрытия подразделений уровня «отделение-взвод» снайперами, вооруженными винтовками на основе винтовки «Ремингтон 700» (армейский индекс M24) с продольно-скользящим затвором. «Ремингтон», имея высокую точность боя на дистанциях свыше 500 м, проигрывает по скорости перезарядки китайским клонам советской СВД. А при достаточной выучке и опыте снайпера повстанцев, случается, переигрывают во время дуэлей своих американских визави, имеющих лучшую оптику и более современные целевые боеприпасы.

43 Антон ошибается. SR-25 – это гражданский вариант данной СВ, и глушителем он не снабжается. Ему попала в руки целевая доработанная M1 10 – полноценная армейская винтовка, в настоящее время в небольших количествах поступающая на вооружение разведывательно-диверсионных подразделений американского корпуса морской пехоты, а также подразделений SOCOM и спецназа Центрального разведывательного управления США. Это все тот же AR-15, серьезно доработанный для современных условий и являющийся еще одним «ответом» СВД. Винтовка использует газоотводную автоматику с отводом пороховых газов в тело затворной рамы (система Стонера). Запирание ствола осуществляется поворотом затвора, имеющего семь боевых упоров. Ствольная коробка состоит из двух половин, соединенных поперечными штифтами и выполненными из специального алюминиевого сплава. Ствол винтовки консольно закреплен и не касается цевья, чем обеспечивается стабильность пристрелки. На верхней части ствольной коробки и на цевье выполнены направляющие типа «picatinny rail» для установки прицельных приспособлений и иных аксессуаров. Ударно-спусковой механизм допускает стрельбу только одиночными выстрелами, оптимизирован для точной стрельбы. Штатные прицельные приспособления включают в себя складные мушку и целик, установленные на быстросъемных кронштейнах; диоптрический целик, регулируемый по дальности до 600 м. В дневное время «военные» варианты используются с оптическим прицелом фирмы Leupold переменной кратности 3,5 – 10х. В темное время суток возможно использование различных ночных и инфракрасных прицелов. Все боевые варианты винтовки также комплектуются съемной складной сошкой фирмы «Harris», быстросъемным глушителем звука выстрела, ремнем для переноски и т. п.

44 Тут наши с Антоном пристрастия совпали, боевые возможности ножа существенно ниже конструкционно более агрессивной конструкции кинжала. В бою, который предполагает, что все будет происходить на высокой скорости, кинжал может спасти жизнь там, где нож бесполезен. Все обусловлено способом хвата и количеством режущих поверхностей – кинжал универсален и имеет большую степень свободы при нанесении ударов. «Кей-бар» приобрел популярность как массово изготавливаемый клинок, при всей своей усредненности имеющий довольно высокое качество изготовления, в отличие от советского массового штык-ножа для автоматов Калашникова.

Нож Матинелли – это клон клинка американской морской пехоты времен Второй Мировой. Является самой популярной моделью-прототипом для современных боевых ножей стран НАТО. Изначально был разработан консорциумом фирм по заказу Минобороны США. Создание велось при весомом вкладе компании «Union Cutlery» (позднее переименованной собственно в «KA-BAR»). Инженерами этой фирмы была предложена простая и надежная технология производства кожаных наборных рукоятей. Позднее нож производился разными производителями по заказу морской пехоты и ВМС США. Флотское название – «Navy Mark I», в Корпусе морской пехоты – «USMC Fighting/Utility». Всего было произведено более миллиона таких ножей только «Union Cutlery» (не путать с современной «United Cuttlery» – китайской компанией, производящей подделки под «Кей-бар»), они сделали этих ножей больше всех остальных контракторов, отсюда и совокупное нарицательное название изделия.

45 Нож разведчика стреляющий, образец второй. НРС представляет собой нож с вмонтированным в рукоятку однозарядным стреляющим устройством, которое состоит из отъемного ствола с запирающим устройством на конце и двумя выполненными на стволе запирающими выступами, коробки, ударно-спускового механизма, рычага взвода,

флажкового предохранителя и рычага спуска. Ствол располагается в задней части рукоятки, дульный срез в торце рукоятки прикрыт разрезной резиновой шторкой.

Перекрестье-ограничитель рукоятки имеет с одной стороны прорезь-целик, соответственно, на конце рукоятки имеется пластиковый выступ-мушка. С другой стороны перекрестье имеет отогнутый лепесток с лункой для извлечения стреляной гильзы из патронника после выстрела. Механизм может быть полностью заменен вкладышем, позволяющим использовать только клинок, не нарушая баланса изделия.

Клинок ножа по форме напоминает штык-нож от АКМ, но изготавливается из стали 25Х17Н2БШ и имеет покрытие «черный хром», также от острия идет дополнительная короткая верхняя режущая кромка. На обухе клинка выполнены зубья пилы, позволяющие перепилить металлический прут диаметром до 10 мм. В отличие от первой модификации, НРС-2 по конструкции ближе к кинжалу в его классическом виде. Рукоять ножа выполнена из пластика зеленого (в некоторых опытных экземплярах – коричневого) цвета, с крупным сетчатым рифлением.

46 Антон неверно назвал растение. Это т. н. «водяной орех», или, в простонародье, – чилим. Однолетнее растение с длинным подводным стеблем, на котором расположены нитевидные корни, прикрепляющие растение к грунту.

47 Ирина вооружена модульной винтовкой Remington MSR (Modular Sniper Rifle). Винтовка разработана по заказу американского центра специальных операций SOCOM в 2009 г. и сейчас активно используется в войсках специального применения. Оружие поддержки, каковым является снайперская винтовка в большинстве случаев, часто становится причиной гибели владельца. Длинный ствол оружия, характерная форма прицела – вот основные признаки, по которым противник распознает снайпера. В наставлениях боевиков НВФ четко сказано, что боец в составе группы противника, имеющий оружие, отвечающее этим признакам, должен уничтожаться в первую очередь, любой ценой. Поэтому система MSR создавалась с целью по возможности исключить опознание снайпера по явным внешним атрибутам. Пользователи отмечают высокую надежность и точность изделия в самых различных климатических зонах и при выполнении широкого спектра боевых задач. Единственным минусом системы по-прежнему остается «болтовая» конструкция УСМ.

Снайперская винтовка Remington MSR использует только ручную перезарядку с продольно скользящим поворотным затвором. Боевая личинка затвора имеет три радиальных упора в передней части, при этом сама личинка может быть легко снята с тела затвора и заменена другой, рассчитанной на иной калибр. Стволы винтовки – быстросменные, предлагаются четыре варианта калибров от .308 Винчестер до .338 Лапуа (винтовка Ирины как раз в сборке под этот патрон, отсюда такие повреждения тел жертв), причем в каждом калибре компания предлагает четыре варианта длин стволов (ствол в нашем случае самый короткий – 508 мм, для средних, по современным меркам, дистанций до 1200 м, но боеприпас Лапуа позволяет работать и на большие дистанции с высокой вероятностью поражения ростовой фигуры с первого выстрела). Стволы также могут быть оснащены специальными дульными тормозами, на которые могут устанавливаться быстросъемные глушители звука и вспышки выстрела.

48 РПГ-26 «Аглень» – реактивная 72,5-мм граната. Длина – 770 мм, вес – 2,9 кг, заявленная эффективная дальность стрельбы – 170 м, бронепробиваемость – 440 мм.

Принята на вооружение СА – 1985 г. и постепенно вытеснила с вооружения более старые гранаты РПГ-18 и РПГ-22. Реактивные противотанковые гранаты РПГ-26 до сих пор находятся в производстве и состоят на вооружении российской армии как индивидуальное средство пехотинца для борьбы с бронетехникой и легкими укреплениями, хотя против современных средств активной защиты они неэффективны, как не пробивают и сегменты лобовой брони танков вроде М1А2 или советского Т-85 более чем с сотни метров.

49 РПГ-27 «Таволга» – «рабочая лошадка» нашей армии, на мой взгляд, самая удачная модель одноразового РПГ. Успешно заменяет «Аглень», превосходя его по универсальности

и боевой эффективности как против инженерных сооружений (тандемная БЧ на 105 мм), так и современных образцов бронетехники (БЧ-лидер на 64 мм), хотя он и существенно тяжелее «старшего брата». Реактивная граната двух подвидов калибра 105 и 64 мм, длина – 1135 мм, вес – 8,3 кг, эффективная дальность стрельбы – 140 м, бронепробиваемость – динамическая защита, плюс до 600 мм стальной брони.

Граната РПГ-27 представляет собой реактивный снаряд с тандемной кумулятивной бронебойной боевой частью калибрами 105 мм (основная БЧ) и 64 мм (БЧ-лидер, предназначенная для преодоления динамической защиты) и пороховым реактивным двигателем, полностью отработывающим в стволе одноразового пускового устройства. Стабилизация гранаты на траектории осуществляется при помощи складных стабилизаторов и придаваемого ими гранате осевого вращения. Пусковое устройство представляет из себя трубу-моноблок из стеклопластика. Скорость вылета гранаты из пускового устройства – порядка 120 м/с. С торцов пусковое устройство закрыто разрушаемыми при выстреле резиновыми крышками.